

Министерство науки и высшего
образования Российской Федерации
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Философский факультет

**INITIA:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
(23–24 апреля 2021 г)**

**Материалы XXIII Международной
конференции молодых ученых**

Томск
2021

УДК 30
ББК 60Я43
А43

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Председатель – **А.Б. Ворожцов** проректор по научной и инновационной деятельности НИ ТГУ
Ответственный секретарь конференции – **Ю.Н.Кириленко**, доцент, к.филол.н., НИ ТГУ

Е.В. Сухушина, декан, доцент, НИ ТГУ

Е.А. Аверина, ст.преп., зам.декана по УР ФсФ., НИ ТГУ

В.А. Суровцев, профессор, д.филол.н., НИ ТГУ

В.Н. Сыров, профессор, д.филол.н., НИ ТГУ

А.Ю. Рыкун, профессор, д.социол. н. НИ ТГУ

В.В. Кашпур, доцент, к.соц.н, НИ ТГУ

Н.Н. Зильберман, доцент, к.филол.н., НИ ТГУ

И.В. Черникова, профессор, д.филол.н., НИ ТГУ

A43   INITIA: (23–24
2021 .)   XXIII
/   . . . – Томск, 2021. Мб.
[Электронное издание]. – Систем. требования: процессор x86 с
тактовой частотой 500 МГц и выше; 512 Мб ОЗУ; Windows
XP/7/8; видеокарта SVGA 1280x1024 High Color (32 bit). – Загл. с
экрана.

ISBN 978-5-00189-852-8

Представлены материалы XXIII Международной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы социальных наук», прошедшей 23–24 апреля 2021 г. в Томском государственном университете.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

УДК 30
ББК 60я43

ISBN 978-5-00189-852-8

© Авторы статей, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

<i>Айдос А.</i> Миф в XX веке.....	8
<i>Априсяни А.</i> Анализ биоэтических принципов в крионической технологии	11
<i>Белова Е.Е.</i> Структура чувств метамодернизма: ирония и искренность.....	14
<i>Вяткина А.А.</i> Диахронический характер моды: самопрезентация субъекта сквозь призму повседневности	16
<i>Григорюк А.А.</i> Исторически-философские основания феномена уголовных понятий	18
<i>Гурский Н.М.</i> Парресия как дар	20
<i>Зыонг Тхи Кам Н.</i> Несовершенные обязанности Канта как основа для принятия генной инженерии	23
<i>Изрина С.О.</i> Модель человека «homo androgynous» в современном социокультурном пространстве.....	25
<i>Исаев Э.В., Савикин А.Н.</i> Гуманитарное образование современного инженера: необходимость или излишество	27
<i>Корнеицук А.А.</i> Этика дискурса в эпоху глобализации	29
<i>Крупницкая О.Е.</i> Поведенческая модель «Поколения Z»: специфика формирования.....	31
<i>Кудрин Ю.А.</i> Философская концепция либерализма Исайи Берлина.....	33
<i>Кусеинова А.Ж.</i> Психоаналитическая интерпретация ритуала.....	35
<i>Макаренко М.В.</i> Сетевое общение как условие трансформации коммуникативной культуры: антропологический дискурс.....	37
<i>Макарчук И.Ю.</i> А.И. Солженицын о саморазрушении мира в темпловской лекции.....	39
<i>Маляревич Д.В.</i> Фетишизация вождя.....	42
<i>Моисеев С.В.</i> Теория добродетели в работах Аристотеля и Аласдера Макинтайра	44
<i>Несмиянов В.О., Малюта В.И., Харитоненко Д.И.</i> Расовая антропология – миф А. Розенберга.....	46
<i>Никифоров М.А.</i> Свобода это небытие всех «кроме».....	48
<i>Новикова В.С.</i> Социополитические процессы как исток тишины в музыке.....	50
<i>Потапова Д.Д.</i> Состояние феминизма в современном российском обществе.....	53
<i>Потехина К.И.</i> Русский анархо-монархизм как социофилософский феномен.....	55
<i>Пряничников Н.О.</i> Нарушения сознания как объект исследований в современной философии сознания.....	57
<i>Романова Е.Д.</i> Понятие нравственности в неотрейдиизме Карен Хорни.....	59
<i>Сафроненкова А.С.</i> Модель современного человека через призму экологического сознания.....	61
<i>Сединин Я.А.</i> Пластичность и социальный фантазм как основа нарратива.....	63
<i>Сорокина М.А.</i> Неопределенность как онтологическое поле современной науки и философии	65
<i>Ташкенова Д.Ш.</i> Сравнение концепций «закрытого» и «открытого» обществ Анри Бергсона и Карла Поппера	67
<i>Уктамов Ж.А.</i> угли. Эгоцентризация как один из факторов социального отчуждения	69
<i>Фоменко А.П.</i> Homo utoricus, или еще одна история о том, как постмодернизм выставил субъекта за дверь и протащил его обратно в окно.....	71
<i>Шипицын А.И.</i> Биополитика как механизм коллективной безопасности	74

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

<i>Алябьева Т.Б.</i> Цифровое неравенство и пандемия Covid-19: философский анализ	76
<i>Артюх Е.С.</i> Неклассические теории как альтернатива корреспондентской концепции истины.....	79
<i>Архипов С.А., Сединкин Г.О.</i> Проблемы гуманитаризации технического образования.....	81
<i>Белянин В.С.</i> «Идеальный тип» макса вебера и его значение в социальном познании.....	83
<i>Богодухова Е.Е.</i> Культурное пространство: философский аспект.....	85
<i>Болотнова Е.В.</i> Актуализация онтологии техники как базисного подхода в работе с ней на примере машинно-ориентированной онтологии Леви П. Брайанта	87
<i>Думов А.В.</i> Принципиальные основания философии сложности.....	89
<i>Казарцева А.И.</i> Социокультурный аспект современной космологии.....	91
<i>Козловских С.А.</i> Конфликт интерпретаций конфликта интерпретаций П. Рикера	93
<i>Косолапова Н.И.</i> Информационная революция массмедиа как новая реальность	95
<i>Логиновская Ю.В.</i> Проблема новизны в контексте исследования сознания и творчества.....	97
<i>Минова И.А.</i> Постнеклассическая парадигма научности и ее развитие в XXI веке.....	100
<i>Панова О.Б.</i> Роль философии в становлении постнеклассической парадигмы науки.....	103
<i>Петров П.А.</i> Big data: технологические преимущества и этические проблемы...	106
<i>Петрова А.А.</i> Этическая проблематика использования беспилотного транспорта	108
<i>Романова Е.Д.</i> Так ли гуманен трансгуманизм?.....	111
<i>Севастов К.В.</i> Философские основания конвергентного подхода в образовании как современный ответ на смену культурной парадигмы.....	113
<i>Сенють В.Г.</i> Современный университет как социокультурный институт через призму теории М. Дуглас.....	116
<i>Слюсарева Н.А.</i> Традиционная культура и информационное общество: о важности взаимодействия.....	119
<i>Тунда Е.А.</i> Уроки Алана Тьюринга.....	121
<i>Чернышова О.И.</i> Методологические особенности исследования образа физического «Я» личности в психологии.....	124
<i>Якунина И.В.</i> Парадоксы идентичности и ценности персональных данных в информационном обществе.....	126

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ, ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ЛОГИКА

<i>Айдос А.</i> Мифологическое сознание.....	128
<i>Андрюченко А.С.</i> Отчаяние в экзистенциальной философии Льва Шестова.....	131
<i>Ветус М.А.</i> Принцип полезности И. Бентама и Дж. Милля.....	133
<i>Дмитриев Я.А.</i> Феномен языка Луркоморья.....	135
<i>Дремлюгов Н.Н.</i> Интеллектуальные параллели Ф. де Соссюра и Л. Витгенштейна.....	137
<i>Думов А.В.</i> История рефлексии понятия информации в отечественной философии: исследование П.П. Киршенманна и актуальность его выводов.....	139
<i>Ларина Е.Д.</i> Нарратив как стратегия: философский аспект.....	141
<i>Максимова У.Д.</i> Критика Ф. де Соссюра в русской гуманитарной науке начала XX века.....	144
<i>Меньшикова А.А.</i> Автономия метафизического онтологического направления кантовской традиции в истории философии.....	146

<i>Московец С.А.</i> Проекты преодоления метафизики в философии Юма и Канта....	148
<i>Нанкевич А.А.</i> Категоризация цвета в контексте метафизической парадигмы.....	150
<i>Новикова В.С.</i> Речевое и музыкальное молчание: сходства и различия.....	152
<i>Пименова А.С.</i> Герменевтическая проблематика в переводческой практике.....	155
<i>Хромченко А.С.</i> От трансцендентализма канта до логицизма Фреге: вопрос оснований математики.....	157
<i>Цидзенецкий А.С.</i> Рассел об априорных и апостериорных суждениях (и что об этом думал бы Кант).....	159
<i>Цыган А.Г.</i> Аналитическая философия права.....	161
<i>Чехихина А.Н.</i> Смех vs. постмодернистская ирония: что более востребовано в XX веке?.....	163
<i>Шабалин А.Д.</i> Дискурсивные практики visual culture: что показывают буквы? Деконструкция вавилонской башни 2.0.....	165
<i>Головина Ю.А.</i> Смертная казнь: есть ли проблема?.....	168
<i>Головина Ю.А.</i> Категория «справедливость» в «исследовании о смертной казни» А.Ф. Кистяковского.....	171

SCHOLARLY WRITING AND PRESENTATION

<i>Бачурин Д.Ю.</i> The problem of consciousness in philosophy and psychology.....	173
<i>Дремлюгов Н.Н.</i> Intellectual parallels of F. de Saussure and L. Wittgenstein.....	175
<i>Зыонг Т.К.Н.</i> Kant's moral philosophy in relation to human genetic engineering.....	177
<i>Ижик С.Е.</i> Mobile virtual network operator as part of it ecosystem.....	179
<i>Меньшикова А.А.</i> Multiple tendencies of kantian philosophy development.....	181
<i>Мусеве О.Х.</i> The system of social protection of the older population: a comparison of Kenya and Côte d'Ivoire.....	183
<i>Мухаметшина И.И.</i> Three approaches to the problem of determinism in chapter IX of Aristotle's treatise "On interpretation".....	185
<i>Нгуен М.Ч.</i> Orphans and models for preventing in modern Russia.....	187
<i>Риль Е.С.</i> About crisis in aspect of problem of posthumanism future.....	189
<i>Сотников Я.С.</i> Posthuman future.....	191
<i>Шарофов А.Х.</i> Post-truth: new reality of truth?.....	193

ГУМАНИТАРНАЯ ИНФОРМАТИКА

<i>Антоненко А.И.</i> Тенденции и перспективы развития онлайн-образования.....	195
<i>Бахарева И.А.</i> Феномен избыточного образования и задачи трансформации университетов	198
<i>Верушкин Д.А.</i> Проблемы и перспективы внедрения элементов экономики совместного потребления в современном российском обществе.....	200
<i>Годенов И.С.</i> Разработка веб-сервиса профориентации абитуриентов (на примере программы по международным отношениям ТГУ)	202
<i>Давыдова А.И.</i> Геймификация мобильного приложения для закрепления навыков самоконтроля детей раннего подросткового возраста с диагнозом сахарный диабет первого типа	207
<i>Жигарь А.Н.</i> О процессе цифровизации в сфере управленческого консалтинга...	210
<i>Кожмякина А.А.</i> Разработка фронтенд-части онлайн-платформы для обучения английскому языку	212
<i>Кувшинова А.А.</i> Социальные сети как неотъемлемый элемент коммуникации общества XXI века	216
<i>Лежнина А.В.</i> Разработка мобильного приложения доврачебной помощи при занятии спортивным туризмом	219

<i>Мухортова М.В.</i> Специфика UI-дизайна для медицинских приложений на примере системы для проведения клинического исследования эффективности терапии пациентов с респираторными заболеваниями.....	222
<i>Никифоров М.А.</i> Идентичность новейшей эпохи – онлайн.....	224
<i>Сазанов А.В.</i> Искусственный интеллект: польза или экзистенциальный риск – к проблематике глобальной безопасности	226
<i>Семенюк К.В.</i> Опыт применения гибкой и каскадной моделей в разработке корпоративного мобильного приложения	228
<i>Соколенко Б.В., Полетаев Д.А.</i> Концепция социальной сети «необходимо реагирование».....	230
<i>Тимофеева А.В.</i> Конец человеческой исключительности в оптике научного искусства.....	233
<i>Ярмола Д.А.</i> Информатизация общества как новый этап его развития: трансформация взаимодействия с органами власти.....	235

СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

<i>Алейников С.А.</i> Институт гражданского оружия как проблемное поле в современной социологии.....	238
<i>Михель А.О., Бандеро Я.Е.</i> Специфика процесса трудоустройства студентов системы СПО: позиция основных акторов.....	241
<i>Воронкин М.В.</i> Подготовка кадров организациями среднего профобразования: социологический анализ.....	243
<i>Демкина Е.П.</i> Пандемия Covid-19 в социологическом дискурсе: исследования «новой нормальности».....	245
<i>Дудзик Е.А.</i> Мода как инструмент самоидентификации.....	247
<i>Жеребцова Н.М.</i> Влияние факторов городской среды на формирование образа жизни индивида.....	250
<i>Ким К.Е.</i> Образование как фактор влияния на качество жизни современного студента.....	253
<i>Киселева Е.Е.</i> Проблемы изучения политической активности российского общества.....	256
<i>Клевцов Д.С.</i> Представления студентов о влиянии свободы слова на развитие гражданского общества.....	258
<i>Коварж Г.Ю.</i> Особенности рынка труда взрослого населения и молодых специалистов на территории Томской области	260
<i>Лапенкова Н.В.</i> Падение показателя «качество жизни» как неутешительное последствие пандемии 2020.....	264
<i>Литвякова Л.А.</i> Есть ли в России «новый» средний класс?	267
<i>Машиошина В.В.</i> Социализация подростков в современном обществе	270
<i>Надольская В.И.</i> Теория цивилизационного кодирования: содержание, параметры и перспективы.....	270
<i>Пискунова А.Е.</i> Бесплатная юридическая помощь как фактор повышения правовой культуры граждан на примере Индустриального района города Барнаула....	272
<i>Сажин А.А.</i> Новая «великая миграция» афроамериканцев в США.....	274
<i>Спендер В.В.</i> Необходимость социологических исследований в период нестабильности развития современного общества.....	277
<i>Тарасенко А.А.</i> Модели трудоустройства людей с ментальными особенностями: опыт зарубежных стран.....	279
<i>Фролов В.В.</i> Экономическое планирование на основании социокультурных факторов экономического поведения человека.....	281
<i>Черевкова А.И.</i> Восприятие представителей медицинских династий в профес-	

сиональном сообществе.....	283
<i>Юшкова В.В.</i> Этническая идентичность и толерантность в студенческой среде (на примере ТГУ)	285

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

<i>Алексеева Т.В., Бугров А.В.</i> Архитектура социального жилья в практике жилищного строительства.....	288
<i>Вайхель О.А.</i> Роль дистанционного обучения в формировании синдрома эмоционального выгорания на примере студентов старших курсов философского факультета ТГУ.....	291
<i>Василишин В.А.</i> Проблема созависимости в представлениях родственников наркозависимых.....	293
<i>Вялова В.П.</i> Суицидальное поведение подростков: причины и роль интернет-пространства	296
<i>Диканов А.З.</i> Субъективное восприятие бедности современными подростками на материалах исследования мнения детей.....	299
<i>Ермакова А.В.</i> Социально-демографический портрет студента-первокурсника направления подготовки «Социальная работа» Смоленского государственного университета.....	301
<i>Ерофеев В.А., Михайлина А.В.</i> Социальная работа с людьми с ограниченными возможностями здоровья.....	304
<i>Корон В.О., Бабаян Д.М.</i> Социальное служение молодежи как условие формирования профессиональной компетентности будущих социальных работников... ..	306
<i>Лежнина Е.П.</i> Формирование коммуникативных умений с помощью технологии «управленческие поединки» во внеурочной деятельности школьников, входящих в группу риска.....	309
<i>Мариненко Е.С.</i> Образ материнства в советском плакате.....	312
<i>Маттер Р.В.</i> Доступность спортивных объектов для людей, передвигающихся с помощью инвалидной коляски (на примере г. Талдыкоргана).....	317
<i>Ногина А.О.</i> Кибербуллинг как социальное явление: травля в цифровую эпоху... ..	320
<i>Романюк Г.Д.</i> Социальная инфраструктура – важнейшая составляющая городской среды.....	322
<i>Строганова У.П.</i> Влияние включенности в сетевые субкультуры на коммуникацию подростков.....	325
<i>Упорова П.В.</i> Рынок досуговых услуг для пожилых людей на примере Томской области.....	327
<i>Фаталина В.Н.</i> Современные практики продвижения темы полового воспитания детей и подростков.....	330
<i>Хохолкина А.А.</i> Современное состояние и перспективы развития паллиативной помощи в РФ (на примере Томской области).....	332
<i>Шумаева К.М.</i> Антропология действия в сфере полового просвещения подростков.....	335
<i>Яндакова Е.А.</i> Социальная работа с ЛГБТ-сообществом в Европе.....	337

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

А. Айдос

Научный руководитель: к.ф.н.Ю.С. Осаченко

Национальный Исследовательский

Томский Государственный Университет

Сущность «мифологического сознания» сложный феномен, с точки зрения исследователя скорее полемический, поскольку не имеет одной устоявшейся теоретической концептуализации, очень по-разному интерпретируется в своих ключевых аспектах, вплоть до взаимоисключающих концепций. «Мы будем рассматривать мифологическое сознание в феноменологической перспективе, как не рефлексивный и синкретичный опыт восприятия и переживания сакральных смыслов и ценностей, утверждающих базовые онто-аксиологические тождества» [3.С.89]. Миф – до-теоретическая форма обобщения, со своей конкретно-наглядной образностью, бриколажной логикой и особым ритуально-магическим мышлением. В этой перспективе мифосознание является восприятием окружающей действительности, за счет чего формируется мифологическое мировоззрение.

Если рассматривать историческую динамику воплощения мифосознания в различных эпохах, то наиболее аутентичная форма воплощения мифологического – архаическое мифосознание дописьменных обществ, которое укоренилось еще во времена древности. Оно давало человеку ответы на его первые вопросы. Миф был единственным доступным для человека способом постижения себя и окружающего мира, при этом он базировался на чувствах и вере. Миф передавался из уст в уста, при этом не ставился вопрос об истинности природы мифологического знания, миф не подвергался сомнению. Но с развитием науки, миф утратил свою былую силу. Вот что по этому поводу говорил К. Ясперс: «Мифологической эпохе с ее спокойной устойчивостью пришел конец. <...> Началась борьба рациональности и рационально проверенного опыта против мифа (логоса против мифа) <...> Миф же стал материалом для языка, который теперь уже выражал не его исконное содержание, а нечто совсем иное, превратив его в символ. В ходе этого изменения (по существу, тоже мифотворческого), в момент, когда миф, как таковой, уничтожался, шло преобразование мифов, постижение их на большой глубине. Древний мифический мир медленно отступал, сохраняя, однако, благодаря фактической вере в него народных масс свое значение в качестве некоего фона <...>» [4.С.33]. Это время, переход от «мифоса» к «логосу», Ясперс называет «осевым временем».

С появлением философии и низложением мифа, у человека появляются проблемы и вопросы. Вот что по этому поводу пишет М. Мамардашвили: «Миф, ритуал и т.д. отличаются от философии и науки тем, что мир мифа и ритуала есть такой мир, в котором нет непонятого, нет проблем» [2.С.14]. В отличие от мифа, философия и наука вносят в мир некий резонанс. Философский мир – мир полный тайн и вопросов, в свою очередь мифологический мир является открытым и понятным. В нем все имеет смысл, но смысл метафорический. Мамардашвили также говорит о том, что миф является близким человеку, т.к. в нем человек может общаться с незнакомыми существами на равных. Все события мифологического мира, будь то природные или социально-политические явления приписываются определенным мифологическим образам. Приписываются так, что для наблюдателя эти образы являются носителями смысла.

В мифе человек сопоставляет все с собой. К примеру, множественные мифологические существа телесно схожи с человеком, т.е. антропоморфны. Имея схожую с человеком природу, они одновременно отличны от него. Эти существа по мнению Мамардашвили значимы тем, что способны организовывать жизнь человека находящегося в пространстве мифа, с помощью них мифологический человек придает своей жизни определенный смысл, и тем самым соизмеряет ее с самим собой. Мифологическое понимание – есть соизмерение между человеком и тем, что он постигает. К примеру, для жителя античной эпохи молния являлась знаком божественного гнева, говоря об этом он выполнял операцию соизмеримости. «Молния – носитель смысла» [2. С.15]. Таким образом, являясь олицетворением божественной деятельности смысл, который заложен в молнии, соизмерим со способностью понимания человека мифического. Так понимая мифологический мир человек, чувствует себя участником чего-то сакрального, ритуального, соучастником «создания и разрушения миров».

Как было сказано выше миф стал культурным фоном, т.е. растворился в языке. Архаическая мифология в нынешнем культурно-смысловом пространстве существует в виде былин, сказок и т.п. В современной литературе с мифом схоже такое направление как фэнтези. Во многочисленных фантастических произведениях заметно влияние мифа.

Помимо культуры мифологична и сама наука, ведь она сама является частью человеческой культуры. Культуры, которую следуют понимать, как мир смыслов и ценностей. Но не стоит утверждать то, что миф порождает науку, это было бы большим заблуждением. Наука также не побеждает миф. Очевидным является то, что миф предшествовал науке. В том плане, что он был проще для человеческого восприятия. Мифология стала неким базисом, на котором зиждется наука. Вот что поэтому поводу пишет А.Ф. Лосев: «<...> наука не существует без мифа, наука всегда мифологична» [1. С. 20]. Говоря об этом, он упоминает Рене Декарта – основателя новоевропейского рационализма. Который начинает свою философию с сомнения. На своем сомнении Декарт строит и свою собственную мифологию, на своем собственном бессознательном вероучении. «Декарт – мифолог <...>», – отмечает Лосев [1.С.20].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что «борьба» и попытка уничтожения и замены мифа бесполезна. Миф может существовать в любой системе, которая позиционирует себя как немифологическая. В такой системе миф может предстать в виде «продукта сублимации».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лосев А. Ф.* Миф, число, сущность. М.: Мысль, 1994. 992 с.
2. *Мамардашвили М.* Философские чтения. СПб.: Азбука-классика, 2002. 832 с.
3. *Осаченко Ю. С.* Онтология мифа: различение тождества. Томск.: ТМЛ-Пресс, 2010. 248 с.
4. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1997. 527 с.

АНАЛИЗ БИОЭТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ В КРИОНИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ

А. Априяни

Научный руководитель: д.ф.н. В.Н. Сыров
Национальный Исследовательский
Томский Государственный Университет

Технологическая революция породила крионику как способ отсрочить смерть и обрести бессмертие. Как это работает. Впрыскивается жидкость под названием Циропротектор (*cryoprotectant*) в тело человека, который юридически объявлен мертвым, а затем тело охлаждается жидким азотом и хранится в специальной трубке. Несмотря на то, что процесс крионики наносит ущерб организму, крионическая компания четко повторяет, что этот ущерб носит незначительный характер и не оказывает существенного влияния на организм. Этот ущерб можно исправить с помощью нанотехнологий (*nanotechnology*), которые уже существуют или будут найдены в будущем. Процесс начинается от 2 минут до 15 минут после того, как человек официально объявлен мертвым (*clinically death*). Пациентам рекомендуется выбирать ближайшую к крионическому центру больницу, чтобы облегчить персоналу установку системы жизнеобеспечения во время процесса криоконсервации.

Крионика начала быстро развиваться с течением времени, ознаменовавшись появлением новых компаний, занимающихся криоконсервацией, и увеличением числа пациентов и членов, интересующихся крионикой, а также ростом числа ученых и наблюдателей, которые обсуждают эту технологию здравоохранения. Одна из старейших крионических компаний, Alcor, за 49 лет имела 181 пациента и 1338 членов. Успех крионики также соответствует появлению дискуссий в тех областях исследования, одной из которых является биоэтика, которая обсуждает целесообразность и моральность технологий в области здравоохранения и биологии.

Биоэтика определяется как критическое исследование моральных аспектов принятия решений в контексте медицинских и биологических наук. В случае крионики возникают противоречия с основными принципами биоэтики. Первое противоречие связано с принципом уважения автономии (*respect for autonomy*) пациента. Желание того, кто сознательно желает криоконсервации, когда он умирает, - это то, что мы должны уважать. Оно соответствует принципу уважения автономии личности, который требует от нас уважать решения каждого человека и его личную волю. Однако неоспоримое желание автономии может привести к плохим последствиям, если решение принято поспешно и не продумано. Крионика может способствовать самоубийству. Так доктор Томас Дональдсон покончил с собой, когда его осудили за опухоль мозга. Но он сделал это не из-за депрессии, а исходя из убеждения, что крионика даст ему возможность снова жить в будущем. Таким образом крионика может побуждать здоровых людей совершать самоубийства ради предлагаемого будущего.

Следующий конфликт лежит в принципе не-злонамеренности (*non-maleficence*), суть которого в необходимости защищать тех, кто не способен самостоятельно защитить себя. В этом принципе обязательство не причинять вреда другим сильнее, чем делать добро, а различные процедуры, которые, как

утверждается, выполняются без насилия и не причиняют значительного ущерба, являются формой ответственности крионики за избегание насилия. Крионика не имеет намерения причинять вред или вредить кому-либо еще. Но дело в том, что из сотен людей, которые были заморожены, ни один из них не был успешно пробужден в здоровом и безопасном состоянии. Забота о политических проблемах и отсутствие последовательности крионических компаний в сохранении их приверженности защите пациентов от последствий банкротства компаний - самые пугающие вещи. Кроме того, у пациентов с крионикой прогнозируются проблемы, связанные с текущими и будущими социальными нормами. Жизнь не станет более осмысленной, если в будущем рядом не окажется близких. Одиночество и одиночество будут психологическими проблемами, которые воскрешенный должен рассматривать с точки зрения последствий жизни в будущем. Некоторые из этих вещей все еще находятся в противоречии с принципом ненасилия. Тот факт, что крионическая компания не имеет и не дает никаких определенных гарантий относительно этой перспективы, делает возражение еще более актуальным.

Еще один из принципов биоэтики заключается в требовании справедливости (*justice*). Каждый имеет право получить то же самое, в соответствии со своими усилиями, способностями и правами. Более того, каждое существо имеет право на справедливость, чтобы жить, существовать и развиваться в биосфере. Крионика не ограничивает ни одного пациента, который хочет присоединиться к технологии, потому что каждое существо заслуживает того же ради справедливости. Однако в реальности ограничение вытекает из высокой стоимости процедуры, которая может быть достигнута только определенными группами. Кроме того, постоянное использование азота, полученного из природы, окажет влияние на сохранность этих природных ресурсов сегодня. Кроме того, отходы компании от использования химических веществ в процессе криоконсервации будут загрязнять окружающую среду.

На основе констатации данных противоречий можно утверждать, что этическая позиция крионики очень слаба в глазах биоэтики. Наличие сомнений со стороны сообщества и неспособность компании обеспечить уверенность и уверенность в качестве самозащиты для пациентов требует сделать крионику предметом пристального внимания экспертов и критиков. Хотя нельзя отрицать, что крионика дает человечеству хорошие надежды, но, к сожалению, она пока не готова столкнуться с другими факторами. Этот конфликт не прекратится до тех пор, пока крионика не сможет доказать свою эффективность. Поэтому решение заключается в том, что крионическая компания должна предоставить гарантию и страховку для пациентов и окружающей среды вокруг своих офисов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Budiyanti R.T.* Teknologi Cryonics dalam Perspektif Etika dan Hukum. CDK – 243. 43 (8). 2016. pp. 626-629.
2. *Lafontaine C.* The Postmortal Condition: From the Biomedical Deconstruction of Death to the Extension of Longevity. *Science as Culture*. 18(3). 2009. pp. 297–312.
3. *Shanbhag VL.* Assessment of ethical aspects of cryonics: An emerging technology. *J Sci Soc*;44:63, 2017. P. 6.

4. *Lemler J., Harris SB., Platt C., Huffman TM.* The arrest of biological time as a bridge to engineered negligible senescence. *Ann NY Acad Sci* ;1019 (1). 2004. pp. 559–563.
5. *Gunawan K.D.H.* ‘Kajian Aksiologi Terhadap Teknik Cryonics Sebagai Solusi Menuju Kehidupan kedua. *Jurnal Filsafat Indonesia.* 1(1). 2014. pp. 1–7.
6. *Beauchamp TL., Childress JF.* *Principles of Biomedical Ethics.* 5th ed. Oxford: Oxford University Press, 2001.
7. *LaBouff J.P.* “He wants to do what?” Cryonics: issues in questionable medicine and self-determination. *Santa Clara computer and hightechnology law journal.* 8(2). 1992. pp.469– 498.
8. *Cohen C.* Bioethicists must rethink the concept of death: The idea of brain death is not appropriate for cryopreservation. *Clinics (Sao Paulo).* 67:93. 2012. P. 4.
9. *Minerva F.* *The Ethics of Cryonics.* Switzerland. 2018. pp. 7–12.
10. *Shaw D. M.* Cryoethics: seeking life after death. *Bioethics.* 23 (9). 2009. pp. 515–521.
11. *Cron R.* *Is Cryonics an Ethical Means of Life Extension?* University of Exeter. 2014. PP. 1–29.

СТРУКТУРА ЧУВСТВ МЕТАМОДЕРНИЗМА: ИРОНИЯ И ИСКРЕННОСТЬ

Е.Е. Белова

Научный руководитель: к.ф.н. Е.В. Агафонова
*Национальный Исследовательский
Томский Государственный Университет*

В современном искусстве наблюдаются тенденции перехода от эпохи постмодерна к тому, что называют критики искусства «постпостмодерном», иначе «метамодерном». Метамодернизм – это некий, раскачивающийся между культурно чувственными регистрами маятник, который никогда не статичен. По-другому – это осцилляция между искренностью модерна и иронией постмодерна. Важно понимать, что концептуализация метамодернизма, хоть и принимает в ряд некоторые явления, которые можно считать общественными движениями, не является таковыми, а также не есть философия, манифест или стилистический регистр. Одним из ключевых понятий метамодернизма является понятие структуры чувств. Именно через данное понятие Реймонд Уильямс дал характеристику метамодернизму. Он писал: *«Структура чувства глубоко укоренена в нашу жизнь... постичь ее как опыт, которым можно обмениваться, можно, по всей видимости, только через искусство, в чем как раз и заключается его значимость»* [1.С.53]. Проще говоря, структура чувств присуща каждому из нас, она представляет собой восприятие или эмоцию, которую легко осознать, но дать конкретное определение трудно, если вообще возможно.

Метамодернизм, как было сказано выше, есть колебание. Рассмотрим колебания, возникшие между искренностью и иронией. Под иронией понимается специфичность постмодернистского дискурса из-за того, что *«постмодернистский текст реализует множественность смысла и предполагает множественность равноправных интерпретаций»* [3]. Вследствие наличия равноправных интерпретаций возникает ироничное отношение к предмету интерпретации. В противовес этому существует искренность, связанная с аффектом модернизма. *«У Ван Гога это содержание, это первоначальное сырье... должно пониматься попросту как весь предметный мир сельской нищеты, гнетущей деревенской бедности, то есть как весь этот рудиментарный человеческий мир изматывающего крестьянского труда, мир, сведенный к его наиболее грубому, примитивному, маргинализованному и ненадежному состоянию»* [2.С.94]. Это первоначальное сырье, о котором говорит Джеймисон, способствует возникновению аффекта благодаря реалистичному и искреннему отражению деревенской жизни.

Два совершенно противоположных по своей природе понятия, но в концепции метамодерна они не то чтобы сливаются, но взаимодействуют и взаимно дополняют друг друга. Данный феномен четко прослеживается в американских ситкомах конца 1980-х – начала 1990-х годов. Семейные ситкомы того времени строились на сентиментальности и нежности – развязки большинства эпизодов всегда заканчиваются теплыми объятиями и приходом к пониманию между героями. Безусловно ситуационные комедии не могут обойтись без юмора и доли иронии. Так в одном из эпизодов популярного мультипликационного сериала *«Симпсоны»* (1989-...) ирония берет вверх над банальной концовкой. Гомер и Мардж рассказывают детям историю их школьного романа: *«Как только маши-*

на остановится, я собираюсь обнять и поцеловать тебя, и никогда больше не отпускать» – рассказывает Гомер Симпсон, эпизод сменяется, глава семейства целует жену и продолжает: «И никогда больше не отпускал», по канонам серия должна была закончиться так, но она завершается показательной тошнотой их сына Барта. Сентиментальность рассеивается, настроение меняется, становится понятно, что с помощью рвотного рефлекса писатели отразили их видение семейных ситкомов, но доля юмора и иронии вовсе не уничтожила искреннюю историю чувств Гомера и Мардж. «Смысл иронии – тихое отрицание веры в глубину отношений, искренность побуждений, правдивость высказываний, особенно серьезных высказываний...» [4.С.10]. В «Симпсонах» отчетливо видны колебания между иронией и искренностью, так называемый взаимный переход от откровения в насмешку и наоборот, что показывает становление новой метамодернистской парадигмы. Если «Симпсоны» показывают синтез иронии и искренности буквально, то в не менее известном «Сообществе» синтез приобретает форму магического реализма, как пишет Грай С. Растед, то есть «использование анимации создает эстетическое расстояние... в котором устанавливаются истинные эмоциональные взаимосвязи» [1.С.327].

Еще одной структурой чувств метамодернизма является супергибридность. Понятие «супергибридность» представляет собой совершенно новый феномен, который предусматривает использование различных культурных приемов и практик для создания произведения. Йорг Хейзер предлагает дополнить супергибридность понятием «неодновременность», и в таком случае метамодернистские произведения искусства представляются соединением архаики и современности [1.С.155]. Творцы современного искусства в процессе создания произведения активно пользуются такими новейшими технологиями как 3D-принтеры и компьютерные программы, что позволяет представить классические сюжеты и формы в новом свете.

На основании вышеприведенного анализа структуру чувств можно рассматривать как минимум с двух сторон – с одной стороны, как новое соотношение искренности и иронии, с другой – через супергибридность и неодновременность в различных культурных практиках. По моему мнению, рассматривая структуру чувств с каждой из сторон, можно прийти к некоторому заключению о том, что, возможно, именно благодаря супергибридности постмодернистская ирония и модернистская искренность становятся действительным единством в рамках произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван дер Аккер Р. Метамодеpнизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма. М.: РИПОЛ классик, 2019. 494 с.
2. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 808 с.
3. Пономаренко И.Н. Постмодернизм и гипертекст // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2005. №57. С.98–103.
4. Purdy J. For Common Things: Irony, Trust, and Commitment in American Today. New York: Knopf, 1999. 256 с.

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР МОДЫ: САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ СУБЪЕКТА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

А.А. Вяткина

Научный руководитель: к.ф.н. Ю. Н. Кириленко

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Рассмотрением феномена моды занимались многие философы, социологи, такие как, Р. Барт, Й. Хейзинга, Г. Зиммель, Т. Веблен и т. д. Но в рамках данной статьи меня интересуют два исследователя, которые анализировали моду как: 1) «необходимую импровизацию при столкновении с переменами материального мира» [2] (Ж. Липовецки) либо же 2) «универсальную форму, в которой взаимодействуют различные знаки» [1] (Ж. Бодрийяр). Я считаю, что данные концепции носят синхронический характер (абстрактное описание феномена моды как предмета исследования в целом), который, несомненно, может помочь нам понять элементы, связанные с ключевой ролью моды в нашем современном обществе, однако сам этот макроскопический характер, как мне видится, не позволяют раскрыть более глубокие механизмы и элементы моды. С этой точки зрения представляется актуальной задача выявления микроскопического характера моды (как феномена, характеризующегося категорией «здесь-и-сейчас», то есть повседневностью). Цель данной статьи: раскрыть диахронический характер моды, показать его значимость посредством критики двух концепций Ж. Липовецки и Ж. Бодрийяра.

В качестве аргументации выдвинутого мной тезиса выше я приведу следующее. Во-первых, концепция моды Ж. Бодрийяра не подходит для рассмотрения диахронического характера моды, поскольку игнорирует феномен повседневности, а именно то, как мода проявляется в самой динамике общественной жизни, независимо от того, приветствуется ли она массовой индустрией или нет, независимо от того, ведут ли ее агенты себя как эстетические потребители или просто как индивиды, желающие удовлетворить потребность.

Во-вторых, объясняя причину того, почему тезис Ж. Липовецки о том, что мода есть «необходимая импровизация при столкновении с переменами материального мира» нерелевантен в рассмотрении диахронического характера моды, я предлагаю обратиться к доктору философии Лауре Бовоне. Рассматривая повседневный феномен моды, она утверждает, что большинство из нас имеют относительно мало общего с предложениями модельеров, образами высокой моды или покупками прет-а-порте, поскольку она носит синхронический элитарный характер, но для всех нас одежда - это необходимое, но для некоторых - удовольствие, а для некоторых – проблема. Это удовольствие/проблема иногда может найти решение в глянцево-м журнале, но чаще мы принимаем решения, когда открываем наши полные до отказа шкафы. В любом случае мы живем в мире потребления, но то, что многие годы считалось модой – мода, которая каждый год приносит новые предписания, правила, которые временно принимаются всеми, – на самом деле меньше влияет на наше поведение [3].

Таким образом, только обращая внимание на эти повседневные, диахронические решения, мы можем понять связь моды с идентичностью и понять, как мода, либо из-за того, что мы выбираем, либо из-за того, что мы невольно игно-

рируем, является выражением того, что мы есть, и как таковая заслуживает внимания именно в отношении нашей идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 389 с.
2. *Липовецкий Ж.* Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 335 с.
3. *Bovone L.* Fashion, identity, social actor // Fashion and identity: an interdisciplinary approach. Barcelona: Social Trends Institute, 2007.

ИСТОРИЧЕСКИ-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФЕНОМЕНА УГОЛОВНЫХ ПОНЯТИЙ

А.А.Григорюк

Научный руководитель: к.ф.н. И.А.Эннс

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В нашей статье мы постараемся рассмотреть феномен уголовных понятий с точки зрения философии истории, в частности, таких философов, как А.Бердяев и А.Дугин. Известно, что для России данная проблема очень актуальна в связи с сохранившейся с девятнадцатых культурой уголовных понятий, которая от уголовников проникла в очень многие группы населения, в т.ч. школьников. Цель нашей статьи – увидеть данный феномен через призму философии истории вышеназванных авторов, а также описать его трансформации в условиях эпохи постмодерна. Мы должны будем продемонстрировать так же связь нынешнего положения дел в отношении понятий с глубинными принципами русской культуры, тянущимися испокон веков – например, анархизмом и недовольством народа неукорененностью государственной власти в области трансцендентного. Нами будут приведены так же эмпирические примеры из современной нам культуры соответствующих групп населения, где мы постараемся вычленить вышеназванные принципы на конкретном эмпирическом, текстовом материале.

Краткое идейное содержание нашей статьи будет таково, что Россия, по мнению многих философов – враг всего среднего. Белинский говорил, например, что у нас нет среднего слоя литературы, т.н. «беллетристики» [1], Бердяев распространяет этот принцип более широко – на сферу социального устройства, сам образ мысли. Русский, писал он, не любит все среднее и опосредованное, в нем есть «стремление к нездешнему абсолюту» [2]. Вторит ему в своей книге «философия права» Бибахин [3], говоря, что русский человек недоволен нынешней неукорененностью власти в области трансцендентного, божественного права. Таким образом, можно сделать предварительный вывод, что понятия на русской почве столь сильны по той причине, что официальное право не находит у народа поддержки в силу вышеназванных причин. Это связано с более общей проблемой игнорирования современным обществом всего бессознательного и иррационального, про которое уместно сказать, что «если человек не пускает его в дверь, оно входит через окно», примером чего и служит современная российская ситуация.

Теперь обратимся кратко к другому столпу нашего исследования – Александру Дугину. Тот утверждает, что Россия пребывает в состоянии т.н. «археомодерна», когда модерн и традиция попросту накладываются друг на друга, не имея внутреннего соответствия [4]. Одним словом, это означает, что все модернизации – как петровская, так и коммунистическая – были поверхностны и не переделывали полностью архаическое, традиционное сознание русских. С этой точки зрения понятия являются проявлением архаического начала – без труда можно провести параллели четырехкастового устройства тюремного общества с кастами мира традиции, иррациональность, веру в Бога и приметы – с иррациональностью древних обществ. Одним словом, вместо официального закона общество России избрало тот закон, который более отвечает его специфике. Заме-

тим, что подобное причудливое сочетание традиции и модерна порождает странные, эклектические феномены – так, на интернет-сайте «двач», являющемся властителем дум очень большой части современной молодежи, фетишизм в отношении всего западного и современного причудливо сочетается с любовью к уголовным понятиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: [В 13-ти т.]. М.: Акад. наук СССР, 1953–1959.
2. *Бердяев А.Н.* Судьба России. Спб.: Азбука, 2016. 411 с.
3. *Бибихин В.В.* Введение в философию права. М.: ИФ РАН, 2005. 345 с.
4. *Дугин А.Г.* Радикальный субъект и его дубль. М.: Евразийское движение, 2009. 464 с.

ПАРРЕСИЯ КАК ДАР

Н.М. Гурский

Научный руководитель: д.ф.н. Ладов В. А.

Национальный исследовательский Томский государственный университет

М. Фуко рассмотрел паррессию в контексте *игры искренности и истинности, опасности и мужества, критичности и политичности, свободы и долга*. Фигуру *парресиаста* он противопоставил фигурам *пророка, мудреца и наставника*. Мы находим удачной категорию *дара* как интегральную для онтологического контекста паррессии с надеждой на лучшее ее применение в философских изысканиях истины и действительности. Категория *дара*, по нашему разумению, способна осуществить своеобразный смысловой *удар* по привычным канонам философствования, тем самым, смещая внимание искателей истины на некоторые обстоятельства, трудно различимые среди общепринятых стандартов. Они касаются как природы человеческого знания, так и природы власти, явно вытесняющей природу человека на край обитаемой ойкумены. На краю наших надежд, мы усматриваем своеобразный проход в *«царство свободы и справедливости»* и намерены поделиться некоторыми своими соображениями по поводу данности *действительного мира*, проистекающей из способности создавать сообщества уникального образца, где предпосылкой выступает не влечение власти и воля к захвату, но удержание другого и союз с ним с помощью обмена дарами, - обмена без обмана. Притягательность дара парадоксальна – он ничего не дает, в смысле приобретения и накопления, но сияет благодарностью. Сообщество благодарных мы называем подлинно мировым. Дар, в отличие от подарков, уникален тем, что в нем даруется самость дарующего, адресованная самости одаряемого. Самость (свое) словно свет совестливости (моей). Самобытность в дарении и есть свобода. Такая свобода выстраивается по формуле признания и доверия. Дар – исключительный способ вызвать реальное доверие. В нем заявляет себя *самоотверженность* человеческого существа, его готовность устанавливать рискованные отношения – отношения равенства. Риск здесь происходит вследствие разрыва непрерывности влечения индивидуальной жизни и понимания. Разрыв не комфортен. Поэтому дарующий рискует пребывать в зоне конфликта.

Необычность дара в том, что он представляется безвольным для любой потенциальности властной инстанции. Не потенция, а *импотенция* открывает нам реальный мир. Импотенция вовсе не говорит о неспособности, но о способности быть в стороне от потенциальности властного дискурса. Дар смещает «точку сборки» в умах, увлеченных планированием будущего и позволяет увидеть перспективы начинаний иного рода. Первое, на что мы обращаем внимание, - это радикальная критика значений у «общепонятных» слов. Не сильные, заряженные позитивностью и этическим смыслом перспективные значения, начинают доминировать у дарственных слов, но слабые, импотентные, анахроничные и эстетические. Они приходят в блеске вызывающего величия слабых, смеющихся смеяться над одиозностью символов власти. Как то делал Сократ, иронизирующий над богами и ложной мудростью афинян, – Сократ, который вызвал недовольство у Ницше тем, что отвергал символы власти. Когда мы говорим о смене доминанты, то вместе с тем, изменяем и значение слова «домини-

рование», – делаем его домашним и *профанным*, сторонясь любых форм *сакрализации и секуляризации*. Последние представляются противоположностями, но это противоположности одного режима, – на стороне сакрализации речь идет о данности богов, о имуществе, изъятом из свободного пользования людьми; на стороне секуляризации – форма власти гарантирующая ее осуществление по модели сакрального. Две стороны одной медали. Профанное же, деактивирует аппараты власти и возвращает к общему пользованию пространство, ранее захваченное властью. В профанном пространстве любая империя, светского или духовного образца, выдыхается. Оттого то, логика реальной республики человека с ее бесконечномножественными перспективами жизни так пугает и отталкивает людей имперского сознания. Итак, импотенция как предпосылка осмысленной речи. В стороне от жизненных нужд. Здесь расщепляются понятия, тотчас превращаясь в двузначные категории иронического знания. Когда мы узнаем, что правда не правдива, то открываем синтаксис истины. Выводя ее из под власти сакрального и секулярного.

Человеческое существо – это своеобразный агент двух видов реальности, *двойное существо*, сущность которого в перманентном соитии живого чувственного *восприятия и ощущения* мыслимого. Нам представляется уместным различать ощущение и восприятие. Ощущение – это еще не восприятие, но, скорее, чувствование того что воспринимается с другой стороны - сверхчувствования. Отсюда «сумеречный» характер мышления в сравнении с очевидной отчетливостью сознательного восприятия и понимания жизни. Ощущение – это своеобразное прикосновение к живому платонических эйдосов. Оно может становиться все более отчетливым на границе, где обретает мотивацию совестливого поведения. Ассиметрия сознания и совести проявляется в том, что совести ведомы формы сознания, но сознание не знает форм совести, поскольку отображает и репрезентирует только очевидное. На границе сущего (жития) и бытия (мышления) сходятся вместе две властные инстанции, одна из которых *знает*, другая – *ведает* и потому связана с мышечным (мыслью обусловленным) поведением. Индивид, стоящий на границе между Знанием и Властью решает дважды двойную задачу: *знания и воли к жизни, и, кроме того, – совести и авторитарного поведения*. При этом, *властное* начало жизни и *авторитарное* поведение принципиально отличны. Авторитарность порождает непроизводительное действие, которое определяет манеру поведения самого существа жизни. Мышление, начиная с ощущения, настолько близко соприкасается с сущностью живого, что, в конечном счете, обращает потенциальность живого в импотенцию *самобытия* (по исчерпанию комбинаторных возможностей алфавитного знания). Потенциальность живого определяет его причины и цели и тем создает неравенство среди живых. Самобытность же, целосообразна и не нацелена вниманием на внешние цели. Отсюда – равенство живых по смыслу. Мысль как бы *в забвении* схватывает блуждающие в поле потенциальности вещи, и они окукливаются в форму импотенции *вещей-самих-по-себе*. Такие *вещи становятся вещими*, поскольку они обретают способность вещать согласно своей смысловой непроизводительной природе – самости. Метонимия здесь разрывается и в месте разрыва возникает «новая искренность». Так пробуждается дар *парресии* – критического (уравновешивающего) всеречения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фуко, М. Речь и истина. Лекции о парресии (1982–1983). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 384 с.

НЕСОВЕРШЕННЫЕ ОБЯЗАННОСТИ КАНТА КАК ОСНОВА ДЛЯ ПРИНЯТИЯ ГЕННОЙ ИНЖЕНЕРИИ

Зыонг Тхи Кам Ньонг

Научный руководитель: к.ф.н. Ю.Н. Кириленко

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Согласно Канту, человек является рациональным моральным агентом, что означает, что у нас есть способность устанавливать морально оправданные цели, а также выбирать подходящие средства для достижения этих целей. Из этого складывается человеческое достоинство, которое обозначается как наша «внутренняя ценность» [1. С.277]. По Канту, человек гарантирует собственное достоинство посредством выполнения несовершенных обязанностей по стремлению «к собственному совершенству и чужому счастью» [2. С.426]. Это означает, что у каждого есть долг самосовершенствования и обязанность помогать другим, чтобы гарантировать то достоинство, которое он имеет.

Кант, наверное, не представлял себе будущее человека, затронутое появлением генной инженерии. Однако при более внимательном рассмотрении, мы можем увидеть, что взгляды Канта на несовершенную обязанность могут служить основой для поддержки генной инженерии. В этой статье исследуются несовершенные обязанности Канта как возможности для морального обоснования применения генной инженерии.

Обратимся к первой несовершенной обязанности. Кант считает собственное совершенство целью, а также долгом. Кант излагает максимум, согласно которой каждый человек должен развивать «свои душевные и телесные силы так, чтобы они были пригодны для всяких целей, которые могут появиться, не зная при этом, какие из них когда-нибудь станут твоими» [2. С.434]. Эта обязанность – широкая обязанность, основанная на безусловном моральном императиве [2. С.433]. Первая несовершенная обязанность Канта показывает способность человека устанавливать свои собственные цели, которые он считает совместимыми со своими взглядами на моральное обязательство. Согласно Канту, двумя приоритетными способами выполнения обязанностей, связанных с несовершенством, являются развитие понимания и практика нравственной воли. Среди двух методов генной инженерии - редактирования соматических и зародышевых клеток - метод соматических клеток может быть применен в будущем, чтобы помочь людям выполнять наши несовершенные обязанности, так как он может вылечить инвалидность, помочь пациентам вернуть моральную свободу действий, то есть способствовать реализации моральной воли для достижения собственного совершенства. Например, ребенок рождается слепым из-за отсутствия двух копий гена RPE65 от обоих родителей и имеет аутизм. Генная инженерия (CRISPR) способна трансплантировать ген RPE65, в то же время помогая ребенку избавиться от слепоты и симптомов аутизма [3]. Другой пример касается генетических черт, которые когда-то упомянул Кант, таких как сангвинический, меланхолический, холерический и флегматический [3. С.322], которые также могут быть исправлены генной инженерией.

Вторая несовершенная обязанность, на которую указал Кант, – способствовать счастью других, которая следует из того, что так как «наше себялюбие неотделимо от потребности быть также любимым другими, следовательно, мы

делаем себя целью для других, <...> и нас сделать других своей целью, – то счастье других – цель, которая есть в то же время долг» [2. С.435]. Слово «счастье» для Канта – это не просто состояние или эмоция, это цель, а также обязанность моральной силы. Кант указывает на умение, здоровье, богатство, которые считаются основными ценностями, способствующими собственному счастью, а не только счастью других. Но тогда целью является не счастье субъекта, а его нравственность, а счастье – просто средство устранения препятствий на пути к его нравственности. Из-за недостатка умений, здоровья, богатства люди легко впадают в искушение нарушить свой долг [2. С.421]. Эта ситуация похожа на человека, который не способен выполнять свой долг в совершенстве, а значит подобное рассуждение дает обоснованную причину для того, почему генная инженерия может применяться для удаления генов, вызывающих как физические, так и умственные нарушения. В качестве примера можно привести следующее рассуждение. В настоящее время мы видим, что биология депрессии (не социология депрессии) превзошла рак по количественным показателям, и теперь ее можно было назвать болезнью века. Исследователи-генетики опубликовали идентификацию 44 генетических вариантов, тесно связанных с депрессией [5]. Таким образом, все люди несут большее или меньшее количество генетических факторов риска большой депрессии.

В целом несовершенные обязательства Канта дают нам убедительные аргументы в пользу признания полезной роли методов геномной инженерии человека. Однако следует отметить, что приведенные выше аргументы в первую очередь в пользу терапевтической геномной инженерии как для соматических, так и для зародышевых клеток. Редактирование зародышевых клеток с целью улучшения людей все еще является предметом ограничений и возражений, поскольку его неопределенные мутации в будущем могут серьезно повредить человеческое достоинство.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кант И.* Сочинения в шести томах. М.: изд-во «Мысль», 1965. (Философское наследие. Акад. наук СССР. Ин-т философии) Т. 4. Ч. 2. 478 с.
2. *Кант И.* Собрание сочинений в восьми томах. Том 6. М.: Москва: ЧОРО, 1994. 613 с.
3. *Кант И.* Собрание сочинений в восьми томах. Том 7. М.: Москва: ЧОРО, 1994. 495 с.
4. *Unnatural Selection* [Электронный ресурс] // URL: <https://www.netflix.com/ru/title/80208910> (дата обращения: 22.03.2021)
5. *Genes of depression* [Электронный ресурс] // URL: <https://www.nature.com/articles/s41588-018-0090-3> (дата обращения: 22.03.2021)

МОДЕЛЬ ЧЕЛОВЕКА «НОМО ANDROGYNOUS» В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

С.О. Изрина

Научный руководитель: д.ф.н. Л.Д. Бугаева

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
(СПбГУ)

Андрогиния как феномен культуры известна с древнегреческих времен. Описанная в античной мифологии идея активно развивалась в ритуальной и обрядовой традиции (обряды инициации и другие практики, основанные на интересуальных переодеваниях и даже оскоплении/самооскоплении, а также ритуальные оргии, моделирующие изначальное единство)¹. В христианской культуре идея андрогинии абсолютизируется и мыслится как достижение изначального божественного идеала, воплощение которого становится возможным через изменение образа жизни человека: его основными принципами называются соблюдение аскезы, половое воздержание/ сдержанность и умеренность во всех проявлениях животной природы (усмирение инстинктов)². Впоследствии научное рассмотрение идеи андрогинии происходило в религиозно-мистическом, литературно-философском и социально-утопическом контекстах. Как справедливо отметила исследователь Е.Э. Шишлова, постепенно происходила «...реализация, воплощение в жизнь идеи андрогина, как идеи биполярности и целостности женского и мужского» [3.С.248].

XX век стал отправной точкой для формирования нового типа человека, «двуполого» или «бесполого» андрогина, чья гендерная идентичность либо соотносится с признаками противоположного биологического пола, либо является небинарной («третий пол») или же отсутствует вовсе (агендеры). Социальная гендерная структура в ее западном преломлении во многом благодаря деятельности феминизма и постструктурализма претерпела значительные изменения: от жестко детерминированной бинарности до небинарной гендерной системы.

В условиях современной динамично развивающейся социокультурной реальности становится возможной трансформация существующих моделей человека за счет переосмысления и/ или расширения контекстов интерпретации и методологии. Следуя за размышлениями В.П. Филатова, который понимает *модель человека* как «продукт типизации и идеализации», далекий от художественного представления и анализа эмпирической реальности [2.С.125], мы все же предполагаем рост влияния повседневности и непосредственно культуры на формирование модели современного человека. Среди основных моделей человека, сложившихся в рамках социальных наук, принято выделять три наиболее разработанные: *homo economicus* («экономический человек») и *homo sociologicus* («социологический человек») и *homo psychologicus* («психологический человек»). Под экономическим человеком чаще всего подразумевают ориентированного на получение собственного материального блага индивида, который, тем самым, косвенно улучшает жизнь всего общества («рациональный максимизатор

---

¹ Подробнее см. [4. С. 175–179].

² Подробнее см. [1].

полезности» – В.П. Филатов). Социологический человек – человек социальный и социологизированный. Он выстраивает свою жизнь согласно установленным социумом моделям поведения, ориентируясь на общественные ожидания и социальные роли, в надежде заслужить общее признание и одобрение и боясь получить «наказание» за несоответствие («конформист»). Трактовки модели психологического человека множественны и неоднородны. Выделим некоторые общие черты: в центре понимания лежит понятие личности (и, соответственно, различные теории личности), интерес представляет преимущественно имманентная структура личности (например, триада З. Фрейда – Сверх-Я, Эго и Оно).

Мы полагаем, что в современном мире происходит процесс становления новой модели человека – *homo androgynous* («андрогинный человек»), теоретические основания которой складывались на протяжении развития западноевропейской традиции. Андрогинный человек во многом соотносится как с человеком социологическим, так и психологическим. Признаки человека социологического формируются «от противоположного», то есть в борьбе с социальными установками и нормами. Начиная с XX века бинарная гендерная система начинает разрушаться: с одной стороны, благодаря активности феминистского движения, представители которого стремятся переосмыслить роль и изменить статус женщины в обществе, с другой стороны, в результате появления прецедентов «перехода» из одного гендера в другой (трансвестизм – через переодевание, трансгендеризм – посредством хирургического вмешательства и смены биологического пола), а также изучения феномена людей-интерсексов, чьи физиологические особенности включают как мужские, так и женские элементы. Постепенная интеграция представителей небинарного гендера в социокультурное пространство способствует конструированию образа современного человека–андрогина. Модель психологического человека также претерпевает изменения: американский психолог Сандра Бем в конце XX века выдвигает теорию психологических типов личности, одним из которых становится андрогинный психотип. Многие современные исследователи (Л.П. Великанова, Е.Э. Шишлова и др.) отмечают доминирование этого психологического типа среди современной молодежи, что также влияет на представление модели нового человека XXI века. Таким образом, формирующаяся модель андрогинного человека является полиморфной: андрогиния имеет глубокие теоретические основания, связанные с идеей единства и достижения изначальной (божественной) целостности, двуплоти и бесполости; имеет социальные предпосылки (появление небинарного гендера) и психологические проявления (андрогинный психотип личности).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мирошников И.Ю.* Миф об андрогине в христианском гностицизме // Религиоведение. 2009. №3. С. 11–22.
2. *Филатов В.П.* Модели человека в социальных науках // Эпистемология & философия науки. 2012. Т. XXXI. №1. С. 125–140.
3. *Шишлова Е.Э.* Психологическая и философская рефлексия феномена андрогина как «постгендера» // Вестник МГИМО-Университета, № 1 (34), 2014. С. 244–253.
4. *Элиаде М.* Мефистофель и андрогин. СПб.: Алтейя, 1998. 375 с.

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ИНЖЕНЕРА: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ИЗЛИШЕСТВО

Э.В. Исаев, А.Н. Савикин

Научный руководитель: к.ф.н. С.В. Ковыршина

Сибирский государственный индустриальный университет

В современном обществе важными для определения статуса инженера и инженерного труда является степень его творчества, креативности, которая выступает в качестве способности к созданию и конструированию на основе знания новых идей, теорий, технологий товаров и практик деятельности по их воспроизводству. Современному инженеру, начиная со студенческой скамьи, предстоит трудная задача по позиционированию себя в современном технократическом обществе [1]. Исходя из данной ситуации, представляется, что современный специалист должен быть разносторонне развит, при этом подготовка будущих инженеров не должна быть узко ориентированной, специализированной.

Вместе с тем, как отмечает большинство исследователей, пока «нет общего понимания, как быстро менять систему образования под новые экономические условия и как в этой ситуации строить свои жизненные стратегии молодым специалистам» [4]. Каким должен быть инженер будущего общества, какими знаниями он должен обладать? Вопросов много, вариантов решений тоже. Мы, в свою очередь, ведем речь о реализации как личностного, так и компетентностного подходов в высшем образовании.

Для осуществления определенных действий, использования знаний необходимы определенные навыки в разных сферах жизнедеятельности. Принимая во внимание позицию В.Г. Онушкина, Е.И. Огарева о том, что «функциональная грамотность, обеспечивающая успешность деятельности состоит из четырех компонентов: 1) знания общетеоретического, специального и прикладного характера; 2) предметное понимание сути дела; 3) умение выбирать средства, адекватные поставленной цели, и действовать сообразно ее содержанию; 4) навыки умелого быстрого действия». В качестве компонентов грамотности студентов технического вуза вышеназванные авторы обозначили мотивационный, когнитивный, деятельностный и рефлексивный компоненты [6]. Эти компоненты необходимо реализовывать на этапе получения высшего образования. Как правило, они реализуются при помощи гуманитарных дисциплин, что, в свою очередь, вызывает бурные дискуссии.

Противники гуманитаризации образования (несмотря на то, что это тенденция современного образования во всем мире) приводят следующие аргументы [3]:

1) инженерный курс перенасыщен разнообразными математическими, естественными и техническими дисциплинами. Инженер же должен сосредоточиться на постоянной актуализации именно технических, а не гуманитарных знаний;

2) введение в курс обучения гуманитарных наук и философии кажется нецелесообразным, так как интенсивность учебного процесса настолько велика, что студенты страдают из-за нехватки времени для чтения вообще, посещения музеев, театров, но самое главное – не справляются с усвоением специальных, профессиональных дисциплин;

3) в современной культуре труд инженеров сравнивают с работой «механизмов»: машин, автоматов, роботов. Специалисты, работающие над созданием искусственного интеллекта, всерьез обсуждают передачу интеллектуальной деятельности киборгам.

По нашему мнению, проблема искусственного интеллекта, его предельных возможностей решается не только в инженерно-техническом, но и философско-мировоззренческом плане. В этом отношении показательными являются пьеса К. Чапека «R.U.R.» и повесть С. Лема «Непобедимый», когда исследователи одной из планет обнаружили «некросферу» – засилье примитивных роботов, некогда завезенных на планету людьми, вышедших из-под контроля и уничтожающих все живое и мыслящее.

Поэтому появляется возможность говорить о необходимости гуманитарного образования в техническом вузе [2; 5]. Это связано не только с формированием мировоззренческой позиции, культурной составляющей, но и пониманием ответственности за создание нового, в том числе технических устройств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бандурин А.П., Золотухин В.Е., Пшегусова Г.С. О социальной необходимости креативного инженерного труда в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2014. №11. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sotsialnoy-neobhodimosti-kreativnogo-inzhenernogo-truda-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 04.04.2021).
2. Ковырина С.В. Становление самосознания студентов в техническом вузе // Организационно-экономические проблемы повышения эффективности металлургического производства. Материалы I Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Н.А. Ефимова. 1999. С. 152-154.
3. Малькова Т.П., Каплунов В.В. Зачем инженеру нужна философия // Гуманитарный вестник. 2015. №6 (32). [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zachem-inzheneru-nuzhna-filosofiya> (дата обращения: 04.04.2021).
4. Сорокина Н.Д. Социальные перемены и престиж профессии инженера в современном российском обществе // Научный результат. Социология и управление. 2019. №3. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-peremeny-i-prestizh-professii-inzhenera-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve> (дата обращения: 07.04.2021).
5. Фомина Н.Н., Кузьмина О.В. Компетенции современного инженера и гуманитарное образование // Высшее образование в России. 2011. №1. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentsii-sovremenного-inzhenera-i-gumanitarnoe-obrazovanie> (дата обращения: 04.04.2021).
6. Фролова П. И. Формирование функциональной грамотности студентов технического вуза в процессе изучения гуманитарных дисциплин // ОНВ. 2008. №5 (72). [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-funktsionalnoy-gramotnosti-studentov-tehnicheskogo-vuza-v-protsesse-izucheniya-gumanitarnyh-distsiplin> (дата обращения: 04.04.2021).

ЭТИКА ДИСКУРСА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

А. А. Корнешук

Научный руководитель: к.филос.н., доцент В. В. Петров
Новосибирский государственный университет

Современное общество характеризуется стремительным развитием различных информационных технологий, созданием искусственных нейронных сетей и активным их применением во множестве областей человеческой деятельности. В связи с этим возникает ряд важных этических вопросов, требующих детального рассмотрения и дальнейшего решения. Наряду с непрерывным процессом глобализации актуализируется такая этическая концепция как дискурсивная этика.

Прежде чем приступить к рассмотрению дискурсивной этики, необходимо обозначить, что мы будем понимать под «дискурсом». Несмотря на довольно широкий спектр определений понятия «дискурс», в данной работе мы будем рассматривать формулировку К. А. Зуева. «Дискурс – это речемыслительная деятельность, регламентируемая социокультурными кодами (правилами, традициями и ценностями) определенной общественной практики (науки, правосудия, религии, политики, образования, медицины и т.п.), посредством которой люди – в границах данной практики – производят и транслируют свои знания и модели социального опыта, реализуют свои познавательные и/или коммуникативные потребности» [1. С.6]. Этика дискурса была разработана немецким философом Ю. Хабермасом. Основываясь на принципе категорического императива И. Канта, он пытается отыскать объективные и рациональные основания моральной теории. В эпоху глобализации как никогда остро поднимается вопрос коммуникации между национальными сообществами, каждое из которых обладает своей культурой и этносом. Для грамотного регулирования такой коммуникации принимаются нормы международного права, которые, в свою очередь, основываются на общепринятых моральных принципах и нормах. Таким образом, моральные нормы устанавливаются в ходе коммуникативных актов, которые Ю. Хабермас обозначает как «интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется intersубъективным признанием притязаний на значимость» [3. С.91].

Участники того или иного сообщества должны поддерживать моральные нормы легитимностью универсального принципа морали, т.к. «та или иная норма лишь в том случае может претендовать на значимость, если все, для кого она имеет касательство, как участники практического дискурса достигают (или могли бы достичь) согласия в том, что эта норма имеет силу» [3. С.104]. Актуальность принципа универсализма заключается в наличии ярко выраженного проблемного поля, характеризующегося дуализмом человеческой деятельности. К примеру, ученый изобретает какое-либо смертельное оружие, но непосредственного влияния на себе не ощущает. Наблюдается контроль эмоционального поведения.

Довольно часто субъекты имеют крайне противоположные точки зрения на те или иные ситуации. Когда дело касается морально-этических проблем, возникают определенные сложности при их решении. Этика дискурса предпола-

гает использование «перформативной установки» [2. С.32]. Суть заключается в переносе критических ситуаций на некую нейтральную плоскость, рассмотрение которой возможно лишь с позиции стороннего наблюдателя. Принятие перформативной установки ведет к освобождению от собственных установок, позволяет взглянуть на проблемное поле с точки зрения оппонента. Таким образом, в результате коммуникативного акта происходит сближение двух противоположных сторон, включение в процесс взаимного обсуждения, что возможно только посредством диалога.

Этика дискурса, будучи диалогичной, невозможна без наличия непосредственных коммуникативных актов между мыслящими субъектами. Отсутствие же таких коммуникативных актов делает невозможным легитимность принципов морали, что может привести к серьезным последствиям. Таким образом, принцип универсализации и перформативная установка выступают в качестве инструментов решения различных этических конфликтов, создавая дискурсивное поле, в котором будут создаваться соответствующие системы нравственных ценностей, поддерживающихся всеми участниками диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зуев К.А.* Рациональность: дискурсивный подход. М.: РАГС. 2010. 178 с.
2. *Московчук Л.С.* Перспективы этики дискурса в технократическом обществе // *Дискурс*. 2018. № 4(5). С. 29–34.
3. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука. 2000. 379 с.

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ПОКОЛЕНИЯ Z»: СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ

О. Е. Крупницкая

Научный руководитель: к.филос.н., доцент В. В. Петров
Новосибирский государственный университет

«Поколение Z» – первое поколение, модели поведения которого сформировались под воздействием такого феномена современной культуры как «медиа-реальность». Возрастные рамки у представителей данного поколения могут варьироваться, но единым критерием для поколения выступает полная вовлеченность в мир цифровых технологий, являющаяся настолько сильной, что «они живут в реальности, в которой совмещаются несколько миров» [1]. Помимо медиареальности, «доминирующее влияние на формирование ценностей поколения оказывает модель воспитания, принятая в семье, а также такие факторы, как политические, экономические, которые произошли с детьми до 11-12 лет» [2. С.2].

Проблему, на решение которой направлено данное исследование, можно сформулировать следующим образом: с одной стороны, в рамках идеи цикличности У. Штрауса и Н. Хоува, представители «Поколения Z» («постмиллениалы», iGeneration, Gen Z) по поведенческим моделям имеют много общего с так называемым «молчаливым» [3] или «потерянным» поколением, чье рождение пришлось на период с 1923 по 1943, но с другой стороны они прекрасно социализированы в сетевом пространстве цифрового мира, который бесконечно публичен и глобален.

В нашей работе предпринята попытка выявить основные поведенческие характеристики «Поколения Z», что будет способствовать решению обозначенной проблемы.

Представители цифрового поколения отдают предпочтение текстовым сообщениям. Из-за данной привычки многие исследователи делают вывод о том, что у зумеров недостаточно навыков для личного общения, что делает это поколение одиноким. Но такую привычку можно объяснить стремлению зумеров к динамичности. На сообщение проще ответить эмодзи, чем набирать текст, также проще отправить какой-либо стикер, чем долго описывать свою реакцию или состояние по телефонному разговору. Что касается личного общения, то зумеры гораздо чаще обращают внимание именно на характер человека, чем на его внешность. Им важны составляющие личности человека, чем его финансовые возможности. Почему так? Как уже отмечалось выше, «Поколение Z» – дети Интернета. А в интернет-пространстве не важно место работы, зачастую это даже не указывают в профиле. Важны интересы собеседника. Эта онлайн-привычка переносится в реальную жизнь. Поэтому зумеры более открыто смотрят на мир, и для них все предрассудки стираются. Из вышеперечисленного следует, что представители данного поколения являются наиболее непредвзятым поколением в личном общении. Именно эта онлайн-привычка делает «Поколение Z» уникальным среди других поколений и развеивает миф про одиночество.

Что касается семейных ценностей, то бытует мнение, что современная молодежь скорее заведет себе несколько домашних животных, чем родит хотя бы одного ребенка. Частично это верно. В сравнении с предыдущими поколениями,

зумеры, действительно, не торопятся рано обзаводиться потомством, но это связано с тем, что они более осознанно подходят к созданию семьи: так, по результатам социологических опросов ВЦИОМ представители поколения Z ориентируются на модель «Одна семья на всю жизнь». То есть, для зумеров семья важна и они хотят ее заводить, но для начала стремятся уделить больше времени себе и своему самообразованию, своим интересам и хобби: нужно использовать время с пользой, и найти себя – выбрать подходящую работу, приобрести жилье, стабилизировать свою жизнь с финансовой точки зрения. Можно сделать вывод о том, что зумеры, вступая во взрослую жизнь, расставляют свои жизненные приоритеты таким образом, что на первый план выходят: образование, карьера, саморазвитие. Именно это стремление – потратить время на поиск себя и своего места в мире развеивает очередной миф про потерянное поколение. Точно так же некорректно называть «Поколение Z» потерянным и с точки зрения исторически устоявшихся норм, и образцов культурного поведения, и типов социального взаимодействия лишь потому, что его представители ищут альтернативный путь собственного развития. Чтобы понять, каким будет будущее, достаточно взглянуть на зумеров. Они задают основные тенденции для развития. И как раз одна из тенденций – поиск альтернативы. Если кто-то из родителей работает врачом или юристом – это еще не значит, что зумер выберет их путь. То, что этот путь не изучен, еще не делает его плохим. Выбирать другой путь и ходить не по асфальтированной дороге, а пробираться сквозь дебри, и протаптывать собственные тропинки – это в духе зумеров, что делает это поколение уникальным.

Таким образом, основными поведенческими особенностями зумеров являются: во-первых, стремление к динамичности; во-вторых, непредвзятость к собеседнику; в-третьих, осознанное отношение к созданию семьи и, наконец, в-четвертых, поиск себя и собственного пути.

На основе данного исследования можно сделать вывод, что распространенное мнение о том, что «Поколение Z» – «потерянное» поколение, является необоснованным мифом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дети поколения Z и виртуальный мир – понять нельзя запретить* [Электронный ресурс] // URL: <https://rugenations.su/2020/11/19/generation-z-computer-games> (дата обращения 7.04.21)
2. *Кулакова, А.Б.* Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018 №2(42). С. 1–10.
3. *Штраус, У.* Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company, 1991.

ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА ИСАИИ БЕРЛИНА

Ю.А. Кудрин

Научный руководитель: д.ф.н. О. Л. Грановская

Дальневосточный федеральный университет

На сегодняшний день либерализм является одним из популярных идейных направлений в западном обществе [3. С.66]. Соответственно, чтобы осмыслить функционирование общественно-политических институтов в современном социуме, следует раскрыть их идеологический фундамент. В данной работе делается попытка кратко описать основы либеральной концепции Исайи Берлина, имеющей влияние и сегодня.

В своем знаменитом эссе «Две концепции свободы» английский философ Исайя Берлин обосновал свою концепцию либерализма. Он разделил либеральную идеологию на негативную и позитивную концепции свободы. Различие между ними он видел в том, что цель «негативной свободы» заключается в стремлении общества к обузданию власти, а цель «позитивной свободы» заключается в стремлении определенных групп лиц получить власть над обществом в свои руки. Согласно Берлину, на протяжении всей человеческой истории эти части либерализма развивались в разных направлениях, став, в конечном итоге, противоположностями друг другу. Он настороженно относился к «позитивной свободе», считая, что она может стать основой для злоупотреблений властью в политической сфере общества. Например, Берлин считал, что цели у всех индивидов разнообразные, и поэтому невозможно сделать выбор, который являлся бы абсолютно правильным для всего человечества. Разницу между «негативной» и «позитивной» сторонами либерализма он видел в том, что первая сторона учитывает разнообразность целей членов общества и придерживается принципа плюрализма в отношениях между властью и обществом, а вторая сторона либерализма, наоборот, стремится к созданию единого идеала или цели для всего общества, что может идти вразрез с частью общественных настроений и стать потенциальной основой для тоталитарно-авторитарных режимов (здесь Берлин приводил в пример коммунистическую интерпретацию свободы, которая парадоксальным образом трактовала свободу индивидуума как форму коллективного контроля, необходимую для самоопределения всего человечества) [2. С.19].

Здесь можно вспомнить следующее высказывание Берлина об отношениях «негативной» и «позитивной» свобод: «Для меня плюрализм с его требованием определенной доли «негативной» свободы – более истинный и более человеческий идеал, чем цели тех, кто пытается найти в великих авторитарных и подчиненных строгой дисциплине обществах идеал «позитивного» самоосуществления для классов, народов и всего человечества... Плюрализм более человечен, ибо не отнимает у людей (как это делают создатели систем) ради далекого и внутренне противоречивого идеала многое из того, что они считают абсолютно необходимым для своей жизни...» [1. С.20]. Исходя из этого высказывания, можно сделать вывод о том, что Берлин отождествлял так называемую «негативную свободу» с ценностным плюрализмом.

В то же время Исайя Берлин считал необходимым для общества существование определенных общечеловеческих ценностей, считая, что их отсутствие может толкнуть отдельные нации на путь агрессивного национализма и

шовинизма. В частности, он поддерживал унаследованные либерализмом от философии эпохи Просвещения такие ценности, как свобода людей от угнетения и невежества, толерантность, стремление к компромиссу и т.д. Но одновременно он подвергал критике философские концепции Просвещения за их стремление к универсализации человечества и сведению частных интересов отдельного индивида к минимуму. Несмотря на критику отдельных сторон либерализма, Берлин в целом одобрял либеральный принцип построения общества, так как считал, что именно в рамках либерального общества с помощью выбора может реализоваться наибольшее количество форм самореализации (в отличие от других обществ). Одним из главных достоинств либерализма он считал защиту «негативной свободой» человека от вмешательства других в его выбор. Способность выбора Берлин считал основой идеи самосозидания индивида.

В заключение хочется отметить, что концепция Исайи Берлина легла в основу современного либертарианства и экономического либерализма, на которых во многом основаны идеологические платформы Республиканской партии США и Консервативной партии Великобритании. Иными словами, философские Берлина являются одной из идейных основ современного умеренного консервативного движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Берлин И.* Две концепции свободы // Современный либерализм. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. С. 19–43.
2. *Грановская О.Л.* И. Берлин и современная англо-американская политическая философия // Ценности и смыслы. 2015. № 4. С. 15–23.
3. *Рормозер Г.* Кризис либерализма. М.: ИФ РАН, 1996. 289 с.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РИТУАЛА

А. Ж. Кусеинова

Научный руководитель канд. филос. наук Ю. Н. Кириленко
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Актуальность выбранной темы обуславливается тем, что в данном контексте мы сможем рассмотреть сходства и различия невротических церемоний с религиозным ритуалом. Проникнув в происхождение невротических «церемоний», можно было бы рискнуть по аналогии сделать заключение о душевных процессах, связанных с религиозностью. Именно в произведении З. Фрейда «Тотем и табу» особое внимание уделено трактовке ритуала, которая заключается в сравнительном анализе навязчивых действий и религиозных обрядов.

Опираясь на особую интерпретацию религиозно-социальной системы австралийских туземцев, Фрейд в своем произведении «Тотем и табу» описывает их ритуалы следующим образом: «По внешним и внутренним причинам я останавливаю мой выбор для этого сравнения на племенах, выделяемых этнографами как самых диких, несчастных и жалких, а именно на туземцах самого молодого континента – Австралии, сохранившего нам и в своей фауне так много архаического, исчезнувшего в других местах» [2.С.256]. Периодическое жертвоприношение и поедание тотема было частью ритуала австралийских туземцев. На примере индейского племени З. Фрейд показал всю полноту ритуала: «Индейское племя в Калифорнии, почитающее большую хищную птицу, убивает ее при торжественной церемонии один раз в год, после чего ее оплакивают и сохраняют ее кожу с перьями» [1.С.221]. Бедуины же из синайской пустыни, по описанию Фрейда осуществляли жертвоприношение таким образом: «Жертву – верблюда связывали и клали на алтарь из необтесанного камня; предводитель же племени приказывал всем участникам обойти три раза с пением вокруг алтаря, наносил первую рану животному и жадно пил вытекающую кровь, затем вся община бросалась на жертву, отрубала куски вздрагивающего тела и пожирала их сырыми с такой поспешностью, что в короткий промежуток времени, между восходом утренней звезды, которой приносилась эта жертва, и побледнением ее при появлении солнечных лучей, съедалось все жертвенное животное: тело, кости, шкура, мясо и внутренности» [2.С.235].

Особенностью такого жертвоприношения являлось то, что никто не мог отказаться участвовать в таком ритуале, так как племя верило, что такое запрещенное (табуированное) действие могло быть оправдано только всеобщим участием. С помощью оплакивания они снимали с себя ответственность за убийство животного. На примере группы мужчин из Новой Гвинеи, которые связаны с врагами, вождями и покойниками Фрейд показывает нам ритуал искупления и очищения после убийства врага: «На острове возле Новой Гвинеи, мужчины, убившие или принимавшие участие в убийстве врагов, в течение недели скрываются в своих домах. Они избегают всякого общения со своими женами и друзьями, не прикасаются руками к пище и питаются только растительной пищей, приготовленной для них в особой посуде» [2.С.71]. Этим примером Фрейд также хотел показать различия между ритуалом невротика и первобытного человека,

например, при том же нарушении определенных правил: невротик ведет себя при этом альтруистически, а примитивный человек – эгоистически.

Не менее важным моментом при нашем анализе является то, что Фрейд сравнивает дикарей соблюдающих, приписываемые ритуалом запреты с людьми страдающими навязчивостью, так как связь навязчивых запретов (у нервнобольных) с дикарями состоит в том, что эти запрещения также не мотивированы и происхождение их загадочно. Далее описывается привычный образ жизни, который также рассматривается, как ритуал, нарушение которого вызывает тревогу и поиск новых ритуалов. Фрейд объясняет это тем, что смысл ритуальных действий, определяемый самим больным как навязчивости, существует, только для бессознательного уровня психики, а для сознания они непонятны и неприятны. В психоанализе смысл навязчивостей представляется в качестве действий, которые нацелены на погашение переживаемой неосознанной тревоги.

Анализ навязчивых действий, проведенный, Фрейдом дал нам возможность понять их причину. Мы можем сказать, что больной, страдающий навязчивыми действиями, ведет себя так, как будто он бессознательно осознает вину. Также Фрейд упоминает о том, что навязчивыми действиями могут делаться любые действия. Но становится ясно, что человек, страдающий навязчивыми действиями, сам не осознает этого и только благодаря психоаналитической терапии ему удается понять смысл всех этих действий: «Несомненно, у обоих, и у дикарей, и у невротиков, нет такого острого различия между мыслью и действием, как у нас. Но невротик больше всего испытывает задержки в действиях, у него мысль вполне заменила поступок» [З.С.1].

В итоге благодаря этим сравнениям нам удалось определить, что развитие религии построено на подавлении инстинкта, то есть на воздержании от удовлетворения своих стремлений. Следовательно, характер навязчивых действий, можно заметить в религиозном поведении, поэтому исходя из всех примеров, мы можем установить, что навязчивый невроз, является неким первоначальным развитием религии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фрейд З.* Влечения и неврозы. М: Академический проект, 2007. 232 с.
2. *Фрейд З.* Тотем и табу. СПб. Азбука-классика, 2005. 256 с.
3. *Фрейд З.* Навязчивые действия и религиозные обряды. [Электронный ресурс] // URL: <https://freudproject.ru/?p=928> (дата обращения: 10.04.2021).

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН О САМОРАЗРУШЕНИИ МИРА В ТЕМПЛТОНОВСКОЙ ЛЕКЦИИ

И. Ю. Макаrchук

Научный руководитель: д.и.н. М.Д.Северьянов
Сибирский федеральный университет

В 1983 году А.И. Солженицыну за заслуги в укреплении духа перед лицом нравственного кризиса в мире была присуждена «Темплтоновская премия за прогресс в религии» (официальное наименование премии до 2001 года). Указанная премия была учреждена в 1973 году Фондом Темплтона (США), имя лауреата объявляется в Вашингтоне в первых числах марта, а вручается в Лондоне 10 мая (в Бэкингемском дворце) и ее лауреатами в разные годы становились Мать Тереза Калькуттская (1973), Чарльз Тейлор (2007), Далай-лама XIV (2012) и другие. Всего к 2021 году история Темплтоновской премии насчитывает 50 лауреатов: в 1989 и 1990 годах было объявлено по два лауреата.

Объявлявший о присуждении Темплтоновской премии митрополит Феодосий (глава Православной Церкви в США) отметил, что «в наше время, отмеченное нравственной дряблостью, постоянной готовностью идти на сделку со злом, самостью, и, часто, сведением жизни к сомнительным поискам счастья, - он (А. И. Солженицын – И. М.) открыл нам подлинную красоту и глубину человеческой жизни, целиком посвященной этическим и духовным ценностям» [1. С. 713].

А.И. Солженицын в Темплтоновской лекции [1. С.447–456] определяя моральный и нравственный кризис XX века отмечает, что наиболее точной и содержательной характеристикой будет являться то, что: «Люди – забыли – Бога», поскольку мир «весь XX век втягивается в крутящую воронку атеизма и самоуничтожения». Именно указанная характеристика послужила первопричиной таких преступлений века минувшего, как Первая мировая война («применять химические газы – то, что так уже явно за пределами человечества»), Вторая мировая война, а вскоре после – создание и испытание ядерного оружия («... если грянет и над нами опасность – то нас защитит ядерная бомба, а нет – ну тогда пусть сожжется к черту весь мир»). При этом А.И. Солженицын обращается к тезису Ф.М. Достоевского: «Революция непременно должна начинать с атеизма», при этом на основе исторической ретроспективы отмечая важность веры, которая объединяет народ и крепит силу нации.

Писатель указывает, что в череде рассматриваемых событий имеет место не только добровольное саморазрушение мира, но и подневольное разрушение, которое не зависит «ни от государственных политических систем, ни от уровня экономики и культуры, ни от национальных особенностей» [1. С.449].

К добровольному саморазрушению мира можно отнести «организованное, военизированное и злоупорное безбожие», характерное для марксизма. Атеистический мир желает избавиться от религии, уничтожить ее. В качестве примера в лекции приводится «недавняя паутина покушений на Папу Римского». Очевидно, что писатель имел в виду два покушения на известного своими антикоммунистическими взглядами Иоанна Павла II, совершенные 13 мая 1981 г. и 12 мая 1982 г.

Мыслитель обосновано к саморазрушению мира относит и планомерное истребление «самой русской природы»: затопление лесных территорий и населенных пунктов, изменение течения рек, чрезмерная и агрессивная эксплуатация ресурсов и богатств Северного ледовитого океана.

При этом А.И. Солженицын отмечает, что не в материальных благах и вседоступности заключается «человеческое спасение», поскольку человеческое бытие «бесплодно без любви» и «сознания Высшей Силы над собой». Такое положение дел справедливо как для восточных, так и для западных цивилизаций. Выживание всего человечества зависит от каждого конкретного его индивида, а спасение заключено в «каждом отдельном человеческом сердце, в его предпочтении реального Добра и Зла». Таким образом, делается акцент на важности обращения человека не к социальным теориям, которые «обанкротились, покинув нас в тупике», но к внутреннему миру личности и общества. Потенциал развития заложен не в материальном успехе, поскольку он не способен объяснить нашу жизнь, а в поиске «достойного духовного роста». Не стоит забывать, что пребывание на Земле – «лишь промежуточная ступень развития». И даже научная картина мира не обладает гносеологическим потенциалом, присущим Творцу, который «содействует жизни всей планеты».

В завершении отметим пророческий и по-прежнему актуальный вывод А.И. Солженицына о том, что: «сегодня все шире нам видится так, что при самых изощренных политических лабиринтах – петля на человечестве с каждым десятилетием затягивается все туже и безнадежней, и выхода нет никому никуда – ни ядерного, ни политического, ни экономического, ни экологического» [1. С. 454].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Солженицын А.И.* Публицистика: в 3 т. Т. 1: Статьи и речи. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. 720 с.

СЕТЕВОЕ ОБЩЕНИЕ КАК УСЛОВИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС*

М.В. Макаренко

Научный руководитель: д.ф.н Е.В. Золотухина

*Южный Федеральный Университет,
институт философии и социально-политических наук*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90005

Современная действительность уже давно претерпевает ряд изменений, которые известны под эгидой перехода в цифру. Этот процесс начинался уже довольно давно, однако в настоящее время приобретает все большую огласку. Глобальная трансформация охватывает все сферы жизнедеятельности человека, не обходя стороной и область коммуникации. Уже принято говорить об устойчивости виртуальных отношений и новой коммуникативной культуры, которая со стороны может казаться чем-то похожим на бескультурие вообще. «Моральные ценности определяют жизненные установки личности, ее склонности, привычки, характер взаимоотношений с окружающей социальной средой» [4].

Киберпространство, или виртуальная реальность не только упрощают бытийность современного человека, но и активно противостоят ему. Вопрос здесь заключается не столько в феномене зависимости от виртуального мира и технических средств, именуемых *гаджеты*, сколько в трансформации духовности личности и формировании нового типа моральных установок, получивших название *виртуальная мораль*. «Нравственность можно назвать содержательным ядром духовности, ее стержнем» [1. С.150]. Поэтому трансформация нравственных установок сегодня является одной из самых актуальных тем для обсуждения в ряду экзистенциальных проблем.

Киберобщение уже давно стало популярным. Особенно этот тип отношений интересен для молодого поколения. Однако наибольший всплеск активности в сети человечество произвело в тот момент, когда пандемия коронавируса затонула всех врасплох. Но в любом случае для сетевой коммуникации есть и ряд естественных причин: нехватка общения в реальной жизни, застенчивость, желание испытать на себе новые социальные роли и т.п.

Общение – одно из важных средств для единения человека с человеком. Культура коммуникации предполагает ряд требований, правил, которым необходимо неукоснительно следовать как минимум для того, чтобы произвести впечатление грамотного и адекватного человека, но к тому же, верно выбранная позиция в общении обеспечивает фундамент здоровых отношений и отсутствие почвы для конфликтов. Именно поэтому в данном случае традиционная и виртуальная мораль рассматриваются через понятие дискурса. «Выбранные индивидом моральные ценности образуют ценностные ориентации, которые объединяют составляющие нравственного сознания и образуют моральные убеждения человека» [4].

При трансформации культуры общения изменяется и моральность. Выделяя особенности виртуального общения следует понять, что собой представляет и *виртуальная мораль*. Поскольку в рамках сетевой коммуникации наблюдается

размытость этических границ можно заметить некоторые отклонения, что может проявляться в жестокости собеседника. Примером такого отношения может служить киберагрессия, которая показывает, что за простотой и удобством виртуальной коммуникации остается возможность стать жертвой, претерпевающей нападки со стороны как малознакомых пользователей сети Интернет, так и от *виртуальных друзей*. Этот феномен по большей части характерен для молодого поколения, для которого общение в сети – не только средство утоления нехватки внимания и коммуникации, но и средство самоутверждения, самореализации и т.п. Это не значит, что при традиционном живом общении такие явления отсутствуют, но виртуальная анонимность является триггером для открытого наступления и дает возможность вести себя так, как в реальной жизни невозможно себе позволить.

Формами проявления такого поведения можно назвать, например, *кибербуллинг*. Он гораздо опаснее обычного буллинга потому, что укрыться от него практически невозможно. В итоге преследование может стать постоянным. При этом зачастую агрессорам совершенно все равно за что начинать терроризировать жертву: любое проявления непохожести на других или слабости со стороны потенциальной жертвы становится триггером для проявления агрессии.

Таким образом, можно сказать, что киберобщение соединяет в себе некоторые моменты традиционного общения, но добавляет в него сетевые особенности. Онтологический статус виртуальной коммуникации говорит о реальных способах воздействия на собеседника, хотя такое воздействие будет затруднено, поскольку нет прямого контакта между собеседниками. При всем этом стоит отметить, что все-таки активно развивается борьба с антиморальностью в киберпространстве, которое в некоторой степени способно сохранить традиционные гуманистические ценности поскольку виртуальное общение, как и живое, направлено на человека, о чем забывать не стоит. Именно поэтому правила виртуального дискурса и виртуальная мораль в целом не должны противоречить нравственным заповедям человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багаутдинов А.М., Багаутдинов Р.А. Амбивалентность морали как философская проблема: рациональные практики и бытийные трансформации личности // Социальные и гуманитарные знания. 2017. №10. С. 150–153
2. Берсиров Б.М. Нравственность: эволюция понятия и основы вербального поведения // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция политология, культурология. 2013. №3 (124)
3. Бурняшева Л.А., Газгиреева Л.Х. Трансформация духовно-нравственных ценностей молодежи в современном российском обществе: социально-философский аспект // Вестник КалмГУ. 2017. №2 (34)
4. Котова С.А. Изменение традиционных религиозных и моральных ценностей в постиндустриальном обществе // Социально-гуманитарные знания. 2011. №10
5. Мудряков Я.Д., Кленовская В.А. Язык Золотого правила морали в цифровой реальности: поиск реализации в виртуальном диалоге // Социум и власть. 2019. №1

6. *Пивень П.В.* Цифровое рабство или Электронный рай? // Век глобализации. 2018. №4
7. *Сычев А.А.* Модальности моральной ответственности // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2015. №2

ФЕТИШИЗАЦИЯ ВОЖДЯ

Д. В. Маляревич

Научный руководитель: к.ф.н. Е. В. Агафонова

Национальный исследовательский

Томский государственный университет

В авторитарных и тоталитарных обществах ключевой, персонифицируемой фигурой выступает вождь. В зависимости от идеологической составляющей того или иного режима, он может быть назван как «фюрер» в нацистской Германии, «дуче» в фашистской Италии, ну или просто «вождь» во времена сталинизма в СССР. Однако встает справедливый вопрос, о том, как тот или иной человек, не обладающий сверхъестественными способностями, добивается таких политических успехов, становится не просто «голосом» народа, а буквально олицетворяет все население конкретной страны?

Мы опустим в своих рассуждениях политологический момент прихода к власти того или иного диктатора, т.к. это не является нашей ключевой задачей. Стоит сконцентрировать внимание на том феномене «рекламы вождя» и «саморекламы вождя». Т. Адорно писал в своей работе «Исследования авторитарной личности» следующее: «для фашистского фюрера характерна склонность к болтливому заявлениям о собственной персоне» [1.С.312]. Рассмотрим это явление. Немецкий философ выводит несколько «трюков» при помощи, которых вождь (в данном случае фашистский) получает доверие граждан. Например, трюк «Одинокий волк», которым часто пользовались Гитлер и Муссолини, заключался в возвеличивании диктатора, который прошел долгий путь, часто оставался один в своей борьбе за счастье народа.

Данный трюк оказался очень полезным для фашистов, но почему? Для ответа на данный вопрос стоит обратиться к социально-экономическому контексту того времени, а именно к индустриальному этапу развития. Появление монополий, крупных заводов и фабрик, а также появление идеологии индивидуализма способствовало массовому проявления такого феномена как «отчуждение». Т. Адорно пишет, что данный трюк и заключается в попытке «завоевания доверия тех, кто чувствует себя одиноким и обделенным» [1.С.314–315].

Можно сказать, что подобным ораторским приемом, вождь показывает свою близость с народом, что между ними много общего. Это не единственный трюк, к которым прибегают вожди для завоевания своей власти, однако, достаточно показательный. Подобными техниками вождь, по словам Т. Адорно, получает свой авторитет «квазирациональным путем» [1.С.337]. Можно сказать, что данными «трюками» происходит процесс становления легитимности власти Вождя, которая должна быть построена на доверии массы к вождю. Французский философ С. Московичи так писал об этом феномене: «Короче, власть партии над нацией, учителя над классом, вождя над массой осуществляется при том условии, что нация, класс или масса верят в них, не оспаривают их легитимность» [4.С.284].

Следующим ключевым моментом в становлении Вождя будет момент легитимизации власти. С. Московичи, исследуя этот вопрос, утверждал, что проблема доверия – одна из ключевых для установления господствующего режима [4.С.285]. Описанные выше нами приемы получения общественного доверия

как раз делают вождя – легитимной и властной фигурой, происходит становление Вождя.

Однако, чем же вождь отличается от Вождя? Начнем с того, что Вождь наделяется массами, которыми он избран на этот пост, некими «сверхъестественными» способностями. В том плане, что именно он (Вождь) знает, что необходимо массе, он одновременно является и частью этой массы, как в случае с ораторскими приемами, описанными Т. Адорно, так и стоит намного выше этой самой массы. «Общение вождя с народом осуществляется ... с помощью партии, пресловутого «аппарата», который является эманацией вождя и орудием его воли, направленной на угнетение» [3.С.259]. Так А. Камю в своей работе «Бунтующий человек» описал процесс «сакрализации» или «фетишизации» Вождя. Вместе с Вождем, в жизнь общества приходит властная структура, которая производит обезличивание конкретного человека. Наделенная всеми политическими силами, подобная организация начинает приводить в жизнь тоталитарную политику, как это было в случае нацистской Германии.

Однако, зачем же в современном, демократическом мире стоит рассматривать такой феномен как тоталитарный Вождь? Ответом на данный вопрос могут послужить слова С. Московичи: «В современном деспотизме, ... потребность в вожде определяется исключительными обстоятельствами и крайней напряженностью ситуации. Таковы ситуации экономических кризисов с их чередой инфляции, безработицы, нищеты; таковы политические кризисы с их угрозой гражданской войны и краха всей системы...» [2.С.237]. Можно сказать, что ситуация, которая способна спровоцировать появление Вождя в современном обществе – это ситуация кризиса, который может быть и политическим, и экономическим, так и культурным. Современные процессы в социально-экономическом мире дают нам право говорить о скором приходе Вождя. Но есть ли у общества шанс избежать появления подобного явления в ближайшее время? Данный вопрос остается открытым и ждет своего ответа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Адорно Т.* Исследование авторитарной личности. М.: Академия исследований культуры, 2001. 412 с.
2. *Адорно Т., Московичи С.* Падение политики. «Вождь масс». М.: Родина, 2019. 240 с.
3. *Камю А.* Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
4. *Московичи С.* Машина, творящая богов. М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998. 560 с.

ТЕОРИЯ ДОБРОДЕТЕЛИ В РАБОТАХ АРИСТОТЕЛЯ И АЛАСДЕРА МАКИНТАЙРА

С.В. Моисеев

Научный руководитель: д.ф.н В.Н. Сыров

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Данная работа представляет собой анализ двух фундаментальных этических концепций Аристотеля и Аласдера Макинтайра. Одним из первых людей, всерьез заинтересовавшихся общественными проблемами, является античный философ Аристотель. В предмет его размышления попала область, связанная с исследованием такого понятия как «благо»; а также способами стремления к нему. Важнейшим аспектом, который ведет человека к блаженной жизни - выступает следование определенным добродетелям. В дальнейшем мы подробнее рассмотрим природу блага и существующих добродетелей.

С течением времени этические концепции приобретали различные формы, но ключевым моментом оставалась их причастность к наследию античности. Мое внимание будет устремлено к достаточно современному этическому представлению XX века, представленному американским философом Аласдером Макинатайром. Если говорить более подробно, то его концепцию можно обозначить как «концепция этической рациональности». Что же это значит? – Макинтайр как и многие философы этики занимался комментированием взглядов Аристотеля; но его работы отличались чрезмерным стремлением к обоснованию моральных и нравственных поступков не только теоретически, то есть в зависимости от мыслей; но и практически, в тесной связи с действиями.

Как было замечено мною ранее, Аристотель выделяет стремление к благу, как высший принцип, в соответствии с которым человек должен выстраивать собственную жизнь: «То, к чему мы стремимся ради него самого, мы называем более совершенным в сравнении с тем к чему стремимся лишь как к средству». [2.15]. Жизнь в соответствии с благой целью для самой себя, выступает предельно правильным выстраиванием жизненного уклада. Аристотель выделяет три наиболее выдающихся образа жизни, которые характеризуют различные типы личностных ориентаций человека, преобладающих в античном обществе.

- Первым типом, наиболее разобщенным выступает необразованная толпа, которая видит благо и блаженство в удовлетворении собственных потребностей «поэтому любит жить в удовольствиях» [2.10].

- Второй тип, это люди политические. Для них образование выступает превалирующей целью жизни; но стоит отметить, что такие люди видят благо в уважении собственной добродетели, что не есть высшее благо.

- Третий тип, созерцательный. Именно он выступает идеалом человеческой жизни, деятельностью наилучшей части души человека – его ума.

Итак, как мы выяснили, назначение человеческой жизни заключается в разумной деятельности, которая позволяет приблизить мирскую жизнь к божественной. Стремления же хорошего человека, это выполнение своей деятельности соотносясь с относящимися к ней добродетелями. Аристотель ясно определяет добродетель как сознательное(приобретаемое) состояние души человека, состоящее из отношения «золотой середины» определенное разумом, которое является ключевым аспектом должного человеческого поведения. Каждый бла-

горазумный человек обязан придерживаться позывов собственной души, заключенных в середине двух зол – избытка и недостатка «добродетельный человек находит и избирает середину» [2.45]. Следовательно, и добродетели тоже необходимо разделить двояко, одни добродетели мы будем называть дианоэтическими [интеллектуальные, связанные с разумом]; другие этическими [волевыми, связанными с животной душой].

Изучив более подробно работу Аристотеля, считаю необходимым перейти к исследованию «Концепции этической рациональности». Аласдер Макинтайр в своей основе полагает, что на пути к благой цели человек должен действовать на основе расчетов издержек и выгод не только для себя, но и для окружающих людей в целом. Макинтайр отмечает, что человеческая история изменчива, и на каждом этапе своего становления стандарты рационального поведения имели различный характер. Именно данные стандарты Макинтайр связывает с понятием «традиция», которое является одной из основных форм изменения человеческой природы. Я полагаю, Макинтайр противопоставляет «традиции» иную форму, именуемую как «индивидуальная» – которая выступает менее предпочтительной в данном случае, так как не в состоянии определять культурные состояния существующего общества.

Подводя итог, мы можем отчетливо заметить разницу эпох в степени развития общественной системы – ее моральных и нравственных аспектов. На мой взгляд, существенным различием Аристотеля и Макинтайра является их понимание в достижении блага. Этика Аристотеля в целом более обращена к индивидуальности – идеал личного совершенства; в то время Макинтайр развивает этику в контексте традиционной мысли для всего общества – отмечая его специфическую роль. Человек не в состоянии существовать все общества, и в данном случае, я склонен более к концепции «рациональной этики», которая более глобально рассматривает отношение индивида и общества не только теоретически, формируя необходимые моральные установки; но обращаясь к истории, мы в состоянии более рационально сформировать моральные принципы, учитывая практический опыт прошлого. Но необходимо отметить тот факт, что все же реализация теории добродетели у Макинтайра возможна в рамках локальных обществ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Большая этика. Соч. в 4 т. Т. 4. М. 1984.
2. *Аристотель*. Никомахова этика // Аристотель. Соч. в 4 т. Т. 4. М. 1984.
3. *Сыров В. Н.* Массовая культура: мифы и реальность. М: Водолей, 2010.
4. *Электронная библиотека Института философии РАН*. Новая 46 философская энциклопедия. [Электронный ресурс] // URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/page/about> (дата обращения: 25.03.2021)
5. *Macintyre A.* After Virtue: A Study in Moral Theory. Indiannopolis, University of Notre Dame Press, 1984.

РАСОВАЯ АНТРОПОЛОГИЯ – МИФ А. РОЗЕНБЕРГА

В.И. Малюта, В.О. Несмиянов, Д.И. Харитоненко

Научный руководитель: к.ф.н. Н.В. Мартыанов

*Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск*

Розенберг часто описывает историческую ситуацию в Германии как кризис идентичности человечества как такового. Таким образом, он характеризует свой подход как стремление к испытанию мифа о расе. «Миф о крови» – это возникающая «новая вера». Здесь идентичность всегда означает коллективную идентичность, а последняя конституируется принадлежностью к сообществу. Более того, вы принадлежите к сообществу по рождению, и, следовательно, личность человека является неизменным свойством. Масштаб концепции «расовой души» играет решающую роль, «кровь» и «душу» можно рассматривать как силы, которые создают единственные устойчивые сущности истории. Таким образом, «кровью» и «душой» человек связан со своим «народом». Если тело и мысль человека сформированы происхождением из определенной группы, то принадлежность к этому сообществу становится существенным и единственным аспектом идентичности человека. По взглядам Розенберга, раса – это не только неотъемлемая, неизменная и существенная часть человека, это скорее является сущностью человека и, следовательно, составляет его личность [1; 5]. Таким образом, возникает вопрос: в чем расовая сущность человека?

Розенберг развивает метафизическое понимание расы. Он утверждает, что уникальный внутренний и внешний характер расы формируется «духовным центром». Это существенное единство расы выражается в мифе, и, таким образом, память о нем позволяет сообществу развить самосознание, то есть стать народом, которым он и является. Розенберг утверждает, что мы хотим стать народом, единым с самим собой. Такое «пробуждение» «расовой души» равносильно ее исторической реализации. Согласно Розенбергу, история – это не что иное, как поле битвы рас, борьба крови против окружающей среды и «крови против крови». Миф о расе позволяет вывести расовый тип, чья физическая и духовная «чистота» определяется как необходимость. Таким образом, сообщество должно заявить о себе, чтобы стать и оставаться тем народом, которым оно является, сообщество должно быть собой как физически, так и духовно, как внутренне, так и внешне. Эта самореализация сообщества определяется особой высшей ценностью. Каждая раса развивает свою основную ценность, которая передается мифом и требует признания. Оценочный центр расы выражается в моральных, политических и религиозных системах ее сообществ. Создание соответствующей типу расы культуры также является важной частью самореализации сообщества. Сообщества одного расового типа родственны друг другу и могут понимать друг друга на базовом уровне. Однако некоторые расы совершенно чужды друг другу и поэтому не имеют взаимопонимания [3].

Розенберг не только делит человеческий мир на разные расы. Он также придерживается четкой иерархии рас. В самом деле, Розенберг убежден, что только одна раса, а именно «нордическая раса», способна развивать личности. Эти северные сообщества разделяют одну и ту же высшую ценность, а именно концепции чести и долга. Эти духовные сущности «нордической расы» позво-

ляют ее членам создавать определенные сообщества [2. С.3]. Розенберг изображает викингов как пример сообщества, которое сформировано исключительно своими собственными ценностями и, таким образом, составляет полное единство. Он утверждает, что они появились на исторической сцене с исторически уникальной самоуверенностью. Вообще говоря, только сообщества «нордической расы» способны развить коллективную идентичность. Здесь самость становится важнейшим критерием оценки ценности сообщества: чем больше сообщество знает, осознает и выражает себя, тем лучше, и степень этого показывает, насколько человечным является сообщество. Именно такое отношение к себе составляет превосходство этих сообществ. Розенберг рассматривает эту установку как необходимое условие культурного развития и, следовательно, полной человечности. Он думает, как и большинство его собратьев-нацистских мыслителей, что только «нордическая раса» обладает творческой силой для развития культуры. Таким образом, все культурные ценности, такие как искусство, наука или техника, определяются как достижения «нордической расы». Опять же, культура – это отличительная черта высшей расы и ее человечности. Таким образом, немецкая привилегия опирается на метафизическое измерение антропологии Розенберга.

Розенберг посвящает большую часть своего Мифа причудливой истории «нордической расы». История начинается с мифической Атлантиды, включает исторические сообщества, такие как арийская Персия, дорическая Эллада или итальянский Рим, и заканчивается настоящей надеждой – Германией. Здесь становится очевидным как расистский фундамент, так и антропологический аспект политической миссии немецкого национализма. Розенберг, опять же, как и многие его соратники нацистские мыслители, думает, что сегодня только немцы способны к сознательному обособлению от других рас, необходимому для того, чтобы быть полностью человечными [4; 6]. В то время как немцам приходится бороться за свое место на вершине расовой иерархии, другие группы людей характеризуются как полностью лишённые способности к идентичности, культуре и, следовательно, полной человечности. Таким образом, расовая антропология стала парадигмой, способом философского понимания в национал-социализме.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артамошин С.В.* Идеиные истоки национал-социализма. Брянск. Изд-во: БГУ им. И.Г. Петровского. 2002. 184 с.
2. *Виноградов А.В., Зайцев Н.Н.* Интерпретация немецкой классической философии идеологами фашизма // История. Историка. Источники. 2021. № 1. С. 1–11.
3. *Зайцев Н.Н.* Ложь как инструмент воздействия на общественное сознание // История. Историка. Источники. 2019. № 1. С. 51–57.
4. *Котов С.В.* Основные парадигмы философии фашизма // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 4 (35). С. 62–64.
5. *Rosenberg A.* Der Mythos des 20. Jahrhunderts. Eine Wertung der seelisch-geistigen Gestaltenkämpfe unserer Zeit. Hoheneichen, München. 1930. 670 S.
6. *Sluga H.* Metadiscourse: German Philosophy and National Socialism // Social Research: Philosophy and Politics. 1989. Vol. 56, № 4. pp. 795–818.

СВОБОДА — ЭТО НЕБЫТИЕ ВСЕХ «КРОМЕ»

М.А. Никифоров

Научный руководитель: к.ф.н. Л.Б. Сандакова

Новосибирский государственный технический университет

Если наряду с «я» стоят «другие» в качестве единичностей во внеположности – какая же тут «в-себе-сущая» воля в ее субъективной значимости и истине? Никакой свободы в таком случае нет, разве что произвол и неопределенность. Хотя до сих пор можно наткнуться на эти две разные точки зрения по поводу вопроса о подлинном человеческом бытии.

Налицует противоречие двух распространенных в быту позиций по отношению к тому, как определять свободу. Предлагается гегелевский концепт, разрешающий данную проблему.

Исходя даже из низких представлений, можно приблизиться к совершенному пониманию сути дела. Во-первых, произвол, очищенный от предназначенной природной склонности и возведенный в «авто-мысль» теперь не скован цепями похоти и всякого иного зла, а есть определенность как момент свободы. Второй же – достоверность «я», практического духа, которого «называют преимущественно свободной волей, ибо Я может абстрагироваться от всякой определенности, в какой оно находится, и во всякой определенности остается неопределенным и равным самому себе» [1.С.184]. Единством этих моментов будет уже настоящая свобода, которая «заключается не в неопределенности и не в определенности, но есть то и другое» [6.С.75], согласно идеализму Гегеля.

Итак, обратившись к свободе одной воли, теперь спрашивается, что с «остальными»? Свободны ли они? Ответ радикален: совсем нет! Г. В. Ф. Гегель об этом пишет так: «Свобода есть лишь там, где нет для меня ничего другого, что не было бы мною самим» [3.С.53–54]. Пока «я» не выйдет из ряда вон, пока «я» не бесконечен, свобода – пустое слово, ведь постороннее определение (будь то в мотиве или в самом факте наличия меня) уже исключает автономность. Конечность, как собственная, так и чужая должна быть преодолена, чтобы индивид вочеловечился. Ограниченность есть отрицание, которое само должно отрицаться дабы абсолютное торжествовало, чтобы свобода пробудилась, ведь, по Гегелю, «истина состоит в том, что абсолютное есть именно потому, что конечное есть в себе самой противоречивая противоположность, потому что оно не есть. В первом смысле умозаключение гласит: бытие конечного – это бытие абсолютного; в последнем же смысле оно гласит: небытие конечного – это бытие абсолютного» [4.С.487]. Здесь акцентируем негативно-разумный аспект, диалектику.

Далее, логично приступить к позитивно-разумному, спекулятивному подходу. Вышеуказанное метафизическое рассмотрение подкрепляется еще социальным и политическим: всеобщую волю не следует рассматривать как составную из явно единичных волей, так что последние оставались бы абсолютными; как довод в пользу этого, Гегель приводит такой аргумент: «в противном случае было бы верно положение: «где меньшинство должно подчиняться большинству, там нет свободы» [2.С.457]. Однако моральное понимание подразумевает такое образование, что свобода как самопознание узнается в других самосознаниях, оно «также равное им, как оно само равно самому себе» [1.С.90]. Парадокс: свободен только «я», но действителен и удовлетворен лишь «в некотором

другом самосознании» [5.С.165]. При том в каждом ином я должен признавать равное лицо, поскольку являемся гражданами там, единственно где свобода и справедливость получает реальность через право, в государстве. Никто «кроме» все еще не освобожден и таковым даже не может быть, однако «я» этого другого есть та же свободная воля. Суть в том, что «я» в другом, в друге, пребываю у-себя. В этом и в том, чтоб «быть в зависимости только от самого себя, определять самого себя» [3.С.53] – свобода. Так Гегель объединяет эти определения. Подобно тому, как «я» в различных состояниях и делах «в-себе-и-для-себя» свободен, так и надлежит видеть своих сограждан. Сюда также относится и известная заповедь: возлюби ближнего твоего, как самого себя.

Все же, свобода не есть некое чувство случайной расположенности к тому или иному, а «как раз само мышление; кто отвергает мышление и говорит о свободе, тот не знает, о чем он говорит» [2.С.457]. Чувственность вообще есть пассивность, страдательность, а разумение – напротив, есть деятельность. Свобода всегда активность. Следовательно, из двух базовых принципов (этой дихотомии) только мышление наделяет свободой. Т.к. «мышление есть вообще простое всеобщее равенство самому себе, но как отрицательное движение (для-себя-бытия), благодаря которому снимается определенное» [2.С.428], негация в осуществлении воли существенна в гегелевской философии. Лишь исключив влияние всех «кроме», то, чем они являются субъекту, то бишь их бытие, в этом смысле – свобода положена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г.-В.-Ф. Введение в философию: Философская пропедевтика. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 264 с.
2. Гегель Г.-В.-Ф. Лекции по истории философии. Книга третья. СПб.: Наука, серия «Слово о сущем», 2006. 584 с.
3. Гегель Г.-В.-Ф. Логика. М.: Издательство АСТ, 2020. 448 с.
4. Гегель Г.-В.-Ф. Наука логики. М.: Издательство АСТ, 2019. 896 с.
5. Гегель Г.-В.-Ф. Феноменология духа. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 704 с.
6. Гегель Г.-В.-Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.

СОЦИОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ КАК ИСТОК ТИШИНЫ В МУЗЫКЕ

В.С. Новикова

Научный руководитель: д.ф.н. В.А. Ладов

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Процессы, происходящие в культурном поле, являются отражением процессов, происходящих в поле социополитическом. Если мы внимательно посмотрим на развитие музыкального движения XX века, то обнаружим, что любые звуковые техники этого периода идеологически нагружены, и зарождаются они под знаменем эмансипации звука. Современные музыканты предпринимают попытки освободить звук от каких бы то ни было внешнесодержательных смысловых наслоений, будь то исторический контекст, культурные референции или нарративизация звучащего. Но такие попытки заведомо обречены на провал по причине того, что мы не можем воспринимать звук в отрыве от привнесенных извне содержаний. Музыку можно рассматривать как отражение и специфическое выражение социополитических процессов, точку преломления структур того общества, в котором она возникает.

Обращаясь к вероятно самому именитому адепту тишины в музыке Джону Кейджу, мы в рамках данной работы будем понимать под тишиной не отсутствие звука, а отсутствие ожидаемого звука. То, что мы понимаем под тишиной в обыденном дискурсе, при более внимательном рассмотрении оказывается ансамблем случайных звуков, которыми захвачена наша жизненная среда и на которых мы не акцентируем внимание в повседневном опыте.

Начало XX века ознаменовано процессом тотальной индустриализации, стремительным ростом городов, умножением числа машин, что приводит к интенсификации уличного шума и засилью социального поля новыми звуками. Традиционно считается, что первыми, кто ввел шум в контекст современной музыки, были итальянские футуристы, музыкальным пионером среди которых выступал Луиджи Руссоло. В 1913 году он опубликовал свой программный манифест «Искусство шумов», в котором новаторски предложил концепт шумовой музыки. Шум понимается им как характеристика современности, он возник в XIX веке с изобретением машин. До этого шума как такового не было в человеческой жизни, мир наполняли лишь приглушенные звуки, либо тишина. В целом весь музыкальный авангард начала XX века стремился задействовать в своих композициях шумы эпохи механизмов, чтобы донести до публики живую, настоящую музыку.

В качестве одного из путей анализа социополитической обусловленности музыкальной легитимации шума можно обратиться к работе Делеза и Гваттари «Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения». Набрасывая концептуальную сетку их теории на сферу аудиального, шум можно интерпретировать как пример детерриторизации и ретерриторизации. Дерриторизация представляет лакмусовую бумажку капиталистической системы, и если мы понимаем шум как то, что постоянно детерриториализируется и ретерриториализируется, то можно утверждать, что полноправное вплетение шума в ткань нашего жизненного мира и его омузыкаливание выступают симптомами торжества капитализма и его результатами.

Жак Аттали в своей знаковой работе «Шум: политическая экономия музыки» развивает мысль о параллелизме и изоморфизме способов организации звука и способов организации общества. Музыка, таким образом, выступает своеобразным зеркалом для структуры того общества, в котором она возникает, и, соответственно, проходит последовательно сменяющие друг друга этапы, коррелятивные тем этапам, которые проходит общество в своем становлении и развитии. Аттали в своей работе противопоставляет музыку и шум, называя музыку структурированным шумом, а шум – неструктурированной музыкой. Эта оппозиция музыки и шума зародилась в конкретный исторический момент, когда мы нечто обособили и выделили в качестве шума, исключив из поля музыкального. До этого момента аудиальный мир пребывал в стадии гомогенности и неразличимости. В этой нулевой стадии исторического звукового процесса не существовало как таковых ни музыки, ни шума; все было едино слышимым и воспринимаемым, чистым, идеологически ненагруженным звуком. Размежевание же музыки и шума произошло вместе с формированием организованных человеческих сообществ, в которых появляется такая вещь как музыка. На первом этапе развития музыка еще не кодифицировалась в форме продукта и не была включена в рыночные отношения. Она приобретает товарную форму и становится предметом обмена в тот момент, когда выходит из пространства ритуальных практик и погружается в пространство концертных практик. В поле социальности этому музыкальному периоду соответствует капиталистическое устройство. В этот период зародилась практика нотирования и, соответственно, возможность публикации музыки, что капитализм не преминул взять в оборот своей регламентации. На этой стадии музыкального развития особенно интенсифицируются контролирующие мотивы, стремящиеся подчинить музыку принципам рациональной упорядоченности и гармонии. Сама музыка становится полем формирования всевозможных систем, появляется композиторская музыка, для которой композитор представляется главной фигурой музыкального процесса, фундамирующей весь корпус сочинения, т.е. задающей основу – идеальный замысел произведения.

Возвращаясь к Делезу и Гваттари, следует заметить, что шум в качестве самостоятельной музыкальной формы заявляет о себе как раз в этот период тотальной капитализации как попытка преодолеть апофеоз насильственного благозвучия и авторитарное насаждение капиталистических идеалов. Музыкальный авангард начала XX века сражался именно с рожденными капиталистической системой формами музыки, используя шум в качестве средства борьбы.

Но если теперь обратиться к разговору не о начале XX века, а о второй его половине и о тех музыкантах, для которых тишина стала не просто новаторским приемом, а феноменом, по-настоящему задающим облик их художественного мира, то здесь мы увидим, что обращение к тишине как полновесному, самобытному явлению во многом является результатом увлеченности западных композиторов культурной традицией Востока и усвоения специфических практик и канонов организации звука. В частности, на художественные поиски Кейджа оказал влияние интерес к восточной философии и дзен-буддизму. Одним из стрекневых мотивов его творчества и своеобразной методологической установкой стал принцип случайности. Ее истоки обнаруживаются в древнекитайском трактате И-Цзин – «Книге перемен», служащей для гаданий при помощи под-

брасывания монет. Именно этот принцип постижения реальности и послужил зарождению художественного метода, основанного на идее случайности. Введенная Кейджем модель организации произведения послужила в свою очередь прообразом для создания алеаторики – композиторской техники, предполагающей вариативность в отношениях между элементами музыкальной материи и формы, и случайность или неопределенность в процессе создания и исполнения музыкального произведения.

На мой взгляд, обращение к культурному опыту Востока также имеет под собой цель выйти за пределы сугубо рационалистической, директивной традиции и капиталистической свехупорядоченности. Композиторы этого периода стремятся отыскать медитативные основания музыки и прийти к простоте и ясности, характерным для восточного мироощущения.

Так формируется концепция принципиально нового типа восприятия, освобожденного от каких-либо формальных и структурных ограничений. Этот новый тип восприятия базировался на установке по расширению границ сознания, размыванию рубежа возможного и немислимого, дозволенного и недопустимого. И эмансипация тишины в этих экспериментах по формированию новой формы сознания играла немаловажную роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екб: У-Фактория, 2007. С. 7–30.
2. Кейдж Дж. Тишина. Лекции и статьи. Вологда, 2012. 382 с.
3. Руссоло Л. Искусство шумов. 24 с.
4. Attali J. Noise. The Political Economy of Music. University Of Minnesota Press, 1985. 179 p.

СОСТОЯНИЕ ФЕМИНИЗМА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Д.Д. Потапова

Научный руководитель: к.п.н. А.Ю. Красноперов

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Феминизм принято относить к числу новых, неклассических идеологий, получивших наибольшее развитие в XX веке. После длительной монополии коммунистической идеологии распространение феминизма в современной России стало естественным выражением политического плюрализма и многообразия социальных интересов.

Хотя первый опыт постановки «женского вопроса» в России относится к 50-м гг. XIX века [3. С.63–64], до настоящего времени не приходится говорить о больших успехах в деле его решения. Конечно, в советский период женщины формально получили те же имущественные, политические, социально-культурные права, что и мужчины. В результате 90% женщин были привлечены к «общественно-полезному труду», но при этом не были освобождены от труда домашнего [1.С.164]. Причем многие гендерные стереотипы, характерные для традиционного общества, оставались привычной частью общественного мнения на протяжении всего двадцатого столетия.

Важно понимать, что современный феминизм представляет собой не модный политический тренд, заимствованный с Запада, или искусственное обострение отношений между представителями различных гендеров, а реакцию на уже существующие в российском обществе проблемы. Кроме того, ошибочно думать, что в прошлом веке феминистки уже сумели добиться всего, в чем нуждаются женщины.

Анализируя повестку современного российского феминизма, сами его представительницы выделяют три ключевые проблемные зоны: угрозы безопасности, отсутствие гарантий благополучия, ограничение свободы. В сфере безопасности особое значение имеют проблемы домашнего насилия, stalking и домогательства на рабочем месте, сексуального насилия, а также насильственные обычаи некоторых локальных сообществ (например, кража невест, женское обрезание, так называемые «убийства чести»). На Северном Кавказе похищение девушек, традиционное травмирование половых органов и убийство женщин родственниками, часто – из-за одних только слухов об их сексуальной жизни, остаются привычным явлением. В сфере благополучия обращают на себя внимание ограниченность карьерных перспектив женщин, более низкий по сравнению с мужчинами уровень заработной платы (в среднем – на 30%), бедность матерей-одиночек, большой объем неоплачиваемой домашней работы и наличие запретов на профессии, список которых до недавних пор составлял 456 наименований. Наконец, область ограничения свободы женщин образуют многочисленные гендерные стереотипы, стигматизация поведения женщин, отклоняющегося от этих стереотипов, репродуктивное насилие (в особенности, попытки государства ввести запрет на аборт), сексистские стандарты красоты, сексуальная эксплуатация (в том числе в

сфере порноиндустрии), отрицание обществом права на выбор сексуальной идентичности и ориентации [2].

Стоит отметить, что из всех перечисленных проблем российские СМИ обращают внимание преимущественно на сексуальные скандалы, связанные с домогательствами публичных лиц. Во многих других случаях (например, в рекламе) они откровенно транслируют традиционные сексистские стереотипы. Подобное отношение к «женскому вопросу» характерно и для большинства государственных чиновников, хотя на словах они все заботятся о соблюдении равноправия. Таким образом, феминистская повестка отражает не только запросы активисток движения за права женщин, но и реальные проблемы современного российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айвазова С.Г.* К истории феминизма // *Общественные науки и современность*. 1992. №6. С. 153–168.
2. *Серенко Д., Жукова Л.* «Феминистками не рождаются»: Краткий гид по современному феминизму в России // *Электронный ресурс*: <https://lenta.ru/articles/2019/03/07/rusfem/> (дата обращения: 01.04.2021).
3. *Юкина И.И.* *Русский феминизм как вызов современности*; под ред. Т. А. Мелешко. СПб.: Алетейя, 2007. 544 с.

РУССКИЙ АНАРХО-МОНАРХИЗМ КАК СОЦИОФИЛОСОФСКИЙ ФЕНОМЕН

К.И. Потехина

Научный руководитель: к.и.н. П.Д. Симашенков
Самарский университет государственного управления «МИР»

Двадцатые годы нынешнего века ознаменовались в России активизацией как протестной активности, так и деятельности «государственников», пропагандирующих т.н. крепкие ценности и предостерегающих анархию в случае их забвения. Заметим: протест действенный, когда усилен массовостью, но олицетворен вождем. Объектом исследования является соотношение анархизма и монархизма в отечественной рецептуре авторитарной политики, предметом – исторические традиции государственного управления.

Полагаем, вождя и русский народ объединяет своеобразное презрительно-потребительское отношение к механизму власти: на то и придуман, чтоб работать безотказно, но жить собственной жизнью у него права нет, ибо механизм – мертв по определению. К слову, народ способен лишь откатить государственную машину назад, в лучшем случае – раскатать, когда та забуксует. Вот почему нужен кто-то за рулем, руководящая и направляющая сила.

В данном контексте чрезвычайно интересно рассмотреть русские «экстремумы функции государства»: фигуры царя и юродивого. Оба персонажи принципиально не «массовые» и не типовые, оба вне закона (пусть и по разным основаниям). Юродство как неприкасаемость, царство как неприкосновенность – две стороны сакральности власти (а сакральность и анархизм схожи в самоотречении). Словами патриарха Никона, «священство выше царства есть»: сакральность всегда радикальна, ибо абсолютна. Не бывает третьесортных мучеников, преподобных второго эшелона и святых среднего класса. Юродивый – своего рода катализатор претворения населения в народ; он напомнит об этике, когда царь заиграется в политику. При этом оба апеллируют к единому (и, по сути, единственному) источнику власти. И в царях, и в юродивых прозревается ее иррациональность, объяснить которую вряд ли представится возможным. Пожалуй, лучше всего сказано у Пришвина: «истинной властью пользуются только мертвые; власть живых есть бунт, претензия, самозванство и насилие» [3, С.309]. То, что славянофилы именовали «властью земли», есть громадная масса моральных устоев, обычаев, верований и других элементов культуры, коих совокупность и создает нацию. Иными словами, социальный строй: он важнее собственно государства (как целое всегда сложнее составных частей), и в идеале государственная власть должна его поддерживать.

Чувство исторической реальности определяется тем, кого и что царь узрит в народе (абстракцию или конкретику). Народ же чувства сего утратить не может: он и есть сама реальность. В целом выстраивается образ власти, вмещающий оба компонента, которые, тем не менее, неслиянны и нераздельны. И так, вожди ваяют народ из масс [4, С.42], и тут уже дело морального облика и эстетического вкуса, кто кем станет: лидером или фюрером.

Согласно парадоксу Г. Федотова, демократический характер диктатуры в том, что ее цель – сделать себя ненужной [5, С.180]. Речь идет больше о демократичности вождя, чем о собственно демократии *per se*. В бакунинской «Испо-

веди» есть замечательные строки: «думаю, что в России более чем где будет необходима сильная диктаторская власть, которая бы исключительно занялась возвышением и просвещением народных масс – власть свободная по направлению и духу, но без парламентских форм» [1, С.114]. Многие склонны видеть здесь условно-верноподданнический реверанс анархиста царю Николаю, но мы не находим ни тени иронии: истинный порядок там, где убеждение царит над мнениями. Единогласное принятие решений ничуть не противоречит идее вождизма и тоталитаризма. Соборность – нечто более высокое, чем демократия, и потому менее объяснимое. Она есть равенство без формальной иерархической доминанты, в соборности все определяется моральным авторитетом. Демократичным может (и должен) быть подлинный вождь, масса лишь принимает его решение. Просто принимает, без полемики и критики – вот такие нюансы смысла слова «принятие».

Анархизм реконструирует порядок на обломках режима, освежая осоловелую привычку силой узаконенного произвола. Актуализируя славянофильские концепции, процитируем И. Киреевского: «Произвол в правительственном классе называют самовластием, в управляемом – свободой» [2, С.261]. Анархизм а la russe – это короткое замыкание власти, минуя бюрократию. Бюрократизм и анархизм суть элементарное уравнение социального баланса, где уважение к правителям от Бога и отрицание управленцев по профессии заложено в основу национальной системы сдержек и противовесов. Таким образом, анархизм есть достоинство монархов и вызов монархии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бакунин М.А.* Избранные сочинения. М., 2018. 642с.
2. *Киреевский И. В.* Полное собрание сочинений: в 2 томах. Т.1 Москва: Типография Императорского Московского Университета, 1911. 403с.
3. *Пришвин М.М.* Дневниковая проза. Т.1. 1918-1921. М.2007, 528с
4. *Симащенко П.Д.* Философия анархии: к постановке проблемы // *Дневник науки.* 2020. № 12 (48). С. 42
5. *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. М., 2000. 269с.

НАРУШЕНИЯ СОЗНАНИЯ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ

Н.О. Пряничников

Научный руководитель: к.ф.н. А.В. Кузнецов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Различные нарушения и изменения работы сознания, несмотря на серьезнейшую роль, которую они всегда играли в человеческой культуре и пристальный интерес к ним со стороны самых разнообразных наук (от психологии и психиатрии до, к примеру, социологии и криминологии), стали полноправным объектом изучения современной философии сознания совсем недавно - наиболее ранней приблизительной точкой отсчета здесь, как представляется, можно считать середину 2000 - х годов. Конечно, и современная философия сознания как ветвь аналитической философии - направление относительно молодое, кроме того, абсурдно было бы утверждать, что эта тематика вовсе не затрагивалась философами сознания до названной точки отсчета. Однако, сложно не заметить, что основным направлением философии сознания, продолжавшей традиции классической философии, было именно изучение нормально работающего сознания психически здорового человека. В целом, ситуация остается таковой и сегодня, однако общее поле исследований в рамках философии сознания начиная с названного времени стало существенно расширяться, во многом за счет включения философами в орбиту своих исследований различных форм нарушенного или измененного сознания.

Представляется, что этот сдвиг был, в основном, обусловлен тем, что самые жаркие дебаты по «магистральным», наиболее фундаментальным и популярным проблемам философии сознания как раз начали стихать примерно в это время. Произошло это по вполне естественным причинам – внезапный резкий рост популярности этого направления, произошедший в середине 1990-х годов спровоцировал огромное количество публикаций и мероприятий, и постепенно основная дискуссия исчерпала себя, поскольку философы, приняв в каком - то вопросе ту или иную точку зрения, чрезвычайно редко от нее отходят, соглашаясь с оппонентом. Именно это, как представляется, мотивировало некоторых философов уйти с проторенных дорог мысли на пути, которые были далеко не так хорошо изучены – пути исследования тех или иных нарушений работы сознания. Думается, что такой подход в свете описанной ситуации в философии сознания действительно может принести неплохие плоды. Зачастую принцип работы того или иного устройства открывается неискушенному наблюдателю лишь в случае поломки этого устройства, когда, к примеру, через сломанный корпус виден механизм или же корпус попросту нужно снять, чтобы разобраться в поломке - аналогия с этим случаем может быть вполне уместной для сознания.

Одним из наиболее любопытных видов нарушения работы сознания, которые изучает современная философия сознания, можно назвать феномен растворения эго. Речь идет о сильнейшем субъективном переживании растворения или даже почти полной утраты чувства собственного Я. Чувство собственного Я, как правило, сопровождает всю сознательную деятельность психически здорового человека – такой человек ничуть не сомневается, что все его физические и ментальные действия, ощущения – все это принадлежит одному цельному субъекту,

которого он или она именует «я». Этот субъективно ощущаемый связующий центр сознания связывает воедино весь наш опыт и позволяет четко отделить себя от остального мира. Однако, при определенных психических заболеваниях (к примеру, при шизофрении) или воздействии некоторых психоактивных веществ человек может внезапно почувствовать, что это естественное базовое чувство в нем или стало куда менее явным, как бы переместилось на периферию сознания, или же вовсе исчезло – это подтверждается множеством тщательно задокументированных учеными отчетов.

На сегодняшний день исследователи из многих стран занимаются философскими аспектами данного феномена, однако, говоря именно о философских центрах, некоторых объединениях специалистов, которые работают с ним, можно выделить две наиболее значимые школы. Первая связана с Центром исследований субъективности при Университете Копенгагена и разрабатывает, в основном, феноменологический подход, причем эмпирическим материалом для нее служат исследования шизофрении (основные воззрения этой школы были подробно рассмотрены Е. В. Косиловой в одной из статей [1]). Второй школой можно назвать объединение философов сознания, сложившееся вокруг одного из известнейших современных специалистов в этой области - немецкого философа Томаса Метцингера. Для них характерно использование методологии современной аналитической философии сознания при эмпирической опоре не только на психические заболевания вроде шизофрении, но и материал другого рода - к примеру, на сведения о субъективных эффектах некоторых психоактивных веществ (см., к примеру, обзорную и во многом программную статью Метцингера и Мильера [2]).

Развитие современной философии сознания в этом направлении ставит перед исследователями как субстанциальные, так и методологические проблемы. Примером первого вида проблем может служить проблема определения внутренней онтологии того, что мы субъективно переживаем как чувство Я, а также его связь с понятием самосознания и сознания как такового, нейронные корреляты чувства Я и самосознания. Примером проблемы второго вида является проблема выбора эмпирической базы для исследований нарушения чувства Я.

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть, что данное направление исследований выглядит достаточно перспективным на современном этапе развития философии сознания и нейронауки. Однако, представляется, что достичь значимых результатов здесь возможно лишь при тесном сотрудничестве двух этих сфер знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Косилова Е.В.* Философия и психиатрия в поисках выхода из кризиса: исследования феномена Я // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2019. № 51. С. 79–87.
2. *Millière, R., & Metzinger, T.* Radical disruptions of self-consciousness: Editorial introduction. *Philosophy and the Mind Sciences*, 1(1), 1. 2020.

ПОНЯТИЕ ПРАВСТВЕННОСТИ В НЕОФРЕЙДИЗМЕ КАРЕН ХОРНИ

Е.Д. Романова

Научный руководитель: к.ф.н. Ю.Н. Кириленко

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Карен Хорни – американский психолог и психоаналитик, представитель неофрейдизма. В данной работе меня будет интересовать место нравственности в ее теории личности. Данная концепция нашла отражение во многих ее работах и, прежде всего, в книгах: «Новые пути в психоанализе» и «Невроз и личностный рост. Борьба за самоосуществление».

Согласно Карен Хорни существует три концепции о назначении морали, вытекающих из понимания человеческой природы. Первая близка многим религиям, а также Фрейдю, и заключается она в утверждении грешности человека и его подверженности инстинктам. В таком случае мораль – механизм сдерживания, контроля и, в какой-то степени, приручения [2].

Вторая концепция основана на вере в борьбу «добра» и «зла» внутри человека. Мораль представляет собой подстраховку в победе именно «добра». Как правило, такая мораль несамостоятельна: она подкреплена или сверхъестественным благом, или волей, или разумом, а соответственно тоже представляет собой сдерживающий механизм [2]. От себя добавлю, что категории «добра» и «зла» достаточно расплывчаты и в какой-то степени субъективны, поэтому определить победу той или иной противоположности не представляется возможным. Отсюда вытекает несостоятельность морали, поскольку она не может гарантировать победу именно «добра».

Третью концепцию предлагает сама Хорни. В ее понимании человек рождается со стремлением к самореализации, но возможность реализации есть только у тех, кто уверен в себе и своем «Я». Согласно ее теории личности, у человека есть три образа идентичности: «Я – реальное» (потенциальный образ человека), «Я – идеальное» (то, к какому образу человек стремится) и «Я – актуальное» (действительный образ человека, каким он предстает окружающим) [1]. Если ребенка, согласно Хорни, встречает враждебный мир, то у него развивается бессознательное чувство тревоги, стремление заслужить любовь. У него в данной ситуации есть три пути: уступка (согласие с требованиями мира и подчинение им), агрессия (полное отторжение требований и стремление к противоположному) и отстранение (стремление к избеганию окружающих). В зависимости от избранной стратегии у ребенка развиваются неврозы [2]. Например, родители, требующие соответствия каким-либо требованиям, несвойственным возможностям ребенка, сами того не осознавая, толкают его к развитию заниженной самооценки.

Энергию, данную на самореализацию, человек тратит на невроз, что может привести к негативным последствиям и для общества. Хорни предлагает возможность полного избавления от невроза. Для этого нужно привести к согласию все образы своего «Я», а сделать это можно только с помощью самопознания. Осознание себя, своих потенций и отказ от недостижимых идеалов могут привести к полному излечению. Тогда, энергия, которая раньше была направлена на себя и на попытки соответствовать, обращается на любовь и заботу к окружающим людям. Человек помогает другим обрести это внутреннее согласие

и стремление к личностному росту. «Идеалом применительно к себе или к другому становится освобождение и культивация сил, ведущих к самоосуществлению» [2]. В таком случае мораль становится ненужной, она является препятствием на пути самоосуществления, поскольку любые принуждающие факторы могут повергнуть нас в состояние невроза.

Теория Карен Хорни несомненно имеет право на существование, ее отказ от морали логичен, но приводит к множеству вопросов. Когда человек обрел внутреннее согласие, по версии Хорни он пытается настроить на этот же путь и других, но откуда такая уверенность? Вполне возможно, что потенции, которые развивает в себе человек, так положительно отразятся на остальных. Мы не можем утверждать, что в людях не заложены негативные качества, которые в процессе самореализации только усугубятся. Если мы предполагаем только позитивные задатки и знаем, что мораль сдерживает лишь негативные по отношению к остальным поступки, зачем мы от нее отказываемся? Разумеется, эти слепые зоны – поводы для возможных дискуссий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Погорелов А. Г., Погорелова Е. И.* Несоответствие субъективного образа реальному миру как проявление экстремального пространства личности // Известия ЮФУ. Технические науки. 2000. №4.
2. *Прокофьева Н. В.* Внешние и внутренние факторы формирования морально-нравственного сознания индивида // Северо-Кавказский психологический вестник. 2012. №3.
3. *Хорни К.* Невроз и личностный рост. Борьба за самоосуществление. СПб.: Восточно–Европейский институт психоанализа и БСК, 1997. 532 с.
4. *Хорни К.* Новые пути в психоанализе. М : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 400 с.

МОДЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

А.С. Сафроненкова

Научный руководитель: к.п.н К. Ю. Аласания

МГУ имени М. В. Ломоносова

Чтобы описать современное общество, достаточно применить понятие «глобальные проблемы». Человечество давно привыкло к данному словосочетанию и с момента его введения, уже более полувека, ищет пути решения «глобальных проблем».

Одним из важнейших вопросов, который относят к проблемам всего человечества, является опасность экологического кризиса. Интерес к экологической ситуации возникает во второй половине прошлого столетия. Одним из первых данной проблемой начинает заниматься «Римский клуб». В попытке изменить сложившуюся ситуацию организация пытается привлечь внимание общественности. Для представителей «Римского клуба» было важно понять отношение общества к экологическим проблемам. К своему удивлению, в процессе общения с представителями различных социальных групп по всему миру, участники клуба выяснили, что экологическая проблематика не вызывает особого интереса, а если интерес и был, то он всегда сопровождался скептицизмом. Как отмечает А. Печчеи в своей книге «Человеческие качества» в конце 60-х начале 70-х годов XX века подобного рода воззвания, с которыми обращались не только представители клуба, но и ученые естественных наук, не получили широкого общественного отклика [2.С. 99].

В 2018 году «Римский клуб» отметил свой юбилей докладом, в котором особое внимание уделяется модели человека в современном мире. В попытке найти решение надвигающегося экологического кризиса различные авторы обращаются к человеку как одному из основных субъектов экологических отношений. Данная идея возникла в научной среде еще в XX веке. Н. Н. Моисеев, А. Печчеи, А.Л. Яншин, А. Т. Шаталов, Ю. В. Олейников и другие считали, что преобразование сознания человека позволит решить большинство экологических проблем.

В статье «Человек и его будущее в экологической перспективе» Л. В. Фесенкова утверждает, что конструкции всех экологических проектов основываются на предпосылках о разумности и гуманизме человека [3.С.81]. Однако автор статьи обращает внимание на широкое и агрессивное влияние СМИ, способствующих формированию и развитию потребительского общества и его ценностей, а с другой стороны, надежда на разумность человеческой природы и упоминание важности перехода к концепции устойчивого развития. Таким образом, в общественном сознании возникает противоречие.

В России ученые, общественные организации и государство пытаются сформировать экологически сознательное поведение граждан. Для этого используются различные способы: разрабатываются и принимаются соответствующие законы, проводятся научные исследования и выпускаются публикации, привлекается внимание общественности с помощью различных активностей, которые запускают общественные организации. Но все это превращается в большинстве случаев в «экодемогогию». Данный термин был введен академиком Г. А. Завар-

зиным, и подчеркивает неэффективность методов, которые применяются для решения экологических проблем.

Возникает вопрос: модель человека как разумного и гуманного актуальна в современном мире? Или разумность человеческой природы больше не является составляющей модели человека в современном мире?

ЛИТЕРАТУРА

1. Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Ручкин А.В., Симачкова Н.Н., Чупина И.П. Экологическое поведение современного человека// Образование и право. 2020. №1. С. 166–171.
2. Печей А. Человеческие качества//Москва, издательство «Прогресс», 1980 г. 302с.
3. Фесенкова Л.В. Человек и его будущее в экологической перспективе// Культурное наследие России. 2016. С. 80 – 84.
4. Von Weizsaecker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer. 2018. P.220

ПЛАСТИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ ФАНТАЗМ КАК ОСНОВА НАРРАТИВА

Я.С. Сединин

Научный руководитель: к.ф.н. Ю.С. Осаченко

Национальный исследовательский Томский Государственный Университет

Прошлое и история представляются нам как нарративное повествование. В самом деле, без возможности, словно навязчивый невротик, постоянно возвращаться в прошлое с той целью, чтобы его изменить, мы были бы неспособны ни попытаться придать какой-либо символический смысл нашим действиям, ни внести это прошлое в границы этического. Сама возможность производства нарративов основана на том, что Катрин Малабу называет термином «пластичность»: «способность принимать форму и способность производить форму (*перевод мой – Я.С.*)» [6.С.204]. Ее специфическая интерпретация Гегеля отталкивается от концепта пластичности, которая имманентно присуща всякому диалектическому движению. «Чтобы понять будущее иначе, не в непосредственном смысле “мгновения времени”, требуется также раскрытие смысла времени: расширение, ставшее возможным благодаря пластичности самой темпоральности (*перевод мой – Я.С.*)» [6. С.208]. Мы не изменим теоретического значения пластичности, если скажем, что и прошлое обладает подобной «гибкостью».

Способность принимать и производить форму, иначе конституировать нарратив, не имеет жестких ограничений. Нарратив как продукт символического «ограничен не меньше, чем рука скульптора» [1.С.124]. Свидетельством этого является то, что Жижек и Лакан называют инерцией. На одном из своих семинаров Лакан продемонстрировал, что в рамках символической игры «человеческий субъект отнюдь не является в этой игре инициатором... Он представляет собой лишь элемент той цепочки, которая, будучи развернута, организуется, следуя собственным законам» [4.С.272]. Символическая инерция ретроактивно определяет статус и функции субъектов в рамках символического акта. Для полноты понимания связи этой инерции с пластичностью, необходимо вспомнить инверсированное понимание Жижека инерции уже Реального. Анализируя «вселенную извращения», Жижек приходит к выводу о том, что она предстает как «избавленная от оков инерции Реальности» [3.С.129]. Если мы синтезируем представления об инерции символического и Реального, то получим, что символическое определяет субъекта, но также оно определяет и искажает Реальное.

Символическая инерция при сопротивлении Реального дает возможное поле нарративному действию и сфере этического, поскольку в противном случае мы были бы вынуждены столкнуться с «истинной истории». Вторжение прошлого таким какое оно есть в психическую область субъекта привело бы к отмене темпоральности и разрушению нарратива. Нечто подобное было описано Томми Моррисон в произведение «Возлюбленная», когда прошлое явилось к главной героине в качестве «живого мертвеца»: «мама пыталась загладить свое преступление, а Возлюбленная без конца заставляла ее расплачиваться. Но этому никогда не будет конца!» [5]. Материализованный призрак убитой дочери мог заставлять Сэти из раза в раз каяться в силу того, что мать была более не способна совершать «нарративные броски» в прошлое с целью найти такой нар-

ратив, который мог бы придать ее действиям адекватное оправдание. Джош Тот указывал в этой связи на то, что для Сэти буквально «пропало время» [1.С.139].

Между нашими нарративами, конституированными пластичностью, и прошлым лежит разрыв, который отделяет нас от столкновения с травматическим. Единственной инстанцией, защищающей нас от вторжения Реального, является фантазм. Фантазм в лакановском психоанализе призван заполнить фундаментальную нехватку в Другом, защитить субъекта от вопроса Другого: «Чего ты хочешь?». Произвольность идеологической интерпелляции ставит субъекта перед отсутствием референта своего символического мандата. Тем самым, субъект прибегает к социальному фантазму, иначе к идеологической структуре, которая могла бы стать «экраном» от вопроса и желания Другого.

Идеология может выступать инстанцией производства собственных нарративов, что становится возможным благодаря наличию социально-идеологического фантазма. Идеологические спекуляции о прошлом выступают основой существования идеологии сегодня. Понятие «супергибридность», первоначально относящееся к критике искусства, может быть также применено к анализу идеологии [1.С.173]. Супергибридность тогда представляет собой совокупность диахронически различных образов и означающих, структурированных в рамках единого идеологического поля. Идеологический нарратив отсылает к этим образам и означающим, чтобы внедрить темпоральное единство уже в саму идеологию.

Отсутствие же социально-идеологического фантазма означало бы невозможность скрыть фундаментальный антагонизм общества: «фантазм - это именно тот способ, каким маскируется пропасть антагонизма» [2.С.132]. Более того, это автоматически означало бы, что пропасть между Реальным социального антагонизма и субъектом исчезает, что привело бы к монструозному смешению Реального и символического. Подобное смешение способно уничтожить всякую пластичность и, следовательно, наши нарративы.

Пластичность истории, таким образом, поддерживается социально-идеологическим фантазмом, заполняющим пустоту в Другом и скрывающим разрыв социального поля. Фантазм выступает закономерным ответом на попытки вторжения Реального в жизнь субъекта, а нарратив попыткой структурировать наш разрозненный опыт в идеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ван дер Аккер Р.* Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма. М.: РИПОЛ классик, 2019. 494 с.
2. *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 235 с.
3. *Жижек С.* Искусство смешенного возвышенного. О фильме Дэвида Линча «Шоссе в никуда». М.: Европа, 2011. 168 с.
4. *Лакан Ж.* Семинары. Книга 2. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. М.: Гнозис, Логос, 1999. 520 с.
5. *Моррисон Т.* Возлюбленная // 100 лучших книг всех времен [Электронный ресурс] // URL: https://www.100bestbooks.ru/files/Morrison_Vozlyublennaya.pdf (дата обращения: 29.03.2021).
6. *Malabou C.* The Future of Hegel: Plasticity, Temporality and Dialectic. New York: Routledge, 2004. 296 с.

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ФИЛОСОФИИ

М.А. Сорокина

Научный руководитель: д.ф.н. Л.В. Шиповалова

СПбГУ

Что такое неопределенность? Мы имеем возможность сделать лишь предварительный набросок ответа, а потому неопределенность будем мыслить как обобщающий термин для следующих понятий: хаос, вероятность, контингентность. Несомненно, когда мы направляем собственную мысль в онтологическом русле, то почти неизбежно оказываемся перед проблемой основания вообще любого высказывания о бытии или о некотором регионе сущего (исходя из региональной онтологии М. Хайдеггера) этого бытия. Долгое время западная культура исходила из представления порядка (космоса, логоса, определенности, закона) в качестве главного основания, что окончательно оформилось в философии модерна. Так, еще во «Всеобщей естественной истории и теории неба» И. Кант оставлял для нас противника порядка – хаос – только как область, в которую возможно погрузиться благодаря способности воображения [5.С.210]. В остальном, как для Канта, так и для других мыслителей модерна сама идея хаоса представляется чем-то беспорядочным (в негативном смысле), находящимся за границами конечного творения, а, следовательно, малоинтересным понятием. Ибо все, в том числе, сама природа, все же стремится к порядку, который и достоин большего внимания, восхищения и изучения.

Тем не менее, ничто не может длиться вечно, поэтому и на смену философии модерна пришли сначала «философы подозрения» – Ф. Ницше, З. Фрейд, К. Маркс, – а затем и мыслители, которых принято объединять под именем постмодерна (постструктурализма). Глобальные проекты в духе деконструкции Ж. Деррида отныне все сильнее проблематизировали комфортную идею реализации мира как организованного в соответствии с четко установленными, неопровержимыми законами и порядком. То, что было основанием отныне разрушалось, а вместе с тем и сам концепт «основания» подвергался критике. В противовес незыблемым законам, философия XX–XXI столетий активно принимает и развивает идеи о неопределенном: хаотическом, стохастическом, контингентном. Взамен корневым древовидным схемам Дидро перед нами предстает «ризом» Ж. Делеза и Ф. Гваттари, а вместо однозначного противопоставления «нормы» и «патологии» психического здоровья мы наблюдаем самый сложный психиатрический дискурс, разработанный Э. Минковски, Ж. Лаканом, М. Фуко, Ж. Кангилемом.

Однако не только философия погружается в сложную бездну неопределенного. «Эффект бабочки» Э. Лоренца, термодинамика открытых систем И. Пригожина, «Фрактальная геометрия природы» Б. Мандельброта способствовали пересмотру классических идей математики и естественных наук. Верховенство порядка потерпело поражение даже в нашем понимании работы сердца, которое в здоровом состоянии ритма имеет необходимый хаотический элемент, о чем свидетельствуют авторы коллективной монографии Института биологии моря ДВО РАН [4.С.82]. Так или иначе, но всюду мы видим не просто конструктивную роль неопределенности, но необходимую. Вероятности и хаос полагают

не свободу-произвол, а мир возможностей и вероятность адаптации и построение подлинного разнообразия.

Разумеется, мир вечной неопределенности и изменений одного на другое кажется трагичным. Сам факт существования, возможно катастрофичен, ибо мы не можем не меняться – в том числе с одной противоположности на другую. В этом смысле «последний человек» Ф. Ницше приобретает совершенно новые грани для понимания – последние люди бояться именно элемента хаотического и исключают его, дабы якобы «в меру» довольствоваться желаемым. [6.С.17] Проблемой, однако, выступает сам факт невозможности раз и навсегда предустановленной меры – любая гармония выступает только как динамика, и лишь на редкие мгновения – как статика. До сих пор причудливым феноменом человечности остается страх потерять статику, определенность, привычное. Мы в ужасе отступаем перед вызовом того, что Б. Вальденфельс окрестил как «чужое» - оно будоражит тем, что чуждо нам в радикальном смысле – его тотально невозможно включить в «мой» мир даже как другое. Однако мы так же не имеем права закрывать глаза на разрушающиеся парадигмы, системы, иерархии порядка. Именно поэтому нам как мыслителям необходимо принять вызов неопределенности, дабы созидать новые функциональные структуры внутри онтологического поля науки и философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вальденфельс Б.* Мотив чужого. Минск : ПроPILEI, 1999. 175 с.
2. *Гваттари Ф., Делез Ж.* Что такое философия? М.: Академический Проект, 2009. 261 с.
3. *Глейк Дж.* Хаос: создание новой науки. СПб: Амфора. 2001. 398 с.
4. *Исаева В.В., Каретин Ю.А., Чернышев А.В., Шкуратов Д.Ю.* Фракталы и хаос в биологическом морфогенезе. Владивосток : Дальнаука, 2004 (Тип. ГУП Изд-во Дальнаука ДВО РАН). 162 с.
5. *Кант И.* Всеобщая естественная история и теория неба. Сочинения в шести томах. Т.1 М.: Мысль, 1963. 543 с.
6. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Собрание сочинений Т. 4. М.: Культурная революция, 2017. 432 с.
7. *Порус В. Н.* Рациональность, наука, культура // Сборник. М.: Университет Российской Академии образования. Кафедра философии, 2002. 352 с.
8. *Пригожин И. Р., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: УРСС, 2003. 310 с.
9. *Фуко М.* Психическая болезнь и личность. Санкт-Петербург: Гуманитарная академия, 2009. 316 с.
10. *Mandelbrot B.B.* The fractal geometry of nature. Freeman: N.Y. 1983. 468 p.

СРАВНЕНИЕ КОНЦЕПЦИЙ «ЗАКРЫТОГО» И «ОТКРЫТОГО» ОБЩЕСТВ АНРИ БЕРГСОНА И КАРЛА ПОППЕРА

Д.Ш. Ташкенова

Научный руководитель: д.п.н. А.В.Манойло А.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Концепции «закрытого» и «открытого» обществ в современной научной литературе принято связывать с именем британского философа Карла Поппера, который использовал эти понятия в своей знаменитой книге «Открытое общество и его враги» [4]. Однако, впервые этот термин ввел в научный оборот французский философ Анри Бергсон в своей работе «Два источника морали и религии» [1]. В статье рассматривается развитие данных концепций, представляющих собой удивительный пример переплетения двух противоположных философских учений. С одной стороны, хоть их разработка происходила в примерно близкий период истории (30–40-е годы), но, с другой стороны, она совершалась философами-антагонистами, которые принадлежали к разным идейным традициям (критический рационализм и философия жизни). Именно разгадка этой случайности (или не случайности) позволяет автору глубже рассмотреть истоки концепции тоталитаризма и переориентироваться на бергсоновское понимание «открытого» общества, с которыми все чаще сравнивают нынешние демократические государства.

Рассуждая на тему «закрытого» и «открытого» обществ, Карл Поппер в «Примечаниях» отмечает, что позаимствовал термины у французского коллеги [4. т. 1, С. 251–252]. При этом, автором делается акцент на том, что лишь использованием терминологии дело и ограничивается, поскольку он прямо противопоставляет свою концепцию бергсоновской в дихотомии рациональное и мистическое. Именно это сужение существенно искажает смысл учения Анри Бергсона, с которым у Карла Поппера существует и общее при множестве различий.

В первую очередь оба мыслителя исходят из того, что «закрытое» общество в историческом плане появилось первым и обладало такими признаками, как приоритет общего над частным, вера в магию, отсутствие наук, религиозность, статичность. «Открытому» обществу приписывается динамичность, прогрессивность, приоритет частного над общим, опора на науку. Данные признаки являлись общим фундаментом развития концепции у обоих мыслителей.

Во-вторых, при этом можно выделить некоторые различия данной концепции. Карл Поппер, отбрасывая все, что было связано у Анри Бергсона с мистикой и религией сохранил лишь то, что ему казалось «рациональным», то есть «демократические институты и процедуры», тем самым упрощая его концепцию. Это главное концептуальное различие в учениях двух мыслителей. Так, Анри Бергсон считал, что разум слишком грубый инструмент для познания и ставил выше разума интуицию. Таким образом, «открытое общество» Анри Бергсона постигаемо интуитивно и путь к нему лежит через творческие порывы, а не социальную инженерию.

В-третьих, при своей концепции разработке Карл Поппер по сути дела противопоставлял «закрытое» общество «открытому», которые подходили под реалии современных ему тоталитарных и демократических государств. В рамках

такого сопоставления переход от одного общества к другому рассматривается как «напряжение цивилизации», вызванное стремлением людей стать рациональными, лично ответственными за каждое продвижение в знании. В то время как изначально у Анри Бергсона переходный период очень четко обозначен и именуется фазой «открывающегося» (динамизирующегося) общества. Мыслитель подчеркивал, что открытость и закрытость – это два разных состояния, в которые невозможно перейти без глубинных, сущностных изменений простыми механическими действиями простое открытие «закрытого общества» не приведет к желаемым переменам. «Путем простого расширения мы никогда не перейдем от закрытого общества к открытому, от гражданской общины к человечеству. Они различны по своей сути» [1.С.289].

Впоследствии данная «рациональная» корректировка концепции Анри Бергсона была сведена Карлом Поппером к дихотомии «закрытого» и «открытого» обществ. Именно это позволило распространить новый смысл термина «тоталитаризм» в XX веке в его негативной коннотации, которая ныне неразрывно связана с попперовской концепцией «закрытого» общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бергсон А.* Два источника морали и религии. М., 1994
2. *Ермолаев И.А.* Возвращение «открытого общества» А. Бергсона // *Личность. Культура. Общество.* Т.15. вып. 2. 2013. С. 153–158.
3. *Петросян В.К.* Компаративистский анализ концепций «открытого общества» А. Бергсона и К. Поппера // *Социологический журнал.* 2009. № 3. С. С. 118–131.
4. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. В 2 т., М., 1992.

ЭГОЦЕНТРИЗАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ СОЦИАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ

Ж.А. Уктамов

Научный руководитель: к.ф.н. А.М.Сабирзянов

Казанский национальный исследовательский технический университет им.

А.Н.Туполева - КАИ

Одной из проблем человеческого существования было и остается проблема отчуждения. Казалось бы, с развитием информационных технологий, когда расстояние уже не становится проблемой для того, чтобы связаться с другими людьми, отчуждение человека от общества ожидаемо должно было, если не исчезнуть, то снизиться. Но мы видим, что современные телекоммуникационные технологии, не только не снизили отчуждение человека от общества, но даже усугубили и дали толчок для появления более новых форм социального отчуждения. «Отсутствие связанности с какими-либо ценностями, символами, устоями мы можем назвать моральным одиночеством. И можем утверждать, что моральное одиночество так же непереносимо, как и физическое; более того, физическое одиночество становится невыносимым лишь в том случае, если оно влечет за собой и одиночество моральное» [2. С.9].

В условиях рыночных отношений и жесткой конкуренции, чуть ли не во всех сферах жизни, человек вынужден искать выгоду «здесь и сейчас». В эпоху постмодерна и цифрового общества люди уже не верят, в какие-то благие цели ради общества, в гарантии демократии, государства, в обещания политиков. Важным становится только то, что прямо касается самого человека, его жизнедеятельности. Сама идея некоего будущего всеобщего блага становится неактуальной. На отдельных людях все эти процессы отражаются в виде все большей эгоцентризации. Феномен эгоцентризма становится результатом, как внешних социальных изменений, так и внутренних ценностных установок.

Достаточно часто людям приходится переступать за нравственные принципы для достижения своих личных целей, использовать других людей лишь как средство. Но при этом человек понимает, что другие тоже могут использовать его для извлечения личной выгоды.

Сильно снижается доверие к другим людям, становится просто невозможно поверить, что у людей могут быть благие и бескорыстные намерения. Основным двигателем взаимоотношения людей становится своекорыстный интерес и извлечение собственной выгоды, т.е. каждый субъект общества действует только в своих личных интересах. Само бытие отдельно взятых людей становится замкнутым только на самом себе. В таких условиях, ни о каком общественном благе не идет и речи, наоборот, человек нередко противопоставляет себя обществу, как к фактору, подавляющую и ограничивающую его личную свободу.

Человечность уходит на второй план. На первое место встает функциональность и тотальная прагматичность. А это есть атрибуты машинного, механистического мышления. Сливаясь с технологиями, человек «превращается в машину», которая стремится все оптимизировать, вплоть до человеческих отношений. От такого «расчеловечивания», страдает такой аспект человеческого бытия как душа, что усиливает феномен отчуждения.

Можно сказать, что все эти процессы являются негативным следствием существования человека в «обществе потребления», где потребление становится не средством для удовлетворения потребностей, а основной жизненной целью.

Осмелюсь выдвинуть гипотезу о том, что человек, отчуждаясь от общества и не находя качественной социализации (морально-психологическое опустошение), осознано или неосознанно пытается компенсировать эти важнейшие духовные потребности достижением материальных благ, ожидая того самого чуда от потребления, что и является основой «общества потребления». Но, стоит так же отметить, что стремление людей к личной выгоде может быть вызвано и низким уровнем доходов большинства населения, и дефицитом материальных благ. Так же не стоит забывать, что человек отчуждаясь от своего труда, превращает «свою *сущность* только лишь в средство для поддержания своего *существования*» [1. С.566]. Но это иллюзорное чувство дефицита некоторых материальных ценностей может быть вызвано манипулированием сознания с помощью мощных рекламных технологий.

Хотя в современном постмодернистском контексте говорится об отсутствии абсолютных норм морали, надо понимать, что «новой» моралью становится индивидуализм и эгоизм, которые все больше употребляются в позитивном ключе. Происходит переоценка ценностей.

Надо так же понимать, что вышеописанные процессы, конечно же, не являются абсолютными и верными во всех смыслах, но все же это тренд развития общества в ближайшее будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974.
2. Эрих Фромм. Бегство от свободы / пер. А. Лактионов. М.: ООО Изд-во «АСТ МОСКВА», 2009.

НОМО УТОPIСUS, ИЛИ ЕЩЕ ОДНА ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ПОСТМОДЕРНИЗМ ВЫСТАВИЛ СУБЪЕКТА ЗА ДВЕРЬ И ПРОТАЩИЛ ЕГО ОБРАТНО В ОКНО

А.П. Фоменко

Научный руководитель: к.ф.н. В.В. Петренко

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Homo sapiens, homo faber, homo ludens, homo sacer, homo academicus, homo significans, homo economicus... Образы и модели человека, нарисованные философией, достаточно многочисленны. В том числе и поэтому сегодня в академических кругах все чаще приходится слышать не столько о цельной и монолитной личности, сколько о ее множественных идентичностях. Хотя, разумеется, нельзя забывать о той ответственности за расщепление и раскол субъекта, что возлагают на постмодернизм, в целом верно подметивший веяния. Споры вокруг последнего как будто поутихли, и попытки «воскрешения» субъекта в прежнем виде ведутся уже не так рьяно. Вместе с тем утверждения о необходимости формирования человека нового типа и образца звучат все отчетливее. Во многом это связано с тем, что эксперты из самых разных областей изо дня в день либо фиксируют старт очередного кризиса, либо подсчитывают социальные издержки кризиса иссякшего, либо подготавливают публику к кризису грядущему. Куда ни глянь, кругом кризис – финансовый, экономический, политический, военный, глобализационный, ценностный, духовный и т.д. В связи с этим активнее разворачиваются дискуссии вокруг вопроса об альтернативных решениях и сценариях развития, и, как следствие, вокруг того, как научить человека жить и действовать, постоянно заглядывая за горизонт. На вопрос «как научить?» мы здесь, конечно, не ответим. Но что касается того, субъект какого типа и модель человека какого рода могут функционировать в нестабильных и непредсказуемых условиях, не разрывая при этом личность на отдельные куски и фрагменты окончательно, но и не замыкая ее в вечном тождестве, а позволяя единству находить себя в многообразии, то одну версию с подачи философов-постмодернистов мы все-таки предложим.

В свое время эффектно раскритиковавшие как то, что было до них, так и то, что наличествовало перед ними, постмодернисты, однако, не могли ничего поделаться с принципом дверных петель в философии, а потому озвучивали свою критику не из какого-то безвоздушного пространства, а заняв определенные позиции. Так, по словам Ж. Бодрийера, отвергая «царство того же самого», он попытался «подвергнуть наше общество политической критике с позиции, которую можно, по-видимому, назвать позицией утопии» [3.С.46, С.18]. В самом деле, на какой еще позиции можно сокрушаться о превращении утопии в потерянный объект [4]? И на какой еще позиции можно признавать социальное за силу лишь тогда, когда оно располагается в сфере утопии, и восклицать, что я «всегда захвачено тем, чем могло бы стать» [3. С.162]? Говоря, что «никогда не нужно становиться на сторону реального, на сторону точного сходства мира с самим собой, субъекта с самим собой», Ж. Бодрийер дает понять, что выбирает «остров утопии, противопоставленный континенту реального» [4. С.141, С.159].

Пусть уже не в таком явном виде, но похожая тенденция рассматривать субъект в связке с явлениями, вполне встраивающимися в логику утопического,

может быть найдена еще у нескольких авторов. Так, например, Р. Барт описывает субъекта «неуютно чувствующим себя в своей современности, явившимся либо слишком поздно, либо слишком рано» при том, что «это слишком <...> приглашает занять никакое место» [1. С.514]. Стоит ли напоминать этимологию слова «утопия» и подчеркивать, что конструирую желанное, но не существующее, то есть никакое, место, утопия чаще всего располагает его в будущем, которое еще только наступит, или в прошлом, которое уже осталось позади?

Не говоря об утопическом открытом тексте и анализируя только внутренний опыт, Ж. Батай называет субъекта утомленным самим собой и приговоренным к желанию быть другим настолько, что он «летит прочь от себя как субъекта, вливается в неразличимую тьму возможностей существования» [2.С.120]. Не подобного ли рода посыл, пусть менее персонализированный и более коллективистский, так или иначе лежит в основе любой утопии?

М. Фуко пишет, что «для классического мышления утопия была, скорее, грезой о первоначале», которое «связывает человека с тем» и «пробуждает в нем все то, что ему не современно» [8. С.287, С.352]. По его же оценке, «в XIX веке утопия относится скорее к концу времен», «это уход в будущее, побуждение <...> высмотреть где-то впереди, на вечно отступающей линии горизонта» нечто иное [8. С.287, С.353]. Какой же тогда предстает утопия для мышления более позднего типа, приближенного к нашему дню? Как эстафетную палочку тему подхватывает Ж. Делез. Говоря о современных ему обществе и философии, он упоминает сатирическую утопию С. Батлера «Erewhon», название которой является анаграммой английского слова «nowhere» (нигде), которое в свою очередь может быть разложено на два других слова – «now» (сейчас) и «here» (здесь). Подмечая эту деталь, Ж. Делез заявляет, что «вслед за Сэмюэлом Батлером мы открываем Erewhon как означающее одновременно исходное «нигде» и «здесь-сейчас», смещенное, замаскированное, измененное, постоянно пересоздаваемое» [5 .С.11]. Судя по всему, как раз такому раскладу и соответствует описываемый Ж. Делезом и Ф. Гваттари «странный субъект <...>, перерождающийся с каждым состоянием» и каждый раз говорящий «итак, это я, итак, это я...» [7. С.34].

Отсюда, можно предположить, что в определенном смысле в рамках французской философии постмодернизма обнаруживаются контуры специфического концептуального персонажа – homo utopicus, который недоволен наличествующим и восстает против засилья тождественного и повторения того же самого, который призывает искать и занимать некое место, чтобы откуда-то говорить, что-то делать и кем-то становиться, который отводит достаточно большую роль человеческому желанию и творчеству и в дискурсе которого периодически появляются отсылки к утопии. Разумеется, его не удастся найти за каждым текстом каждого автора, ассоциируемого с постмодернизмом. «Концептуальный персонаж как таковой может появляться довольно редко или же лишь намеком», однако о его существовании можно догадаться по тем уликам, которые он оставляет и которые порой, как, например, в случае с Ж. Бодрийяром, даже не пытаются прятать [6. С.73].

Как И.Кант когда-то вынес вопрос о Боге за границы познавательных способностей человека, но заявил о долженствовании его существования, исходя из этических соображений, так и постмодернизм, с одной стороны, ясно дал понять, какого именно субъекта больше не существует и каким он не может и не

должен быть, а с другой стороны, скромно, тихо, подспудно, порой между строк описал, каким субъект все-таки быть должен или, как минимум, может. Именно этот с трудом различимый образ, как нам видится, может оказаться как никогда своевременным и современным в контексте непрекращающихся кризисов развития сегодняшнего мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. *Батай Ж.* Внутренний опыт. СПб.: Аxiома / Мифрил, 1997. 336 с.
3. *Бодрийяр Ж.* Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 200 с.
4. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция / Пер. О.А. Печенкина. Тула, 2013. 204 с.
5. *Делез Ж.* Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. 384 с.
6. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? М.: Академический Проект, 2009. 261 с.
7. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
8. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-cad, 1994. 408 с.

БИОПОЛИТИКА КАК МЕХАНИЗМ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. И. Шипицин

Научный руководитель: к.ф.н. В.В. Петренко

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Пандемия COVID-19 актуализировала тему биополитики как практики управления. Проблема обеспечения коллективной безопасности свидетельствует о том, что в настоящий момент происходит новая этапизация биологического т.е. объективирование естественной жизни человека в рамках властных стратегий. Конфликт между требованиями либеральной теории и необходимостью сохранять жизнь людей в условиях чрезвычайной ситуации привел странах Запада к дилемме: спасение экономики или жизни?

Наш тезис заключается в том, что такой проблемы выбора нет: либерализм всегда направлен на максимизацию естественной жизни человека, увеличение капитала его тела ради эффективного функционирования в рынке. Биополитика есть реализация данной задачи.

Классическая либеральная теория поставила в центр картины мира homo oeconomicus, который определяется двумя моментами: способностью иметь интересы и участием в рынке как пространстве столкновения интересов других индивидов. Рынок в либеральной теории характеризуется саморегуляцией, им никто не может управлять. Рынок есть поле свободы индивидов и их интересов, а любое централизованное управление уничтожает саму идею рыночного образования. Однако, это вовсе не означает, что либерализм принимает анархию, ведь политика как практика управления и государство как инструмент не отрицаются. Следовательно, либерализм не принимает свободу как некоторую данность, а он скорее ее конструирует. М. Фуко пишет так: «При либеральном режиме, при либеральном искусстве управлять свобода действия предполагается, провозглашается, она необходима, она служит регулятором, но нужно еще, чтобы ее производили, и чтобы ее организовывали» [1. С.88]. Обеспечение «свободы» всегда связано с расширением контроля за теми, кто в области этой «свободы» находится (реализация свободного рынка подразумевает введение антимонопольного законодательства). Если задача либерализма состоит в заботе о рынке как пространстве «свободы» интересов индивида, то, значит, его задачей является и забота о жизни индивида. Организовать свободный рынок означает обеспечивать жизненные функции человека, необходимые для безопасного функционирования в рынке, находится за пределами которого недопустимо.

Здесь либерализм и связан с биополитикой. Меры социальной поддержки, возведение здоровья в культ, провозглашение жизни человека «проектом», который необходимо успешно реализовать, – все это стратегии биополитического управления безопасностью, цель которых заключается в максимизации жизни индивида, увеличении человеческого капитала и длительном его сохранении. Акцентирование биологической стороны экономики и человека кажется сомнительным, но необходимо учитывать, что человек не осознает своей биологии, а природа воспринимается им как результат всегда готовый.

Таким образом, отметим, что в условиях пандемии постановка в либеральных обществах проблемы выбора между спасением экономики и спасением

жизни несостоятельна. Для либерализма организовать свободу значит иметь возможность обеспечить эту свободу рыночному человеку, но вместе с тем, это подразумевает и работу с его жизнью, чтобы она могла функционировать в рынке. В пандемию, спасая жизнь, либерализм одновременно спасал и экономику, вопрос заключался лишь в экономии введения биополитических механизмов безопасности, их эффективности в предупреждении заражения и последствиях применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. 448 с.

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО И ПАНДЕМИЯ COVID-19: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Т. Б. Алябьева

Научный руководитель: к. ф. н. Д. Л. Ситникова

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет*

В 2020 году мир потрясла пандемия COVID-19, которая повлекла за собой множество неожиданных последствий. Пандемия показала, какие проблемы в настоящее время стоят перед человечеством. В XXI веке цифровые технологии стали неотъемлемым компонентом практически во всех сферах общества – начиная от онлайн обучения и заканчивая разработкой вакцин. Однако известно, что на текущий момент около 35,8% населения Земли не имеют доступа к Сети [6]. Мы проведем философский анализ данной проблемы и обозначим возможные пути ее решения.

Сегодня доступ к информационно-коммуникационным технологиям и базовые навыки поведения в цифровой среде становятся тем минимумом, который необходим для реализации прав человека, например, права на образование. В эпоху пандемии высшие учебные заведения столкнулись с переходом на дистанционное обучение. Однако, как выяснилось, не все студенты обладали равным доступом к технологиям, с помощью которых осуществлялось обучение. Данная ситуация показывает, что общество, несмотря на стремительное распространение технологий, сталкивается с проблемой цифрового неравенства.

Цифровое неравенство – это разрыв между индивидами, географическими районами на социально-экономическом уровне, связанный с доступом к информационным технологиям [1.С.4]. Этот вид социального неравенства появился во второй половине XX века в связи с повсеместным распространением информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), которые постоянно развиваются, поэтому современное неравенство является динамической проблемой, которая имеет социальные, политические, культурные и этические аспекты. Данный вопрос не рассматривается как техническая или экономическая проблема – это вопрос, требующий глубокого философского осмысления.

Проблема цифрового неравенства привлекла интерес исследователей еще в конце XX века, когда в общество начали проникать ИКТ, меняющие привычный уклад жизни. Еще до пандемии были разработаны такие программы по

борьбе с информационным неравенством, например, в России еще в 2003 году был принят Федеральный закон «О связи» [4]. Целями ФЗ №126 являются: создание условий для оказания услуг связи на всей территории страны и содействие внедрению перспективных технологий.

Естественно, что в то время, когда началась пандемия COVID-19, компании, которые обеспечивают выход в Интернет и государства, уже понимали важность равного доступа всех граждан к всемирной сети в этот сложный период. Согласно исследованию UNESCO, большинство из 61 опрошенных стран реализовали те или иные меры для дистанционного обучения [5]. Студенты и ученики получили доступ к «удаленному» образованию, и отмечается востребованность цифрового формата обучения; вероятно, что элементы дистанционного обучения будут использоваться в будущем. Компания «Ростелеком» ввела безлимитное общение для домашних телефонов – бесплатные звонки могут осуществляться как на местные городские номера, так и на мобильные [2]. Для пользователей домашнего Интернета было обещано обеспечить максимальную скорость передачи данных, что позволило бы большему количеству людей обучаться и работать удаленно.

Однако, несмотря на принятые меры, возникли и некоторые проблемы. «По оценкам НИУ ВШЭ, <...>, полноценный доступ к онлайн-обучению перед началом пандемии не имели 22% детей. В сельской местности эта доля достигает трети, а в ряде регионов – 50%» [3]. В свете сложившейся ситуации можно проследить усиление неравенства между семьями, что качественно влияет на уровень образования детей.

Итак, цифровое неравенство – следствие множества причин, связанных в тугой клубок проблемами прежнего переходного и современного периода. Мы видим, что пандемия COVID-19 выявила особенности современного социального неравенства – оно носит не только экономический характер, но и значительно зависит от доступа людей к Интернету. Во время самоизоляции все мы стали критически зависимы от Сети и скорости передачи информации. Большая часть нашей жизни – работа, возможность продолжать образование, удаленное общение с родственниками и друзьями, бесконтактные покупки товаров, снижающие риск заражения COVID-19 и т.д. – была бы невозможна без доступа к Интернету. Поэтому люди, у которых нет этого доступа, оказались в неравном положении. Сегодня мы можем по-новому оценить значимость цифрового неравенства – в информационном обществе с цифровой экономикой оно становится основанием для усиления других типов социального неравенства – экономического и образовательного. Цифровое неравенство является потенциальной базой для нарушения прав человека на труд и образование, его необходимо устранять и предупреждать. Общество уже привыкло помогать малоимущим, сейчас оно должно научиться помогать тем, у кого нет выхода в Интернет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дедюлина М.А. Цифровое неравенство: философское осмысление // *Studia Humanitatis* №2. 2017. 23 с.
2. Зароков И. «Ростелеком» ускорил интернет на время карантина [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2020/03/20/reg-szfo/rostelekom-uskoril-internet-na-vremia-karantina.html> (дата обращения 03.04.2021).

3. *Звягинцев Р.* Образовательное неравенство в зеркале пандемии [Электронный ресурс] // URL: https://vogazeta.ru/articles/2021/4/7/Neravenstvo/16880-obrazovatelnoe_neravenstvo_v_zerkale_pandemii?fbclid=IwAR2mpV5Dlh3AO8QthrY1QAAvWCotZTBv7FA3Ij83R_R4mn9y7PyNicNvCGA (дата обращения 09.04.2021).
4. *Федеральный закон «О связи» от 07.07.2003 № 126* [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ (дата обращения 05.04.2021).
5. *10 ИТ-отраслей*, которым пандемия дала мощный импульс к развитию [Электронный ресурс] // URL: <https://hightech-fm.turbopages.org/hightech-fm/s/2020/11/06/ten-it-pandemic> (дата обращения 06.04.2021).
6. *Internet usage statistics* [Электронный ресурс] // URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (дата обращения 29.03.2021).

НЕКЛАССИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ КАК АЛЬТЕРНАТИВА КОРРЕСПОНДЕНТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТИНЫ

Е.С. Артюх

Научный руководитель: к.ф.н. Н.В. Николина

Национальный исследовательский

Томский государственный университет

С развитием науки и философии появляются все новые смыслы, вкладываемые в понятие «истина», и поэтому нельзя с помощью одного конкретного критерия определить является ли наше знание истинным. Процесс познания не стоит на месте и требует утверждения новых подходов к истине и аспектов ее проблематизации. Концепция корреспонденции истины считается ключевой, но не единственной верной. В современной философии совмещаются онтологический, гносеологический, аксиологический, антропо-аксиологический и телеологический подходы к проблематизации истины. Истина является не менее важной категорией и в научном познании [3]. Поэтому, при взаимодействии философии и науки принимается мнение о том, что не существует одного верного подхода к трактовке истины и отказа от остальных как от неверных. Таким образом, возникает кризис классической концепции корреспонденции истины, вследствие этого возникают идеи вовсе отказаться от данной теории и ставят под сомнение необходимость такой категории (которая потеряла свой первоначальный смысл). После понимания, что классическая концепция не удовлетворяет требованиям, возникшим при современных исследованиях, возникает необходимость введения других теорий истины. Каждая из появившихся теорий имеет свои требования для того, чтобы признать суждение истинным.

Я. Хинтиikka отмечает кризис классической концепции истины и пишет, что этот кризис ведет к поиску таких ответов, которые находятся и в области различий уровней философского определения истины (т.е. выделение критериев и носителей истинного знания) и в раскрытии общих методов работы с рациональными суждениями. При концептуализации истины можно столкнуться с проблемами, связанными с двойственностью понимания языка: как универсального метафизического допущения в поиске истины, и как модель технически рационального определения истины. Я. Хинтиikka склоняется к первому варианту, так как истина может быть определена и для «разговорного языка» [4].

В XX веке помимо концепции корреспонденции появляются и другие: когерентная, прагматическая, конвенциональная, семантическая. Корреспондентная теория продолжается в неоплатонизме и неоаристотелизме, неотомизме и реализме. Когерентная теория получила продолжение в логическом позитивизме Р. Карнапа. Здесь же, в XX веке, появляется еще одна теория истины – теория консенсуса, смысл которой заключался в том, что экспертам, осведомленным и компетентным, нужно найти решение, устраивающее всех, т.е. прийти к консенсусу [2]. Данная теория имеет место и в прагматизме и подчеркивает, что понятие истины имеет место и в повседневной коммуникации людей и в научной среде. В качестве же критики данного подхода выдвигается тезис о том, что для данной теории вопрос об истине становится второстепенным, уступая место вопросу о достоверности.

Неклассические теории истины имеют философский статус и стремятся заменить собой корреспондентскую теорию истины (которая несмотря ни на что до сих пор считается главной). Для того, чтобы найти альтернативные методы рационального исследования кризиса классической концепции истины следует различать сами теории истины и их философские основания. Данный вопрос становится весьма затруднительным для исследователей и примером тому может послужить Х. Патнэм и его «прагматический реализм», отвергающий корреспондентную теорию истины. Истиной теперь считается то, что является рационально приемлемым при «идеальных эпистемических условиях». С помощью теории когеренции он обосновывает так называемый «внутренний реализм», представляющий собой систему, совмещающую в себе позиции реализма и идеализма. Х. Патнэм считает понятия истины и рациональности нетождественными, так как рациональность является исторически зависимой от конкретных культурных условий [1]. Чтобы «защитить» теорию корреспонденции истины ранее Патнэм критиковал позиции антиреализма Т. Куна и П. Фейерабенда, теперь же Патнэм опирается на новую трактовку понятия истины (как «правильной, верифицированной в достаточной мере, чтобы гарантировать принятие истины, конвенции, зависимой в целом от контекста и способов употребления понятий языка») [1]. Таким образом, с помощью «реалистической» когеренции мы можем трактовать истину как соответствие идеи и явления, языка и реальности. Появление «человеческого фактора» в качестве одной из причин в анализе истинных высказываний, ставит такие высказывания в зависимость от контекста. И такой антропологический контекст усложняет решение проблем, направленных на теорию корреспонденции. Вследствие этого, многие не признают классическую концепцию, так как она обосновывает «метафизический реализм и трансцендентализм».

Истина допускает априорную возможность рассуждения о сущности самой истины. Из чего следует, что такое свойство истины как трансцендентальность не имеет отношения к корреспондентной истине. Поэтому, следует так же отметить, что такой вывод предполагает появление возможности обращения к неограниченной области значимости бытия, а не только объяснение того, что действительно и подразумевается как истина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Патнэм Х. Разум, истина и история / Пер. с англ. Т.А. Дмитриева, М.В. Лебедева. М.: Праксис, 2002. 296 с.
2. Тетюев Л.И. Как возможно современное понимание истины: трансцендентальные основания и статус // Мир человека: нормативное измерение-2: Сб. науч. тр. Саратов: Изд-во ГОУВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. С. 61–65.
3. Ухов А.Е. Проблематизация истины в классической и неклассической эпистемологии: системность и вопрос о соотношении знания и действительности: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01/ Артем Евгеньевич Ухов. Иваново, 2014. 167с.
4. Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980. 448 с.

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

С.А. Архипов, Г.О. Сединкин

Научный руководитель: к.ф.н. С.В. Ковыршина

Сибирский государственный индустриальный университет

Актуальность статьи обусловлена тем, что в настоящее время самыми востребованными являются специалисты технического профиля. Становление постиндустриального общества неразрывно связано с освоением необходимых компетенций еще этапе получения среднего, а потом и высшего образования. Одним из наиболее важных способов совершенствования технического образования считается преподавание гуманитарных дисциплин. Очень часто педагоги сталкиваются с тем, что обучающиеся далеки от понимания роли и значения образования в своей жизни. Принято считать, что именно гуманитаризация образования решит данную проблему. Цель данной статьи в обосновании ключевой роли гуманитаризации технического образования.

Представляется, что гуманитарное образование призвано не только обеспечивать передачу научных знаний и представлений новым поколениям, но и формировать их ценностные ориентиры в нравственном измерении [6]. Гуманитарное знание является важной составляющей фундаментального образования, позволяет сформировать специалиста с широким мировоззрением. Статус современного инженера и само понятие «инженер» сегодня подвержено критике и новому обоснованию. Современный инженер – это не только наличие высшего образования, но и наличие навыков к изобретательству. При необходимости он участвует в проведении научных исследований, что, несомненно, является плюсом.

Инженерные профессии – самые массовые профессии, несмотря на то, что престиж такой профессии падает. На рынке труда растет спрос на высококвалифицированную рабочую силу. Вместе с тем появляются возможности для создания новых траекторий обучения, реализации общекультурных компетенций на этапе бакалавриата. Но обучающимся в технических вузах, ориентированных на получение математических и технических знаний освоение дисциплин гуманитарного цикла дается не легко. Данную ситуацию можно объяснить, как объективными причинами, так и субъективными. Но проблема существует, предлагаются различные варианты ее решения [3]. На важность решения данной проблемы, о возможности гуманитаризации обращают внимание многие авторы.

Согласно Гергилеву С.Н., «обсуждение проблем гуманизации и гуманитаризации высшего инженерного образования является важной частью современного научного диалога. Инженеры, воспитанные в заданной парадигме, будут способны создавать артефакты, которые позволят российскому обществу конструировать наиболее комфортную среду для жизнедеятельности» [2].

Аналогичная позиция и у Богатовой Л.М. по вопросу реализации дисциплин гуманитарного цикла: «первостепенная и насущная потребность, без удовлетворения которой не представляется возможным вести речь о высшей школе как о дееспособном социальном институте, включенным в процесс формирования личности в соответствии с общественными запросами и интересами...» [1]. По ее мнению, невозможно сформировать личность без социально – гуманитарных знаний.

По мнению Раджабова О.Р. «особая роль в учебном процессе отводится гуманитарному образованию в высшей школе. Потребность в широком гуманитарном образовании возникает как ответная реакция на самоограничения в развитии современной техногенной рациональной цивилизации» [5]. Мансуров В.А. утверждает, что именно идея о целостности образования лежит в основе концепции гуманитаризации технического образования. Такой подход подразумевает гармоничное сочетание в личности инженера глубоких научно-технических знаний с обладанием основательной гуманитарной культурой... Не так давно в инженерной профессии <...> произошел разрыв деятельности инженера и менеджера, которые ранее гармонично сочетались, расширяя спектр ролей инженера в общественной жизни. Многими авторами это признается как серьезная проблема, негативно влияющая на качество инженерных практик, особенно если рассматривать это с точки зрения современных процессов, происходящих в сфере научно-технических и информационных технологий [4]. Таким образом, мы видим, что проблемами гуманитаризации технического образования являются и вопросы о статусе высшего образования, разделения на инженеров и менеджеров, проблема диалога технического и гуманитарного образования и т.д.

Реализовывают необходимые компетенции гуманитарной составляющей в вузе такие дисциплины как философия, социология, культурология, право. В ходе освоения дисциплины «Философия» у обучающихся формируется важная составляющая – мировоззренческая позиция [3].

Подводя итоги, необходимо отметить, что гуманитаризация включает в себя совокупность взаимосвязанных компонентов, включающих гуманитарные и социально-экономические знания, способности и потребность к общению, к самопознанию, проявляющихся в активной творческой, учебной и общественной деятельности, определяющее эффективность и успешность профессионально-личностного становления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богатова Л.М.* Синергия гуманитарных дисциплин в инженерном образовании // Казанский педагогический журнал. 2019. №5. С. 48–50.
2. *Гергулев С.Н., Колмаков В.И., Савин О.И.* Гуманизация и гуманитаризация инженерного образования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. №4. С. 35–38.
3. *Готьятова Т.Л., Ковыршина С.В.* Компетентностный подход в преподавании философии в техническом вузе // Современные вопросы теории и практики обучения в вузе. 2011. № 12. С.151–159.
4. *Мансуров В.А., Семенова А.В., Стрельцова И.А.* Модернизация инженерного образования в России: проблемы и решения // Теория и практика общественного развития. 2019. №11.
5. *Раджабов О.Р., Лобачева З.Н., Маммаева М.А.* Роль гуманитарного знания в системе оптимизации управления в сфере высшего технического образования // Социально-гуманитарные знания. 2020. №3. С. 163–171.
6. *Рахимова А.Р., Нафикова А.Р.* Влияние гуманитарного знания на человека // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием в 4-х томах Современное общество: наука, техника, образование. Нефтекамск, 2016. С. 150–153.

«ИДЕАЛЬНЫЙ ТИП» МАКСА ВЕБЕРА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ

В. С. Белянин

Научный руководитель: д.ф.н М. П. Завьялова

Национальный исследовательский

Томский государственный университет

Для социально-гуманитарных наук всегда оставалась актуальной проблема рассмотрения методологических средств, которые бы позволили упорядочить знание о социальной действительности наиболее адекватным образом, с учетом специфических свойств данной области. В традиции культурного-исторического исследования можно наблюдать два полярных подхода к этой проблеме – натуралистический, заимствующий принципы естественнонаучного знания, и иррационалистический (антинатурализм), абсолютизовавший субъективность. Немецкий социолог Макс Вебер придерживался срединной позиции, отрицая крайние степени каждого из данных подходов. Вебер настаивал на единых критериях научного знания, таких как общезначимость и объективность, для любой научной области, но при этом относительно выбора метода, требовал учитывать специфику области исследования. Средство идеального типа для социальных наук Вебер разрабатывает именно как способ работать с индивидуальным, но в то же время выходить на общее.

Отрицая натурализм, Вебер исходит из того, что социальные объекты обладают внутренним значением и наделены смыслами, исходящими из самой природы субъекта как обладающего сознанием. Так, социальная реальность и ее объекты признаются многообразными и постоянно изменчивыми. Отсюда же возникает проблема познаваемости таких структурно-сложных объектов. Практически любое такое явление Вебер признает как состоящее из бесконечного числа причин и связей (включая те, которые противоречат друг другу), определяющих его, что приводит к невозможности абсолютного познания этого явления в его наглядности и ясности, за что и подвергает сомнению подход крайнего иррационализма. Поэтому требуется обратиться только к определенным сторонам явления, которые обладают для нас значением. Такой процесс вычленения особо значимого в предмете сходен с идеализацией, при которой мы абстрагируем объект от всего эмпирически-конкретного нагромождения, затрудняющего целостное понимание, и выводим на уровень сущности или идеи. Именно основа данной установки, подвергнутая модернизации и усложнению, будет составлять смысл формирования «идеального типа».

Идеальный тип по Веберу является прежде всего теоретической конструкцией, не соотносящейся напрямую с эмпирической реальностью, но выступающей мысленной моделью, которая помогает редуцировать случайное, логически отклоняющееся, противоречивое – то есть тот разнородный набор свойств, который составляет сложность реальных индивидуальных образований. Идеальный тип, таким образом, взятый сам по себе, «это утопия» [1]. Он конструируется как набор идеально-логических характеристик, выступающих как единство и лишенных внутренних противоречий. Так, Вебер приводит в качестве идеального образа «ремесло», которое образовалось путем соединения ряда черт, присущих ремесленникам, диффузно встречающихся в различных эпохах и народах, бу-

дучи доведенными до логического предела в единство и избавленными от противоречий.

На основании идеальной чистой природы какого-либо явления, представленного в «логическом совершенстве», которое положено в основу идеального типа, мы способны более наглядно увидеть существенные черты реальных образований при помощи сравнения, обнаруживая те характеристики, которые соответствуют идеальной модели, либо же отклоняются от нее. Тем самым, не только проясняется сущность объекта, но и своеобразие составляющих его связей. Так, немецкий социолог Ганс Фрайер утверждает следующее: «понятие идеального типа смягчает противоположность индивидуализирующего и генерализирующего способов мышления, поскольку оно, с одной стороны, выделяет в индивидуальном характерное, а с другой – на пути генерализации доходит только до типического, но не всеобщности закона» [1.С.12]. Если мы посмотрим на многообразие культурно-исторических форм, то их общие, единые признаки будут выражаться как раз через сходство с идеальным типом, их же индивидуальные черты будут фиксироваться посредством отклонения от идеального типа. Так, это средство двунаправленное – направленное на выявление частного и общего.

Вебер исходит из невозможности создать систему, в силу процесса постоянного развития и изменчивости, которая бы «отражала действительность в ее окончательном членении» [1.С.383]. В этом отношении идеальный тип продуктивен своей абстракцией, так как предполагает открытость структурам переменчивых конкретных явлений. Также Вебер подчеркивает, что это именно средство, а не цель. Задача этого средства заключается в прояснении связей, формирующих сущность объекта, путем сопоставления его с образцом, сконструированным смыслами, представляющими устойчивую логическую ценность, упорядочивая тем самым эмпирический материал в соответствии с некой логикой. Тем самым исследование обрастает границами и ориентацией, что помогает преодолеть хаос эмпирических фактов.

Таким образом, Макс Вебер предлагает средство познания, которое исходит из самой специфики объектов социальной действительности, и задает возможность их научного исследования с той степенью объективности, которая адекватно возможна в рамках данной сферы. Это достигается благодаря структуре идеального типа, которая определяет логические границы значимости объекта в его идеальном единстве свойств и смысловой направленности, что затем способствует упорядочиванию эмпирического материала, при сопоставлении, тем самым выделяя в объекте не только его общую идейную сущность, но и индивидуальное своеобразие. Благодаря этому средству, Вебер преодолевает противоположность «индивидуализирующего» и «генерализирующего» методов, показав возможность их органического синтеза, что позволяет говорить о прогрессе в утверждении научного статуса социально-гуманитарной области и общезначимости результатов ее деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. 1990. 390 с.

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ*

Е.Е. Богодухова

Научный руководитель: д.ф.н. М.Н. Фомина

Забайкальский государственный университет

*Работа выполнена в рамках гранта № 323-ГР Совета по научной и инновационной деятельности ЗабГУ.

Концепт «культурное пространство» достаточно прочно входит в современную социо-гуманитарную отрасль научного знания, трактуясь как форма взаимодействия человека, культуры и общества. Пространственное восприятие культуры формируют «пространства культуры» или «культурное пространство». Если временную характеристику культуры можно рассматривать через исторические события, через соотношения древних и современных культур, то пространства культуры характеризуют взаимодействие и сотрудничество, культурную преемственность. Выступая создателем локального культурного пространства человек (как субъект) выражает свое мировоззрение и восприятие мира. А как часть существующего (как объект) культурного пространства он испытывает на себе его влияние посредством элементов культуры – языка, традиций, моральных и социальных ценностей. Здесь можно говорить о взаимодействии и взаимовлиянии культуры и общества. Различные факторы формируют культурное пространство: географические, исторические, социальные, культурные, экономические и т.д. Оно может совпадать с государственными границами территории, а может выходить за ее пределы, осуществляя тем самым взаимодействие между различными культурами.

По мнению М.Я. Сарафа, культурное пространство выражает единство формы бытия общества и человека. Оно формируется между социальными группами, природой и обществом, общественным сознанием и самосознанием. Главной функцией культурного пространства выступает «организация, прогнозирование и регулирование смыслов, производимых в пространствах культуры». Оно является продуктом общения людей различных культур, формой их взаимодействия. Одна культура при этом открывает и адаптирует новые свойства другой, имея при этом общие, универсальные свойства. Как утверждает М.Я. Сараф, культура определяет формы существования человека в этом пространстве, дает возможность его познания [2. С.816].

Рассматривая культурное пространство как продукт деятельности человека, можно предположить, что именно он определяет границы пространства, а оно, в свою очередь, является отражением прогресса и развития общества. М.Я. Сараф определяет культурное пространство как системную целостность, которая формируется в определенное историческое время. Основу культурного пространства составляют компоненты, которые перекрывают друг друга и взаимодополняют. К ним М.Я. Сараф относит интеллектуальное пространство, пространство социума и информационно-знаковое пространство. Внутри этих компонентов также находятся дополнительные составляющие, например, нравственное, правовое, художественное пространство и т.д. [2. С.815].

Подобное предположение выдвинул А.С. Кармин, говоря о том, что культурное пространство является совокупностью, вмещающей различные феномены культуры и цивилизаций, которые находятся в постоянном взаимодей-

ствии. Он отмечает, что культурное пространство характеризует материальную и духовную реальность, которая выражается через культуру. Человек выступает творцом культуры, а значит, и творцом пространства, преобразовывая его своей деятельностью. Результатом этого является рукотворный мир – мир культуры. Поэтому пространство постоянно вовлечено в жизнь социума, и каждый человек вносит свой вклад в его формирование и трансформирование [1].

Уникальность культур определяет и природу культурного пространства, которое, по мнению А.А. Шишкиной, представляет некую форму бытия, характеризующуюся универсальными ценностями, психоэнергетическим феноменом мышления. Поэтому неслучайно, что оно формируется в процессе диалога культур с течением длительного исторического времени [3.С.220]. Культурное пространство является достаточно многозначным понятием, которое включает в себя природные, социальные, экономические, исторические, культурные компоненты. Это не только мыслимый продукт, но и деятельностный, так как формирует законы и принципы человеческой деятельности. Оно может совпадать с реальными государственными границами, а может возникнуть на приграничных территориях, включая в себя культуру стран – соседей. Возникающие нормы способствуют симбиозу пространственных культур древности с современностью, создавая тем самым неповторимый колорит культуры. Каждый исторический период характеризуется определенными идеалами и нормами, поэтому в культурном пространстве можно найти влияние каждой эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кармин А.С.* Основы культурологии: морфология культуры [Электронный ресурс] // URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/698597> (дата обращения: 07.04.2021).
2. *Сараф М.Я.* Культурное пространство и пространство культуры: цивилизационная гетерохронность // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. С. 815–817.
3. *Шишкина А.А.* Культурное пространство и культурный ландшафт как формы отражения культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. II. С. 219–223.

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ОНТОЛОГИИ ТЕХНИКИ КАК
БАЗИСНОГО ПОДХОДА В РАБОТЕ С НЕЙ
НА ПРИМЕРЕ МАШИННО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ
ОНТОЛОГИИ ЛЕВИ Р. БРАЙАНТА**

Е.В. Болотнова

Научный руководитель: д.ф.н. Л.В. Шиповалова
Санкт-Петербургский государственный университет

Обратившись к современным исследованиям техники, мы можем заметить их практическую ориентацию, стремление ученых и философов понять, каким образом техника функционирует в связи с человеком. Именно это является тенденцией на данный момент – стоит вспомнить различные подходы социологии техники, исследований наук и технологий (STS) и пр. – стремление понять технический объект как актор, находящийся в связи с человеком и обществом. Но так ли эффективен или, более точно, является ли в достаточной мере соответствующим подобный подход?

Используя современные философские исследования, в большей степени ориентирующиеся на онтологическую проблематику, мы сталкиваемся альтернативной ветвью работы с техникой. Практико-ориентированная методология, даже та, что учитывает множественность техники, все равно недостаточна, ведь даже в практике максимально эффективное использование сложно достигаемо без понимания функционала техники. Мы не понимаем, что есть техника, работающая лишь с ее операторностью, осуществляемой посредством делегирования. Мы нуждаемся в онтологии техники или же онтологии, выделяющей роль техники.

Фактически мы можем обратиться практически к любой концепции в рамках спекулятивного реализма, базирующейся на идее плоской онтологии, когда технический объект понимается самодостаточным. Но наиболее уместным будет рассмотрение машинно-ориентированной онтологии Леви Р. Брайанта.

Проблема материализма для него является центральной, ведь современные философы не работают с материей, материальные агенты и их качества не важны, техника же является лишь отражением социокультурного контекста; так что мы нуждаемся в обновлении материализма.

Обновленный материализм Леви Р. Брайанта работает с вещами, имеющими собственную материальность и именующимися машинами. Определяя вещи как машины, он старается «подчеркнуть ту их особенность, согласно которой они динамически оперируют входящими потоками, производя выходящие» [1] Брайант фактически заменяет термином «машина» понимание объекта – и здесь объект мыслится в рамках объектно-ориентированной онтологии, например, Грэму Харману, для которого объекты есть все вещи, определяющиеся лишь своей автономной реальностью, единые и обладающие множеством качеств, «будь они акцидентальными или эйдетическими» [3. С.37]

Смена «объекта» на «машину» расширяет область того, с чем мы работаем, помогая отойти от субъектно-объектной парадигмы. Машина есть элементарная единица бытия по причине типичности ее характеристик для всего существующего, ведь все действует, осуществляет операции, имеет такие характеристики как структурная открытость – открытость ко множеству потоков, - и операциональная закрытость – наличие специфических внутренних операций, коди-

рующих внешние потоки. При этом машины требуют материального воплощения, но по своей сущности могут быть нематериальными: подобной машиной является долг, который, являясь бестелесной машиной, некоторой идеей, материально воплощается при организации жизни тысяч людей. Машины оперируют самостоятельно. Обладающие технической интенциональностью, они включены в производство более как одна из сторон переговоров. На создание вещи влияют и внешние факторы, и это особенно важно, если мы обращаем внимание именно на сделанные машины: они создаются не просто по чертежам дизайнера и исходя из внутренних интенций, но и в соответствии с внешними обстоятельствами, так, «шариковая ручка подразумевает конкретные способы того, как ее держат» [4. С.20]

Важно понимать, что даже сделанность машины не определяет ее единственный функционал. Они плюрипотентны, то есть имеют множественность потенций, что могут быть актуализированы различными способами. Тогда машина описывается с двух позиций: «virtual proper being», потенциально возможные операции, и «local manifestation» [4. С.40], реализуемые операции или же непосредственно продукт деятельности. Машины «не имеют конкретного функционала, но помещаются в использование» [4. С.24], а также способны к экзаптации, выполнению ранее несвойственного функционала, самостоятельно или же входя в сборки.

Предлагаемый метод работы с машинами на разных уровнях Леви Р Брайант называет онто-картографией, и это есть следствие экологического видения, позволяющего воспринимать все не-человеческие объекты, в особенности технические, как медиумы, отображая все богатство реляций между нечеловеческими машинами. Онто-картография позволяет обнаруживать ранее не исследованные пути реляций: «В своей первоначальной формулировке онто-картография представляет собой исследование конструктивных связей между машинами и того, как изменчивы процессы становления, деятельности, движения и пути, с помощью которых сопряженные машины соотносятся с окружающим миром» [4. С.35].

Таким образом, методы, подобные онто-картографии, имеющие укорененность в понимании технического объекта как самодостаточного, требующего изучения с позиций его онтологического статуса, могут стать подходящими для работы с техникой в ее современном состоянии. Все равно, как утверждал Жильбер Симондон, существуют технические объекты, которые для нас не предстают как технические, соответственно, есть необходимость работать с онтологией техники, стараясь понять то, чем является машина.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брайант Л.Р.* За (воз)обновление материализма [Электронный ресурс] // URL: <https://syg.ma/@nikita-sazonov/lievi-r-braiant-za-voz-obnovlenniie-materializma> (дата обращения 01.04.2021)
2. *Брайант Л. Р.* На пути к окончательному освобождению объекта от субъекта // Логос, 2014. №4. С. 275–292.
3. *Харман Г.* Четвероякий объект: метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь: Гиле Пресс, 2015. 152 с.
4. *Bryant L. R.* *Onto-cartography. An ontology of machines and media.* Edinburgh University Press, 2014. 300 p.

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ СЛОЖНОСТИ

А.В. Думов

Научный руководитель: д.ф.н. В.И. Кудашов
Сибирский федеральный университет

Использование и переосмысление понятия сложности в контексте философских исследований в области проблем познания и организации человеческой деятельности привело к формированию такого тематического направления, как философия сложности. При наиболее широком рассмотрении философию сложности нельзя полагать в качестве самостоятельного направления философской мысли, обладающего предметной и методологической автономией: такой подход может быть отчасти оправдан только при ограничении понятия философии сложности областью исследований философов из Стелленбосского университета (П. Сильерс, М. Верманн и др.) или учеников и последователей французского философа Э. Морена, поскольку в данных категориях исследований прослеживаются процессы теоретико-методологического и языкового обособления. Данное рассмотрение посвящено анализу самого явления философской концептуализации сложности, которое, несмотря на достаточно продолжительное существование (примеры чего обнаруживаются в том числе и в отечественной философской литературе, например, в работах представителей т.н. синергетики), не рефлексивируется с философской точки зрения: практически не анализируются его историко-философские истоки, не рассматривается соотношение конкретнаучных и философских способов понимания сложности (хотя они и разграничиваются), наконец, не осуществляется экспликация философского содержания самого понятия «сложность».

В обращении с понятием сложности реализуется представление об очевидности его содержания. Достаточно яркое подтверждение этому обнаруживается в недавно изданной работе Л. Б. Жукова и В.И. Аршинова «Очерк теории ориентации»: относительно наименования «философия сложности» авторы отмечают, что оно «говорит само за себя, отсылая к широко распространенному в современном философском дискурсе представлению о сложности, тесно коммуницирующем с представлением о постмодерне» [2. С.5]. Единственное, в чем можно согласиться с авторами – это то, что представление о сложности в действительности достаточно широко представлено в современных философских исследованиях, притом нередко оно интерпретируется с применением средств, выработанных различными направлениями философии постмодерна, например, постструктурализмом [4]. Но широкая распространенность представлений о сложности отнюдь не тождественна очевидности их содержания. Неочевидность содержания самого исходного понятия, т. е. сложности, проявляется в высказываниях самих авторов. Так, в работе представлено утверждение о том, что уместнее использовать термин «сложность», поскольку он предполагает осмысление в составе сложности не только дискретности, но и континуальности [2. С.5]. Вероятнее всего, немногие смогут с уверенностью сказать, о чем в данном случае идет речь, и это не удивительно, ведь авторы не только не апеллируют к некоей сложившейся практике понимания сложности, но даже не вводят терминологической конвенции. Эта особенность является характерной для многих философских исследований сложности.

Сложившаяся ситуация, однако, не препятствует экспликации философского содержания понятия сложности исходя из его употребления. Если то, что называется сложностью, в действительности принадлежит предметной области философских наук, то содержание понятия сложности может быть легко эксплицировано в связи с непреходящими вопросами философского поиска, т.е. в основе идеи сложности лежат определенные вопросы онтологии и эпистемологии. Онтологический смысл понятия сложности заключается в представлении форм соотношения единства и множественности. Его выражением является и попытка генетического определения сложности, осуществленная Э.Мореном [3. С.191]. Первоначально идея сложности «созвучна» осуществленной Н. Гартманом критике монизма как онтологически неустойчивой формы осмысления бытия [1. С.178]. Однако, фундаментальные онтологические вопросы затрагиваются философией сложности в гораздо меньшей степени, нежели проблемы постижения сущего в его конкретных формах.

В теоретико-познавательном и методологическом смысле происходит демаркация научного и философского способов понимания сложности (например, как «жесткого», «вычислительного» понимания сложности и «мягкого», «критического», что осуществлено М. Верманн [4. С.2]), что уже не позволяет рассматривать философии сложности как опыты построения философии наук о сложном (complexity science). Эпистемологическая функция философского понятия сложности состоит в рецепции идеи, которая достаточно емко выражается замечанием Н. Гартмана о том, что феномен познания не оправдывает претензии на реальность и не порождает уверенности в ней [1. С.395]. Обсуждение имманентной сложности самого познающего, концепций вовлеченности и вдействованности познания представляет собой лишь указание на необходимость переориентации к постижению того, что Гартман называет первичными отношениями к вещам и событиям, а вместе с этим – утверждение первенства опыта и переживания по отношению к познанию [1. С.396]. Несмотря на то, что философия сложности позиционирует себя как критическое переосмысление научного познания (объект ее критики – формальные средства науки и ее теоретический базис [3. С.33–51]), она представляет собой скорее переосмысление эпистемического опыта современности. Развитие идеи сложности происходит не в контексте собственно эпистемологии и методологии науки, а в области того, что можно было бы назвать эпистемической эстетикой, а также аксиологии практик познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гартман Н.* К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. 640 с.
2. *Жуков Л. Б., Аришинов В.И.* Очерк теории ориентации. Нечто vs ничто: конструктивная схема в контексте философии сложности. М.: ЛЕНАНД, 2021. 120 с.
3. *Морен Э.* Метод. Природа природы. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2013. 464 с.
4. *Woertmann M.* Bridging Complexity and Post-Structuralism. Insights and Implications. Springer International Publishing, 2016. 216 p.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОЙ КОСМОЛОГИИ

А.И. Казарцева

Научный руководитель: к.ф.н. Т.В. Фаненштиль

Национальный исследовательский

Томский государственный университет

Наука как институт общества развивалась в социокультурном контексте и является неотъемлемой частью общественного мира. «Научная деятельность несет на себе отпечаток универсалий культуры. Они обеспечивают включение достижений науки в социокультурный процесс» [5]. Научное знание создается и воспринимается людьми, включенными в некоторый социокультурный контекст, который его формирует как элемент социокультурной реальности. При этом, наука отражает те представления об идеале научности, которые доминируют в конкретном обществе в определенный промежуток времени. Наблюдается «воплощение исторически обусловленного понимания идеала научного знания» [1]. Между уровнем развития науки и уровнем динамики культурного прогресса сегодня существует устойчивая связь. Современный процесс производства научного знания и развитие технической составляющей научного исследования необратимо влияют на уровень культурного развития общества в целом.

Государства активно поддерживают научные исследования, в которых им видится потенциал развития сфер жизни общества. Общество и государство выступают сегодня в роли эксперта науки, производят оценку научных исследований, активно участвуют тем самым в формировании новой научной этики. Это определяет направления научных исследований, не только в прикладных, но и в фундаментальных науках, далеких от современных практик человеческой жизни. Предельно далекой наукой является космология, предметом изучения которой выступает Вселенная. Как наука современная космология формируется на стыке физики, астрономии и математики и является ярким примером междисциплинарности. Но как любая наука она также формируется под влиянием определенных социокультурных реалий. Взаимосвязь социокультурной реальности и современной космологии выстраивается не относительно непосредственного практического эффекта от произведенного научного знания, но в широком мировоззренческом поле формирования и изменения картины мира.

Специфика современного космологического исследования такова, что принципы космологии как науки можно назвать продуктом науки постнеклассического периода. Таким образом, можно наблюдать трансформацию статуса человека в формировании картины мира. Он становится не просто активным участником, но вливается как необходимый системообразующий элемент.

Становится возможным синтез эволюционного пути человека и Вселенной. Фундаментальное предположение, что Вселенная когда-то появилась и изменяется во времени и пространстве. Открытия XX века подтвердили развитие Вселенной от начального состояния до современного состояния. Историзм, который накладывался обычно на развитие человеческой цивилизации, теперь является свойством Вселенной. На этой основе вырастают теории подобные теории универсальной истории. Эволюция человечества как часть эволюционного пути Вселенной в целом. Если мы находимся внутри Вселенной, то изменяемся в соответствии с ее изменениями. В свою очередь человеческое общество раз-

вивается согласно принципам самоорганизующихся систем. Так, гипотеза техно – гуманитарного баланса «на протяжении всей истории человечества соблюдалась закономерная зависимость между тремя переменными: технологическим потенциалом, качеством культурно-психологической регуляции и внутренней устойчивостью общества» [4].

Таким образом, через синергетические модели были обоснованы «механизм антропогенных кризисов и их роль в становлении и качественном развитии культуры» [4].

Космологические идеи оказывают колоссальное влияние на культурную и социальную атмосферу. С науками, изучающими Вселенную во всех аспектах, связаны самые смелые представления о будущем. Сегодня люди стремятся скооперировать свои способности и совместными усилиями достичь поставленных целей. Вспомним МКС как пример совместной работы ученых – носителей множества культурных ценностей. Сегодня МКС это комплекс, в деятельности которого принимают участие 15 стран. Тема освоения космического пространства можно назвать самым амбициозным проектом всего человечества. Ученые не оставляют надежду, связаться с внеземными формами жизни. В 1977 году национальное аэрокосмическое агентство США (NASA) запустило проект «Вояджер–1», путешествие которого продолжается уже 44 года по просторам нашей Галактики. Помимо основного технического оснащения на борту зонда ученые поместили пластинку с записью приветствий на 55 языках мира, а большая часть пластинки посвящена музыкальному выражению многих культур планеты. И это не абстрактные размышления об инопланетных расах. Это размышления о том, что человечество может себя выразить только через культурную составляющую жизни.

Формирование и развитие космологии как междисциплинарной науки происходит в контексте неоднозначного отношения к ней как со стороны ученого сообщества, так и со стороны общественности. Однако, современная космология уже заняла свое место в системе наук о космосе. Для людей не причастных к науке, но интересующихся, ведется активная популяризация лучшими учеными космологами перспектив космологических теорий.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Гайденко П.П.* Эволюция понятия науки. М.: Наука. 1980. 569 с.
- 2 *Максименко Л.А.* Космологическое знание: эволюция форм и содержания: автореф. дис. ...канд.филос.наук: 09.00.01 / Людмила Александровна Максименко. Омск. 2005. 20 с.
- 3 *Микешина Л.А.* Философия науки. М.: Прогресс. 2005. 477 с.
- 4 *Назаретян А.П.* Универсальная (большая) история: версии и подходы // Историческая психология и социология истории. 2008. С. 5–24.
- 5 *Степин В.С.* Теоретическое знание. М. 1999. 393 с.
- 6 *Степин В.С.* Культура. Новая философская энциклопедия. М. 2001. 341 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ КОНФЛИКТА ИНТЕРПРЕТАЦИЙ П. РИКЕРА

С. А. Козловских

Научный руководитель: к.ф.н. Т. В. Фаненштиль

Национальный исследовательский

Томский государственный университет

В одном из своих ключевых трудов – «Конflikте интерпретации» – П. Рикер определяет пути создания философской антропологии XX века, в которой должны учитываться все значительные концепции человека столетия. Французский философ стоит на позиции герменевтической феноменологии, существо которой определяет регрессивно-прогрессивный метод анализа. В соответствии с этим методом любое явление человеческой культуры должно исследоваться в контексте изучения движения сознания, открывающего человеку его будущее [1.С.7].

Бытие человека изначально рассматривается как понимающее бытие, а способ человека быть рассматривается как интерпретация. С целью постижения мира человек подвергает интерпретации буквально все: опыт взаимодействия с миром, явления и события, нормы поведения, законы, других людей, самого себя. Интерпретация повсеместна и также выступает в качестве метода познания: в философии – при чтении, переводе сочинений и трудов; в гуманитарных науках – при работе с историческими источниками, литературными произведениями, общественным мнением, при определении мотивов поступков индивида; в информатике интерпретация представляет собой программу-интерпретатор, которая исполняет инструкции, изложенные с помощью языков программирования, в машинный язык. Интерпретация масштабируется из приема работы с текстом на весь мир, превращая сам мир в глобальный гипертекст.

Однако следует рассматривать бытие человека не только как понимающее бытие, но и как конфликтное бытие, в котором человек ищет не только сообщество со схожим толкованием мира, а в интерпретации – основание для объединения, солидарности, но и подтверждение своей уникальности, своего собственного авторского понимания мира. Конфликт интерпретаций возникает естественно. По словам И. С. Вдовиной П. Рикер рассматривает конфликт интерпретаций как задачу интерпретации, которая извлекает из текста (= мира как текста) максимум «заложенного в него смысла или же наоборот сводит множества возможных вариантов к нему общему, единому смыслу» [1. С.18.]. Задаваясь вопросом, каким образом добывается в конфликте интерпретаций максимум смысла, мы сталкиваемся с конфликтом понимания того, как это происходит. В решении этого вопроса сталкиваются следующие позиции. Первая позиция рассматривает возможность максимального смыслоизвлечения в консенсусе, в снятии конфликта интерпретаций, например, в процессе диалога. Вторая позиция, и ее придерживается П. Рикер, заключается в поддержании конфликта интерпретаций.

П. Рикер исходит из понимания текста не только как некоторой последовательности фраз, но и определенной структурированной целостности, в которой реализуются различные виды многозначности (полисемии). Основной задачей для всех методов работы с текстом становится извлечение этих смыслов и

последующее конструирование целостного смыслообраза. И только интерпретации, считает П. Рикер, виртуозно удастся выстроить взаимодействие различных, порой взаимоисключающих методов и приемов работы с текстом для обеспечения целостности конечного результата. Так, П. Рикер отказывается от противопоставления объяснения и понимания. Философ пытается показать нам, что понимание предваряет объяснение и сопутствует ему в коммуникативном процессе, а также завершает его, тем самым приближая текст к тому, кто его воспринимает [2.С.415]. Объяснение является необходимым моментом абстрактно возможного на пути от события к системе, а вот понимание, напротив, – актуализацией возможного на пути от системы к событию. Однако выходит, что и понимание без объяснения тоже невозможно, так как именно объяснение позволяет развертывать, артикулировать те или иные стадии понимания. В обоих этих случаях интерпретация будет выступать как способ многомерного объяснения и понимания в процессе их взаимодействия.

Одним из ярких и известных конфликтов интерпретаций является конфронтация З. Фрейда и К.Г. Юнга относительно сновидений. З. Фрейд толкует сновидения как замещающие бессознательное, он различает бессознательно скрытое сновидение, которое проявляется в сознании в виде явного сновидения [3]. Содержание бессознательного – это вытесненные сознанием конкретного человека желания. К.Г. Юнг, напротив, интерпретирует сновидения как проявление коллективного бессознательного, которое стоит за каждой личностью, несет в себе образы чуждого ему опыта всех предшествующих поколений: «Можно всю жизнь думать, что следуешь собственным желаниям, так никогда и не осознав, что в большинстве своем люди лишь статисты в этом мире, на этой сцене» [4].

Согласно П. Рикеру, «конфликт интерпретаций» совершенно не свидетельствует о бессилии понимания, напротив, его можно считать «достоинством понимания, образующего суть интерпретации» [2. С.481]. Конфликтность интерпретативных практик обусловлена не только функционированием языков и текстов, но и их столкновениями с реальной неоднозначностью бытия. В связи с чем позиция, рассматривающая конфликт интерпретаций как ситуацию, требующую разрешения, консенсуса, взаимного согласия, выглядит более чем здоровой. С точки зрения психологии человеческих взаимоотношений именно в этом заключается продуктивность конфликта, в его снятии. Однако П. Рикер рассматривает конфликт интерпретаций как способ развития понимания человеком мира и самого себя, в конфликте интерпретации он обнаруживает гарантию развития человека и мира. Так конфликт интерпретаций выступает фундаментом нового будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вдовина И.С.* От переводчика // Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 2002. С. 5–30.
2. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки по герменевтике. М.: Медиум, 1995. 622 с.
3. *Фрейд З.* Толкование сновидений. СПб.: Азбука СПб, 2015. 512 с.
4. *Юнг К.Г.* Воспоминания, сновидения, размышления. Пер. В. Поликарпов, Мн.: ООО «Харвест», 2003. 496 с.

ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: МАССМЕДИА КАК НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Н.И. Косолапова

Научный руководитель: д.ф.н. В. В. Чешев

Национальный исследовательский

Томский государственный университет

Целью данного доклада является рассмотрение проблемы влияния такого феномена информационной революции как массмедиа на общество XXI века. Проблемы, связанные с феноменом информационной революции, в настоящее время не теряют своей актуальности. В первую очередь, это связано с деформацией и изменениями традиционных форм социальной жизни человека. Информационная революция сконструировала новый вид коммуникации – «цифровые сети коммуникации» [1. С.21]. В связи с этим для философского осмысления информационной революции необходимо рассмотрение роли медиа в современных социальных отношениях.

Коммуникационный процесс всегда являлся центром, связующим звеном всех видов взаимоотношений: межличностные взаимоотношения, отношения человек – общество, общество – власть и так далее. Все эти процессы осуществлялись именно через каналы коммуникации. XXI век характеризуется эпохой сетевого общества, «социальная структура которого построена вокруг (но не определяется с помощью) цифровых сетей коммуникации» [1. С.21]. В обществе XXI века каналами коммуникации является массмедиа, а также горизонтальные сети коммуникации, возникшие в сети Интернет.

Мы можем охарактеризовать информационную революцию как господство информации, основным источником трансляции которого является массмедиа. Новизна медиа заключается в том, что традиционные СМИ были направлены на «индивидуальные мысли» [2. С.21]. Современные же средства массовой информации пытаются охватить как можно больший объем жизнедеятельности человека, вводя его в сферу виртуальной реальности. Как итог, если выразиться словами В. В. Тарасенко, мы получаем новый вид человека – «человек кликающий», а феномен культуры превращается в феномен «кнопочной культуры» [3, С. 43–44].

Достаточно ярким и актуальным, на мой взгляд, будет пример крайне распространенного в современном обществе интернет-блоггинга. Блоггинг в настоящее время является альтернативой, о равнозначности которой еще можно поспорить, печатных книг и различных изданий, который являлись основным каналом коммуникации и медиа в предшествующие эпохи. Аудитория современных блоггеров может насчитывать десятки миллионов человек, соответственно и информацию, которую они представляют своей аудитории считывает те же десятки миллионов человек. Для наглядности сравним: численность населения Норвегии составляет 5,4 миллиона человек, а количество подписчиков К. Роналду составляет 250 миллионов человек. Таким образом, блоггинг принимает значительно участие в формировании нового типа социальности, а соответственно и нового типа реальности, в котором эта социальность существует – медиа реальность.

В процессе становления медитативной реальности происходит и формирование нового медиа отношения человека к себе и к другим в целом. В настоящее время человек предпочитает позицию созерцателя окружающего мира и самого себя. Все больше набирает обороты феномен анонимности. Как точно описала этот процесс Ж. В. Федорова в медиа пространстве «нет и не может быть человека как субъекта, ответственного за слова поступки: анонимность – главный принцип социальных медиа» [4. С.76]. Анонимность способствует «заклочению» человека в рамки личного и отчуждению от общественного, коммуникация с собой, не с обществом.

Массмедиа охватило современную реальность, она стала девизом информационной революции, она проникла во все сферы функционирования общества, вплоть до самых его оснований. Масседиа, информация стали современной реальностью, в которой человек XXI века коммуницирует, обретает идентичность и так далее. Сейчас перед философией и социо-гуманитарными науками вообще стоит, на мой взгляд, важнейший вопрос нашей эпохи – вопрос, касающийся свободы информации, а именно, каковы критерии, которые бы ограничили поток информации, дифференцировали и «отсеивали его»?

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Изд-во Высш. школы экономики, 2017. 591 с.
2. *Маркузе Г.* Одномерный человек. М.: АСТ, 2003. 331 с.
3. *Тарасенко В. В.* Человек кликающий: фрактальные метаморфозы // Информационное общество. 1999. №1. С. 43–46.
4. *Федорова Ж. В.* Информационная революция как событие и со-бытие // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2018. №4 (24). С. 71–78.

ПРОБЛЕМА НОВИЗНЫ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЗНАНИЯ И ТВОРЧЕСТВА

Ю.В. Логиновская

Научный руководитель: д.ф.н. И.В. Черникова

Национальный исследовательский

Томский государственный университет

Проблема новизны актуальна с философской точки зрения при исследовании научного и художественного творчества, при оценке объектов инновационной деятельности и авторского права, а также при исследовании эволюционных процессов. Новизна – существенный признак, по которому мы опознаем процесс создания нового, и важнейший критерий, по которому мы определяем развитие явлений и результат самого творчества. Цель настоящей работы – исследовать, возможна ли новизна в онтологическом плане, как сознание распознает и реализует новое.

Определение новизны как феномена не имеет четких формулировок и часто сводится к признаку нового: «то, что является новым в чем-либо, где-либо» [5]. В научно-образовательной деятельности новизна связана с информацией как ее качественный и содержательный критерий. По отношению к работе с информацией выделяется теоретическая или практическая новизна, а уровень новизны зависит от задачи: информация уточняется, конкретизируется, дополняет или полностью преобразует уже известное [6]. Если информация и знание выступают субстанцией нового, то можно допустить, опираясь на квантово-информационные концепции сознания (Р.Пенроуз, С.Хамерофф и др.) [7], что новизна имеет онтологическое основание в сознании и лежит в основе процессуальности бытия. Новизной характеризуется эволюция саморазвивающихся систем на всех уровнях с повышением целостности, жизненности и сложности [1].

Существует и противоположная точка зрения, что новое не может являться онтологической категорией (поскольку бытие одно и едино), а выступает выражением множественности сущего. Так, А.Ф. Кудряшов относит новизну лишь к практической стороне творчества и связывает ее с тягой людей к прогрессу, но делает допущение, что творческий субъект, имея определенные ограничения, обладает онтологически бесконечным творческим потенциалом [4].

Если же опираться на глобально-эволюционный подход, онтология новизны лежит в основе эволюционирующего бытия и является источником всякого творчества вообще и развития уникального человеческого сознания в частности [8]. Онтологический аспект новизны всегда сопряжен с работой сознания как системы оценки, относительно которой это новое становится очевидным для самого человека и/или для других. Новизна в онтологическом плане – универсальная характеристика бытийных преобразований, наблюдаемых в процессах обновления сложностных систем, эволюции форм жизни в природе, смыслов, образов и идей в культуре. Это возможно, если понимать бытие как открытость.

При рассмотрении новизны в лингвистическом ракурсе, она предстает как феномен, семантически отражающийся в языке через бытийные категории времени (новое – «то, что приходит после, вслед») и пространства (новое – «другое», отличающееся положением) [2.С.126]. Источником нового в информаци-

онном плане выступает познание, в результате которого, согласно Бондаревскому А.С., совершенствуется форма и семантика информации, что сопровождается ее структурированием и обогащением семантики образов новизны [2]. Такой подход показывает свойство нового упорядочивать и добавлять смысловые мерности, благодаря чему различаются исходная и результирующая информация. Отсюда следует важный вывод: новым можно считать не всякое изменение информации, а такое, которое способствует эволюции знания и раскрытию осознания на новом, более высоком уровне порядка. Творческая активность сознания в процессе познания состоит в приложении критерия новизны к усвоенному опыту.

Можно также говорить о критерии новизны, по которому отслеживается развитие самого сознания, приводя его к состоянию, обозначаемому термином «полное сознание» или «расширенное сознание» (extended mind). Субъективное обновление внутреннего состояния (единство «сознание-тело») может не обнаруживаться вовне, но становится источником творческого процесса и дает ресурс для создания нового. В творческой активности сознания свойство новизны предстает как саморазвивающееся явление.

Творческий процесс, согласно В.И. Плотникову и В.Н. Николко, обуславливается нестационарностью (динамичностью) и эволюционностью реальности, но не ограничивается ими, поскольку имеет собственный фундамент – сознание [3]. Благодаря совокупности этих факторов обновляется бытие. Развертывание осмысления нового в сознании становится источником обновления процессов.

Источники нового в сознании (осознание принципов, включения парадокса, инсайт, игра смыслов и др.) обеспечивают единство на более высоком уровне порядка и включают в новизну критерий многомерности, что соответствует эволюционной направленности нового.

Итак, онтологическое значение новизны состоит в понимании познания и творчества как источников обновления и эволюции бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аршинов В. И., Свирский Я. И. Сложностный мир и его наблюдатель. Часть вторая // Философия науки и техники. Т. 21. 2016. № 1. С.78–91.
2. Бондаревский А.М. Определение понятия «новизна». Формализованный подход // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2012. №1. С.125–142.
3. Дьячкова О. Н. Новизна как универсальный критерий творчества // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. №53. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novizna-kak-universalnyy-kriteriy-tvorchestva> (дата обращения: 06.04.2021).
4. Кудряшев А.Ф., Елхова О.И. Новизна в философских исследованиях // Вестник Башкирск. ун-та. 2014. №4. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novizna-v-filosofskih-issledovaniyah> (дата обращения: 06.04.2021).
5. Новейший большой толковый словарь русского языка. / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб: НОРИНТ, М.: РИПОЛ классик, 2008. С. 653.

6. *Полонский В.М.* Словарь по образованию и педагогике. М.: Высш. шк., 2004. 511 с.
7. *Hameroff S., Penrose R.* Consciousness in the universe: A review of the «Orch OR» theory // *Phys. Life Review.* 2014. Mar. 11 (1). PP. 39–78.
8. *Jantsch E.* The Self-organizing Universe: Scientific and human implications of the emerging paradigm of evolution. Oxford: Pergamon press, 1980. 343 p.

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА НАУЧНОСТИ И ЕЕ РАЗВИТИЕ В XXI ВЕКЕ

И.А. Минова

Научный руководитель: д.ф.н. И.В. Черникова

*Национальный исследовательский
Томский Государственный Университет*

В историческом развитии научного знания можно обнаружить такие этапы, когда радикальным образом изменяется картина познаваемой реальности, и, следовательно, методы познавательной деятельности. Такие этапы в истории науки обозначаются как научные революции или смена научных парадигм. Всего можно выделить три этапа научности – классическая, неклассическая и постнеклассическая научная рациональность. Во второй половине XX века происходят такие изменения в структуре научного знания, которые позволяют нам говорить о переходе к новому типу научности – постнеклассической научно рациональности.

Науку на современной стадии развития называют технонаукой, так как она представляет собой симбиоз научного знания с высокими технологиями (НБИКС технологиями). Технонаука – особое измерение современной науки. Ядром технонауки являются НБИКС технологии, которые в процессе взаимодействия создают мощные средства для преобразования нашей цивилизации. В связи с этим, на передний план выходят вопросы, связанные с этической проблематикой. Ведь на современном этапе науки, объектом научного воздействия становятся сложные саморазвивающиеся системы, в которые в качестве компонента включен и сам человек.

Наиболее важными, на мой взгляд, из этой «большой пятерки» являются биотехнологии, так как они непосредственным образом воздействуют на природу человека. Так, на современном этапе, стремительно развивающейся сферой человеческой деятельности являются биомедицинские технологии. И новым направлением деятельности, откликающейся на биотехнологические вызовы, стала биоэтика. Биоэтика, является не только наукой (в смысле теоретической деятельности по производству знания), но сложным цивилизационным феноменом в виде социального и политического института, а также социальной практикой, в поле которой формируются новые нормы и правила деятельности с объектами биотехнологий.

Толчком для образования биоэтики послужило внедрение в человеческую практику новых биомедицинских технологий, что послужило возникновению идеи морального и правового регулирования возникших конфликтов, полученных в процессе научных исследований. «Задача биоэтики, развивающейся в рамках современного типа технонауки и включающей технологии этической и социогуманитарной экспертизы, заключается в проактивной (опережающей) диагностике, оценке и менеджменте рисков, связанных с разработкой и практической реализацией биотехнологических инноваций» [2.С.209]. Таким образом, приобретают актуальность различного рода коммуникативные площадки, чья деятельность направлена на достижение консенсуса.

Биоэтика – область исследований, которая призвана реагировать на технологические вызовы, связанные с вмешательством биотехнологий в природу человека.

«Биоэтика как академическая дисциплина, социальный институт и социальная практика опредмечивается в контексте общей стилистики, характерной для постнеклассической науки конца XX – начала XXI века» [3. С.48].

Так как биоэтика опредмечивается в контексте постнеклассической науки, можно выделить некоторые характеристики постнеклассической науки, которые транслируются также и в биоэтике.

Первая отличительная черта – это интеграция научно-технического и гуманитарного знания. В биоэтике эта интеграция представлена как объединение биологического и этического знания.

Отсюда вытекает еще одна отличительная черта постнеклассической науки – это ориентация на междисциплинарность исследовательских практик. Биоэтика приобретает статус междисциплинарного феномена, в котором взаимодействуют различные общественные структуры и представители целого ряда дисциплин.

Помимо междисциплинарности, биоэтика представлена также как трансдисциплинарный феномен, где приставка «транс» означает ориентированность на решение практически важных задач. Наука перестает быть видом эзотерической деятельности, имеющей свой собственный внутренний контроль. Она становится открытой системой, направленной на решение жизненно-практических проблем.

Еще одной отличительной чертой постнеклассической науки является установка на ценностную ориентацию научной деятельности. Это связано с переходом к новому типу объектов – к саморазвивающимся системам, куда включен в качестве компонента и сам человек. Дело в том, что с приходом биомедицинских технологий человек становится не только наблюдателем исследовательского процесса, но и главным объектом экспериментирования. Б.Г. Юдин писал о том, что человек становится «мишенью», на которую направлены технологические процессы. То есть человек как-бы включен в познаваемую им же реальность. «Для нового этапа развития науки характерно снятие субъектно-объектного дуализма, в результате уходит со сцены науки «абсолютный наблюдатель», субъект и объект принимаются в их равной ипостаси» [1. С.156]. В связи с этой установкой объекты постнеклассической науки определяются как «человекоразмерные объекты».

Так как на протяжении долгого времени наука стремилась к достоверному знанию, при этом считалось, что в знании тем больше объективного, чем меньше субъективного, то важнейшей характеристикой научного мировоззрения была ценностная нейтральность науки. Установка на беспристрастное, объективное познание предполагала свободу от ценностей. Но сейчас, когда объектом постнеклассической науки стали сложные саморазвивающиеся системы, так называемые «человекоразмерные» объекты, ситуация кардинально меняется. Ценностное измерение теперь рассматривается как неотъемлемая характеристика исследования объектов науки.

Таким образом, мы видим, что нравственная составляющая современной науки не является чем-то внешним, напротив, это – органическая составляющая

научной деятельности, достаточно ощутимо влияющая на современную проблематику и направления исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тищенко П.Д., Юдин Б. Г.* Социогуманитарное сопровождение инновационных биотехнологических проектов // Биоэтика и биотехнологии: пределы улучшения человека. М.: Изд-во МосГУ, 2017. С. 209–237.
2. *Черникова И.В.* Философия и история науки: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Томск: Изд-во НТЛ, 2011. 388 с.
3. *Яскевич Я.С.* Биоэтика в контексте междисциплинарных стратегий и механизмов создания этических комитетов // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 1. М.: ИФРАН, 2007. С. 48–70.

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В СТАНОВЛЕНИИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ НАУКИ

О.Б. Панова

Научный руководитель: д.ф.н. И.В. Черникова

Национальный исследовательский

Томский государственный университет

Современная эпоха Четвертой промышленной революции, ныне уже обозначенная одним из ее ведущих идеологов профессором Клаусом Швабом как эпоха «*великой перезагрузки*» в ответ на глобальный кризис, вызванный пандемией COVID-19, и поиска перспектив постпандемического мира, характеризуется кардинальным мировоззренческим сдвигом [5]. Стремительно идет процесс изменений всего мирового порядка: цифровая революция и тотальная цифровая трансформация, активное внедрение прорывных Hi-Tech, усиление тенденции технологизации всех сфер человеческой жизнедеятельности и смена технологического уклада социума в целом, создание экосистем Smart City, и, соответственно, – смена направления глобального экономического развития.

Наука естественным образом включена в эти инновации, во многом являясь их двигателем и инициатором [4]. В данном контексте происходит существенный сдвиг научной парадигмы, связанный с новым – *постнеклассическим* – этапом в истории науки [2]. Однако для самой науки сложившаяся ситуация – проблематична. Бытие, роль и значение науки, также и будущее ученых сегодня весьма неоднозначно. Сложное положение науки в современном мире вызывает необходимость серьезного *философского* осмысления, потому повышается значимость философии и философской рефлексии для понимания места, роли и значения науки в социуме сегодня и для эффективного, успешного и результативного осуществления перспективных научных исследований.

В результате революционного скачка в глобальном масштабе кардинально меняется мировоззрение. На наших глазах формируется новый – более сложный – образ мира: эволюционно-синергетический, характеризующийся нелинейностью, стремительной динамикой, холизмом, представлением об универсуме как единой сложной саморазвивающейся и самоорганизующейся системе в процессе глобальной эволюции, органически включающей самого человека и всю историю человечества. Соответственно, именно философам предстоит объяснение этого процесса и обоснование новой онтологии – *онтологии сложности* – и построение на ее основе новой научной картины мира постнеклассической эпохи.

При этом возникает и новое понимание знания, следовательно, вновь следует философское вопрошание о природе и сущности познания. – Что суть познание? Как возможно познание? Каким образом может быть познаваем Мир? – вопросы философские по своей сути, и они необходимы для глубокого понимания современной постнеклассической наукой объекта, предмета, методов своего исследования и своих фундаментальных философских оснований. Философия, как известно, инициировала и претерпела ряд «поворотов» (антропологический, онтологический, лингвистический, герменевтический и др.), которые всякий раз и изменяли существенно образ мировоззрения и мышления человеческого сообщества. И когда происходит поворот к «экономике знаний» и «обществу, основанному на знаниях», на первый план вновь выходит гносеологическая и эпи-

стемологическая проблематика. Понимание познания изменилось. Приоритетную роль в обновлении подходов к осмыслению познания получает эволюционная эпистемология. Познание стало пониматься не как генерирование информации, а как этап глобального эволюционного процесса, как непрерывное сотворение мира в процессе самой жизнедеятельности. С доминированием технонауки знание теперь представляет собой результат, получаемый посредством конвергенции наук, технологий и социальных практик – NBICS, где осуществляется взаимодействие нано-, био-, информационных, когнитивных и социальных технологий. И это, как и любое другое наблюдавшееся ранее, изменение в понимании ключевого концепта «познание» становится возможным только посредством работы философской мысли, всегда необходимой. Более того, сам процесс взаимоотношения и взаимозависимости научных исследований, социальных практик и новых технологий демонстрирует, происходящее радикальное изменение образа самой Науки, появляется новый тип мышления – *сложно-системное мышление*. Это мышление, сопрягающее сложность, порождаемую познанием и сложность саморазвивающихся природных систем. Так современная постнеклассическая наука сама предлагает более сложную модель познания посредством интеграции естественных, гуманитарных наук и Digital Science, и эта модель должна быть осмыслена современными философами и философски обоснована.

В связи со сменой парадигм научной рациональности и формированием новой постнеклассической парадигмы науки, технонауки, происходит трансформация структурной организации научного знания, что вызывает потребность в философском анализе изменений в структуре науки и построение новой адекватной этим изменениям методологии научного исследования. Если классическая наука, согласно принципу классической рациональности, была организована вполне четко и понятно – строго дисциплинарно, неклассическая научная парадигма способствовала появлению и развитию междисциплинарных исследований, то постнеклассическая наука современной эпохи требует выхода на уровень трансдисциплинарности. Осмысление и обоснование самого феномена трансдисциплинарности – задача философии. Технонаука с ее развитием технологий NBICS-конвергенции уже по своему происхождению междисциплинарна, и сам процесс исследования в данном случае осуществим только в междисциплинарном научном дискурсе. Однако сами науки, изучая закономерности природы и общества, проблемой сущности междисциплинарности и трансдисциплинарности не занимаются. Но решение этой проблемы чрезвычайно важно для их перспективного развития и возможно только посредством философского вопрошания и философской рефлексии. Это и требует философской рефлексии науки, ориентирует на глубокое переосмысление самой науки как таковой в самых ее основаниях. В свою очередь, только поднявшись на философский уровень осмысления сложившейся ситуации, можно понять, что *трансдисциплинарность* – это не только совместная и согласованная работа отдельных дисциплин в поиске решения некоей актуальной проблемы. Ее суть – в кооперации, взаимодействии естественных и социогуманитарных дисциплин, в возможности качественного изменения: возникновения в перспективе того целого, которое не больше и не меньше составляющих его частей, но просто иное. И технонаука

содержит все это в потенциале и имеет возможность выйти на новый уровень трансдисциплинарности.

Актуальнейшей проблемой современности глобального масштаба стала *антропологическая* проблема, несомненно, требующая философского анализа. Гуманизм vs трансгуманизм. NBICS технологии и технонаука достигли такого уровня развития и власти, что способны коренным образом искусственно изменить саму природу человека и его статус в Мире. Возможно, впереди – с переходом от Homo Sapiens к Homo Deus, [3] грядет «постчеловеческое будущее» (мир киборгов?). Под угрозу поставлено выживание и самосохранение самого человека как вида и человечества в целом. Потому серьезная работа предстоит *философской антропологии*.

Таким образом, в нынешней ситуации неопределенности требуется работа философской мысли над *основаниями* науки, грамотная постановка *философских* вопросов, которые и обеспечивают ее динамичное развитие, и поиск ответов на которые совместными усилиями ученых, философов, политиков, предпринимателей в междисциплинарном научном сообществе способствует решению поставленных проблем, и, следовательно, новым открытиям и новым достижениям.

Роль философии особо повышается в связи с остро стоящими сегодня проблемами этики науки. Этическая проблематика изначально имеет глубокие философские корни, этика – дисциплина философская в истоке своем [1]. И сейчас одна из важнейших задач философии – актуализировать необходимость этической ответственности ученых, науки, властных структур бизнеса, человечества в целом за все происходящее в мире в связи с необдуманым и насильственным применением современных NBICS-технологий – глобально-цивилизационный кризис, критическое нарушение технико-гуманитарного баланса, экологическую катастрофу, обострение социально-экономических и политических конфликтов и т.п. Очевидна необходимость создания Этоса технонауки в современном мире – это возможно только на серьезной философской основе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агацци Э. Почему у науки есть этические измерения? // Вопросы философии. 2009. №10. С.93–105.
2. Степин В.С. Наука и философия // Вопросы философии. 2010. №8. С.70.
3. Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2018. 496 с.
4. Юдин Б.Г. Наука в обществе знаний // Вопросы философии. 2010. №8. С.45–56.
5. Schwab K., Malleret T. COVID-19: The Great Reset. Forum Publishing (World Economic Forum-2020), 2020. 280 p.

BIG DATA: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА И ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

П.А. Петров

Научный руководитель: к.ф.н. Т.А. Вархотов

Московский Государственный Университет им. М.В.Ломоносова

Информационные технологии, возникновение которых пришлось на XX век, а распространение продолжается до сих пор, обеспечили человечество новыми глобальными сетями связи, доступной в различных форматах. Вычислительные мощности компьютеров позволили оперативно обрабатывать большие объемы информации, а многообразие функционала электронных устройств нашло применение в большом количестве социальных практик, расширив возможности человека. На сегодняшний день трудно представить передовые корпорации и производственные отрасли, никак не использующие информационные технологии в своей деятельности; людей из больших городов, совершенно не использующих современные средства связи [2]. Распространенность информационных каналов и многообразие предоставляемых ими способов коммуникации, а также перевод большинства социальных практик в цифровой формат привели к появлению Больших Данных или Big Data.

Большие данные возникли в связи с использованием информационных технологий большим количеством людей в самых различных сферах общественной жизни: экономике, науке, производстве, культуре. Технологии позволяют упростить множество стоящих перед нами задач: доставку сообщений, поиск информации, производство замеров и так далее. Используя электронные средства, мы, тем самым, оставляем часть информации о себе: например, что и где мы делали с помощью этих устройств [1]. Хотя в большинстве случаев эта информация носит технический характер, она увеличивает общее количество данных и участвует в их накоплении.

Большие данные изначально определялись через объем: обычный компьютер не мог справиться с их обработкой. Однако, Big Data – это информация иного порядка по сравнению с обычными данными: они производятся непрерывно, в режиме реального времени, охватывая любую деятельность, попавшую в поле информационных технологий. Их ключевыми характеристиками являются [3]:

- Огромная скорость накопления и множество форм, поскольку данные создаются и обновляются каждую секунду и каждый раз, когда кто-то так или иначе попадает в поле цифрового пространства.
- Исчерпывающий характер (поскольку это абсолютно все следы всех пользователей электронными технологиями).
- Высокая дискретность (открывающая возможность группирования, идентификации и систематизации данных).

Оперативность и автоматическая регистрация данных любого формата позволяет выйти на новый уровень анализа: благодаря ним становятся доступны связи и аспекты человеческого поведения, не поддававшиеся наблюдению ранее. Любые, даже самые тонкие социальные взаимодействия, которые осуществляются в информационной среде, оставляют свой след, который можно обнару-

жить и изучить. Возможность наблюдения в реальном времени позволяет систематизировать и проследить передачу эмоций, установок, паттернов. На основании этих данных передовые интернет-ресурсы подбирают для пользователей «контент по интересам», формируя те информационные блоки, которые могут их заинтересовать [4]. При этом, сегодня получается анализировать всю сеть контактов человека благодаря его следам в виде телефонных звонков или электронных писем, а не фокусироваться только на сильных связях (например, родственников), что может помочь провести социологический анализ или отследить преступника и предотвратить террористический акт.

Проблема Big Data заключается в том, что они технически не подразумевают приватности: для того, чтобы операция, совершенная с помощью информационных технологий, получила статус легитимной, она должна отразиться в истории совершаемых действий. По умолчанию, предполагается, что эта информация носит конфиденциальный, сугубо технический характер и она необходима, дабы обеспечить возможность доступа к интересующему контенту. Однако, данная информация так или иначе сохраняется, что делает ее потенциально доступной для аналитики. «Контент по интересам» формируется на основании данных, которые пользователь мог бы не согласиться предоставить: списка посещенных им мест, истории покупок за месяц, избранных интернет-страниц. Отслеживание предполагаемых террористов дает возможность следить за любым другим человеком под лозунгом «мер безопасности», что носит неэтичный и противоправный характер. В то время, как отдельные пользователи стремятся создавать особые виртуальные идентичности [5], анонимность в любой момент может быть нарушена, а источник – оказаться обнародованным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Губа К.* Большие данные в социологии: новые данные, новая социология? //Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. №1 С. 213–236.
2. *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Е.: У-Фактория, 2004. 328 с.
3. *Одинцов А.В.* Социология общественного мнения и вызов Big Data //Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 30–43.
4. *Срничек Н.* Капитализм платформ. М.: Высшая Школа Экономики (ВШЭ), 2019. 128 с.
5. *Turkle S.* Life on the screen: Identity in the Age of the Internet. NY, Simon and Schuster, 1995. 347 с.

ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНОГО ТРАНСПОРТА

А.А.Петрова

Научный руководитель: к.ф.н. А.А. Скворцов

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Человечество все больше погружается в цифровую эпоху. Начинают появляться все новые и новые технологии, задачей которых становится улучшение и упрощение человеческой жизни. То же самое можно сказать и о беспилотном транспорте. Хотя данная новинка еще не так распространена, как, например, робот-пылесос или беспилотная техника на крупных заводах, можно проследить тенденцию к появлению новых беспилотных транспортных средств (БТС). Сейчас даже идет некая «борьба» между транспортом, изготовленным под лейблом Tesla Илона Маска, и транспортом российского производства.

Однако нельзя не отметить, что подобные технологии вызывают сильный общественный резонанс. И не только с практической, экономической или социальной, но и этической стороны. Возникает множество вопросов, касающихся целесообразности использования робомобилей, а также относительно тех моментов, когда случаются дорожно-транспортные происшествия (ДТП). В данной статье с этической точки зрения будут рассмотрены вопросы, касающиеся дорожно-транспортных происшествий с участием человека (ДТП-Ч) и беспилотных транспортных средств. А именно:

1. Кто и какую ответственность несет в случае ДТП-Ч? Будет ли вина лежать полностью на человеке или мы имеем полное право обвинить полностью автоматизированную машину с зачатками интеллекта?

2. Как следует оценивать ситуации, в которых ДТП-Ч случилось строго по причине нарушения человеком правил дорожного движения?

3. Возможна ли полная алгоритмизация системы принятия решений для управления транспортным средством? Меняется ли расстановка приоритетов в этой ситуации в зависимости от наличия родственной связи между владельцем беспилотного автомобиля и пассажиром или пешеходом?

4. Можно ли решить вышеуказанные проблемы с помощью обучения (стоит рассмотреть и обучение человека, и обучение машины)?

В современности рассмотрением подобных вопросов занимаются специализированные гуманитарные комиссии. Так как беспилотный транспорт начинает все больше входить в обыденную человеческую жизнь, проблемы ДТП-Ч и робомобилей возникают все более часто. Еще на испытательном полигоне необходимо решить, как действовать в той или иной ситуации и, самое главное, как эти ситуации оценивать. Задачи, которые могут быть поставлены перед этическими комитетами для анализа данной ситуации, могут выглядеть следующим образом:

1. Выяснение факта, является ли беспилотное транспортное средство полностью автоматизированным и исправным, так как от этого, во многом, зависит количество ДТП на дороге. В практике подобного рода уже есть несколько прецедентов, когда БТС (беспилотное транспортное средство) оказывалось неисправным, в результате чего были человеческие жертвы.

2. Максимально полное, эффективное информирование граждан о предстоящих реформах в сфере общественного и личного транспорта. По мнению некоторых экспертов, своевременное информирование может заострить внимание обывателей на ситуации, благодаря чему, по логике вещей, количество ДТП с участием человека (ДТП-Ч) сократится.

3. Решение животрепещущих проблем, когда ДТП-Ч все же случаются. Обвинить ли в таком случае БТС или человека?

4. Мониторинг проведения внедрения БТС, сбор информации о положении дел.

Также задачей этического комитета является прогнозирование возможных исходов любого крупномасштабного действия. Человеческая жизнь – высшая ценность. Ее необходимо охранять, сохранять и преумножать. Для того, чтобы не случилось ДТП-Ч, необходимо не только регулировать и отслеживать создание беспилотных транспортных средств, но и проводить перестройку и подготовку социума. Это должен быть долгий, упорный процесс, так как слишком резкое изменение обыденного и привычного положения дел может повлечь за собой множественные жертвы.

Как и многие современные проблемы, данный вопрос не может рассматриваться отдельно от множества смежных: ограниченность искусственного интеллекта, которую нельзя отрицать; постоянные попытки создать эквивалент человеческого мышления, которые приводят к превратному пониманию человеческого сознания; существование человеческого фактора, от которого нет возможности избавиться, – все эти проблемы должны быть рассмотрены для того, чтобы во всей полноте осветить тему внедрения беспилотных транспортных средств. Сотрудники этических комитетов, которые создаются в рамках гуманитарной экспертизы, обязаны заблаговременно думать о последствиях, которые могут возникнуть даже в такой ситуации. Этическая справедливость, которую с необходимостью нужно учитывать в рамках рассмотренного вопроса, справедливость в отношении человека, породившего машину, способную приблизительно похоже думать, снова заставляет нас вернуться к одному из сложнейших вопросов в истории: «Почему человек стремится создать существо, подобное себе?».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брызгалова Е.В.*, Аласания К.Ю., Садовничий В.А., Миронов В.В., Гавриленко С.М., Вархотов Т.А., Шкомова Е.М., Набиулина Е.А. Социально-гуманитарная экспертиза функционирования национальных депозитариев биоматериалов // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 18–21.
2. *Луков В.А.* Гуманитарная экспертиза: от теории к практике // Знание. Понимание. Умение. 2006. №4. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnaya-ekspertiza-ot-teorii-k-praktike> (дата обращения: 02.04.2021).
3. *Тищенко П.Д.* Философские основания гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. 2008. №3. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-osnovaniya-gumanitarnoy-ekspertizy> (дата обращения: 02.04.2021).

4. *Юдин Б.Г.* От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке. В честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. С. 214–237.

ТАК ЛИ ГУМАНЕН ТРАНСГУМАНИЗМ?

Е.Д. Романова

Научный руководитель: к.ф.н. Кириленко Юлия Николаевна

Национальный исследовательский

Томский государственный университет

На протяжении всей истории люди создавали себе образы богов, супергероев, которым приписывали качества и способности, свойственные нам самим, но развитые до неограниченных возможностей. Также практически на всей протяженности исторического процесса мы обнаруживаем, тенденцию человеческой способности формировать себя в образе по своему предпочтению [1.С.16].

Техника, как целенаправленная деятельность, свойственная только человеку, являлась одним из движущих механизмов эволюции нашего вида. Но прогресс в области техносферы не останавливается на достигнутых новациях. Наш организм в условиях постиндустриального общества также должен подвергнуться вмешательству, в нашу жизнь уже входят явления, которые не так давно казались чем-то из области фантастики. Сейчас как никогда актуальны идеи, освященные в концепции трансгуманизма. Эти идеи доносят до нас необходимость и при этом объясняют возможность совершенствования интеллектуальных и физических способностей человека за счет привлечения современных технологий.

Трансгуманизм – это философское движение и направление мысли, стремящееся расширить биологические пределы человеческих возможностей за счет использования нано, био, информационных, когнитивных технологий в объединении с социальными. NBICS-технологии ставят перед собой приоритет в решении ряда социальных проблем, реализации потенциальных возможностей накопленных знаний, которые будут направлены на удовлетворение глобальных человеческих потребностей. Трансгуманизм часто рассматривается как логическое продолжение гуманизма в контексте текущего прогресса и нынешних темпов развития.

Оптимизация человеческого организма с помощью медицины и технологий не является для нас чем-то новым. Достижения в области науки оказывали благоприятное влияние на человеческое существование: мы уже давно используем инновационные технологии для оптимизации своего организма, выходя за рамки естественного существования. Некоторые ученые утверждают, что человечество уже трансгуманно, потому что достижения медицины значительно изменили наш вид за последние столетия.

В контексте рассуждения о трансгуманизме, стоит отметить понятие постчеловека. Постчеловек – это будущее человека, которое является тем, во что он переродится или переродит себя сам при помощи передовых технологий. Считается, что искусственный интеллект тоже может стать «постчеловеком». В идеале постчеловек должен стать бессмертным, так как функционирующие части человеческого организма будут заменены на технические устройства, а от человека останется только его мозг, который сохранит наши уникальные особенности: психические процессы, эмоции и сознание со всеми вытекающими из него способностями. Человеческое мироощущение уже очень давно включает в себя технику. Человек формирует вокруг себя среду обитания, а его отношение к технике изменялось в течении времени вместе с количеством жизненного, про-

странства занимаемого с техникой. С этого ракурса, уже заметно, что человек становится, буквально, ближе к технике с каждым годом.

Сторонники концепции трансгуманизма видят будущее для осуществления перехода к «постчеловеку» в NBICS-технологиях. Авторами термина «NBIC-конвергенция» являются Михаил Роко и Уильям Бейнбридж, впервые описавшие это взаимодействие еще в 2002 году. В последствии к NBIC прибавилась буква S от «social», поскольку любой научный прорыв имеет социальные последствия и требует анализа. Принципиальное отличие этих технологий в том, что помимо того, что в ходе своего развития они дадут человеку возможность не только изменять свое природное начало, но и создадут понимание того, как они повлияют на идентичность человека в последствии.

Существуют разногласия на счет того, насколько гуманной является эта «концепция будущего». Человек в условиях постмодернистского распада устойчивых социальных и культурных стратификаций оказался не только в ситуации тотального отчуждения, но и полной утраты идентичности, глубинных онтологических оснований собственной жизнедеятельности [1.С.20]. Рассуждая о негативной оценке трансгуманизма, часто говорят о том, что продление жизни на неопределенный срок, и победа над естественной смертью, может лишить наше существование глубокого смысла. Конечная природа человеческой жизни является своеобразным стимулом для достижения целей. Без постоянного осознания смерти у нас не было бы мотивации чего-либо достичь - для этого в нашем распоряжении была бы целая вечность.

Подводя итог, всему выше сказанному, мне хотелось бы сказать, что современный мир ставит перед нами такое огромное количество вопросов, что человек сталкивается с экзистенциальными неврозами и кризисами, а потому каждому из нас приходится склеивать у себя в голове частички целого знания, которое дано нам в разных науках. Однако, предложенное развитие различных отраслей науки, на примере «NBIC-конвергенции», в дальнейшем должно способствовать возникновению области знания и более полному изучению всех уровней организации материи, а также ускорению выявления базисных природных закономерностей, определяющих идущие в мире процессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аксенов И.В.* Экзистенциальные аспекты трансгуманизма // Вестник РХГА. 2016. №1. 290 с.
2. *Ильин В.В.* Философия технонаучной цивилизации // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. 2019. №1. 158 с.
3. *Трофимов В. В.* Философская критика трансгуманизма // Наука. Искусство. Культура. 2017. №2. 199 с.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНВЕРГЕНТНОГО ПОДХОДА В ОБРАЗОВАНИИ КАК СОВРЕМЕННЫЙ ОТВЕТ НА СМЕНУ КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ

К.В. Севастов

Научный руководитель: д.ф.н. М.А. Можейко
*Республиканский институт высшей школы
Минск, Беларусь*

Цивилизационная повестка второй половины XX века, охарактеризованная своего рода социокультурным взрывом в виде провозглашения всеобъемлющей нелинейности, побуждает культуру к тотальному пересмотру реальности и смещению от концепции традиционности к концепциям фрагментарности и разно-векторности. Так, культура модерна переходит в состояние постмодерна.

Рассматривая образование не только как феномен культуры в целом, но и как инструмент для субъективной адаптации, а также как комплекс накопления, трансляции и передачи культурного опыта [5.С.121], важно определить, что смена культурной парадигмы вынуждает и образование к постепенной трансформации.

Постмодернистская идеология, поэтапно внедряясь в социальную действительность, меняет и направление педагогической мысли, опиравшейся на триединство таких понятий, как авторитетность, традиционность и преемственность, тем самым утверждая принцип онтологической плюральности [4.С.82].

Проблема образования, несмотря на свою актуальность и по сей день, интересовала философов и социологов на протяжении всего процесса развития постмодернистского типа философствования.

Так, Н. Луман определяет образование как социальный процесс со специфичной для него коммуникацией, который является не чем иным, как постоянным перемещением от *незнания к знанию* и наоборот [2].

В то же время Ж.-Ф. Лиотар скептически описывает концепцию Н. Лумана, опираясь на метод языковых игр, который в свою очередь подразумевает использование речевых оборотов с присущим субъекту желанием успеха, – и в итоге преимущество имеет тот, кто использует речевые конструкции *лучше* [1].

Тем не менее культура *постмодерна* и философия *постмодернизма* абсолютно по-разному артикулируют феномен образования [3.С.132].

Так, постмодерн, критикуя традиционную стратегию образования за консервативность, своего рода авторитарность и приверженность к абсолютным основаниям, относил традицию к последним и строил свою модель образования на основе отказа от нее и ориентации на плюрально-вариативные семиотические модели, среди которых нет и не может быть приоритетной. Тем самым он совершает, вероятно, самую большую ошибку на пути развития всей постмодернистской идеологии, т.к. традиция по своей природе вариативна и плюральна. И в контексте образования это никак не противоречит основополагающему образовательному принципу – сохранению и передаче общегуманистических ценностей.

В то же время, рассматривая образования в контексте постмодернистской философии, можно определить, что исключительно традиционного подхода ста-

новится недостаточно, но тем не менее такие постмодернистские концепции, как множественность интерпретаций, всеобщая плюральность окружающего мира, апробированность всех возможных его трактовок и, как следствие, повторное применение готовой формы – все это может быть использовано в развитии нового образовательного подхода, основанном, безусловно, на подходе традиционном, но в то же время соответствующем постмодернистской концептуальности.

Так, одним из триггеров для формирования этого конвергентного подхода является массовая технологизация культурной и социальной реальности. Основой технологизированного мира является информация, которая в свою очередь по причине массовой доступности теряет не только свою ценность, но и существует абсолютно бесконтрольно, зачастую не соответствуя не только актуальности, но действительности.

В контексте кризиса образования данная информационная нестабильность является серьезным препятствием на пути к актуальности полученного образования: к моменту завершения образовательного процесса приобретенные знания (в виде информационного наполнения) могут не только потерять всякую актуальность, но и вовсе стать опровергнутыми. Информация, используемая в образовательном процессе, должна быть систематизирована и постоянно обновляться, чтобы оставаться в статусе актуальной.

Конвергентный подход подразумевает дисциплинарное сближение не только по признаку предметной схожести. Он также включает в себя инновационные технологические внедрения в образовательный процесс, основными целями которых являются обобщение и систематизация знания – это именно то, что традиционный подход в образовании утратил ввиду стремительного развития технологий. Также следствием и определенным преимуществом данного подхода является придание философским дисциплинам статуса фундаментального образовательного блока, потому как именно философия, формулируя универсальные когнитивные вопросы, обеспечивает конвергенцию различных образовательных дисциплин.

Таким образом, можно сделать вывод, что кризис культуры постмодерна – это совокупность локальных кризисных состояний, одним из ярчайших примеров которых является образование. И если постмодерн – как состояние культуры – приводит к образовательному кризису, то философия постмодернизма обнаруживает методологические основания и стратегический потенциал для преодоления данного кризиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя. 2015. 159 с.
2. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И.Д. Газиева. СПб.: Наука. 2007. 648 с.
3. *Севастов К.В.* Конвергентные процессы в современном образовании: постмодернистский дискурс // Материалы межвузовского международного конгресса: Высшая школа: научные исследования. Москва, 2020. Т. 2. С. 132–137.
4. *Севастов К.В.* Традиционная и постмодернистская стратегии образования: анализ конфликта // II Международное книжное издание стран Содружества Не-

зависимых Государств «Лучший молодой ученый – 2020». Нур-Султан, 2020. С. 81–85.

5. *Sevastov K.V.* Convergence of socio-humanitarian knowledge: postmodern discourse // *Process Management and Scientific Developments: materials of the international conference*. Birmingham, 2021. Part 2. P. 121–126.

СОВРЕМЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ИНСТИТУТ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ М. ДУГЛАС

В.Г. Сеньютъ

Научный руководитель: к.ф.н. Т.В. Фаненштиль

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет*

Университет представляет собой многоаспектный социальный феномен; многокомпонентность его структуры затрудняет формулировку определения сущности университета. Цель данной работы – выявить характерные признаки университета как социокультурного института в рамках теории британского антрополога М. Дуглас.

Социокультурный институт – это более широкое понятие, чем социальный институт. В данном контексте под этим термином понимается некий образец или модель, существующая в обществе на ментальном уровне, сформированная в ходе исторического развития и поддерживаемая культурными практиками. М. Дуглас в работе «Как мыслят институты» убедительно показала, что существование каждого социального института обеспечивается мышлением индивидов, которые обращаются к нему как к этическому эталону при принятии жизненно важных решений [1]. Учитывая специфику названной работы, представляется более корректным использовать термин «социокультурный институт», так как методология М. Дуглас предполагает обращение к общечеловеческим особенностям культуры, не ограниченным локальной социальностью.

Согласно теории М. Дуглас, социокультурные институты обладают следующими характеристиками: коллективность, способность наделять объекты тождеством, динамичность, возможность распределять ответственность между индивидами, классифицировать элементы социальной реальности и формировать социальные идентичности.

Социокультурный институт может существовать только в обществе и поддерживаться коллективно. Например, функционирование любого университета требует совместной работы большого количества людей. Для успешного развития и достижения общих целей необходимо взаимопонимание, которое обеспечивается схожестью протекания мыслительных процессов. Сотрудники университета, преподаватели и студенты образуют мыслительное сообщество, члены которого разделяют определенные ценности и имеют собственные культурные практики. Одна из причин этого явления скрывается в истории – европейские университеты возникли как свободные союзы студентов и преподавателей, целью которых были поиск истины и гуманистическое образование.

Благодаря мысленному обращению индивида к различным институтам происходит познание социальной реальности через установление аналогий между фактами, событиями и другими индивидами. В ходе этого процесса человек переносит общие свойства социокультурного института как модели на отдельные объекты. Вследствие этого создается некая концептуальная схема, обеспечивающая принятие решений индивидом. Это свойство университета как социокультурного института можно проследить через анализ процесса выбора учебного заведения абитуриентом: он выбирает тот университет, который в его

представлениях наиболее полно соответствует желаемым характеристикам данного типа учебных заведений.

Социокультурные институты изменяются в зависимости от потребностей сообщества, в котором функционируют. Также они способствуют сохранению в коллективной памяти некоторых фактов, если это выгодно сообществу. Аналогичным образом факты могут исключаться из памяти, если они становятся ненужными. Подобную динамику можно проследить в развитии идеи университета, которая менялась вместе с развитием общества. Если М.В. Ломоносов считал российский университет центром национальной культуры, то Н.И. Пирогов уже связывал деятельность университетов с более широким кругом задач: обучение профессии, интеллектуальная поддержка государства, общий рост образованности населения.

Обращаясь в своем мышлении к университету как социокультурному институту, индивиды разделяют свое социальное бытие с другими членами сообщества, причастными к данному институту. Таким способом индивид осуществляет распределение социальной ответственности за те задачи, решение которых возможно только в ходе социального взаимодействия. Для университета такими задачами являются профессиональное развитие, общественная активность, построение intersubъективной картины мира и др. [3].

Институты определяют, как индивид будет упорядочивать социальные факты в своем восприятии. Например, если человек обращается к институту образования, то он может классифицировать членов общества по степени образованности или по характеру полученного ими образования (технари/гуманитарии и т.п.). Также принадлежность к определенному университету может предопределять оценку другими индивидами карьерных перспектив выпускников того или иного вуза; через востребованность работ сотрудников университета в научных журналах и т.д.

Индивиды часто ассоциируют себя и окружающих с определенным социокультурным институтом, что становится одним из оснований социальной категоризации. Идентичность многих выпускников университетов в какой-то степени связана с *alma mater*. Можно утверждать, что университет наравне с другими социокультурными институтами создает среду для развития личности, в которой обретается целостность социального бытия.

Таким образом, теория М. Дуглас может успешно применяться к изучению университета как социокультурного института. Преимущества данного подхода состоят в том, что он позволяет выявить такие аспекты этого явления, как: коллективность, динамичность, тождественность субъектов социальной реальности и возможность их классифицировать. Университет как социокультурный институт создает мыслительные сообщества, характеризующиеся собственной системой ценностей; становится основанием социальной категоризации; поддерживает динамику развития общества; делает возможным достижение коллективных целей; способствует формированию социальной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дуглас М.* Как мыслят институты / М. Дуглас. М.: Элементарные формы, 2020. 250 с.

2. *Радугин А.А., Радугина О.А.* Социокультурный институт как идеальный конструкт культуры // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 2. №. 1. С. 165-173.
3. *Barnett R.* Knowledge and the University: Re-claiming Life / R. Barnett. New York, Routledge, 2020. 197 p.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: О ВАЖНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Н.А. Слюсарева

Научный руководитель: к.ф.н. Н. В. Николина

Национальный исследовательский

Томский государственный университет

Мы живем в эпоху бурно развивающихся информационных технологий, гармонично «встроенных» в различные сферы жизнедеятельности человека. Их влияние неоспоримо: во взаимодействии между людьми и скорости распространения информации, доступе к новостным контентам и перспективах успешной самопрезентации человека, в целом в развитии культуры и образования. В то же время, в условиях всеобщей информатизации и засилья массовой культуры индивидуальность часто заменяется массовостью (в искусстве, одежде, поведении), а границы «личного, частного» стираются, открывая доступ большой аудитории к тому, что до сих пор считалось сокровенным. Современный человек оказывается брошенным в мощный поток информации, продуцируемый средствами массовой коммуникации. П. Валери сравнивает такое положение дел с пребыванием человека в музее, где «продукция бесчисленных часов, потраченных столькими мастерами на рисование и живопись, обрушивается в несколько мгновений на ваши разум и чувства». Под влиянием «этого бремени» «мы станем поверхностными или же делаемся эрудитами» [1.С.207].

В условиях многообразия ориентиров человек испытывает трудности с самоидентификацией и адаптацией к новым социокультурным условиям. Эти процессы находят отражение и в среде молодежи, перед взором которых десятки ложных установок, и людей среднего и пожилого возраста, вынужденных «заскочить» на подножку несущегося вперед состава с названиями «инновация», «информатизация» и др. Э. Тоффлер состояние дезадаптации называет «шоком будущего» - реакцией человека на «запредельное нервное раздражение», подразумеваемая под ним физическое и психологическое страдание от перегрузок, которые испытывает человек, приспособляясь и принимая решения [7].

Психологический дискомфорт, ощущение ненужности, «невписываемость» в новый формат социального существования зачастую оборачивается психотравмами и «легкими» способами снятия стресса, типа наркотиков, алкоголя, беспорядочных увлечений и проживания в виртуальном мире. В.А. Кутырев отмечает, что человек, не следующий правилам социотехнической системы, выталкивается в маргиналы. В такой системе нет места морали и заповедям религии. Главными ценностями для постмодернистского общества остаются богатство, успех, здоровье, а душа, переживания, сомнения и выбор становятся «фактором брака», отвлекают от производства и точного выполнения рекомендаций [4].

Остановить несущийся состав глобализации мы не в силах, но возможно найти точку опоры, которая будет привносить в стремительно меняющийся мир устойчивость, надежность. В качестве таковой может выступить обращение к традиционной культуре, отношению к которой, однако, выражено в полярных позициях. Одна из них представляет ее как нечто застывшее, анахроничное, преграждающее путь прогрессу. Так, И. Валлерстайн подчеркивает, что долгое время культура осознавалась исследователями одним из препятствий для модерни-

зации и освоения нового, явлением традиционным, противоположным современному.

Другая позиция рассматривает традиции в качестве инноваций. Подтверждающий пример встречаем в статье у Гофмана А.Б, который напоминает нам о том, что Реформация или Великая французская революция, выступая против одних традиций, требовали возврата к другим, еще более «традиционным традициям», таким как античность или Священное Писание» [2]. То есть, нельзя отбрасывать то социально-значимое знание, которое исторически сложилось в культуре, потому что оно, по выражению Любимцева К.В., «придает социальному прогрессу человеческую размерность» [5]. Традиции выступают основной формой передачи социального опыта, через них осуществляется закон преемственности. Они способствуют формированию личности, наделению жизни смыслами. В. А. Кутырев, предостерегая от разрушения традиции, называет лучшим из миров тот, в котором люди живут, поддерживая свою идентичность. Родственную мысль высказывает В.С. Степин, говоря о том, что «унификация и уничтожение культурного многообразия может приводить к вырождению культур» [6. С.13].

На наш взгляд, существует закономерность между давлением информационных технологий и усиливающимся интересом к традиционной культуре. Речь идет не об отказе от «плодов цивилизации» (хотя такие случаи есть в мировой практике), а о гармоничном сочетании технологий и традиций. Значимость такого союза отмечает В.С. Степин, утверждая, что для жизни культуры и общества традиции и инновации также важны, как «наследственность и изменчивость для существования биологических организмов» [6]. Среди современных философов есть мнение о том, что этническую культуру прошлого надо знать и изучать, но жить – в современной культуре [3]. Вместе с тем, примеры социокультурной практики в России и за рубежом свидетельствуют о широких возможностях использования элементов традиционной культуры в жизни народов.

Данный обзор показывает, что в условиях глобализации общества, одним из вариантов определения и становления человека в мире является привнесение элементов традиционной культуры в жизнь человека. Имея в приоритете возвращение к своим корням, она способствует формированию ценностных оснований личности, идентичности в новых условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Валери П.* Об искусстве. М.: Искусство. 1993. 512 с.
2. *Гофман А.Б.* Социология традиции и современная Россия // Ежегодник. Выпуск 7. М.: Институт социологии РАН. С. 334–352.
3. *Кармин А С.* Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 53-56.
4. *Кутырев В.А.* Культура и технология: борьба миров. М.: Прогресс. 2001. 240 с.
5. *Любимцев К.В.* Культура модернизирующегося общества: между прогрессом и традицией //Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С.70–74.
6. *Степин В.С.* Философский анализ мировоззренческих универсалий культуры // Гуманитарные науки. 2001. № 1. С. 12-13.
7. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М.: 2003. АСТ. 2002. 557 с.

УРОКИ АЛАНА ТЬЮРИНГА

Е.А. Тунда

Научный руководитель: д.ф.н. И.В. Черникова

Национальный исследовательский

Томский государственный университет

В связи с четвертой научной революцией пришло время более глубокого изучения уроков Алана Тьюринга. Первым на это обратил внимание Лучано Флориди в [1]. Поскольку эта работа не переведена на русский язык, есть смысл обсудить основные моменты, касающиеся этих уроков.

Три научных революции изменили то, как мы воспринимаем себя. Мы стали понимать, что:

- мы не неподвижны, в центре вселенной (Коперниканская революция),
- мы не отделены неестественно и не отличны от остального животного царства (Дарвиновская революция),
- мы очень далеки от того, чтобы быть обособленными умами, полностью прозрачными для нас самих, как, например, предполагал Рене Декарт (Фрейдовская революция).

С 1950-х годов информатика и информационно-компьютерные технологии (ИКТ) стали оказывать уже как экстравертное, так и интровертное влияние, изменяя не только наше понимание мира, но и наше самопонимание. Мы осознали, что в определенном смысле являемся информационными организмами или *инфоргами*, частью инфосферы, включенной в ее взаимосвязи. Совместно с биологическими агентами и искусственными артефактами мы – часть глобальной среды, в конечном итоге состоящей из информации. Эта глобальная среда – инфосфера. Информационная среда состоит из всех информационных процессов, сервисов и сущностей, включая информационных агентов (людских и искусственных), а также их свойств, взаимодействий и взаимоотношений. Это то, что нам принесла четвертая научная революция, а пионером этой революции был представительный ученый Алан Тьюринг (1912–1954).

Л. Флориди рассмотрел три урока Тьюринга с точки зрения развития философии информации и влияния ее на дальнейшее развитие философии.

1 урок. Работа Тьюринга над *методом уровней абстракции (МУА)* может научить нас правильно задавать философские вопросы.

Действительно, правильный вопрос – это вопрос, который правильно сформулирован и на соответствующем уровне абстракции (УА).

Ярким примером незнания уровней абстракций является история о том, как в ноябре 1999 года НАСА потеряло орбитальный аппарат Mars Climate Orbiter (МСО) стоимостью 125 миллионов долларов, потому что команда инженеров Lockheed Martin использовала британские (также известные как имперские) единицы измерения, а команда агентства использовала метрическую систему при расчетах ключевых операций космического корабля. В результате МСО врезался в Марс. Идея «уровня абстракции» играет абсолютно решающую роль в том, как нужно бережно относиться к любому информационному процессу, как следует договариваемся о нашем взаимодействии с миром, и, следовательно, в том, как развивать нашу философию и этику информации.

Существует много так называемых плохих открытых вопросов, то есть вопросов, сформулированных без учета сорта УА, на котором возможные ответы на них будут разумными. К таким вопросам относятся вопросы: о «реальной» цене автомобиля без указания типа валюты; антиномии (тезисы и антитезисы) Канта, являющиеся по-отдельности разумными, а вместе – несовместимыми. Другими словами, плохие открытые вопросы – это вопросы, которые пытаются избежать или выйти за пределы, установленные любым соответствующим УА.

Тьюринг впервые указал, что на философские вопросы можно ответить, только установив УА, на котором есть смысл получать ответ. Например, Тьюринг отказался даже пытаться дать ответ на вопрос «Может ли машина мыслить?», потому что считал эту проблему «слишком бессмысленной, чтобы заслуживать обсуждения», поскольку вопрос связан с расплывчатыми понятиями, такими как «машина» и «мышление». Другими словами, это был открытый вопрос, в котором отсутствовал четкий УА. Поэтому Тьюринг предложил заменить его имитационной игрой, которая в точности более управляема и менее требовательна. Поступая таким образом, Тьюринг определил УА – «валютой», которую он выбрал для игры, человеческий интеллект, но это могло быть что-то еще, от животного интеллекта до человеческого творчества, как показали многие другие версии имитационной игры Тьюринга, – и задал новый открытый вопрос, который можно резюмировать так: «Можно ли сделать вывод, что машина думает на уровне абстракции, представленном имитационной игрой?» Так получился хорошо сформулированный открытый вопрос.

2 урок. ИКТ оказывает влияние на *все* сферы жизни человека, мы теперь живем в инфосфере – новом мире, в котором *мы начали переосмысливать себя*.

Легко привести примеры, начиная с онлайн-доверия до взлома, с цифрового разрыва до антиутопического «общества наблюдения», с конфиденциальности и свободы слова до Викиликс, с искусственных товарищей до кибервойн. ИКТ оказали радикальное и повсеместное влияние на нашу моральную жизнь и на современные этические дебаты.

3 урок. Тьюринг подводит к необходимости разработки новой философской антропологии – *с какой точки зрения следует решать философские проблемы*, когда мы понимаем, что что-то действительно важное и глубокое произошло в человеческой жизни после четвертой научной революции.

Итак, информационные технологии и связанные с ними технологические приложения оказали как экстравертное, так и интровертное влияние. Они не только предложили беспрецедентную эпистемологическую и инженерную власть над естественными и искусственными информационными реальностями, но также пролили новый свет на то, кто мы есть, как мы относимся к миру и как мы понимаем себя и свой потенциал существования. В настоящее время мы постепенно воспринимаем смысл того, что мы не изолированные и уникальные сущности, а, скорее, организмы, чей субстрат и коммуникация взаимно связаны и являются частью среды, состоящей из информации, – инфосферы, которую мы разделяем с естественными или искусственными агентами, похожими на нас в некоторых отношениях. Тьюринг изменил нашу философскую антропологию так же, как Декарт, Дарвин или Фрейд. Это оказало значительное влияние на то, что значит заниматься философией после Тьюринга.

Лучано Флориди предположил, что *философия информации*, поскольку она продолжает питаться из источника работ Тьюринга, *может представлять собой инновационную парадигму*, открывающую поистине богатую, плодотворную и своевременную *сферу концептуальной рефлексии*. Философия информации стремится расширить границы нашего философского понимания, предоставляя инновационные методологии для решения наших наиболее важных проблем с современной точки зрения. Она опирается на интуицию Тьюринга относительно релевантности метода абстракции как важного инструмента для правильного решения этих проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Floridi L. Persare l'infosfera. La filosofia come design concettuale. Chapter 4. Cinque lezioni filosofiche. Oxford University Press, 2020. PP.96–101.*

МЕТОДОЛГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗА ФИЗИЧЕСКОГО «Я» ЛИЧНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ

О.И. Чернышова

Научный руководитель: к.п.н. Н.А. Лужбина
Алтайский государственный университет

Начиная с исследований У. Вундта и Г. Геймгольца в конце XIX в., отношение к психическим явлениям обуславливается механистическим подходом. Психика из области душевных феноменов переходит в область механистических эмпирических воззрений и является их продуктом [1]. Особенное развитие такой парадигмы происходит в недрах отечественной психологии. Изучение психических сознательных явлений осуществляется через призму физиологических процессов. С одной стороны, известные русские физиологи И.М. Сеченов и В.М. Бехтерев говорят о существовании понятия «схема тела», которая формируется на основе представлений человека о своих физиологических особенностях, строении тела и движении [2]. С другой стороны, формирование представлений о телесности складывается из социальных представлений и области предметной деятельности, существующих на данный момент в обществе, и берет свое начало в исследованиях Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева [1, 2].

Особенного внимания заслуживает теория Н.А. Бернштейна, который рассматривает переход от двигательной активности к сложным речевым образам как эволюционный процесс, связанный с формированием новообразований центральной нервной системы и головного мозга [1]. Так происходит процесс перехода от двигательных актов, связанных с усложняющейся предметной деятельностью к образам, которые могут быть выражены вербально или за счет других символических обозначений, например, танца или рисунка, которые имеют индивидуальное значение для каждого человека. Складывающиеся индивидуальные образы телесного «Я» отображают, в результате, не только схематические построения тела, но и личные смыслы, которые человек отождествляет со своей телесностью.

Позднее, благодаря трудам таких отечественных исследователей как Е.Т. Соколова, В.В. Столин, И.И. Чеснокова, И.С. Кон, В.А. Лабунская складывается понятие «образ физического «Я»», «определяющееся как продукт целостного взаимосвязанного отражения в психике телесных явлений, в том числе вышеназванной «схемы тела», а также того, как человек будет описывать себя в терминах телесности, используя накопленный жизненный опыт и оценки от других значимых людей [2]. Теория опосредованного развития психики, интериоризации личностного опыта и опыта предметной деятельности, а также социального взаимодействия позволяет рассматривать образы телесности как проявления индивидуальности каждого человека через знаковые вербальные формы, в которые он облачает возникающие образы.

Мы можем рассматривать формирование образов телесности и в контексте историко-эволюционного подхода в психологии. Проявления физиологических аспектов телесности соотносится с организменным уровнем развития, а проявление образов физического «Я» облаченных в символические формы, уже относятся к личностному и индивидуальному уровням развития человека [1].

С середины XX в. для исследования таких индивидуальных образов используют методы анализа семантических форм, которыми человек обозначает эти образы. Так с 1952 г. Ч. Осгуд начинает применять метод семантического дифференциала для описания явления синестезии. Метод основан на процедуре ассоциативного эксперимента в сочетании с математическим шкалированием, что позволяет перевести личные субъективные конструкты в объективную математическую форму, с которой в дальнейшем можно производить любые дальнейшие операции, свойственные математическим объектам [3].

В 80-90-х годах прошлого века появились методики психологической субъективной семантики и психосемантики, разработанные отечественными психологами Е.Ю. Артемьевой, В.П. Серкиным и др., позволяющие моделировать структуры субъективного опыта личности, находить взаимосвязи между категориями психических феноменов, которые невозможно было раньше выявить другими методами [3, 4].

Применительно к исследованию образа физического «Я» методами психосемантики наиболее часто используются методики изображения слов, ситуаций, состояний и построения субъективных шкалированных пространств (субъективного шкалирования). Зачастую методы психосемантики перекликаются с другими, например, проективными. Так в графическом тесте «Рисунок человека» испытуемые проецируют свой образ телесности в изображение фигуры человека, что позволяет экспериментатору получить информацию о сложившемся образе физического «Я» или его отдельных компонентах [5].

Методика субъективного шкалирования позволяет перевести субъективные представления человека в объективные оценки, а затем, используя методы многомерного статистического анализа (многомерный факторный, регрессионный, кластерный) определить границы и свойства семантических пространств, описывающих данное психическое явление. В отношении образа физического «Я» становится возможным определить не только компоненты образа, которые будут выражаться через оценки проявлений облика тела, лица, поведения человека, но также и гендерные репрезентации во внешнем образе личности [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асмолов А.Г.* Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001. 416 с.
2. *Каминская Н.А., Айламазян А.М.* Исследования образа физического «Я» в различных психологических школах // Национальный психологический журнал, 2015. № 3(19). С. 45–55.
3. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. 2-е изд. СПб.: Питер, 2005. 480 с.
4. *Серкин В.П.* Методы психосемантики: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2004. 207 с.
5. *Соколова Е.Т.* Проективные методы исследования личности. М.: Издательство МГУ, 1987. 174 с.
6. *Чернышова О.И., Лужбина Н.А.* Образ физического «Я» женщин зрелого возраста: постановка проблемы: сб. науч. тр. «Мой выбор – наука!»: сборник материалов VI региональной молодежной конференции, XLVI научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2020. С. 1027–1032.

ПАРАДОКСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЦЕННОСТИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

И.В. Якунина

Научный руководитель: к.ф.н. Н.В. Николина

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет*

Проблема идентичности и самоидентификации становится в информационном обществе одной из наиболее значимых ввиду непредсказуемости и высокой скорости социокультурных и технологических изменений, происходящих в современном обществе. Сетевая культура стирает границу дихотомии «Я-Другой», предопределяющей персональную идентичность и процессы самоидентификации человека.

«Другой» становится виртуальным, образ человека реального не соотносится с образом в сети: современный человек может осознавать свою идентичность на сайтах социальных сетей иначе, чем в реальном мире. Межличностное взаимодействие вытесняется коммуникативными практиками в информационном пространстве, что приводит к размыванию жизненных ориентиров, усложнению процессов идентификации и появлению различных форм идентичности: персональная, сетевая и др. Под сомнение ставится в целом возможность сохранения традиций и ценностей в обществе, которые ранее были основополагающими ориентирами в процессе самоопределения, и неоднозначность самой задачи самоопределения в условиях современного мира.

На смену идентичности коллективной, характерной для традиционной культуры, приходит персональная идентичность, определяемая некоторыми исследователями как осознание личностью собственного единства и целостности в пространстве и во времени [4], поиск собственной уникальности [2], или, исходя из бессубъектной антропологии постмодернизма, интерпретация «реальности и самого себя как некоего произвольно переформатируемого текста» [5. С.110]. Индивид в ситуации современной делокализованности задается вопросами о своей уникальности, непохожести на все возрастающую армию «Других», теряя базис в семантическом и аксиологическом плюрализме сетевых культур, превращаясь из индивида в «дивида» [3].

Потребность в личной идентификации и типизации предопределяет появление персональных данных как неких свойств и характеристик личности, а также инициирует становление института персональных данных. При этом в данном случае понятие «институт» нами понимается в трактовке Бергера П. и Лукмана Т. как социальные отношения по созданию «взаимной типизации опривыченных действий деятелями разного рода» [1. С.92].

Опираясь на идею абсолютного различия, институт персональных данных способствует преодолению кризиса идентичности через постоянную фиксацию и накопление фактов человеческой жизни (совокупности сведений, позволяющих идентифицировать определенного человека).

Однако целесообразность существования института персональных данных ставится под сомнение самим человеком в условиях динамизма философского самосознания постмодерна и интенсивности социальных коммуникаций в информационном обществе, способствующих постоянному изменению и накопле-

нию персональных данных. С антропологической точки зрения, границы самоидентификации современного человека шире предлагаемых институтом персональных данных границ идентичности.

Не менее важным становится вопрос соотношения, с одной стороны, декларируемой государством ценности персональных данных человека и их защиты, в том числе в сети Интернет, а с другой стороны, неопределенность самого процесса персональной идентичности и отсутствие ценности персональных данных у самого их носителя. Поставленные вопросы, безусловно, требуют философского осмысления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум. 1995. 323 с.
2. Блинова О.А. Обретение персональной идентичности: диалектика индивидуального и социального // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 11 (149). С. 51–56.
3. Гречко П.К. Идентичность – постмодернистская перспектива // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 171–190.
4. Лысак И.В., Косенчук Л.Ф. Формирование персональной идентичности в условиях сетевой культуры. М.: Спутник+. 2016. 147 с.
5. Маслова Е.С. Эрозия идентичности в постмодернизме // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 6. С. 105–111.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ, ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ЛОГИКА

МИФ В XX ВЕКЕ

А. Айдоc

Научный руководитель: к.ф.н. Ю.С. Осаченко

Национальный Исследовательский Томский государственный университет

Что же такое миф? В повседневности под мифом подразумевается нечто «вымышленное», то, у чего нет рационального основания. В научной среде миф является огромным поприщем для исследований. Миф всегда был актуальным для философских исследований. В XX веке миф исследуется с точки зрения лингвистики, семиотики, этнографии, психологии. Вместе с этим возникает трудность в однозначном определении мифа. Различные научные школы трактуют миф по-своему. Существует множество теорий мифа. Вкратце, хотелось бы остановиться на некоторых из них.

Следует начать с точки зрения Е.М. Мелетинского, согласно которой миф является мировоззрением, которое основывается на определенном типе мышления. «Первобытная мысль диффузивна, синкретична, неотделима от сферы эмоциональной, аффективной, двигательной, откуда происходят антропоморфизация природы, универсальная персонификация, анимизм, метафорическая идентификация объектов природных и культурных» [4. С. 24]. Мелетинский анализирует различные теории мифа в своей книге «Поэтика мифа». По его мнению, миф становится центральным понятием XX века в различных социологических и культурологических теориях. Несмотря на обширность его научных изысканий по теориям мифа, определенной дефиниции слову «миф» он не дает.

С другого ракурса миф рассматривает М. Элиаде. «...миф является истинной историей того, что произошло у истоков времени, и предоставляет образец для поведения человека» [7. С. 22]. По мнению Элиаде, миф может выступать в качестве одного из управляющих механизмов социума. Миф – является областью сакральных смыслов. Миф является вездесущим, и может быть выражен в различных аспектах культуры. Следы мифа Элиаде обнаруживает в различных отраслях повседневной жизни: в религии, в искусстве, политике и т.д. Миф является жизненной реальностью, так как человек живет «согласно мифологическим архетипам» [6. С. 93].

Особый интерес вызывают труды А.Ф. Лосева посвященные мифу. По его мнению, человеческая жизнь тесно связана с мифом. В своей работе «Диалектика мифа», Лосев приводит «негативные определения» мифа. Миф, по его мнению, не является фикцией или научным построением, ни схемой или аллегорией, ни историческим событием либо поэтической формой и т.д. Каждому «нега-

тивному определению» Лосев дает развернутое пояснение, в котором приводится аналогия этих определений с *mythe*, а также их отличия. В конце своей работы он приводит следующую дефиницию мифа: «миф есть в словах данная чудесная личностная история» [3. С.195].

Миф также играет центральную роль в трудах Э. Кассирера. В 20-х годах XX века Кассирер занимается этнологическим исследованием языков, мышления и жизни культуры первобытного общества, для выявления основных законов работы первобытного мышления, которое трактовалось им как «мифологическая жизненная форма». Также изучение древних ритуалов и обрядов, приводит Кассирера к тому, что любой даже самый примитивный ритуал имеет свою особую логику, которая отличается от логики современности. Стоит отметить то, что логика мифологического мышления была крайне символичной. Сам Кассирер отмечает то, что «символ – ключ к пониманию человека» [1. С.469] и «человек живет отныне не только в физическом, но и в символическом универсуме» [1. С.471]. Главной функцией человеческого мышления является символизм, именно он и определяет все типы представлений, которые существуют [2. С. 212].

Исходя из исторической динамики становления мифосознания, и взглядов тех авторов, которые были упомянуты выше, можно прийти к следующему выводу: миф является первой историей человека об окружающей действительности, и о самом себе. В соответствии с чем, мифу присущи следующие характеристики:

- миф является дорефлексивной, дотеоретической формой человеческого сознания;
- миф имеет и тесную связь с воображением и обладает своей «особой» логикой (бриколаж);
- мифу присуща синкретичность (в нем слитны все формы духовности: мораль, религия и т.д.) и прозрачность (все в реальности именно таково, каким оно является в мифологической трактовке);
- для мифа характерны следующие функции: когнитивно-моделирующая, аксиологическая, прагматическая [5. С. 218].
- в различных произведениях миф используется как универсальная модель построения символов (миф «удобен» при написании художественной литературы тем, что он многозначен и ассоциативен), миф используется как художественный прием, миф является источником сюжетов и образов для различных видов искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кассирер Э. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. 784 с.
2. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 280 с.
3. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. 919 с.
4. Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2001. 168 с.
5. Осаченко Ю. С. Онтология мифа: различение тождества. Томск.: ТМЛ-Пресс, 2010. 248 с.

6. *Элиаде М.* Космос и история. М.: Прогресс, 1987. 312 с.
7. *Элиаде М.* Мифы. Сновидения. Мистерии. М.: REFL-book, 1996. 288 с.

ОТЧАЯНИЕ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ЛЬВА ШЕСТОВА

А.С. Андриенко

Научный руководитель: д.ф.н. Р.А. Бурханов

БУ ВО ХМАО-Югры «Сургутский государственный университет»

Исследование творчества русских религиозных мыслителей первой половины XX столетия важно для анализа современного общества. Сегодня мир стоит на пороге глобальных перемен, когда меняются все стороны человеческой жизни. Обращение мыслителей Серебряного века к экзистенциальным проблемам особенно актуально в эпоху цифровой трансформации. В «информационном обществе» необходим акцент на специфике бытия человека, его экзистенции. Важнее не то, как устроен мир, а как нам в нем жить. Прежде всего – человек, его бытие, а затем и все остальное – цифровизация, искусственный интеллект, технические достижения и т.п. В данном контексте представляет интерес экзистенциальное учение Льва Исааковича Шестова (1866–1938 гг.).

Цель его философии – развенчать главенство разума, рациональности, обратить человека к вере через трагедию и отчаяние. Индивид приходит к вере после отчаяния, после «тяжких испытаний, которые испепеляют человеческую душу» [3.С.175].

В чем источник экзистенциального отчаяния, по Л. Шестову? На формирование воззрений русского мыслителя оказало влияние творчество Ф. Ницше, его идеи о «смерти Бога». Осознание того, что Бога нет – причина «дикого безумия земного человеческого существования» [4.С.168]. Оно возникает тогда, когда индивид встает перед бездной вечности, лицом к лицу с Ничто и Богом одновременно. Преодоление человеком «кошмарного ужаса» перед Ничто помогает достичь смирение перед Сущим (Исх. 3:14), прийти к Богу, обратиться к вере. «Для того чтобы спасти человека, Бог должен сперва потрясти его душу и разбить ее» [3.С.266]. «Внутренние озарения, – писал Л. Шестов, – приходят не тогда, когда мы их ждем или к ним готовимся: «Я открылся тем, кто меня не спрашивал, был найден теми, кто не искал меня» (Исайя 65,1)» [3.С.176]. Отчаяние – важное условие трансцендирования человеческого «Я», стремления души на пути к трансцендентности.

Экзистенция в учении Л. Шестова тесно связана с такими понятиями, как Ничто, Абсолютное Бытие, Бог, Трансцендентность. Ничто понимается философам, как «чистая потенциальность, вечность и абсолютная свобода, отсюда Бог черпает единство необходимости и случайности, разворачивая бесконечность творческих возможностей» [5.С.10]. Как отмечает Н.А. Бердяев, «трагедия самым фактом своего существования приподнимает завесу вечности... страшный опыт открывает беспредельность. Условные, рациональные грани падают, и у самого Шестова уже пробиваются лучи потустороннего света» [1.С.94].

Итак, отчаяние у Л. Шестова является экзистенциалом человеческого бытия. Страх, отчаяние и вера – это «мысле-чувства» – априорные смысложизненные конструкции, которые не только осознаются, но и переживаются индивидом, соединяя в себе чувственное и рациональное [2.С.3]. В его философии путь обретения «подлинного существования» осуществляется через трансцендирование, через «прыжок в бездну бытия», через погружение в отчаяние и его преодоление.

Таким образом, Лев Шестов занимает особое место среди мыслителей Серебряного века. На протяжении всего творчества он ищет новый религиозный путь, где основной ценностью является вера, а экзистенциальное отчаяние служит необходимым условием обращения к ней. Философ полагает, что Бог настоящему ценит искренность во взаимоотношениях, вплоть до борьбы за нее, о чем свидетельствует цитата из Евангелия: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф.11:12). И вера – это дар тем, кто испытан отчаянием, глубокими переживаниями, дар, открывающий возможность экзистенции к самопознанию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бердяев Н.А.* Трагедия и обыденность // Л.И. Шестов: pro et contra, антология. СПб.: РХГА. 2016. 719 с.
2. *Бурханов А.Р.* Экзистенциалы человеческого бытия как модусы западной постнеклассической философии: от фундаментальной онтологии к экзистенциальной антропологии: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Екатеринбург. 2014. 23 с.
3. *Шестов Л.* Sola Fide-Только верою. Paris: YMCA-press. 1966. 295 с. [Электронный ресурс] // URL: https://imwerden.de/pdf/shestov_sola_fide_1966.pdf (дата обращения: 05.04.2021).
4. *Шестов Л.* На весах Иова (Странствия по душам). М.: АСТ, Харьков Фолио. 2001. 462 с.
5. *Ширманов Я.И.* Проблема богоискательства Л.И. Шестова в контексте западной философии: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Екатеринбург, 2009. 22 с.

ПРИНЦИП ПОЛЕЗНОСТИ И. БЕНТАМА И ДЖ. МИЛЛЯ

М. А. Ветус

Научный руководитель: к.ф.н. Е. Н. Суханова

Национальный исследовательский Томский Государственный университет

Утилитаризм – этическая концепция, в которой правильность поступка определяется его благом, то есть пользой, которую он приносит. Данная классическая формулировка появилась в XIX веке и принадлежит британским философам И. Бентаму и Дж. Миллю. Все последующее развитие данной концепции основывается именно их формулировке.

Основанием для утилитаризма служит принцип полезности, введенный Бентамом в его труде «Введение в основание нравственности и законодательства» [1]. Данный принцип сосредотачивает внимание на последствиях действий, полезность которых будет определяться величиной счастья, принесенного ими. В таком случае следует сказать, что не само действие, но лишь его последствие обладает значимостью. Применяя данный принцип, нужно принимать во внимание предположительные результаты каждого варианта действий. Далее нужно выбрать действие, которое приносит наибольшее счастье наименьшей ценой. Принцип полезности должен приводить к существованию положительного баланса счастья над несчастьем.

Принцип полезности можно трактовать и как принцип наибольшего счастья. То есть правильными являются те действия, которые приносят наибольшее счастье наибольшему числу людей. Эта формулировка говорит, что при решении о том, как поступать, следует принимать во внимание не только личное счастье или счастье какой-либо части людей. Когда человек рассчитывает, как ему поступить, он должен принимать во внимание то, что каждый человек должен приниматься в расчет ровно так же, как и все остальные люди. То есть правильное действие есть действие, приносящее наибольшее счастье для наибольшего числа людей.

Стоит отметить, что ключевым понятием формулировок данного принципа является понятие счастья. Милль и Бентам рассматривают счастье в контексте внутреннего блага, то есть являющегося чем-то добрым самим по себе. Бентам ставит на одно место понятия счастья и удовольствия. В таком случае, по Бентаму, целью этики является увеличение общей суммы удовольствия в мире. Милль так же, как и Бентам соотносит понятия счастья и удовольствия. Но, в отличие от него, настаивает на том, что некоторые удовольствия «выше», чем другие. Тем самым он разделяет удовольствия на низшие, то есть чувственные и высшие, то есть интеллектуальные. И только вторые, как он утверждал, соответствуют человеческому достоинству. То есть, по Миллю, любое удовольствие должно соответствовать пользе, которую одобряет совесть и общественное мнение. Так, например, человек должен быть уважительным к окружающим, законопослушным, и т.д., и только в таком понимании удовольствия становятся полезными для человека. Как писал Милль: «Лучше быть неудовлетворенным человеком, чем удовлетворенной свиньей» [2. С.144].

Милль подчеркивает, что, принимая моральное решение, каждый должен смотреть на ситуацию беспристрастно и затем производить такие действия, которые приведут к наилучшим результатам для всех заинтересованных лиц.

Для уточнения понимания понятия пользы Милль показывал свою ориентированность на общественное мнение, которое представляет собой мнение настоящих людей, то есть «истинных джентльменов». И только если в рядах этих людей происходили разлады и споры, ориентирование происходило на мнение простых людей, а точнее, его большинства. Высшая добродетель для него есть справедливость, способность отплатить добром за всякое добро по заслугам. «По утилитаристской доктрине добродетель не есть в сущности цель, а только средство в достижении цели» [2. С.84]. – писал философ.

Бентам уделяет проблеме принципа пользы лишь небольшой пункт «Ответ на возражения против принципа полезности» в своем внушительном труде «Введение в основание нравственности и законодательства» [1] Конфликт интереса и долга Бентам рассматривает как проблему столкновения различных интересов, предпочитая выбрать наиболее важный из них. Философ говорит: «Добродетель есть пожертвование меньшим интересом большему интересу, минутным интересом – продолжительному, сомнительным – несомнительному» [1. С. 31]. В таком случае следует сказать, что причина «неправильных поступков» связана только лишь с иррациональностью индивида, а точнее с его пониманием и соображением лишь небольшой части разного рода добра и зла. Следовательно, причина нравственно дурных поступков может быть связана лишь с неразумностью действий индивида: «Слабый и ограниченный ум обманывается, принимая в соображение только небольшую часть разных родов добра и зла» [1. С.32].

Милль так же, как и Бентам приоритетной над долгом считает пользу: «Утилитаризм дает верховный критерий (который необходим для разрешения более частных противоречий) – принцип пользы, который является высшим по отношению к моральному долгу» [3. С.107]. У Милля данный конфликт разрешается за счет поднятия приоритета желания до масштаба общего блага и путем связывания понятий долга и пользы. Милль говорит о том, что «счастье есть конечная цель любой осмысленной деятельности, что, как раз-таки, и составляет суть понятия пользы» [3. С.139].

Принцип полезности у Бентама и Милля является основанием их концепции утилитаризма. В понимании Бентама, полезным является действие, которое приводит к счастью большинства людей. Милль же, являясь его последователем, дополняя его, уже говорит о том, удовольствия следует разделять на низшие и высшие, последние из которых должны быть присущи человеку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бентам И. Введение в основание нравственности и законодательства. М.: РОССПЕН, 1998. 414 с.
2. Милль Дж. С. Утилитаризм / О свободе. СПб. 1866, 210 с.
3. Милль Дж. С. Утилитаризм. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2013. 240 с.
4. Сушенцова М. С. Утилитаризм И. Бентама и Дж. С. Милля: от добродетели к рациональности. Вестник СПбГУ. Экономика. 2017. Т 33. Вып. 1. С. 17–35.

ФЕНОМЕН «ЯЗЫКА ЛУРКОМОРЬЯ»

Я. А. Дмитриев

Научный руководитель: к.ф.н. И. А. Эннс

Национальный исследовательский Томский государственный университет

На протяжении всей истории человечества язык как знаковая система, предназначенная для коммуникации индивидов, видоизменялся и совершенствовался согласно культурному развитию человечества. В связи с новшествами в областях науки, техники, философии, политики, искусства и т.д. язык необходимо приобретал ранее несуществующие слова, описывающие изменяющиеся представления о реальности. Такие слова принято называть неологизмами. Неологизмы – это «*новые лексические образования, которые возникают в силу общественной необходимости для обозначения нового предмета или явления, сохраняют ощущение новизны для носителей языка и которые еще не вошли или не входили в общелитературное употребление*» [4.С.158]. Таким образом, каждая революция, каждый прорыв в какой-либо области знания характеризуется бурным ростом неологического словаря, который впоследствии частично может перейти в действующий словарь языка. Формируются неологизмы двумя способами: лексический (т.е. по образцу уже существующих слов) и семантический (придание уже существующим словам нового значения) [1].

Так, в России 1990-х годов интернет постепенно входил в обыденную жизнь рядовых граждан. Доступ к всемирной сети коммуникаций получили тысячи, а позже – миллионы, россиян. Формировалась новая коммуникационная среда, особенно с момента популяризации таких ресурсов, как «Живой журнал», «Википедия» и подобных им. Изначально доступом к интернету обладали люди с достаточно высокими доходами и/или высокой известностью, отчего общение в интернете носило формально-деловой характер, а статьи в информационных порталах были написаны на привычном и понятном языке для всех русскоязычных пользователей. Однако вследствие снижения стоимости услуг Интернет-провайдеров доступ к сети получило большее количество человек, многие из которых писали неграмотно, раздражая тем самым «опытных пользователей». Реакцией на это стало появление «языка падонкав» – специально неграмотное написание слов с сохранением их фонетического образа, иногда изменяется и значение слова, например, «боян» – устаревшая информация/шутка. Так, появились неологизмы в стиле Сальвадора Дали – подобно художнику, формировавшему своих кадавров путем уродования предметов обыденной жизни, пользователи «рунета» извращали вид и форму привычных русских слов, специально нарушая правила русского языка. Таким образом, грамотное использование этих неологизмов позволяло отделять опытных пользователей от неопытных. Затем ввиду возрастающей популярности «Луркоморья» и количеству пользователей «рунета» «язык падонкав» утрачивает свою значимость и поглощается «Луркоязыком», привлекающим пользователей остроумными фразами и нетривиальным повествованием. Сам «Луркоязык» представляет собой синтез всех предыдущих неологизмов и разработку новых на основе актуальных в интернете мемов (мемы в значении, предложенном Докинзом). Это показывает развитие русского языка последних 27 лет в интернет-среде, и возникает вопрос: «В чем ценность языка Луркоморья, чем отличаются неологизмы этой эпохи от предыдущих?»

Для выявления ценности мы обратимся к теории двойного кодирования, описанной У. Эко [5], мы можем эксплицировать ее на сферу коммуникации. То есть при прочтении художественного текста мы можем вскрыть два слоя: во-первых, получить удовольствие от произведения, во-вторых, узнать отсылку к другим произведениям, знаниям. В сфере же коммуникации при прочтении текста/сообщения в интернете мы можем что-то узнать (мнение пользователя о чем-либо, новую информацию), а вторым шагом мы можем идентифицировать пользователя в парадигме «свой-чужой» посредством выявления в тексте неологизмов из языка Луркоморья, однако недостаточен факт их наличия, употребление данных слов должно соответствовать их новому значению. Важно заметить, что большинство неологизмов этого языка уже вошли в словарь русского языка, такие слова и выражения, как «лол» (смешно), «запилить» (сделать), «тролль» (агрессивный шутник), «Капитан Очевидность» (доводы понятны), не являются чем-то новым для большинства пользователей интернета и за его пределами, однако не все знают, откуда они появились и их истинное значение. Отличие же данных неологизмов от неологизмов предыдущих эпох, на наш взгляд, заключается в высокой скорости их включения в словарь языка, так как в целом неологизмы появляются ежегодно десятками тысяч в развитых странах, но приживаются единицы [2]. Практически все неологизмы «Луркоморья» прижились и используются в реальном и виртуальном общении совершенно новыми пользователями точно так же, как и другие привычные нам слова. Помимо вышесказанного, стоит отметить, что «Луркоязы» – это ироничный интернет-язык, прежде всего ориентированный на карнавально-смеховую культуру [3]. Ускоренная интериоризация неологизмов может свидетельствовать о культурных метаморфозах современного российского общества, об ироничном отношении к реалиям, т.к. именно с помощью языка мы описываем все происходящее с нами. «Луркоязы» выступает дополнительным средством для выражения неудовлетворенности действительностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воронцова Ю. А.* Неология и Неологизмы. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologiya-i-neologizmy/viewer> (дата обращения: 28.03.2021).
2. Неологизмы. [Электронный ресурс] // URL: <http://tapemark.narod.ru/les/331b.html> (дата обращения: 30.03.2021).
3. *Иванников Е.Б.* Русский язык в Интернете: феномен луркоязы. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-v-internete-fenomen-lurkojazy/viewer> (дата обращения: 7.04.2021).
4. *Шанский Н.М.* Лексикология современного русского языка. М. 1964. 423 с.
5. *Эко У.* О литературе. Эссе. [Электронный ресурс] // URL: <https://culture.wiki-reading.ru/76869> (дата обращения: 2.04.2021).

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ Ф. ДЕ СОССЮРА И Л. ВИТГЕНШТЕЙНА

Н. Н. Дремлюгов

Научный руководитель: д.ф.н. В. А. Суровцев

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Одно из впечатляющих сходств, обнаруживаемых в трудах Ф. де Соссюра и Л. Витгенштейна, лежит в области понимания языка. Оба мыслителя рассматривали язык как систему, которая имеет социальный характер и принадлежит коллективу: индивид не способен ни создать язык, ни поддерживать его существование. Причем Соссюр привносит нечто новое в понятие системности языка, понимая под ней не только множество элементов, соединенных между собой определенным образом, но множество, элементы которого друг другу противопоставлены; и в своей противопоставленности, или всеобщем различии, образующие структуру. Каждый элемент языка, по Соссюру, обретает свои свойства лишь в противопоставленности всем другим элементам.

Как мы отмечали ранее, для Витгенштейна точно так же важно отметить, что слова, как и предложения, имеют свой смысл только как элементы языка. Язык же, в свою очередь, является системой. Приведем следующий отрывок из «Голубой книги»: «Знак (предложение) получает свое значение из системы знаков, из языка, которому он принадлежит» [1.С.32].

Оглядываясь на то, что Витгенштейн интересовался конкретными философскими проблемами и понятиями, а не всем языком как предметом лингвистики в целом, мы могли бы сузить данное выше определение, сказав, что знак, или предложение, получает свое значение из системы той языковой игры, которой он принадлежит.

В таком случае, языковые игры можно было бы рассматривать как микроязыковые системы. Причем наше рассмотрение языковой игры было бы всецело синхронично; нас прежде всего интересовали бы уже сложившиеся отношения, или ценности, понятийных единиц. Диахрония всегда была бы лишь некоторым дополнением к языковой игре, способная, правда, изменить первоначальное состояние, как в диалоге с воображаемым лозоискателем из «Голубой книги», говорившем, что он чувствует глубину воды под землей, ориентируясь по своим ощущениям в руке [1.С.38]. Его суждение было неясным до тех пор, пока он не дал объяснение, что каждый раз, когда он ощущает определенное ощущение в руке, в его сознании всплывает определенное число футов.

Как уже было сказано, рассматривая языковую игру как систему, мы наталкиваемся на понятие значимости, или ценности, означающее отношения между языковыми элементами. Правда, в случае Витгенштейна важны отношения именно среди понятийных единиц, таких как «значение», «понимание», «знание» и других, обремененных философским дискурсом. Наблюдая за тем, какую ценность они имеют в разных языковых играх, мы можем заметить, что не каждая языковая игра, в которой употребляется то или иное философское понятие, имеет ту же систему значимостей, что и в другой языковой игре. Другими словами, мы можем заметить, что языковые игры не сводимы друг другу. Это будет ясно на следующих примерах.

В «Курсе общей лингвистики» Соссюр пишет [3.С.116], что было бы некорректно говорить, будто в прагерманском языке, не имеющего особой формы для будущего времени, это будущее время выражалось через настоящее, поскольку ценность настоящего времени в этом языке была иная, чем в тех языках, где существует и настоящее, и будущее время. Иначе говоря, поскольку в прагерманском языке не было противопоставления между будущим и настоящим временем, постольку говорить об этих временах так же, как мы говорим, например, о временах в языке русском, было бы ошибкой. Еще пример: французское слово «mouton», имея то же самое значение, что и русское «баран», не совпадает с ним по ценности, так как, «говоря о приготовленном и поданном на стол кусе мяса, русский скажет *баранина*, а не *баран*» [3.С.115], в отличие от француза. Как говорит Соссюр, различие в ценности связано с тем, что у русского слова наряду с ним есть другой член, которого во французском языке нет.

То же самое мы можем сказать и о языковых играх. Например, мы можем сравнить две языковые игры, завязанные на сомнении. Одна – это сомнение в том, что, выйдя за порог дома, я не упаду в пропасть (и это было бы примером философского сомнения), а другая – сомнение в том, что в магазине мне дали не фальшивую купюру. Интересующее нас понятие сомнения имеет совершенно разную ценность в обоих языковых играх. Например, потому, что во втором случае предполагается, что я могу убедиться в подлинности купюры, в то время как в первом случае, преподнесенном как пример философского утверждения, в противоположное я не буду уверен никогда: не смотря на отсутствие причин для сомнения, я, предположительно, буду на своем сомнении настаивать, поскольку существует такая возможность, чтобы перед порогом разверзлась пропасть. В первой языковой игре сомнение предполагает уверенность, во второй – такое предположение отсутствует. И это, кроме всего прочего, так же показывает, что во втором случае слово «сомнение» не имеет какого-либо ясного употребления.

Пользуясь соссюровским понятием значимости и более разработанной концепцией языка, мы показали, каким образом данные понятия способны прояснить понимание языка Витгенштейном. Важный для Витгенштейна концепт языковой игры становится понятнее, если рассматривать языковые игры как микроязыковые системы чистых значимостей, описание которых раскрывает употребление языка во всем его разнообразии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Витгенштейн Л.* Голубая и Коричневая книги: предварительные материалы к «Философским исследованиям». Новосибирск: Сибирское университетское изд-во. 2008. 256 с.
2. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы: в 2-х ч. М.: Гнозис. 1994. Ч. 1. С. 75–320.
3. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. М.: Издательство «Логос». 1998. 296 с.

**ИСТОРИЯ РЕФЛЕКСИИ ПОНЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ:
ИССЛЕДОВАНИЕ П. П. КИРШЕНМАННА
И АКТУАЛЬНОСТЬ ЕГО ВЫВОДОВ**

А.В. Думов

Научный руководитель: д.ф.н. В.И. Кудашов
Сибирский федеральный университет

Осмысление понятия информации представляет собой одно из исследовательских направлений в философии науки XX века. В качестве причин возникновения интереса к данному понятию со стороны философии может рассматриваться как стремительное развитие кибернетической науки и информационных технологий, т.е. совершенствования средств поиска, передачи и хранения данных, так и сопутствующий процесс наделяния термина «информация» статусом общенаучного понятия. К рефлексии понятия «информация» неоднократно обращались и представители философии диалектического материализма. Появление первых русскоязычных статей (в журнале «Вопросы философии»), посвященных анализу различных аспектов кибернетики и теории информации, датируется началом 50-х гг. XX в. В числе наиболее показательных для понимания стилистики диалектико-материалистического осмысления информации данного периода работ можно выделить статью С.Л. Соболева, А.А. Ляпунова и А.И. Китова «Основные черты кибернетики» [2].

На сегодняшний день интерес к рефлексии понятия информации в отечественной философии существенно снизился ввиду нескольких основных причин. Во-первых, реализация исследований информации представителями диалектического материализма имела значение для философской ре-концептуализации данного понятия, а не для анализа общенаучных и специальных языковых средств. В связи с этим, осмысление понятия информации зачастую может восприниматься как анахронизм. Во-вторых, философская рефлексия информации может отождествляться (опять же, ввиду наличия большого числа примеров) с конструированием метафизики информации, создание которой противоречит принципиальным установкам понимания философии науки, сформированного аналитической традицией. В-третьих, распространению (в том числе – в философских исследованиях) употребления термина «информационный» и его синонимов сопутствует умолчание относительно содержания понятия «информация» – оно рассматривается как очевидное, и эта очевидность не подвергается сомнению исходя из практических предпосылок.

Сложившееся положение является следствием предшествующего развития данной проблематики в отечественной философии, его причины коренятся в содержании диалектико-материалистических дискуссий об информации, направленных не столько на ее исследование, сколько на конкретизацию и обоснование определенных принципов этого направления. Это обстоятельство подчеркивалось и П.П.Киршенманном – современным европейским философом, осуществившим под руководством Ю.М.Бохеньского исследование диалектико-материалистической философии информации, опубликованное в 1969 году на немецком языке, а спустя год изданное в англоязычном переводе под наименованием «Information and Reflection: On Some Problems of Cybernetics and How

Contemporary Dialectical Materialism Copes with Them». Во втором и третьем разделах исследования им выявляются специфические черты диалектико-материалистической рефлексии информации, препятствующие формированию философии информации как специфической отрасли. В числе таковых им выделяются некоторые целевые установки философии диамата, например, обоснование материалистического монизма [4.С.182] и иллюстрация «подтверждений» принципов диамата данными конкретнонаучных исследований [4.С.180]. Выявляется существенная проблема концептуального аппарата диалектико-материалистической философии – использование категории отражения, сопряженное с непоследовательной интерпретацией, допускающей смешение онтологических и теоретико-познавательных аспектов [4.С.112]. Ввиду этих особенностей диалектико-материалистическая рефлексия информации реализуется как «обоснование» доктрины отражения с помощью данных кибернетики и теории информации. Собственно философское содержание понятия «информация» не эксплицируется, а замещается описанием определенных аспектов отражательных процессов. Это не вызывает удивления, поскольку задачей философии диалектического материализма в данном случае является только лишь установление положения информации в рамках онтологической модели, ограниченной принципами материалистического монизма.

Критическое исследование П.П. Киршенманна получило резко негативную оценку в среде отечественных исследователей философских проблем теории информации и кибернетики. Так, из замечаний А.Д. Урсула можно сделать вывод о том, что данная работа оценивалась исходя из отношения ее положений к идеологическим задачам диамата, а не исходя из ее философско-теоретического содержания [3.С.70]. Несмотря на то, что диалектический материализм давно лишился статуса господствующей философской доктрины в среде отечественных исследований, положения критического анализа П.П. Киршенманна сохраняют актуальность содержания. Показательным является содержание исследований К.К. Колина, репрезентирующее «отражательные» интерпретации информации в атрибутивистском ключе и сохраняющее все коллизии данного подхода, несмотря на признание идеального характера информации [1.С.142–146]. Философское осмысление информации в данном случае все также строится на ее включении в определенную онтологическую модель, тогда как философская значимость содержания понятия «информация», равно как и отношение философии информации к наукам, исследующим ее, остается неясным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Коллин К. К.* Философия информации и структура реальности: концепция «четырёх миров» // *Знание. Понимание. Умение.* 2013. № 2. С.136–147.
2. *Соболев С. Л., Китов А. И., Ляпунов А. А.* Основные черты кибернетики // *Вопросы философии.* №4. 1955. С. 136–148.
3. *Урсул А. Д.* Проблема информации в современной науке. Философские очерки. М.: Наука, 1975. 300 с.
4. *Kirschenmann P. P.* Information and Reflection: On Some Problems of Cybernetics and How Contemporary Dialectical Materialism Copes with Them. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1970. 240 p.

СТРАТЕГИЯ КАК НАРРАТИВ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Е.Д. Ларина

Научный руководитель: доц. Д.И. Шаронов

Санкт-Петербургский государственный университет

Нарратив представляет собой некий структурированный текст, который излагает историю или последовательность историй [4]. Одной из особенностей нарратива заключается то, что эксплицитно или имплицитно изображает человека, рассказывающего данную историю.

Понятию «нарратив» дается множество определений в рамках разных научных дисциплин. Наибольший интерес для моей работы представляет философская трактовка нарратива. В философии нарратив определяют как способ, с помощью которого человеком может обрести свою идентичность. В лингвистике под нарративом понимается социально-сформировавшиеся речевая модель передачи информации между поколениями.

Одну из концепций нарратива в философском понимании данного понятия разрабатывают Й. Брокмейер и Р. Харре [2]. С их точки зрения, нарратив является общей категорией лингвистики, но данная категория используется слишком часто, в силу чего становится одной из онтологических категорий.

Изначально область исследования нарратива велась в области структуры слов и смысла. Затем нарратив стали рассматривать с точки зрения смысла слов, включенных в его контекст.

Несмотря на богатое разнообразие жанров нарративов, все они обладают определенными общими особенностями. Всем видам нарратива можно приписать общие свойства, которые заключаются в совокупности лингвистических и психологических компонентов, которые имеют культурно-исторический характер.

В начале XX века произошла смена парадигм. Рассмотрение нарратива с культурно-исторического контекста переместилось, в первую очередь, на языковые нормы. Стало преобладать лингвистическое обоснование понятия «нарратив». Главное внимание занимает структуралистская теория, родоначальником которой считается швейцарский лингвист Ф. де Соссюр.

С точки зрения Соссюра язык является универсальной категорией, но речь человека носит индивидуальный характер. Несмотря на персонифицированные особенности речи, автор выстраивает научный анализ текста, который, в первую очередь, выстраивается на универсальном характере языка. «Язык есть система, подчиняющаяся своему собственному порядку» [5].

Структуралистской теории языка придерживался французский этнолог, социолог, философ и культуролог, Клод Леви-Стросс. Ученый был первым, кто проделал структурный анализ нарратива. В своих исследованиях Леви-Стросс оттолкнулся от лингвистических принципов построения нарратива, которые предлагал де Соссюр, и пошел дальше. Нарратив рассматривается как средство, отражающее социальную действительность, но при этом строящееся согласно законам лингвистики.

Свое исследование Леви-Стросс провел на примере мифов. Все в этом жанре, по мнению ученого, существует несколько основных тем, которые в свою очередь можно объединить в универсальную структуру. В мифе самое

главное не структура текста и содержание его нарратива, а классификация действий и событий, описанных в тексте. «Язык можно рассматривать как условие культуры» [3].

Согласно концепции Леви-Стросса автор вкладывает в текст определенный смысл, присущий его миропониманию. Читатель, в свою очередь, понимает текст по-своему, основываясь на свой культурный и социальный опыт. Именно поэтому, как считает Леви-Стросс, читателю текста необходимо стать бесстатусным, бесполом, не принадлежать ни к одному из классов, быть свободным от этнических и культурных факторов. Все эти компоненты образуют определенную интерпретацию повествования, и препятствуют пониманию того, что действительно хотел сказать автор.

Р. Барт отталкивается от лингвистической концепции нарратива Й. Брокмейера и Р. Харре рассматривает его как «знака», которое изменяет понимание коммуникативной ситуации реального плана. Барт представляет новый подход к системе нарратива. Основным объектом исследования его концепции нарратива перестает быть содержание и смысл, как это было у Брокмейера и Харре. Он вводит новое понятие в структуру исследования текста «смерть автора». Главная идея теории заключается в том, что автор перестает быть тем, кто удерживает смыслы на двух уровнях. Первый уровень – непосредственное написание истории. Второй уровень заключается в придание ей того смысла, который должен понять читатель. Барт полностью снимает с задачи автора второй уровень. Интерпретация текста теперь полностью переходит во власть читающего. Автор же теперь становится всего лишь скриптором. В нарративе Барта отсутствует возможность прямой референции и непосредственного обнаружения источника смысла. Так же нет отсылки к тому основанию и смыслу, который управлял бы всей структурой произведения.

Барт продолжает традицию Леви-Стросса в исследование конструкции нарратива на примере мифа. Он выстраивает мифологическую концепцию нарратива, которая получила название «мифологическая идея знака». По мнению Барта, в основе нашей языковой коммуникации лежит знак, который, прежде всего, является связкой означающего и означаемого. Существует некая общепринятая референция или источник обозначения, которая представляет собой основополагающую характеристику нашего сознания. Подтверждение языкового знака как связки сводится к конкретному определению. Способ нашей коммуникации обусловлен рамками семиотической системы, которая закладывает восприятие любого знака. «Даже отвлекаясь от прямого содержания фразы, сама ее синтаксическая сбалансированность утверждает закон, согласно которому ничто не совершается без равных ему последствий» [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Мифологии. М.: Прогресс, 2008. 351 с.
2. *Брокмейер Й., Харре Р.* Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. №3. С. 29–42.
3. *Леви-Стросс К.* Лингвистика и антропология//Личность. Культура. Общество. 2000. Т. II. Вып. 3(4). С. 142–152.

4. *Соболева Е. Г., Чудинова А.М.* Нарратив в рекламе как способ варьирования подачи информации // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы Международн. науч.- практ. конф. Екатеринбург, 23–24 апреля 2015 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. Т. 1. С. 269–272.
5. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. М.: Едиториал УРСС, 2004, 256 с.

КРИТИКА Ф. ДЕ СОССЮРА В РУССКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

У.Д. Максимова

Научный руководитель: д.ф.н. Е.А. Найман

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Несложно оценить влияние, которое оказал Ф. де Соссюр, на развитие лингвистики в начале двадцатого века. В работе «Курс общей лингвистики», созданный под руководством его учеников, описываются основные позиции лингвистики и формулируются первые положения семиологической теории. Эта работа имеет большое значение для развития современной лингвистики и семиологии, так как является фундаментом для дальнейших рассуждений, но так как работа с подобным предметом является первой попыткой осмыслить природу языкового знака в целостности, она вызывает большое количество спорных моментов, которые активно критикуются. В этой работе будет рассматриваться критика теории Соссюра в русскоязычной литературе, для того чтобы определить значение, которое оказала теория Соссюра на развитие лингвистики и семиологии.

Ключевое понятие, на которое стоит обратить внимание при рассмотрении теории Соссюра – система нормативных себестождественных форм. Это понятие является центральным, потому что описывает сущность языка в понимании Соссюра. Пояснить его можно следующим образом: язык представляется как совокупность некоторых общих, упорядоченных по определенным правилам синтаксических, фонетических, грамматических и т.д. моделей, которые «обеспечивают единство данного языка и его понимание всеми членами данного коллектива» [1.С.59]. То есть, согласно Соссюру, существуют некие нормативно-тождественные формы языка, которые находятся объективно от говорящей массы, но при этом активно ими используются в каждом индивидуальном акте их говорения, обеспечивая языковое единство для всех говорящих на нем людей. Формы языка передаются по наследству и имеют произвольный характер появления, то есть не существует определенного правила, которое связывает означаемое и означаемое.

В репрезентации критики теории Соссюра мы в первую очередь обратимся к работе Волошинова, а затем включим в повествование критику других. Такая методология обусловлена тем, что Волошинов, по нашему мнению, выстраивает критику с тезисов Соссюра, которые лежат в основе всех рассуждений, которые следуют после. Также, важно уточнить, что в нашу задачу не входит выявление всех слабых моментов теории Соссюра, а лишь основные положения, которые задают тон теории, поэтому некоторые рассуждения будут опущены, а похожие критикуемые моменты – объединены.

Итак, приступим к критике. Как уже было сказано выше, репрезентацию критики Соссюра мы начнем с тезисов Волошинова, а именно с тезиса о существовании языка как системы нормативно тождественных форм, существующих объективно от говорящей на нем массы. Волошинов отмечает, что само понимание системы тождественных форм является абстракцией, которая является результатом рефлексии над языком, и преследует определенные познавательные цели, которые не относятся к непосредственному говорению. То есть, с точки

зрения говорящей массы система тождественных норм существует как необходимый *modus* существования языка. Но для говорящих важна не столько нормативность и тождественность языка, сколько смысл и значение, которое получается в определенном контексте. И здесь видна основная ошибка Соссюра – рассмотрение языка вне социального и культурного контекста. С точки зрения Волошинова «слово всегда наполнено идеологическим или жизненным содержанием и значением» [1.С.77], о чем также говорил Якубинский, критикуя невозможность изменения языкового знака.

Поле рассуждения Якубинского намного уже, нежели у Волошинова, его интересует тезис Соссюра о неизменяемости языкового знака. Рассуждения Соссюра можно выразить следующим образом: если язык объективен для говорящей массы, то, эта масса не может его преобразовывать, она является лишь пассивным пользователем тождественных форм. Многие аргументы Соссюра преодолеваются простым приведением фактов, которые иллюстрируют их несостоятельность. Мы не будем подробно останавливаться на каждом контраргументе, а лишь выразим основные ошибки, которые сделал Соссюр по мнению Якубинского. Во-первых, Соссюр «подходит формально-логически к исследуемому им объекту» [4.С.82], то есть отвлекается от содержательных составляющих объекта, рассматривает его отвлеченно от действительности, от того социально-культурного контекста, в котором он находится. Во-вторых, Соссюр ошибается в том, что познание языка (без которого невозможно пользование им) осуществляется исключительно путем рефлексии над языком. И наконец, Соссюр очень абстрактно понимает общественную структуру, что приводит к неверным выводам относительно взаимодействия языка и его носителя.

С последним замечанием также согласна и Р.О. Шор, которая замечает, что Соссюр отождествляет понятие «общественного» с «коллективно-психологическим». У Шор также есть параллель в рассуждениях всех предыдущих лингвистов в том, что Соссюр разрывает развитие языка и развитие сознания – от их общественного бытия, после чего «движение языка превращается в саморазвитие этой случайно оформившейся структуры».

В заключении можно еще раз выделить основные критикуемые моменты теории Соссюра. По мнению всех выделенных лингвистов, основная ошибка Соссюра – рассмотрение языка как систему объективно существующих тождественных норм, то есть в отрыве от социального контекста, с которым язык очень тесно связан. Из данной ошибки Соссюра вытекает и несостоятельность его тезиса о неизменяемости языкового знака его носителями, так как между языком и носителем существует взаимозависимость.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Волошинов В. Н. (М. М. Бахтин)*. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.: «Лабиринт». 1993. 189 с.
2. *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики. М.: Издательство «Логос». 1998. 236 с.
3. *Шор Р.О.* Краткий очерк истории лингвистических учений с эпохи Возрождения до конца XIX века. [Электронный ресурс] // URL: <https://crecleco.seriot.ch/textes/Shor38.html> (дата обращения: 29.03.2021).
4. *Якубинский Л.П.* Избранные работы. Язык и его функционирование. М.: Наука. 1986. 208 с.

**АВТОНОМИЯ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ОНТОЛОГИЧЕСКОГО
НАПРАВЛЕНИЯ КАНТОВСКОЙ ТРАДИЦИИ
В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ**

А. А. Меньшикова

Научный руководитель: д. ф. н. В. А. Суровцев

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Проблема обособленности метафизической онтологической традиции кантовской философии от эпистемологической остается актуальной в настоящее время и требует исследования в отношении работ философов аналитического направления.

Существует направление кантовской эпистемологической традиции, находящей выражение в оригинальных концепциях аналитических философов (ср. концепцию онтологической относительности У. В. О. Куайна [5]), для которой доминирующей является проблематика области познания. Однако она не является единственной. Складывающееся направление онтологической метафизической направленности, берущее начало в метафизической теории сознания И. Канта [1] представляет собой самостоятельное направление, что, в конечном итоге, приводит к утверждению плюрализма обособленных направлений кантовской традиции в истории философии.

В истории философии не сложилось единого направления кантианства, затрагивающего исключительно сферу развития эпистемологии. Теория П. Ф. Стросона «Индивиды» [6] сохраняет принадлежность к метафизической онтологической области, поскольку оригинальность категорий партикулярий [6. С.15] и универсалий [6. С.137] не получает дальнейшего развития в русле эпистемологии. Анализ семантического поля понятий и категории онтологического фона непосредственных работ аналитических философов обнаруживает более тесные связи среди онтологических понятий, категории этого семантического поля лишены связи с понятиями, которые можно было бы отнести к области эпистемологии. В самой «Критике чистого разума» И. Канта [1] как несистемном произведении заложены основания плюрализма направленностей, в том числе онтологической и эпистемологической. В процессе развития кантовской традиции среди аналитических философов не сложилось ситуации контаминации онтологического и эпистемологического направлений с преобладанием последнего, чтобы можно было говорить о единстве эпистемологической традиции кантовской философии как трансцендентальной, обозначая ее, при этом, термином трансцендентализм. Онтологическая метафизическая направленность кантианства становится оформленной традицией благодаря автономности теорий и концепций авторов как формы. Отдельные аспекты онтологии работ философов-аналитиков также не претерпели изменений, сохранили метафизическую позицию, обнаруживают устоявшуюся логико-семантическую онтологию, не могут быть включены в поле эпистемологической направленности. Референциальные категории исследований У. В. О. Куайна [2] не могут рассматриваться как производные от системы трансцендентальной эпистемологии. Сохраняется метафизическая кантовская онтология языка. Не замечено синтеза категорий в условиях их перехода в область теории познания. Невозможно восстановить соответствующую единую теорию трансцендентальной эпистемологии, которую можно бы-

ло бы рассматривать как источник метафизических работ аналитических философов в ситуации инволюции последней. Логика рассматривается как один из источников продолжения кантовской традиции, противопоставленная традиции трансцендентальной (то есть кантовской) эпистемологии.

В подтверждение принадлежности указанных принципов непосредственно к направлению кантианства (не более ранней традиции, как можно предположить, исходя из некоторых данных) следует указать на то, что внимание аналитических философов к таким категориям, как пропозиция и модальность [3], внимание к онтологической проблематике реальности [6. С. 134–160], что находит подтверждение в развитии теории референции с присущими онтологии язык категориями денотата и сигнификата [4], наглядно демонстрирует влияние работ И. Канта. Преобладающим в доказательстве индетерминизма онтологической направленности от эпистемологической является, преимущественно, позиционный аргумент: сочетание онтологической, эпистемологической проблематики, предпосылок для перехода в область философии языка, семантики и, одновременно, преемственность логики возможны только в условиях непосредственного влияния кантовской традиции.

Подводя итог исследованию, мы приходим к выводу о существовании плюралистической направленности кантовской традиции в философии, в том числе продолженной представителями аналитической «школы».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Наука, 1998. 656 с.
2. *Quine W. V. O.* On Carnap's view of ontology // *The ways of paradox and other essays.* Cambridge: Harvard University Press, 1976. pp. 203–211.
3. *Quine W. V. O.* Reference and modality // *From a logical point of view.* Cambridge: Harvard University Press, 2003. pp. 139–159.
4. *Quine W. V. O.* Vagaries of definition // *The ways of paradox and other essays.* Cambridge: Harvard University Press, 1976. pp. 50–55
5. *Quine W. V. O.* Ontological relativity and other essays. NY: Columbia University Press, 1969. 165 p.
6. *Strawson P.* Individuals: an essay in descriptive metaphysics. L.: Routledge, 2005. 255 p.

ПРОЕКТЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ МЕТАФИЗИКИ В ФИЛОСОФИИ ЮМА И КАНТА

С.А. Московец

Научный руководитель: к.ф.н. Ю.Н. Кириленко

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В современной философии существует множество проектов преодоления метафизики, как в континентальной, так и в аналитической философии, а возникли они в связи с осознанием бесплодности метафизических рассуждений. Юм и Кант были первыми философами, которые серьезно занялись преодолением метафизики. Оба понимали под метафизикой науку о сверхчувственной реальности, отходящую от всего эмпирического и оба в своей философии стремились преодолеть такую метафизику. Поскольку долгое время метафизика понималась как синоним философии, то стоит прояснить, что за преодолением не стоит отказ от философствования вообще, но лишь от особой его формы - метафизической. Для начала рассмотрим юмовский проект преодолений метафизики.

Юм завершает свой Трактат о человеческом разумении следующими словами «Возьмем в руки, например, какую-нибудь книгу по богословию или школьной метафизике и спросим: содержит ли она какое-нибудь абстрактное рассуждение о количестве или числе? Нет. Содержит ли она какое-нибудь основанное на опыте рассуждение о фактах и существовании? Нет. Так бросьте ее в огонь, ибо в ней не может быть ничего, кроме софистики и заблуждений!» [4.С.310]. Из этих слов легко сделать вывод о том, что Юм являлся разрушителем метафизики. И так действительно думали его современники, например, Кант и так продолжают думать в наше время, например, Илья Инишев. В работе «Практический поворот в постметафизической философии» он отстаивает мнение, согласно которому философия Юма является негативной, а: «Негативная стратегия отказывает метафизике в праве на существование» [1.С.12]. Однако, по моему мнению, проект Юма не состоял в полном уничтожении метафизики как науки. Его проект, напротив был позитивным, ведь он пытался построить «истинную метафизику». Юм действительно осуждает ложную метафизику и говорит, что избавиться от нее можно только с помощью истинной. Под истинной метафизикой он понимает моральные науки, основанные исключительно на опыте, а значит оторванные от всякой прежней метафизики, которая занималась исследованием сверхчувственного. Мое мнение совпадает с В.В. Васильевым, в его книге «Дэвид Юм и загадки его философии» он отстаивает такую же позицию и дает следующее определение юмовской метафизике: «Истинная метафизика - это теоретическое исследование основных принципов и способностей человеческой природы, включающее их классификацию и систематизацию, а также попытку субординации ее компонентов» [2.С.113]. Таким образом, становится ясно, что Юм, несмотря на построение своего проекта преодоления метафизики не отказывает ей как особой науке в существовании и сам занимается построением своей собственной «истинной метафизики», которая должна занять место прежней. Теперь рассмотрим возражения Канта и его проект преодоления метафизики.

Если Юм в первую очередь пытается найти всему основание в опыте, в том числе и метафизике, то Кант считает это невозможным. По Канту даже ма-

тематика и естествознание не полностью построены на опыте. Такое мнение Канта связано прежде всего с видами суждений, которые он выделяет. И если Юм и Кант были согласны в том, что математика является априорным знанием, то они расходятся по вопросу синтетичности такого знания. Юм считает математические суждения аналитическими, Кант в свою очередь заявляет о синтетичности всех математических суждений. Здесь можно вспомнить Кантовский пример о сумме чисел: «понятие суммы 7 и 5 содержит в себе только соединение этих двух чисел в одно и от этого вовсе не мыслится, каково то число, которое охватывает оба слагаемых. Понятие двенадцати отнюдь еще не мыслится от того, что я мыслю соединение семи и пяти; и сколько бы я ни расчленял свое понятие такой возможной суммы, я не найду в нем числа 12» [3].

Метафизика, как и математика и естествознание включает в себя априорные синтетические знания, более того, Кант говорит о том, что метафизика по своей цели состоит из априорных синтетических суждений: «в ней мы стремимся, а priori расширить наши знания и должны пользоваться такими основоположениями, которые присоединяют к данному понятию нечто не содержащееся еще в нем.» [3]. Как мы уже выяснили, метафизика состоит из априорных синтетических суждений, следовательно, мы отмечаем всякое эмпирическое понятие, как и эмпирический принцип познания, потому что метафизика лежит за пределами всякого опыта. Важно понимать, что речь идет не только о внешнем опыте, но и о внутреннем, а значит, метафизическое знание не может быть построено на эмпирической психологии, которая своим предметом имеет факты психической жизни.

На этом моменте и стоит указать на различие между итогами юмовского и кантовского проектов преодоления метафизики. По существу, наука о человеческой природе, о которой говорит Юм и является эмпирической психологией, исследующей принципы и способности людей. Критика чистого разума, в отличие от науки о человеческой природе, занимается анализом априорного знания и не базируется на опыте, хотя все так же исследует принципы познания. Правда сама критика не является окончательной точкой, ибо служит лишь для очищения разума от иллюзий, к тому же не содержит анализа всего априорного знания. В итоге, Юм как эмпирик во всем базируется на опытном познании и на место прежней метафизики хочет поставить эмпирическую психологию, Кант же по средствам критики намечает проект трансцендентальной философии, которая не строится на опыте, хотя всецело будет применяться только в нем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борисов Е., Инишев И., Фурс В.* Практический поворот в постметафизической философии. Вильнюс: ЕГУ, 2008. Т.1. 212 с.
2. *Васильев В.* Дэвид Юм и загадки его философии. М.: ЛЕНАНД, 2020. 704 с.
3. *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Наука, 1999. 655 с.
4. *Юм Д.* Исследование о человеческом разумении. М.: РИПОЛ классик, 2017. 322 с.

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЦВЕТА В КОНТЕКСТЕ МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

А.А. Нанкевич

Научный руководитель: д.к.н. Ю.А. Грибер
Смоленский государственный университет

Понятие категоризации цвета неразрывно связано с развитием представлений о природе и сущности феномена цвета, изучение которого началось в рамках философии, а далее развивалось в естествознании и гуманитарных науках. Соответственно, А.А. Исаев выделяет три различных парадигмы познания феномена цвета: метафизическую, естественнонаучную и гуманитарную [3].

Метафизическая парадигма представляет собой первый этап познания цвета и направлен на поиск первоначала. Согласно данной парадигме, обоснование природы цвета состоит в абстрагировании от чувственного восприятия данного феномена и мысленном включении его в универсальную систему всего сущего. Философы этого времени сосредоточены на объяснении феномена цвета в целом, т.е. на его происхождении, процессе восприятия, его взаимодействии со светом.

Такой гносеологический подход преобладал на протяжении нескольких эпох, пока развитие науки не выдвинуло экспериментально подтвержденные знания на первый план.

Античные философы представляли цвет как часть чувственно-воспринимаемого бытия. Вопросам света и цвета посвящены труды Аристотеля, Демокрита, Платона, Эмпедокла и многих других (см. подр.: [1; 5; 6]).

Содержание категории цвета в Средние века, в отличие от Античности, наполняется богословским символизмом, в котором важное место отводится телесности и пластичности. Цвет как феномен не рассматривается в отдельности и не представляет собой независимый объект бытия, он инкорпорирован в свет, который исходит от Бога. Многие средневековые теологи, среди которых Исидор Севильский, Боэций, Фома Аквинский, Бонавентура, разграничивают цвета на простые (белый и черный) и составные. Так, Гроссетест при описании разновидностей цвета, выделяет 14 основных цветов, где одна половина берет начало от белого, другая – от черного [2].

Согласно теории конденсации, описанной андалусским философом Аверроэсом (см. подр.: [7]), редкие (разреженные) вещества, включая небесный эфир, а также огонь, воздух и воду, являются естественно прозрачными; конденсация этих тел приводит к тому, что они становятся белыми, а последующая смесь с землей, которая является естественно черной из-за отсутствия прозрачности, дает остальные промежуточные цвета [8].

Дальнейшее развитие метафизического понимания цвета связано с эпохой Возрождения. Примерно до 1600 года, продолжая традиции предыдущих эпох, большинство философов полагало, что свет и цвет – разные качества, и свет каким-то образом заставлял цвета влиять на наши зрительные способности.

Леонардо да Винчи в трактате «О живописи» рассматривает категориальное восприятие цвета как сложное явление, в котором учитывается не только прямое воздействие света на цветные поверхности и органы зрения, но и взаи-

модействие цветных тел между собой, их расположение относительно друг друга и источника света [4].

В целом в рамках метафизической концепции познания мира, которая преобладала в Античности, Средних веках и эпоху Возрождения, феномен цветовой категоризации не являлся предметом пристального внимания философов. Категории цвета описывались в контексте понимания бытия как объективно существующего с присущими ему неизменными законами. Они воспринимались не как статичные, а как «текущие»: философы различали цвета предметов, цвета в среде и цвета, возникающие внутри глаз человека. В силу «телесности» бытия цветовые категории обладали визуально-тактильными характеристиками, к которым позднее, под влиянием веяний времени, добавился религиозный и психологический символизм.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. О душе. СПб.: Питер, 2002. 224 с.
2. *Гроссетест Р.* Сочинения. М.: URSS. 2003. 302 с.
3. *Исаев А.А.* Феномен цвета в контексте бытия человека: опыт философского анализа: дис. ... канд. философ. наук. Магнитогорск. 2006. 24 с.
4. *Леонардо да Винчи*. Трактат о живописи. М.: ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1934. 384 с.
5. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Ранняя классика. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000. 624 с.
6. *Платон*. Тимей // Платон. Соч.: В 4 т. Т. 3. Ч. 1. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. 731 с.
7. *Baker T.* 2015. Colour in Three Seventeenth-Century Scholastic Textbooks // M. Bushart and F. Steinle (eds.), Colour Histories: Science, Art, and Technology in the 17th and 18th Centuries. Berlin/Boston, 2015. pp. 18–32.
8. *Leaman O.* Averroes and his Philosophy. Routledge, 2013. 224 p.

РЕЧЕВОЕ И МУЗЫКАЛЬНОЕ МОЛЧАНИЕ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

В.С. Новикова

Научный руководитель: д.ф.н. В.А. Ладов

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Молчание в качестве факта речевой культуры трактуется как отсутствие слов и в этом смысле противопоставляется речи. Семантическая маркировка молчания выявляется через сопоставление с говорением, а экстенционал глагола «молчать» через сопоставление с экстенционалом отрицательной формы глагола «говорить». Лексемы «молчание», «безмолвие» и пр. связаны с именами и предикатами со значением речевого действия отношениями по типу антонимии. Поэтому «словами молчания» характеризуют ненормативные положения дел, когда нарушается рутинный или прогнозируемый ход событий. И поскольку ненормативное действие, как правило, совершается человеком сознательно, одной из характеристик молчания является интенциональность и контролируемость, возможность выполнения речевого действия. Так, концепт молчания формируется на фоне концепта говорения, вторичен по отношению к нему. Молчание предваряется говорением, оно становится последующей формой развития разговора, его внесловесного произнесения, заимствуя у разговора уже артикулированную тему.

Важным моментом является различие тишины и молчания. Тишина есть природный феномен, перенесенный в человеческий мир; молчание есть человеческий феномен, перенесенный в природный мир. То есть молчание есть действие, производимое субъектом, в то время как тишина есть состояние бытия, не имеющее автора. Тишину можно определить как естественное состояние беззвучия в отсутствии разговора, молчание же есть намеренный отказ от слова, осуществляемый вольным субъектом, оно интенционально направлено на что-то, выражаясь формулой «молчать о». Разница между молчанием и тишиной кроме того обнаруживается в специфике принадлежности: тишина на всех одна, молчание у каждого свое.

В силу своей принадлежности человеческому миру молчание значимо преимущественно в семиотическом плане, оно в отличие от тишины способно говорить, может порождать смысл, и порой оказывается более пригодным для обличения истины, чем слово. Есть события, полноценное участие в которых предполагает отказ от их артикуляции и осмысления в языке. В ситуации, когда люди при внешнем факте говорения предпочитают умалчивать о самом важном, речь становится ширмой, за которой скрывается другой смысл – невыразимый. Ему соответствует молчание. Люди предпочитают пользоваться трафаретным, неопределенным говорением о чем-то несущественном как прикрытием для глубокого молчания, которое может быть надежно обезопасено и сбережено только словом.

Молчание в качестве музыкальной формы пришло в новую музыку с творчеством Джона Кейджа, обнажившего правомерность тишины как самостоятельного, полноценного элемента музыки и звукового опыта. Акустическая тишина перестала быть у Кейджа отсутствием звука и стала отсутствием предполагаемого, преднамеренного звука. Нет объективной дихотомии между звуком и тишиной, лишь между интенциональностью сознания, намерением слуха уло-

вить нечто музыкальное и отвлечением внимания на окружающие звуки. Несмотря на то, что пьесу «4'33» часто называют беззвучным произведением или музыкой молчания, посредством этой пьесы Кейдж на самом деле заявляет, что нет такого понятия как «тишина», все есть звук. Хотя непосредственно слышать мы можем лишь ту музыку, которая слышна, музыкальная реальность простирается далеко в область неслышимого, так же как в области речевой культуры слово простирается в сферу невыразимого.

Музыкальный опыт как таковой невыразим и непереволим ни на один язык. Молчание в музыке скрывает невыразимое, не сводимое к набору теоретических предложений. Наш понятийный аппарат не может служить цели понимания нами эстетических феноменов, понятия не схватывают их. Язык музыкального произведения несет в себе несравнимо больший потенциал для выразительной, аккумулярующей передачи информации, нежели язык обыденный. Попытки описать музыкальный смысл внешними по отношению к самому феномену, немusикальными характеристиками приводят к поверхностному взгляду на предмет, проявляющемуся в кристаллизации конкретного содержания, которое на самом деле в музыке отсутствует. Образ, формирующийся в художественной практике, не является кристаллизованной, оформившейся субстанцией, а представляет собой разворачивающуюся во времени структуру, подвергающуюся непрерывным трансформациям. Произведение существует только в дискурсе, в процессе своего воспроизводства, развертывания, его существование отмечено печатью каждый раз уникального, заново воссоздаваемого бытия, конструируемого в момент своего исполнения мыслью интерпретатора (как исполнителя, так и слушателя). В этом моменте можно наметить схожие черты феномена молчания, скрывающего невыразимое, в речевой и музыкальной культуре. Молчание в качестве речевой основы вносит разрыв, брешь между словарным значением и действующим, актуальным смыслом слова. В последний помимо значения входит факт того, что оно сказано, когда этого могло и не быть сделано.

С другой стороны, музыкальное и речевое молчания не тождественны друг другу, между ними имеются существенные различия. Молчание в музыке, в отличие от речевой коммуникации, не скрывается за пустыми, обветшалыми словами и расхожими темами. Музыка умеет не нарушить говорящего молчания, сохранить тишину мира, в ней молчание имеет шанс быть преодоленным без девальвации вызревающих культурных смыслов обнищавшим языком. Невыразимое манифестирует себя в творческом акте без упрятывания за ширму неостановимого договаривания недосказанного и словесно-мысленных штампов. Речевая же культура неспособна собственными средствами обнажить невыразимое в его полнокровности.

Еще одним отличием музыкального молчания от речевого является то, что в речевой культуре молчание интенционально, оно всегда есть молчание «о». Музыкальное молчание же не есть направленность сознания на конкретный предмет, оно лишено значения. Непосредственная соотнесенность мысли с предметностью, а также наличие означающего и означаемого в языке способствуют установлению конкретности образа, а это совершенно чуждо природе музыкального искусства.

Вспоминая различие молчания и тишины, в контексте музыкальной культуры, на мой взгляд, уместнее говорить именно о тишине. Понятие «музы-

кальное молчание» является скорее метафорой. Говоря о молчании в рамках музыкального опыта еще корректно использовать формулировку «музыкальное молчание», так как здесь музыка как бы молчит, утаивая невыразимое. Если же мы берем понимание музыки Кейджем, то здесь уместнее говорить о тишине как звуковом пространстве, заполненном ненамеренными звуками, а не о молчании.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова Н.Д.* Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка: Язык речевых действий: сборник статей. М.: Наука. 1994. С. 106–117.
2. *Бибихин В.В.* Язык философии. СПб.: Наука. 2007. 389 с.
3. *Морева Л.* Язык молчания. Философский и поэтический опыт // SILENTIUM. Философско-художественный альманах: неперидич. изд. филос.-культурол. исслед. центра «Эйдос». Вып. 1. СПб. 1991. С. 9–30.
4. *Орлов Г.* Древо Музыка. СПб: Советский композитор. 1992. 408 с.

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

А.С. Пименова

Научный руководитель: к. ф. н. А.С. Гапонов

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Уже несколько десятков лет мы можем наблюдать всемирную тенденцию к многоаспектной интеграции во всевозможных сферах жизни общества. Текущий курс большинства ведущих стран на мировой политической арене направлен, прежде всего, на развитие контактов и совместное наиболее комфортное сотрудничество. А ведение действительно конструктивной и продуктивной коммуникации представляется сложным без как можно более точного понимания между сторонами диалога. Языковая дистанция значительно усложняет взаимодействие, причем это касается не только глав могущественных держав и государственных деятелей, а абсолютно всех и каждого, кто находится в социуме реалий «Global Village». Исходя из этого, переоценить значение исследований в области перевода, в том числе и с позиций герменевтического анализа – невозможно [3. С.562].

Сущность перевода в наиболее общем плане можно определить как процесс межъязыковой трансформации исходного текста-подлинника в текст перевода. Очевидно, что процесс перевода никогда не осуществляется произвольно – важна эквивалентность текстов, которая представляется возможной благодаря тому, что единицы разных языков отличаются формой, но не содержанием. Под формой подразумевается «выражение», «звучание», а под содержанием, соответственно, само значение [1. С.6].

Всем известен фразеологизм «трудности перевода», который может служить прекрасным описанием попыток точно интерпретировать и выразить в другом языке, например, безэквивалентную лексику, многозначные слова, идиомы, особенности синтаксиса и внутритекстовые связи. Особенно затруднительными для перевода являются всевозможные художественные тексты и поэзия, ведь в таком случае в результате языкового преобразования получается новый «продукт», который может быть максимально близким, но никогда не тождественным оригиналу.

Как раз в этих «трудностях» и находят свое выражение философские аспекты перевода. Главным предметом внимания исследователей философского аспекта перевода можно считать проблему тождества смысла. Некоторые попытки решить эту проблему были предприняты в логической семантике, однако они не оказались успешными, так как не могли учитывать всю многогранную специфику вопроса. Более продуктивными, на мой взгляд, можно считать работы, предлагающие герменевтический подход к проблеме, ведь перевод – это всегда интерпретация, осуществляемая на разных уровнях понимания: семантическом, рефлексивном, экзистенциальном. Здесь также следует упомянуть уровни деннотации, коннотации и интертекстуальных связей [4. С.4].

Говоря о переводе как об интерпретации, невозможно оставить без внимания саму проблему взаимоотношения замысла автора и воспринимаемого реципиентом смысла. Ведь если мы будем придерживаться концепции, в которой смысл не существует до и помимо его выражений, то, соответственно, мы не

можем сравнивать различные переводы с неким потенциальным «идеальным» переводом. Но тогда, если абсолютных «критериев» единого однозначно правильного перевода не существует, а взаимодействие смысловых, языковых и культурных миров порождает новые и новые смыслы, то данная проблема соотношения интенции автора, восприятия переводчика и интерпретации реципиента – невероятно важна.

Более того, необходимо также учитывать и лингвистическую относительность – проблему соотношения языков, ведь носители разных языков обладают отличными друг от друга способами мышления и восприятия, а не просто используют различные обозначения одного и того же. Таким образом, если мы смотрим на язык как на замкнутый мир значений, то возникает еще один аспект проблемы – взаимная замкнутость культурных и языковых миров [2. С.117].

Такая «изоляция» и пренебрежение герменевтическими методами истолкования, в свою очередь, может привести к росту количества межнациональных конфликтов как внутри отдельных стран, так и на глобальной внешнеполитической арене. В то время как использование фундаментальных понятий, учитывание культурного и ситуативного контекста и специфики того или иного перевода, внимание к синтаксису и грамматическим особенностям текста способствуют формированию межкультурного согласия и взаимопониманию людей в современном глобализирующемся мире [5. С.200].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. М.: Международные отношения. 1975. 240 с.
2. *Гарбовский Н.К.* Герменевтический аспект перевода // Тр. Высшей школы (ф-та) Моск. ун-та. Кн. 1, 2005–2010 гг. М.: ВШП МГУ. 2010. С. 112–122.
3. *Колесник А.А.* Актуальность владения иностранным языком в современном мире // Молодой ученый. 2017. № 3 (137). С. 562–564.
4. *Рикер П.* Парадигма перевода. Лекция, прочитанная на факультете протестантской теологии в Париже в октябре 1998 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.belraese2000.narod.ru/Trad/ricoeur.htm> (дата обращения: 18.01.21).
5. *Эрдынеев Б.Ю.* Герменевтическая концепция Поля Рикера в теории коммуникации // Вестник ПАГС. 2010. С. 199–203.

ОТ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМА КАНТА ДО ЛОГИЦИЗМА ФРЕГЕ: ВОПРОС ОСНОВАНИЙ МАТЕМАТИКИ

А.С. Хромченко

Научный руководитель: д.ф.н. В.А. Суровцев

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В «Критике чистого разума» Кант предпринимает попытку обоснования однородности чистых категорий и явлений опыта с помощью понятия трансцендентальной схемы. Данное понятие в системе Канта служит цели объяснить, каким образом трансцендентальные формы чувственности связаны с понятийным мышлением. Он пишет, что «применение категорий к явлениям становится возможным при посредстве трансцендентального временного определения, которое как схема рассудочных понятий опосредствует подведение явлений под категории» [2. С.158]. Расширяя понятие времени до понятия трансцендентальной схемы, Кант тем самым распространяет значимость времени с области чувственности и представлений на область рассудка и мышления. Как следствие, он обеспечивает применимость математики не только к внешним предметам опыта, но и к внутренним явлениям, которые, согласно его тексту, не могут быть даны иначе, как только посредством правил, относящихся к «порядку времени» [2. С.162]. В соответствии с этим он дает следующее определение понятия числа: «Чистая же схема количества (*quantitatis*) как понятия рассудка есть число – представление, объединяющее последовательное прибавление единицы к единице (однородной). Число, таким образом, есть не что иное, как единство синтеза многообразного [содержания] однородного созерцания вообще, возникающее благодаря тому, что я произвожу само время в схватывании созерцания» [2. С.161].

Однако к такому определению числа можно выразить закономерное сомнение, которое хорошо сформулировал Фреге. Он верно указывает, что «для счета время есть лишь психологическое требование, но оно не имеет дела с понятием числа» [3. С. 181–182], поскольку «для числа рассмотрение перехода от одного к другому всегда недостаточно» [3. С.184]. Согласно Фреге, переход от одного числа к другому может сопровождаться процессом последовательного перевода нашего внимания от одного члена ряда к другому, и этот процесс может ассоциироваться с внутренним ощущением времени. Но для определения числа описание субъективных условий, при которых производится счет, как минимум недостаточно, как максимум неверно. Увязывание математики с трансцендентальными формами чувственности, такими как пространство и время, оказывается нерелевантным вопросу о природе математических суждений. Последние в своем содержании ничего не говорят о времени, и обращение к внутреннему ощущению времени есть лишь описание субъективных условий *понимания* математики. При этом предполагается принципиальная возможность такого понимания и без обращения к пространственному или временному созерцанию, поскольку, как пишет Фреге, число приложимо только к *понятию*, под которое уже подводится как пространственное и временное, так и непространственное и невременное [3. С.189].

Согласно Фреге, понятия и суждения как языковые выражения есть то единственное, что является *объективным* и неизменным в своем содержании и

что доступно каждому субъекту познания в одинаковой мере, в отличие от созерцаний. Именно поэтому в противовес кантовским идеям Фреге пишет, что «собирательная сила понятия далеко превосходит объединяющую силу апперцепции» [3. С.188]. Таким образом работы Готлоба Фреге окончательно порывают с идеей связывать математические суждения и созерцания.

Рассматривая понятия аналитичности и синтетичности суждений, Фреге делает отступ от анализа *содержания* суждений к анализу *способа их обоснования*. Такой шаг вполне закономерен в рамках той семантической структуры, которую выделяет Фреге. Вместе с отказом от идеи, что знак и обозначаемое тождественны друг другу, происходит осмысление того факта, что суждение в своей истинности не в меньшей степени, чем от собственного внутреннего содержания, зависит от других суждений, от контекста использования данного языкового выражения. Отсюда требование поиска эксплицитного доказательства математических суждений, которое является центральным для всей философии математики Фреге. Единственный способ обоснования истинности знания – это поиск его доказательства, лишенного пропусков в ряду выводов, «ибо, только если тщательно устранять каждый пробел в цепи выводов, можно с уверенностью сказать, на какие первичные истины опирается доказательство» [3. С.142–143].

Вопрос о природе доказанного суждения решается на основе вопроса о том, на каких основаниях лежит его доказательство. И здесь важно подчеркнуть следующую идею Фреге, о которой он пишет соответствующим образом: «каждое исследование об обязательности доказательства или оправдании определения должно быть логическим» [3. С.138]. Тем самым вопрос о природе математических суждений переводится им из области умозрительной философии в область математического или логического доказательства. Поэтому основная цель «Основоположений арифметики» – показать, каким образом возможно определить природу математических суждений, то есть способ и основания их доказательства, исключительно логическими средствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бенацераф П.* Фреге: последний логицист // Логико-философские труды. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. С. 252–280.
2. *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Издательство «Э», 2016. 736 с.
3. *Фреге Г.* Основоположения арифметики. Логико-математическое исследование о понятии числа // Логико-философские труды. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. С. 125–245.
4. *Фреге Г.* О смысле и значении // Логика и логическая семантика: Сборник трудов. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 230–247.
5. *Burge T.* Frege on Apriority // Truth, Thought, Reason. Essays on Frege. Oxford: Clarendon Press, 2000. pp. 356–387.

РАССЕЛ ОБ АПРИОРНЫХ И АПОСТЕРИОРНЫХ СУЖДЕНИЯХ (И ЧТО ОБ ЭТОМ ДУМАЛ БЫ КАНТ)

А. С. Цидзеновский

Научный руководитель: д.ф.н. Е.В. Борисов

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Тематика априорного и апостериорного знания, на наш взгляд, предполагает ряд определенных, устоявшихся нарративных особенностей, прослеживающихся в моменте ее экспликации. То есть, об этом невозможно рассуждать, не прибегая к позиции И. Канта, предложившего в своей работе «Критика чистого разума» анализ апостериорного и априорного знания, что придало этой теме статус основополагающей, как для разработки системы трансцендентальной философии Кантом, так и для последующих философских дискуссий. Эта тема также значима для ранней аналитической философии, представленной Б. Расселом, Г. Фреге, Дж. Э. Муром и др. В данной работе будет представлен и подвергнут анализу взгляд на априорность, высказанный Б. Расселом. в труде «Проблемы философии». Выбор напрямую связан со структурой указанной книги, которая предполагает краткое введение в наиболее важные проблемы философии и с тем, что Рассел посчитал нужным выделить именно априорное знание как одну из значимых для философии тем. Но прежде чем приступить к «Проблемам...», необходимо обратиться к позиции И. Канта, поскольку Рассел в своей книге отсылает именно к ней, анализируя априорность.

В «Критике чистого разума» Кант характеризует априорное знание и апостериорное знание следующим образом. Им полагается, что наше познание зависит от «структуры» нашего разума. Кант приводит в своей работе два возможных взгляда на познание и истину – это позиция эмпиризма и рационализма. Эмпиризм полагает, что источником нашего знания, (достоверного знания, главным образом) может быть лишь наша чувственная способность и чувственные данные, сконструированные нашей чувственной способностью посредством воздействия внешнего мира на нее.

Взгляд же противоположный позиции эмпиризма, именуется рационализмом. Данная позиция базируется на идее, что существуют способы подтверждения достоверности факта помимо эмпирического опыта. Источником достоверного знания, а также коррелятом истинности будет являться разум и последовательное мышление, рефлексия. Рационалисты выступают за то, что при анализе познания, поисках коррелята истинности или ложности стоит делать упор на априорное знание, так как именно оно является условием нашего познания, именно от него зависит то, с какими фактами мира мы имеем дело.

Эмпирики же напротив утверждают, что истинным может быть лишь апостериорное знание. И мы не можем с точностью утверждать что-либо касательно положения вещей в мире, если это не основано на эмпирическом опыте, то есть на том, что можно было бы воспроизвести неоднократно и это было бы доступно для восприятия нашими органами чувств или, следуя терминологии Канта, нашей «чувственной способностью».

Обе этих позиций имеют ряд как сильных сторон, так и слабых. Кант попытался примерить их, предложив концепцию познания, в которой «слабые стороны» устраняются.

Кант понимал эти недостатки, также понимая и то, что представители этих позиций в чем-то остаются правыми. Поэтому Кант предложил в «Критике чистого разума» систему трансцендентальной философии, как объединяющую в себе систему двух этих позиций. Примирив позиции эмпиризма и рационализма, Кант также несколько модернизировал структуру нашего познания. Он, употребив такие понятия как аналитическое и синтетическое указал на то, что познание не может ограничиваться одной из приведенных полярностей. Синтетическое отношение между предикатом и субъектом – это такое отношение, где предикат мыслится вне субъекта.

С этим связан главный вопрос, ответом на который и стала «Критика чистого разума». Синтетическое знание – это как раз-таки новое знание, образующееся путем сопоставления разных объектов, и приписывания одному объекту, характеристике из другой объектной области.

Рассел в своей книге «Проблемы философии» затрагивает априоризм, в тех моментах, когда речь заходит о предпосылочном знании. Важен также вопрос о том, как мы приходим именно к тем или иным законам, зависит ли это лишь от привычки или традиции?

Согласно Расселу, рационалисты кажется правы, что те законы или общие принципы, которые мы ранее привели в пример, невозможно вывести из опыта. Рационалист скорее всего придет к выводу о том, что общие принципы каким-то образом «заложены в структуре нашего разума».

Рассел полагает, что о существовании явлений об их необходимости мы можем заключать лишь в рамках эмпирического познания. В рамках рационального познания, то есть познания априорных структур мы устанавливаем лишь гипотетические связи между явлениями. И только после этого мы можем устанавливать определенные связи между фактами. Вопрос поднимаемым Расселом касательно априоризма, звучит следующим образом – «Как в случае индуктивного метода мы приходим к утверждению общих положений, если предполагается что мы не можем иметь пред собой всех случаев применения данных положений?»

Само собой, ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Рассел подмечает, что в случае математики (как мы помним, вопрос, приведенный нами в конце последнего абзаца, у Канта также имеет формулировку «Как возможна чистая математика?»), позиция эмпириков крайне сомнительна. Мы не можем с помощью индуктивного метода перейти от частных случаев применения тех или иных законов. Например, зная, что $2+2=4$, и вполне успешно, раз за разом применяя это знание в соответствующих ситуациях, мы тем не менее не можем с уверенностью сказать, что не возникнет такой ситуации, где это знание будет иметь другой статус, другое применение, или соответствие.

Также, интересен ответ Рассела на то, что логические законы – это законы мышления. Кант действительно разрабатывал свою трансцендентальную логику на основании принятой в его время логики. И действительно для Канта закон логики – это закон мышления. Тут можно сказать, что многие положения абстрактных наук применяются нами независимо от их связи с нашим мышлением. Полагание истинности такого закона строится на наших представлениях о вещах, и не исходит от нашего разума.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

А.Г. Цыган

Научный руководитель: д.ф.н. В.А. Суровцев

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Философия, как и любая наука, имеет множество специализаций, формирующих равное множество областей философского изучения. В данной статье речь пойдет об одной из таких областей – об аналитической философии права, о ее основных проблемах и ценности, которую имеют их решения.

На протяжении многих веков характер вопросов, которыми задавалась философия, и методы их решения непрерывно менялись. Однако обсуждение вопросов любого характера объединяет одна общая проблема – семантическая проблема элементов речи, при помощи которых эти вопросы обсуждаются. Именно она стала причиной появления новой философской отрасли – аналитической философии языка, занявшей главенствующую позицию в философских спорах первой половины 20 века и ориентированную на изучение элементов речи, при помощи которых могут быть выражены факты действительности. По мнению выдающегося философа и теоретика права Герберта Харта, популярность данной точки зрения крылась в убеждении о том, что проблема решения многих философских вопросов возникает от непонимания языка, на котором они обсуждаются [4.С.2]. Но семантические проблемы языка характерны не только для философских обсуждений: они касаются каждого члена социума, верь правила, регулирующие правовое взаимодействие субъектов социальных отношений, также выражены при помощи языка, и проблема, связанная с размытостью и двусмысленностью юридических определений, может иметь крайне неблагоприятные последствия для всего человечества.

В 40х-50х годах двадцатого века многие философы начали проявлять интерес к правовой системе, видя в ней отличное поле для проверки многих философских теорий в силу ее насыщенности различными понятиями и способами их разъяснения, что обусловило становление и развитие аналитической философии права. Изучение права в рамках данной научной отрасли предполагало анализ юридической терминологии с точки зрения методов, характерных для аналитической философии языка. В частности, данный способ изучения предлагает Роберт Саммерс в своей работе «новая аналитическая юриспруденция» [5.С.2].

Однако проблема понимания и функционирования права куда глубже, чем кажется. Право действительно выражено при помощи языка повседневного общения и трудности, характерные для него, характерны и для права. Но у юридического языка есть содержательная проблема, отличающая его от языка повседневного общения, и кроется она в отсутствии у его терминов референтов, которые они обозначают. Ведь говоря, к примеру, даже о самом праве, мы не можем представить его образно – термин «право», как и иные термины, из которых состоит юридический язык, не имеют аналогов вне языка – это целиком и полностью языковые явления. Юридические понятия определяет наличие совокупности явлений и факторов, определить четкий перечень которых попросту невозможно. Как справедливо отмечает в работе «Приписывание ответственности и прав» [2. С.2] Г.Л.Харт, совокупность условий, необходимых для существования какого-либо юридического явления, не всегда достаточна. Отсутствие (либо

присутствие) тех или иных условий способно отменить адекватность некоторых юридических определений в одной ситуации, притом, как при наличии (либо отсутствии) других обстоятельств данные определения были бы вполне справедливы, ведь любые юридические утверждения в отдельных случаях можно оспорить или отклонить путем опровержения фактов, на которых они основаны, либо подведением факта, касательно которого выдвигается юридическое утверждение, под исключительный случай, требующий пересмотра дела. Данную особенность юридических терминов Харт определяет как отменяемость и, среди прочих, приводит в качестве примера понятие «договор», который перестает быть таковым при выявлении, к примеру, неменяемости одной из сторон, наличия принуждения, введения в заблуждение и огромного количества других отменяющих факторов, перечислить которые не представляется возможным. Отсюда с неизбежностью делается вывод о том, что, разясняя или определяя юридические понятия, необходимо подразумевать также выражения «и так далее», поскольку невозможно дать однозначное определение и определить универсальные критерии, благодаря которым мы будем отождествлять те или иные явления с теми или иными юридическими понятиями, и «если не», ведь существует множество факторов, отменяющих их в различных случаях.

Как мы видим, право представляет собой сложную языковую систему, состоящую из ясных на первый взгляд, но зачастую семантически неопределяемых элементов. Одни и те же юридические понятия мы приписываем к совершенно разнообразным случаям действительности в силу отсутствия у первых четкого фиксированного содержания, а попытки эксплицировать их зачастую обречены на провал в силу отсутствия у них референтов. На решение всех вышеперечисленных проблем и направлена аналитическая философия права, которая является актуальной во все времена. Меняются государства, их политические режимы и способы регулирования общественных отношений, но факт наличия правовой системы в них остается неизменным, а потому и проблема правовой семантики никуда не исчезает. И главная ценность представленной научной области кроется именно в том, что деятельность ее направлена главным образом на решение этой вечной проблемы, неизбежно сопутствующей любому человеческому обществу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Оглезнев В.В.* Аналитическая философия, юридический язык и философия права. Томск: Издательство ТГУ, 2016. 235 с.
2. *Hart H.L.A.* The Ascription of Responsibility and Rights // *Proceedings of the Aristotelian Society.* 1949. Vol. 49. pp. 171–194.
3. *Hart H.L.A.* Definition and Theory in Jurisprudence // *Law Quarterly Review.* 1954. Vol. 70. pp. 37–60.
4. *Hart H.L.A.* Philosophy of Law and Jurisprudence in Britain (1945–1952) // *The American Journal of Comparative Law.* 1953. Vol. 2, №. 3. pp. 355–364.
5. *Summers R.S.* The New Analytical Jurists // *New York University Law Review.* 1966. Vol. 41. pp. 861–896.

СМЕХ vs ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ИРОНИЯ: ЧТО БОЛЕЕ ВОСТРЕБОВАНО В XX ВЕКЕ?

А. Н. Чечихина

Научный руководитель: к.ф.н. Ю. Н. Кириленко

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Моя статья посвящена вопросу востребованности феномена иронии в философии постмодернизма, на примере работ Бодрийяра и Лиотара, и феномену смеха в немецком идеализме. Актуальность исследования в первую очередь связана с противоречивыми для человечества событиями XX века – войнами, революциями, которые заставили общество пересмотреть свои ценности. Смех, для которого характерна конструктивная и деструктивная, сыграл свою роль в событиях XX века. И ирония, как средство защиты от неоднозначности современного мира, стала вновь предметом анализа в исследованиях XX века. Главным вопросом своей работы я ставлю следующее – можно ли утверждать о том, что феномен иронии стал более востребованным в XX веке, чем феномен смеха?

Ранее в своих работах я анализировала феномен смеха в философии немецкого идеализма. Кант дал определение смеху, которое послужило катализатором рассмотрения этого феномена другими философами, оно послужило началом осмысления феномена смеха как разрушающей стихии, преобразовательной способности смеха, которая проявляется в его разрушительной силе, то есть в преодолении иллюзий. Именно эта трактовка смеха перейдет в философию Г. Гегеля. Г. Гегель касаясь феномена смеха делал упор на значимость смеха в кризисные и переломные моменты развития общества. Смеху под силу искоренить и уничтожить отжившие идеалы и устои, существовавшие в социуме. И в конечном счете, смех как преодоление иллюзий и смех, который помогает обществу в переломные моменты соединятся в философской концепции Ф. Ницше. Философ считает, что смех предоставляет возможность освободиться человеку из оков его «загнивающего прошлого», выстроив новое. Таким образом, для феномена смеха характерно подвергать сомнению и разрушать культуру, а потом прилагать силы для выстраивания нового.

Прежде чем перейти к характеристикам постмодернистской иронии и ответу на главный вопрос данной статьи, я хотела бы отметить характеристики постмодернизма с позиции философии: постоянное возвращение к прошлому, иллюзорность, ирония и стирание границ между эстетическими оппозициями, которые рассматриваются и Ж. Бодрийяром [1], и Ж. Лиотаром [2]. В постмодернизме признается радикальный плюрализм реальности, который заключается в том, что человек начинает сомневаться в своей индивидуальности. Индивидуальность становится практически невозможной, так как индивид поглощен ситуациями, которые вызваны клише, что свою свидетельствует о сосуществовании людей в опустошенном мире. Отсутствие «самости» становится естественным состоянием, следовательно, человек не несет ответственности, что побуждает его к веселью, так как «жизнь все равно лучше смерти, а веселье лучше безысходности» [3.С.212]. Именно из-за этого развивается идея о терапевтической функции иронии, которая выступает в качестве психологической защиты от бессмысленности, неясностей и неопределенностей жизни.

Ж. Бодрийяр под иронией подразумевает игровое отношение к каждому событию, ирония помогает спастись от непонятной жизни. «Субъект больше не мастер игры, кажется, что роли перевернуты. Это могущество объекта, который прокладывает себе путь через все игры симуляции и симулякров, через искусственность, которую мы сами ему навязали. Это ироничный реванш: объект становится посторонним аттрактором» [1]. То есть, посредством иронии можно понять назначение любого предмета, ирония как бы обыгрывает ситуацию, предмет благодаря чему человек не разочаровывается в жизни. Ж. Лиотар говорит об иронии в контексте постоянного обращения к прошлому: «Эта обреченность повторению и/или цитированию, как бы она ни воспринималась - иронично, цинично или просто тупо, – в любом случае очевидна, если посмотреть на течения, которые ныне доминируют в живописи под именами трансавангардизма, неоэкспрессионизма и т. д» [2. С. 106]. Другими словами, под иронией подразумевается реакция на постоянное возвращение к прошлому, то есть это ответ на тотальную обреченность в жизни человека, которая заключается в бессмысленности жизни.

Таким образом, можно сказать, что смех и ирония в XX веке сосуществуют вместе, однако в критическое для общества время, когда новые устои еще не стали нормой для человечества, ирония является более востребованной в связи с функцией психологической защиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодрийяр Ж.* Эстетика утраты иллюзий. [Электронный ресурс] // URL: https://royallib.com/book/bodriyyar_gan/estetika_utrati_illyuziy.html (дата обращения 12.11.2020).
2. *Лиотар Ж.* Постмодерн в изложении для детей. М.: РГГУ, 2008. 145 с.
3. *Пигулевский В. О.* Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму. Ростов-на-Дону: Фолиант. 2002. 418 с.

**ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ VISUAL CULTURE:
ЧТО ПОКАЗЫВАЮТ БУКВЫ?
ДЕКОНСТРУКЦИЯ ВАВИЛОНСКОЙ БАШНИ 2.0**

А.Д. Шабалин

Научный руководитель: д.ф.н. В.Н. Карпухина

Алтайский государственный университет

Теоретики постмодернизма (Ж. Лиотар, Ж. Бодрийяр, А. Керби) уверены: продается все. Коммерциализация медиаконтента в первую очередь базируется на его форме: языковой и внеязыковой. Именно язык как поликодовая система гарантирует конкурентоспособность продуктам творчества, он же задает оптику восприятия авторского смысла. В статье обозначена проблема соотношения вербального и невербального, рассмотрена категория медиаэстетики, ее связь с четвертой фазой постмодерна, цифровым постмодернизмом. На примере материала «Вера Полозкова или Анна Ахматова: а вы разбираетесь в поэзии?» (РБК) показана ущербность философско-эстетической основы цифромодернизма.

Зародившийся на почве логического позитивизма, постмодернизм достиг четвертой фазы: фазы цифромодернизма. Если первый, авангардистский постмодернизм (1960-е) утвердил равноправие элитарной и массовой культур, а второй, неоконсервативный (1970-е) – равноправие реализма и абстракции, то третий, постмодернистский модернизм (конец 1970-х) пошел еще дальше. Согласно Надежде Маньковской, он наложил печать оксюморона на основные эстетические категории: «<...> гармония мыслится лишь как дисгармоничная, симметрия – как ассиметричная, пропорции – диспропорциональные и т. д. Красота диссонансов как постмодернистская эстетическая норма... способствует самоутверждению художественного фристайла» [2.С.195–197]. Но теоретики постмодерна решили не ограничиваться художественным фристайлом и, начиная с начала XXI века, заговорили о виртуалистике и связанной с ней фазой цифромодернизма.

Цифромодернизм, как и прежние фазы, связан с деконструкцией, интертекстуальностью, симуляционностью, ризоматикой, шизоанализом, иронизмом и игрой. Однако он не разделяет категории времени и пространства, как это делали модерн и постмодерн, а сочетает их, причем сочетает по-новому. В результате: ««А» не совсем для «автора»» (коллективное авторство), ««З» не совсем для «зрителя»» (внетекстовый потребитель; (extra)textual person), ««И» не совсем для «интеракции»» (интерактивность, взаимовлияние текста и читателя) [5.С.58–72]. Две оси цифромодернизма, реальное время и киберпространство, задают иное – мультимодальное измерение текста. Это означает крах не только глобальной связности и пересмотр целостности отдельно взятого текста (Н. С. Валгина) во имя всеобщего нарратива, но также слияние фактов и фантазмов, их оцифровку. Так рождается постправда.

В связи с этим уместно применить метафору деконструкции Вавилонской башни 2.0. Из-за эклектичного повествования, смешения вымысла и реальности, дискурсивных практик visual culture человек вновь оказался в языковом хаосе. И, чтобы как-то обжиться, он, выражаясь словами Витгенштейна, социокультурно артикулирует человеческое бытие. То есть прибегает к языковым играм – фундаменту постмодерна. Ибо только они, что лепет ребенка, способны пара-

доксальным образом упорядочить «неупорядочиваемое». «Место физических и естественных наук и гуманитарных наук займут медиаисследования, высокие технологии (ИТ), развитие веб-пространства. Очевидно, что кое-что в этом роде происходит или уже произошло, хотя преждевременно говорить о новой единой культуре, возникающей в рамках цифровой системы, не в последнюю очередь потому, что ее произведения, по крайней мере пока, сравнительно слабы» [1.С.216].

Пример языковых игр – аппликация поэтических текстов на цифровую ткань повествования, их карнавализация ради достижения интеллектуального катарсиса, создания эффекта правдоподобности. По таким канонам цифромодерна выстроен материал «Вера Полозкова или Анна Ахматова: почувствуете разницу?».

Оппозиция Полозкова – Ахматова изначально задает деконструкцию поэтического языка, пересмотр традиционного культурного статуса; замысел материала: уровнять поэта и поэтессу (*почувствуете разницу?*). Формат теста предлагает «внетекстовому потребителю» межтекстовый диалог. Цитаты из стихотворений «*Блики тишины*», «*Лето в городе, пыль столбом*», «*Мне снится, что мы любовники*», «*Антону Носику*», «*Гляди на море впрок*», «*Dream Mail*» неумело пытаются заглушить ахматовский голос («*Сон*», «*Утешение*», «*За озером луна остановилась*», «*А я говорю, вероятно, за многих...*»). Неумелую интертекстуальность сменяет умелая симуляционность: стихи Полозковой стихам Ахматовой – не чета, они действительно поверхностный, лишенный подлинника объект; артефакт, нарциссическое созерцание (Ж. Бодрийяр). Говоря о шизоанализе, нужно обратить внимание на иконический код. Десять вопросов проиллюстрированы ассоциативно подобранными и, в общем-то, излишними картинками («*Портрет Ахматовой*» Делла-Вос-Кардовской, «*Тайная вечеря*» Ге, «*Черное море*» и «*Буря над Евпаторией*» Айвазовского, «*Апофеоз войны*» Верещагина, «*Влюбленные*» Магритта и т. д.). Излишними, потому что язык поэтический – сам себе картина, дополнительная визуализация ему не нужна, но в концепции шизоанализа искусство – единый континуум, принимающий любые формы. Здесь буквы принимают форму живописных шедевров – еще один постмодернистский метод, ризоматика. Структурность и линейность повествования замещена коллажем: цитаты конфликтуют с изображениями, и этот конфликт рождает множество неустойчивых интерпретаций (*автор Полозкова – портрет Ахматовой, лето в городе – буря на Евпаторией, Тамерлан – душный ветер и т. д.*). Тотальный иронизм переосмысливает наследие Серебряного века, загоняя его в циничные рамки века сегодняшнего; надо думать, стихам Ахматовой душно находиться рядом с «поэзией телесериалов» [3], но цифромодернизм может и не такое. Наконец, игра – тест – задает шутливую оптику восприятия поэзии, стирая, как и положено постмодерну, границу между массовым и элитарным, между дозволенным и запретным. Жизнь уподобляется смерти – и наоборот («*Пятого марта поэтессе Вере Полозковой исполнилось 35 лет. Этот же день – 55-я годовщина смерти Анны Ахматовой. Мы решили объединить писательниц в один тест*»).

Критический анализ цифромодернизма наводит на мысль о некоей ущербности его философско-эстетической основы. Порождая симулякры, он вытесняет подлинные образцы культуры, упрощает и духовно обесценивает ее. Как заме-

тил сам автор теста, комментируя один из ответов, Ахматова плакала иначе: «То плач струился серебристый, а я, закрыв лицо мое, как перед вечною разлукой, лежала и ждала ее, еще не названную мукой» [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Красавченко Т.* Постмодернизм мертв? Дискуссии в англоязычной критике (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал. 2018. № 3. С. 207–217.
2. *Маньковская Н.* Постмодернизм в эстетике // Философская антропология. 2018. Т. 4. № 1. С. 192–230.
3. *Панин И.* Кукла // Литературная газета. 2009. № 37. [Электронный ресурс] // URL: <https://lgz.ru/article/N37--6241---2009-09-16-/Kukla10130/> (дата обращения: 15.04.2021 (дата обращения: 13.01.2021)).
4. *Степанян О.* Вера Полозкова или Анна Ахматова: а вы разбираетесь в поэзии? // РБК. Стиль. 2021 [Электронный ресурс] // URL: <https://style.rbc.ru/quiz/6042185a9a79471196c11322> (дата обращения: 15.04.2021).
5. *Kirby A.* Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture. Continuum: New York and London. 2009. 282 p.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ: ЕСТЬ ЛИ ПРОБЛЕМА?

Ю.А. Головина

Руководитель: д.ф.н. В.А.Суровцев

Национальный исследовательский Томский государственный университет

История смертной казни неоднозначна.

Одним из важных моментов ее истории в России является 1906 г.: в Первой Государственной Думе и в Государственном Совете Российской Империи рассматривается законопроект об отмене смертной казни. Законопроект поддерживает Н.С. Таганцев, ссылаясь, прежде всего, на нецелесообразность данного вида наказания [1]. Н.С. Таганцев отмечает «непоправимость» смертной казни в случае судебной ошибки, несоответствие ее основному принципу разумной карательной системы – индивидуализации наказаний. Смертная казнь, как полагает Н.С. Таганцев, противоречит сущности христианства, а потому является несправедливой; в связи со спецификой законодательства и революционной ситуацией особо несправедлива смертная казнь именно в России. Аргументы в защиту смертной казни Н.С. Таганцев критикует и считает несостоятельными. К ним, в частности, относятся следующие: опыт цивилизованных государств, которые не только сохранили смертную казнь, но после ее отмены вновь вернули в практику (Германия, Швейцария, США); статистические данные (отмена или неприменение смертной казни не ведут к увеличению числа преступлений, за которые она назначалась); революционное движение (террор устраивают организованные группы, действия которых позволяют уподобить их участников внешним врагам; смертная казнь может сдерживать выступления против власти;); факты самосуда населения над бандитами предлагается расценивать как свидетельство того, что отмена смертной казни не соответствовала бы воззрениям русского народа; «голос» жертв убийств, в т.ч. террора. Анализ текстов работ Н.С. Таганцева позволяет сделать вывод, что автор не всегда оказывается последовательным. В ряде случаев его высказывания не однозначны. По своему смыслу они могут трактоваться не как убедительные аргументы против собственно смертной казни, а как признание недостатков правовой системы государства и, как следствие, опасность сохранения смертной казни в том виде, как это предусмотрено законодательством, либо, в иных случаях, как констатация того факта, что практическая реализация в праве некоторых категорий (в частности, «справедливость») затруднительна или даже вряд ли возможна, несмотря на видимую оправданность и потребность такой реализации.

Незадолго по историческим меркам до описанных событий в России, в 1868 г., отмена смертной казни обсуждается в Парламенте Великобритании. Ходатайство о запрете смертной казни представляет член Палаты общин Чарльз Гилпин, указывая на нецелесообразность этого вида наказания. С речью в защиту смертной казни выступает Дж. Ст. Милль [2]. В Англии с начала XIX в., когда в законодательстве насчитывалось около 200 «смертных» составов преступлений, идет процесс постепенного отказа от применения смертной казни, поскольку в абсолютном большинстве случаев данный вид наказания несоразмерен по своей суровости степени тяжести преступления [3]. Специальные комиссии исследуют судебную практику, мнения специалистов, обобщают и публи-

куют полученные данные, на основе которых Парламент рассматривает ходатайства об отмене смертной казни за те или иные преступления. В результате этой деятельности к моменту выступления Дж. Ст. Милля исключительная мера наказания сохраняется практически только за убийство с отягчающими обстоятельствами [4]. Дж. Ст. Милль формулирует условия применения смертной казни (доказанное виновное совершение лицом убийства с отягчающими обстоятельствами и отсутствие смягчающих обстоятельств), ее особый смысл (характеристика совершенного деяния настолько негативна и отрицательна, что не позволяет сохранить виновно совершившему его лицу жизнь в человеческом сообществе) и подчеркивает важность исключительного характера смертной казни. Дж. Ст. Милль обращается к гуманизму: из гуманных соображений в качестве альтернативы смертной казни обычно предлагается пожизненное заключение; Милль сравнивает его с «живой могилой», полагая, что именно соображениям гуманизма оно противоречит. Дж. Ст. Милль признает, что единственным сильным аргументом против смертной казни представляется возможность судебной ошибки, которую в случае исполнения наказания невозможно исправить. Однако он не считает, что возможность добиться положения, при котором такие случаи будут крайне редкими, отсутствует и указывает, что при любом сомнении решение должно быть принято в пользу обвиняемого. В речи Милля содержатся также общефилософские аксиологические размышления: почему лишение человека жизни может вызывать большее потрясение, чем лишение его всего того, что делает эту жизнь ценной; действительно ли смерть есть наибольшее из земных зол; священными должны быть чувства человека, а не человеческая жизнь как таковая. В заключении Дж. Ст. Милль выражает надежду, «что по вопросу о полной отмене смертной казни *чувства страны*» не на стороне тех, кто предлагает ее отменить.

Таким образом, мы видим два принципиально различающихся подхода государственных деятелей и государства к решению вопроса о смертной казни. Аргументация Н.С. Таганцева, в целом, строится с позиций интересов государства; сама смертная казнь в России, преимущественно, используется для защиты государственной власти. Отправная точка рассуждений Дж. Ст. Милля – человек; исключительная мера наказания в этом подходе является средством защиты жизни [5].

В таком случае, в чем вообще заключается «проблема» смертной казни? Возможно, в том, что она, касаясь вопросов жизни и смерти, самым острым образом для жертв особо тяжких преступлений показывает различие позиций человека и государства. И, как следствие, в том, что, средств позитивного права (позиция государства) недостаточно, чтобы справедливо разрешить ее с точки зрения человека и его прав.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Таганцев Н.С.* Смертная казнь. Сборник статей / СПб.: Государственная Типография, 1913. 335 с.
2. *Артемьева О.В.* Предисловие к публикации // *Этическая мысль.* 2009, вып. 9. М: РАН, Институт философии. С. 177–182.
3. *Кистяковский А.Ф.* Исследование о смертной казни, Тула: Автограф. 2000. 272 с.

4. Милль Дж. Ст. Речь в защиту смертной казни (1868) // Этическая мысль. 2009, вып. 9. М: РАН, Институт философии. С. 183–192.
5. Головина Ю. А. Н.С. Таганцев и Дж.Ст. Милль: государство и человек в споре о смертной казни // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 74–88.

**КАТЕГОРИЯ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ»
В «ИССЛЕДОВАНИИ О СМЕРТНОЙ КАЗНИ»
А.Ф. КИСТЯКОВСКОГО**

Ю.А. Головина

Руководитель: д.ф.н. В.А.Суровцев

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Одним из сложных, до сегодняшнего дня актуальных аспектов темы смертной казни и наказания в целом является справедливость. «Исследование о смертной казни» А.Ф. Кистяковского, по сути, начинается с утверждения о том, что споры о смертной казни с использованием требования справедливости в качестве аргумента либо отправной точки рассуждений приводят исследователей к прямо противоположным выводам. Решая вопрос о смертной казни, А.Ф. Кистяковский хочет отказаться от оперирования такими «метафизическими» понятиями, как общественный договор, естественное право, право решать вопрос жизни и смерти и, собственно, справедливость. Удастся ли ему это?

Известно, что Кант и Гегель защищали смертную казнь во имя справедливости возмездия. А.Ф. Кистяковский замечает: они «оправдывали это наказание положением: равное – за равное, жизнь за жизнь. Но в этом положении нет ничего принадлежащего Канту и Гегелю: это теория, которой держалось первобытное человечество несколько веков и тысячелетий; следовательно, почтенным философам принадлежит только то, что они навязывали своим современникам те теории, которые – живые и деятельные в первобытное время – потеряли или почти потеряли главнейшую часть силы и устойчивости в новейшее время» [1. С.22]. А.Ф. Кистяковский не соглашается и с распространенной оценкой трактата Ч. Беккария «О преступлениях и наказаниях» (1764) как первого протеста против смертной казни, утверждая, что «при более внимательном исследовании истории уголовных законодательств открываются такие факты, которые доказывают, что убеждение в несправедливости и ненужности этого наказания обнаружилось в роде человеческом гораздо раньше этого события» [1. С.126]. Начало формирования такого отношения к смертной казни А.Ф. Кистяковский связывает с христианством.

Свою позицию в отношении справедливости А.Ф. Кистяковский выражает не вполне ясно. В начале работы он утверждает: «у человечества нет другой справедливости, кроме той, которая выразилась в его законах; а эта справедливость не есть нечто целиком данное и неизменное, а есть явление постоянно, хотя и крайне медленно, развивающееся и усовершенствующееся тысячелетнюю жизнью народов» [1. С.12]. Рассматривая вопрос о наказании за убийство, он также рассуждает о справедливости: «Наука не преминула обратить внимание на то обстоятельство, что как законодательство, так и практика, определяя за некоторые виды и некоторые случаи убийства вместо смертной казни другие, более мягкие наказания, не всегда поступают основательно и справедливо... Вследствие этого происходит то, что хороший закон в идее не может быть применяем на практике согласно со строгою справедливостью» [1. С.156]. Иными словами, даже справедливый закон может быть применен так, что это не будет соответствовать требованиям справедливости. Но если у человечества есть только справедливость, выраженная в законе, то не следует ли из сказанного, что справед-

ливости в праве может и вовсе не найтись? Как быть с требованием справедливости, которое, по сути, озвучено самим А.Ф. Кистяковским как непреложное? Примечательно и такое суждение: «Относительно обыкновенных преступлений достоверны два факта: один – что действие, преступное по закону, действительно совершилось; другой – что оно действительно преступно; все согласны в этом; отвращение к этим преступлениям находится в сердцах всех. Оттого наказания за эти преступления сопровождаются нравственным действием» [1. С.154]. В данном случае автор касается нескольких аспектов: доказанности совершения преступления по закону, общего эмоционально-нравственного отношения к преступлению («отвращение в сердцах всех») и способа действия наказания («нравственное действие»). Как видим, при всем желании избежать «метафизики», оперировать лишь рациональными понятиями (польза, целесообразность и т.п.) не удастся: преступное по закону у А.Ф. Кистяковского, по сути, требует согласия с однозначно негативной оценкой содеянного «в сердцах всех», что трудно отнести к категориям рациональным.

На этом фоне кажется удивительным, что А.Ф. Кистяковский, приводя разные подходы к пониманию справедливости применительно к смертной казни, будто не замечает те, которые, как представляется, вполне соответствуют его требованиям. Один из них предложен Абегом и в изложении А.Ф. Кистяковского выглядит следующим образом: «Смертная казнь не может быть оправдываема особенными целями; она поражает не жизнь как жизнь, но временное, преходящее тело в чувственном мире... Это не месть, не внешнее возмездие, не несправедливость за несправедливость, не насилие за преступление, – нет, это есть уничтожение несправедливости, которая олицетворялась в своей высшей потенции, так что без противоречия не может далее существовать» [1. С.11]. Другой вариант принадлежит Миттермайеру: смертная казнь оправдывается «тою справедливостью, которая одобряет только то наказание, которое, соответствуя величине вины, представляется необходимым и посредством других наказаний незаменимым» [1. С.21].

В позиции А.Ф. Кистяковского можно отметить несколько сложных, нерешенных аспектов. Во-первых, по его утверждению, справедливость есть только одна, – та, что отражена в законе. Фиксация в позитивном праве справедливости в его собственном понимании, т.е. чего-то такого, что медленно и постоянно меняется, представляется задачей трудноразрешимой. Во-вторых, исследователь хотел бы отказаться от использования категорий, относимых им к «метафизическим», т.е. слабо поддающихся четкому и однозначному пониманию и формулированию. Однако обойтись без них он не может: по сути, именно справедливость он признает в качестве критерия принятия решений в правотворчестве и в правоприменении, а также полагает необходимым согласие этих решений с общей нравственной оценкой «в сердцах всех» [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кистяковский А.Ф.* Исследование о смертной казни, Тула: Автограф. 2000. 272 с.
2. *Головина Ю.А.* А.Ф. Кистяковский о смертной казни и нравственных основаниях государства // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2020. № 55. С 97–108.

«SCHOLARLY WRITING AND PRESENTATION»

**THE PROBLEM OF CONSCIOUSNESS IN PHILOSOPHY
AND PSYCHOLOGY**

D.Yu. Bachurin

Academic advisors: DSc. (Philos.) V.V. Cheshev, E.V. Vychuzhanina
National Research Tomsk State University

The problem of consciousness is considered in the dialogues of Plato and reaches the present through centuries-old discussions by philosophers of different eras. "CONSCIOUSNESS is the state of an individual's mental life, expressed in the subjective experience of events in the external world and the life of the individual himself, in the report on these events"[2]. This is one of the possible definitions of the concept of consciousness from a large number. Consciousness is very difficult to define, because there are many views on what consciousness is and whether it exists at all. All disputes come down to one question – what is the nature of consciousness? I will try to cover these and other issues within the framework of the topic of my research work.

There are many views and ideas about the question of consciousness. Materialistic, idealistic, dualistic, dualism of properties and semantic behaviorism, and many others. All representatives of these theories face the problem of the relationship between the spiritual and the material. In particular, dualism, which actualized the problem of consciousness in the XVII century, divided the world into two components: the first-consisting of an extended substance (physical), and the second-of an unstrung substance or spiritual substance. Hence the question arises: how do these two substances relate to each other? There is still debate in this area, and it is therefore difficult to establish any theory about the nature of consciousness.

However, if a person cannot clearly formulate the general concept of consciousness, then he can absolutely claim some of the basic properties of this phenomenal matter. It is customary to distinguish the following fundamental properties of consciousness: intentionality, ideation and ideality. The intentionality of consciousness presupposes the orientation of consciousness to the outside. That is, it forms a personal perception of objects and things of the surrounding reality. It is worth noting that this phenomenon still leaves a lot of discussion in the framework of analytical philosophy and phenomenology. Additionally, no less phenomenal property of consciousness is ideality. The ability of consciousness to operate with ideas is meant by ideality. A person is mentally able to imagine anything, and betray to it any properties and characteristics. The final property of consciousness is ideation. This property refers to the ability to mentally reproduce ideas. At the same time, the abstractness of ideas is one of the distinguishing features of a person from an animal.

The problem of consciousness in philosophy has a long history. The beginning of the problem of consciousness is considered to be the concept of dualism by Rene Descartes, which was described by him in the work "Rules for the guidance of the Mind". Descartes' main thesis was: "How do the human body and spirit relate to each other and how do they correlate with each other?" On the basis of this thesis, in the XVIII–XIX centuries, in the main philosophical directions, such as existentialism, phenomenology, structuralism, idealism, various ideas about human consciousness were formed.

With the development of cognitive sciences, in the first half of the XX century, views on the problem of consciousness changed somewhat. This is due to research in the field of psychology about the relationship between thinking and language. A great contribution to the development of this topic was made by the Soviet Psychologist L. S. Vygotsky. His work "Thinking and Speech" examines the relationship between language and the development of thinking. The research of psychologists in this field gave an impetus to the development of hermeneutical interpretations of consciousness and analytical concepts of the philosophy of consciousness.

Analytical philosophy has played a major role in the field of the problem of consciousness. In the second half of the XX century, several points of view on this issue were formed in analytical philosophy. The first, the concept of physicalism, asserts that consciousness is reducible only to the physical world and is rooted in the human brain. Based on this, physicalists propose to study consciousness through research in the field of neurophysiology, neurobiology, etc. Opposite to the position of physicalism there is another concept – substantial dualism. Based on its idea, objective reality consists of two substances: physical (matter) and spiritual (consciousness). Thus, these two substances are irreducible to each other, and consciousness cannot be examined from a material point of view. Also, there is the concept of dualism of properties which assumes the presence of only two substances in this world: physical and mental. The difference between substantial dualism and property dualism lies in the fact that the latter asserts that the surrounding world has a physical nature, in which there are also mental substances that are irreducible to the physical. One of the followers of the dualism of properties is the philosopher David Chalmers.

Thus, the problem of consciousness today remains a debatable field. Thanks to the development of natural sciences in the XX and XXI centuries, the philosophy of consciousness received a large number of new concepts that brought the problem of consciousness to a new level, which brought us closer to solving this super – complex and incredibly important task for humanity – to understand the nature and essence of consciousness.

BIBLIOGRAPHY

1. *Книгин А.Н.* Философские проблемы сознания. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 338 с.
2. *Лекторский В.А.* Сознание // Новая философская энциклопедия в 4-х томах - М.: Мысль, 2000. Т. 1–4. 2659 с.
3. *Черникова И. В.* Проблема сознания в философии и когнитивной науке / И. В. Черникова, Д. В. Черникова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 4. С. 103–111.
4. *Чешев В.В.* Человек как мыслящее существо или оправдание разума. Томск: Томский Государственный университет, 2016. 286 с.

INTELLECTUAL PARALLELS OF F. DE SAUSSURE AND L. WITTGENSTEIN

N. N. Dremlyugov

Academic advisors: Ph.D. (Philos.) V. A. Surovtsev, E.V. Vychuzhanina
National Research Tomsk State University

One of the striking similarities found in the writings of de Saussure and Wittgenstein, lies in the language understanding. Both thinkers viewed language as a system that has a social character and belongs to the collective: the individual is neither able to create a language, nor to maintain its existence. Moreover, Saussure brings something new to the concept of a systematic language, meaning by it not only a set of elements connected to each other in a certain way, but a set whose elements are opposed to each other and in their opposition, or universal difference, they form a structure. Each element of the language, according to Saussure, finds its properties only in opposition to all other elements.

As we noted earlier, it is just as important for Wittgenstein to note that words, like sentences, have their meaning only as elements of language. The language is a system. Here is the following passage from the "Blue Book": "The sign (sentence) gets its meaning from the system of signs, from the language to which it belongs" [1. P. 32].

Looking back at the fact that Wittgenstein was interested in specific philosophical problems and concepts, and not in the whole language as a subject of linguistics as a whole, we could narrow the definition given above by saying that a sign, or a sentence, gets its meaning from the system of the language game to which it belongs.

In this case, language games could be considered as micro-language systems. Moreover, our consideration of the language game would be entirely synchronous; we would be primarily interested in the already established relations, or values, of conceptual units. Diachrony would always be just a small addition to the language game, capable, however, of changing the original state, as in the dialogue with the imaginary dowser from the "Blue Book", who said that he feels the depth of water under the ground, guided by his sensations in his hand [1.P.38]. His judgment was unclear until he explained that every time he feels a certain sensation in his hand, a certain number of feet pops up in his mind.

As already mentioned, when we consider a language game as a system, we come across the concept of significance, or value, which means the relationship between the language elements. However, in the case of Wittgenstein, the relations are important precisely among the conceptual units, such as "meaning", "understanding", "knowledge" and others burdened with philosophical discourse. Observing the value, they have in different language games, we can see that not every language game in which a particular philosophical concept is used has the same system of meanings as in another language game. In other words, we can see that language games are not reducible to each other. This will be clear in the following examples.

In the Course of General Linguistics, Saussure writes [3. P.116] that it would be incorrect to say that in the proto-Germanic language, which does not have a special form for the future tense, this future tense was expressed through the present, since the value of the present tense in this language was different than in those languages where both the present and the future tense exist. In other words, since there was no opposi-

tion between the future and the present tense in the proto-Germanic language, it would be a mistake to speak of these tenses in the same way as we speak, for example, of tenses in the Russian language. French word "mouton", having the same meaning as the Russian "баран", does not coincide with it in value, since, "when speaking about the cooked and served meat on the table, the Russian will say mutton, not ram" [3. P. 115], in contrast to the French. As Saussure says, the difference in value is due to the fact that the Russian word has another member along with it, which is not present in French.

The same can be said about language games. For example, we can compare two language games based on doubt. One is the doubt that I will not fall into the abyss when I step out of the house (and this would be an example of philosophical doubt), and the other is the doubt that the store gave me not a fake bill. The concept of doubt that we are interested in has a completely different value in both language games. For example, because in the second case it is assumed that I can verify the authenticity of the bill, while in the first case, presented as an example of a philosophical statement, I will never be sure of the opposite: despite the absence of reasons for doubt, I will presumably insist on my doubt, since there is such a possibility that an abyss opens up before the threshold. In the first language game, doubt implies confidence; in the second, there is no such assumption. And this, among other things, also shows that in the second case the word "doubt" does not have any clear use.

Using Saussure's concept of meaning and the more developed concept of language, we have shown how these concepts can clarify Wittgenstein's understanding of language. The concept of language games, which is important for Wittgenstein, becomes clearer if we consider language games as micro-linguistic systems of pure meanings, the description of which reveals the use of language in all its diversity.

BIBLIOGRAPHY

1. *Витгенштейн Л.* Голубая и Коричневая книги: предварительные материалы к «Философским исследованиям». Новосибирск: Сибирское университетское изд-во, 2008. 256 с.
2. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Ч. 1. 612 с.
3. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. М.: Издательство «Логос». 1998. 296 с.

KANT'S MORAL PHILOSOPHY IN RELATION TO HUMAN GENETIC ENGINEERING

Duong Thi Cam Nhung

Academic advisor: Ph.D. (Philos.) Yu. N. Kirilenko

Genetic engineering has been studied and experimented with by many scientists because it opens a promising future to continue writing about human evolution. One day, gene editing in human embryos could prevent some serious genetic disorders from being passed on from parent to child. At the same time, it also satisfies the ceaseless need of human beings to enhance our health and intelligence. However, at the present time, scientists still admit that genetic engineering still carries many risks. In 2018, Chinese scientist He Jiankui confirmed that he created the world's first two babies with edited genomes to help resistance from HIV infection [1]. After that, Russian "CRISPR-baby" scientist Denis Rebrikov announced that he has started editing genes in human eggs with the goal of altering the deaf gene (although he does not plan to implant gene-edited embryos until he gets regulatory approval) [2]. Some concerns of Fukuyama about genetic engineering in his work *Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution* written at the beginning of the century came to fruition because of scientists' recklessness. There is "a broader scientific cultural crisis: a growing divide between the values upheld by the scientific community and the mission of science itself" [3]. They focus entirely on the scientific and technical aspects of genetic engineering, avoid an in-depth discussion of ethics. This recklessness has created a strong wave of social objections to genetic engineering, despite the objective scientific benefits it brings to people in the future.

Many philosophical views have been used to object to genetic engineering. Of course, Kant's moral philosophy is an indisputable attraction for applying to arguments. Many philosophical views have been used to object to genetic engineering. Of course, Kant's moral philosophy is an indisputable attraction for applying to arguments. Many philosophical views have been used to object to genetic engineering. Firstly, the objection is based on the concepts of ends and means, children are might be created as a means of helping their parents or the government achieve goals and projects. The second objection is that the modification or replacement of one gene can affect the function of other genes and the entire human body, it is a moral violation and a contradiction with Kant's notion of purposiveness. Another objection is related to Kant's moral egalitarianism, genetic engineering will create a class of GeneRich that is opposite the natural class [4], leading to the problem of "physical and mental inequality" in future society.

In practice, however, Kant's moral philosophy provides plausible, even quite universal arguments to support genetic engineering, both germline genetic engineering and non-therapeutic method.

This article is devoted to clarifying Kant's moral philosophy in relation to human genetic engineering. Specifically, the use of genetic engineering is right with Kant's imperfect duties of one's own perfection and the happiness of others. It also holds true for the formulations of the categorical imperative. On the other hand, Kant's moral philosophy has put reasonable limits on genetic engineering in terms of looking at people as the ends, not the means; genetic engineering supports people to become successful moral agents, not merely satisfying the subjective needs of individuals. Finally, the article also reexamines the objection arguments – objections based on the

understanding of genetic engineering (mainly on germline genetic engineering), its current impact on culture – social from the perspective of Kantian.

BIBLIOGRAPHY

1. *He Jiankui defends 'world's first gene-edited babies'* [Electronic resource] // URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-46368731> (Accessed: 10.04.2021).
2. *Найдены потенциальные родители первого в России CRISPR-ребенка* [Electronic resource] // URL: <https://nplus1.ru/news/2019/09/05/first-couple> (Accessed: 10.04.2021).
3. *Why were scientists silent over gene-edited babies?* [Electronic resource] // URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-019-00662-4> (Accessed: 10.04.2021).
4. *Two tiers for the future* [Electronic resource] // URL: <https://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/twotiersforthefuture> (Accessed: 10.04.2021).

MOBILE VIRTUAL NETWORK OPERATOR AS PART OF IT ECOSYSTEM

S.E. Izhik

Academic advisors: Ph.D. (Philology) N. N. Zilberman
National Research Tomsk State University

The market for the classic services of telecommunications operators – voice and data transmission - has stopped growing over the past few years. Mobile operators' revenues are declining. According to the agency J'son & Partners Consulting, the intensive development of OTT services (Over the Top) – in particular, messengers, led to the fact that in 2016 the volume of voice OTT traffic in the world exceeded the traditional telephone traffic [2].

In such realities, mobile operators are forced to adapt: create their own similar services or buy ready-made business solutions (content production, payment and financial systems, streaming services); introduce new technologies (VoLTE, 5G, IoT / M2M); lease their network infrastructure, etc. We can say that there is a transformation of mobile operators into service providers.

Business expansion takes place not only on the part of mobile operators but also on the part of companies from other sectors of the economy, for instance, banks. While operators create their own payment systems, issue payment cards, large banks are creating mobile virtual network operators (MVNOs). Thus, service products (communications, banking services, etc.) are grouped into an IT ecosystem [1].

The IT ecosystem should be understood today as a set of services and devices of a company connected into a single network.

MVNOs are wireless services providers that do not own the wireless network infrastructure but instead buy network capacity from existing MNOs to offer services to their users [4].

Mobile operator technologies and access to a huge number of people create an effective digital ecosystem, with the customer at the center. The basic communication service becomes not an end in itself, but a means to provide products, be it a financial or investment service, a personalized retail offer or a media platform [3].

The benefits for the consumer are obvious: all services on one platform, financial benefits when using a package of services, uniform quality standards and ecosystem support, regardless of the time and geography of the service. The owner of the ecosystem (mobile or fixed-line operator, bank, large retail company, etc.) gets an increase in the client base, loyalty, an increase in the average check due to the upselling of value-added services (VAS).

Previously, the telecom market offered a "one size fits all" portfolio to the end-customers. Now that most of the countries are online, it is time to match customer-specific demands and to go deeper into the value proposition [4].

MVNO as part of the IT ecosystem allows offering users the communication services that are in demand, respond more quickly to changes in subscriber needs, offer services at a lower cost, collect and process huge amounts of information (Big Data), which will improve the user experience of both MVNOs, in particular, and the entire ecosystem as a whole.

In Russia, at the moment the share of MVNO is only 2–3% of the market. Basically, these are large banks or telecom operators with their own sub-brands. Their

number is growing and will grow in the future, with new players coming to the market, since the effect of the ecosystem is to improve the user experience and reduce the cost of services.

As with any new concept, ecosystems have their flaws and problems, according to the author, one of the most serious is the consolidation of huge amounts of information about users by specific companies – holders of ecosystems. It is critically important that human evolution today lags far behind technological evolution. Over the past three years, humanity has produced more information than in the entire history of its existence. By collecting and processing such amounts of data that users themselves provide to technology companies in exchange for more convenient services and goods, the shadow side of the technological world is growing, associated with the manipulation of decision-making. Using data analytics, companies can predict a person's behavior, desires, interests, and predispositions. Using various psychological patterns and models on the basis of these data, companies offer users goods and services that are not always necessary but evokes the desire to purchase them, due to the correct design and presentation. Thus, there is a kind of manipulation of the consciousness of users, for the interests of the business.

From this point of view, the prospects for the development of IT ecosystems will only strengthen the trend towards manipulating public opinion, and the presence of such a tool as MVNO in the ecosystem will only contribute to this.

According to the author, competent participation of state regulators in the activities of such companies will help to avoid such scenarios, but not from the position of strength and restrictions, but from the position of regulation of activities related to confidential data. On the part of the users themselves, the level of digital literacy and awareness should increase while they're in the digital environment.

BIBLIOGRAPHY

1. *Babiolakis M.* Forget Products. Build Ecosystems. Medium. Retrieved April 8, 2021. [Electronic resource] // URL: <https://medium.com/@manolisbabiolakis/forget-products-build-ecosystems-792dea2cc4f2> (Accessed: 13.04.2021).
2. *Gavrilyuk A.* Ott-трафик перевесил. Retrieved April 08, 2021. [Electronic resource] // URL: <https://tdaily.ru/news/2017/03/13/ott-trafik-perevesil> (Accessed: 13.04.2021).
3. *Latsanich V.* Новый телеком: как сотовые операторы изменятся в эпоху «цифры». RBC. Retrieved April 8, 2021. [Electronic resource] // URL: https://www.rbc.ru/opinions/technology_and_media/01/02/2019/5c52edab9a7947519942a559 (Accessed: 13.04.2021).
4. *Pro P.* The benefits of mobile virtual network operator (MVNO) partnerships. My ITU. Retrieved April 8, 2021. [Electronic resource] // URL: <https://www.itu.int/en/myitu/News/2020/04/30/10/39/The-benefits-of-mobile-virtual-network-operator-MVNO-partnerships> (Accessed: 13.04.2021).

MULTIPLE TENDENCIES OF KANTIAN PHILOSOPHY DEVELOPMENT

A. A. Menshikova

Scientific supervisor: PhD V. A. Surovtsev

National Research Tomsk State University

The character of Kantian philosophy development still causes various issues among researchers. Kantian philosophy development is called transcendentalism. This term is associated with epistemological tradition and states intermediary items in the source of direct cognition between traditional positions of a person and the object observed. We assert various tendencies in Kantian tradition development and ontological tradition undetermined by Kantian epistemology. Transcendental epistemology does exist as a separate line of Kantian influence (see ontological relativity summarized by W. V. O. Quine [6], research in brain and consciousness ontology and philosophy of mind itself as a specialization of D. Dennett [2], J. Searle [7], some investigations of D. Davidson [1]). On the other hand, there is a certain trend among the analytic philosophers to interpret Kantian metaphysical conclusions of ontological statements.

"Critique of Pure Reason" [3] itself is a controversial conglomerate of different sources composed as a study. The textological analysis of this book enables to divide two major tendencies: the metaphysic scope for reason ontology, on the one hand, and its practical applied realization in the course of dialectic part, which causes separate epistemological tradition, on the other.

Most part of P. F. Strawson's treatise "The Individuals" [8] describe original ontological metaphysic theory. In order to prove Kantian ontological tradition indeterminism, we extracted the scheme of concepts consisted of the philosophers' terms and ontological aspects characterizing their original theories as a metaphysical core, and analyzed the links among the concepts (i. e. "sign" – "denoting" – "meaning" [4], etc.). The primary stage of this conceptual scheme shows ontological metaphysical essence.

Besides, the essays, written by W. V. O. Quine, do not present a unique consistent philosophical system with determined deductive results and aspects of one scheme of concepts. Actually the conception of ontological relativity had influence neither upon W. V. O. Quine's works nor analytical philosophy further development. This theory development ends either in confirmation or rejection. Also we affirm reconstructed category of metaphysical linguistic invariant, which reveals logical and semantic language ontology, also equal to the Kantian language categories.

During this investigation we faced the issue of alternative arguments, such as initial epistemological origins of certain metaphysical aspects, the involution of separate traditions, possible contamination of ontological and epistemological aspects and positions dominated by the latter or transcendental intermediary function of language ontology as the clue aspect of Kantian metaphysic sequence for the analytical philosophers, or mistaken influence of pre-Kantian origin.

Nevertheless, language ontology of the analytical philosophers' theories doesn't represent only transcendental intermediary function. On the contrary, it inherited Kantian logical and semantic metaphysical essence (see "The Individuals" [8], "Vagaries of definition" [5]). There was no integration or synthesis for ontological aspects in the course of P.F. Strawson and W.V.O. Quine philosophic systems further development (integration dominated by epistemological tradition would reveal relations with-

in the scheme of concepts as the conjunction of "cognitive function of a concept" – "perception" – "denoting").

The clue evidence to prove Kantian influence upon ontology formation among analytical investigation of British and American philosophers is positional. It ascribes a unique combination of philosophical tendencies (logic, ontology of reality, language ontology) to be possible exceptionally under the influence of I. Kant.

Autonomous ontological Kantian tradition causes multiple tendencies for its development in history.

BIBLIOGRAPHY

1. *Davidson D.* Essays on actions and events. Oxford [a. o.]: Clarendon Press [a. o.], 2001. 324 p.
2. *Dennett D.* Consciousness explained. L.: Penguin Books, 1993. 511 p.
3. *Kant I.* Critique of pure reason. New York [a. o.]: Palgrave Macmillan, 2003. 681 p.
4. *Quine W. V. O.* From a logical point of view. Cambridge: Harvard University Press, 2003. P. 45–53, 115–136.
5. *Quine W. V. O.* Vagaries of definition // The ways of paradox and other essays. Cambridge: Harvard University Press, 1976. P. 50–55.
6. *Quine W. V. O.* Ontological relativity and other essays. NY: Columbia University Press, 1969. 165 p.
7. *Searle J. R.* Consciousness and language. Cambridge [a. o.]: Cambridge University Press, 2002. 269 p.
8. *Strawson P.* Individuals: an essay in descriptive metaphysics. L.: Routledge, 2005. 255 p.

THE SYSTEM OF SOCIAL PROTECTION OF THE OLDER POPULATION: A COMPARISON OF KENYA AND CÔTE D'IVOIRE

A. K. Museve

Moscow State University of Pedagogy

Côte d'Ivoire and Kenya are Lower Middle-income Countries with a comparable per capita GDP, situated in West and East Africa, respectively [4]. Kenya's total population is 47.6 million, while Côte d'Ivoire's is 25.05 million. Older persons aged above 60 presently comprise only about 6 per cent of the total population in both countries, but their absolute size increases every year. Older persons remain highly socially and economically vulnerable, as old-age poverty is high in Kenya and Côte d'Ivoire. Gradually, population ageing is becoming evident in both countries and this demands more research on the systems of social protection of older population to determine effective strategies for improving the welfare of older persons.

Kenya and Côte d'Ivoire are signatories to different international human rights declarations and treaties such as the Universal Declaration of Human Rights, Madrid International Plan of Action on Ageing, the African Charter of Human and Peoples' Rights and the 2006 African Union meeting in Livingstone, Zambia. These declarations and treaties advocate for the right to social protection in old age and inform the social protection policies of both Kenya and Côte d'Ivoire.

While social protection of older persons is codified in the 2010 Constitution of Kenya, it is not mentioned explicitly in the Constitution of Cote d'Ivoire. Other opportunities for social protection of the older population are presented in Kenya's and Côte d'Ivoire's national policies and development plans, including Kenya's National Social Protection Policy, the Kenya National Policy on Ageing and Older Persons, Kenya's Vision 2030 and Cote d'Ivoire's National Social Protection Strategy.

In most African countries, the family unit, and not the State, is vastly responsible for the care of older persons in terms of shelter, food and medical care. While the three universally recognised components of social protection include social security, social healthcare and social assistance, personalised social services and comprehensive social assistance programmes by the government for older populations are almost lacking in both Kenya and Cote d'Ivoire. Thus, the system of social protection of the older population in Kenya and Côte d'Ivoire is dominated by the institutions that implement social security and social healthcare.

Social security in Kenya and Côte d'Ivoire is mostly realised through pensions. Kenya's pension system comprises the Civil Service Pension Scheme, the National Social Security Fund for private-sector workers, Private Occupational Pension Schemes and Individual Personal Pension Plans, while Côte d'Ivoire's system comprises the General Retirement Fund for Civil Servants (CGRAE) and the National Social Welfare Fund (CNPS) for private-sector workers [3]. These schemes are contributory in both countries.

Efforts toward expansion of the social protection system of the older population have led to the introduction of non-contributory pension components in Kenya and Côte d'Ivoire. In 2018, Kenya introduced the «Inua Jamii Senior Citizens'(IJSC) Scheme», a non-contributory universal social pension paid monthly to all Kenyans aged at least 70. In the same year, Côte d'Ivoire announced plans to introduce a supplementary funded pension plan for the benefit of civil servants and agents of the state.

Pension coverage in both Kenya and Côte d'Ivoire is low, though it is in line with what is observed in most of Sub-Saharan Africa. For instance, the CNPS scheme in Côte d'Ivoire covers only 9.5 per cent of the population aged 60 and over, while in Kenya, less than 5 per cent of the population aged 60 and above are beneficiaries of the NSSF [1; 2]. As part of pension reforms, both Côte d'Ivoire and Kenya increased pension statutory contributions as well as the retirement age from 55 to 60 in 2012 and 2009, respectively.

As to healthcare, Côte d'Ivoire launched a Universal Health Coverage in 2015, but it remains largely contributory. In Kenya, the National Hospital Insurance Fund (NHIF), the primary public health insurance scheme is contributory and mandatory for salaried formal-sector workers and voluntary for informal sector workers. Notably, the NHIF in 2016 introduced the Subsidy Programme for Older Persons and Persons living with Severe Disabilities. Overall, the absence of universal healthcare for older persons in both countries places the burden of long term caregiving for older persons on families.

Indeed, the social protection system for older persons in Kenya and Côte d'Ivoire does not meet older persons' needs fully. Therefore, incorporation of more generous non-contributory elements, the extension of social security coverage to all workers and the development of long-term care plan and universal health coverage for older persons is recommended. The role of the State in the social protection of older persons in both countries must be more pronounced, especially given the breakdown of traditional values and current harsh economic conditions that have reduced the level of family support available to older persons.

BIBLIOGRAPHY

1. *International Labour Organisation*. Côte d'Ivoire: 85 to 90 % of the population has no social protection coverage. 2003. [Electronic resource] // URL: <https://www.social-protection.org/gimi/gess/ShowNews.action?id=15536> (Accessed: 13.02.2021).
2. *Kenya National Bureau of Statistics*. Basic Report–2015/16 Kenya Integrated Household Budget Survey. 2018. Nairobi, Kenya.
3. *Social Security Administration*. Social Security Programs Throughout the World: Africa, 2019: Cote d'Ivoire [Electronic resource] // URL: <https://www.ssa.gov/policy/docs/progdesc/ssptw/2018-2019/africa/cote-divoire.html> (Accessed: 13.02.2021).
4. *World Bank*. GDP per capita (current US\$): All Countries and Economies. 2019. [Electronic resource] // URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD> (Accessed: 13.02.2021).

THREE APPROACHES TO THE PROBLEM OF DETERMINISM IN CHAPTER IX OF ARISTOTLE'S TREATISE «ON INTERPRETATION»

I.I. Mukhametshina

Academic advisor: DSc.(Philos.) E.V.Borisov

National Research Tomsk State University

J. Łukasiewicz in "On Determinism" and G.H. von Wright in "Determinism and Future Truth" formulated and tried to solve the problem of logical determinism. The purpose of this paper is to compare their approaches with J. Hintikka's understanding problem raised by Aristotle's discussion of singular statements concerning the future in chapter ix "On Interpretation".

According to Jan Łukasiewicz definition, determinism is "the viewpoint that if A is b at the moment t , then it was also true at any moment which is previous to t that A is b at the moment t' ". [3.C.50] To construct deduction of deterministic thesis, Łukasiewicz formulated the first premise, which based on the principle of the excluded middle. The first premise has the form «it is true at the moment t that ' p ' or that ' $\sim p$ '. For example,

a) *It is true at the moment t that Jan will be at home tomorrow noon or that Jan will not be at home tomorrow noon.*

The second premise formulated on the basis that "if it is true at the moment t that p , then p ". So, «if it is true at the moment t that $\sim p$, then $\sim p$ ». After substitution «Jan will be at home tomorrow noon» for p we obtain:

b) *If it is true at the moment t that Jan will not be at home tomorrow noon, then Jan will not be at home tomorrow noon.*

Let «truth» be a two-place predicate T . Then "it is true at the moment t that p " is formalized as " $T(t,p)$ "

1. $T(t,p) \vee T(t,\sim p)$ premise (a)
2. $T(t,\sim p) \rightarrow \sim p$ premise (b)
3. $p \rightarrow \sim T(t,\sim p)$ from 2
4. $\sim T(t,\sim p) \rightarrow T(t,p)$ from 1
5. $p \rightarrow T(t,p)$ from 3 and 4

Since t is an arbitrary moment, we have that "If Jan will be at home tomorrow noon, then it is true at any moment t that Jan will be at home tomorrow noon".

Thus, if we take the law of excluded middle as a starting point, it is possible to construct deduction of deterministic thesis. Łukasiewicz states that to solve this problem it is not enough to reject both alternatives of the first premise, because if we assume that it is not yet predetermined whether Jan will be home tomorrow or not, then proposition "it is true at the present moment that Jan will be at home tomorrow noon" cannot be true or false.

According to Łukasiewicz, argumentation in chapter ix "On Interpretation" undermines rather the principle of bivalence, which states that every proposition is either true or false, then the principle of excluded middle. Thus, Łukasiewicz admits that there may be a third truth value. So, solution of the problem of future contingent events is based on construction of many-valued logic, which allows us to reject the thesis of determinism.

G.H. von Wright formulated problem of article as follows. He considers the following statements:

(1) *It is true that there will be a sea battle tomorrow or there will not be a sea battle tomorrow*

(2) *It is true that there will be a sea battle tomorrow or it is true that there will not be a sea battle tomorrow*

and states that accepting the conclusion from (1) to (2) entails a commitment to determinism.

The statement (1) he qualifies as application of the law of excluded middle to the statement "there will be a sea battle tomorrow". The statement (2) he transforms to

(3) *It is true that there will be a sea battle tomorrow or it is false that there will be a sea battle tomorrow*

and qualifies it as the application of the law of bivalence to the statement "there will be a sea battle tomorrow".

So the problem is to destroy the impression that the application of the laws of excluded middle (statement (1)) and of bivalence (statement (3)) to contingent propositions about the future events entails a commitment to determinism. For this purpose, von Wright distinguish the temporal and atemporal truth. For example, if there will be a sea battle on April 1, 2021, the statement "there will be a sea battle on April 1, 2021" is true at any time before, during, and after April 1, 2021. In this case, there is an atemporal truth. If it is said "that there will be a sea battle tomorrow is now true; the admirals have just decided that the fleet will fight", then the truth is temporal. In the second case it is possible to replace the word "true" with "certain" or "necessary", thereby obtaining a modality with the indication of time. Under the temporal reading of the truth, the conclusion from (1) to (2), which entails a commitment to determinism, is impossible.

Perhaps one of the reasons for the difference in the interpretations of chapter ix "On Interpretation" is that, according to von Wright, it is more interesting how the problems which vexed Aristotle have to be solved, than what Aristotle's way out of them was [1.C.1].

Jaakko Hintikka, conversely, is interested in what the problem was raised in chapter ix "On Interpretation". [2.C.461]. He notes that he does not find in the text of Aristotle a distinction between the laws of the excluded middle and the law of bivalence. According to Hintikka, the main problem of Aristotle is "...the difficulty of a systematist who had defined his notions for too narrow a range of cases and was then forced to accommodate awkward new cases in his framework". [2.C.467]

Thus, referring to the ix chapter "On Interpretation", J. Łukasiewicz and G. H. von Wright presented two formulations and solutions to the problem of determinism, but it is impossible to say with certainty that they solved the same problem as Aristotle did.

BIBLIOGRAPHY

1. *Wright G. H. von.* Determinism and Future Truth // Philosophical Papers 3: Truth, Knowledge, and Modality, 1984: 1–13.
2. *Hintikka J.* The Once and Future Sea Fight: Aristotle's Discussion of Future Contingents in De Interpretatione IX // The Philosophical Review, 1964. Vol. 73, No. 4, pp. 461–492.
3. *Łukasiewicz J.* On Determinism // The Polish Review, 1968. Vol. 13, No. 3, pp. 47–61.

ORPHANS AND MODELS FOR PREVENTING IN MODERN RUSSIA

Nguyen Minh Trang

Scientific advisor: D.Sc, Prof A.Yu.Rykun

National Research Tomsk State University

Orphan problems are relevant in modern society on a global scale. Endless wars, natural disasters and technologies, an increase in mortality due to various diseases and other factors, accompanied by the appearance of orphans. Russia, which is an integral part of the world community, is undoubtedly involved in all processes characteristic of this phenomena. From the point of view of humanism, each person is a value. In the aspect of social reproduction that society needs, it is difficult to socialize a child left without parental care. The current state of the problem of orphans raises questions about the development of all family life schemes for children in order to determine the most effective way to solve the problems of family and children, events of integration and socialization of orphans.

1. Orphans in modern Russia

Table 1

Official definitions used to describe abandoned children in Russia

Category	Definitions
Neglected	A minor whose behavior is not controlled or monitored by parents or other legal representatives or officials due to improper fulfillment of responsibilities in relation to upbringing, education and / or caring for a child;
Homeless	A child without supervision, without a place of residence and (or) shelter;
Orphans	Persons under the age of 18 with one or both parents have died;
Children without parental care	Persons under the age of 18 who were left without the supervision of one or both parents due to the actual absence of parents or deprivation of parental rights, restriction of parental rights, recognition of parents as adopted, disabled (limited opportunities), being treated in hospitals; due to actual death, imprisonment, detention or because of the parents 'refusal to raise their children or protect their rights and interests, the parents' refusal to take their children out of educational, medical institutions, social protection and care institutions, and other similar institutions.

The list of circumstances – components of life situations that lead to the placement of children in child care institutions (According to data provided by child care institutions of the Russian Federation)

- Parental alcohol abuse/ Child abuse
- Avoidance of parents from fulfilling their responsibilities for the upbringing of children
- Difficult financial situation
- Illness, disability of the child/parent
- Death of one of the two parents (when the other is alive, but evades his duties)
- Sentencing the mother (father) of the child in the form of imprisonment or detention
- Intra-family conflict
- Parental drug use

- Placement of a child in a child care institution due to vital necessity
- Death of parents or single parent (after the child is left without parental care)

2. Models for preventing orphans in Russia

National Strategy for Action for Children in Russia

The National Strategy makes it possible to identify a number of priority tasks: overcoming extreme poverty in families with children through the development of financial support instruments for families for the birth and upbringing of children; creation of social infrastructure for families based on the development of the domestic children's industry; improvement of medical care for children and further formation of the foundations of a healthy lifestyle; improvement of affordable and quality education for children of different categories; ensuring the cultural and physical development of children; development of the system of children's vacations and children's tourism; ensuring information security of children; creation of equal opportunities for children in need of special care of the state; development of a system for protecting and ensuring the rights and interests of children; formation of an education system capable of dealing with the problems of children and childhood in general.

Most orphans are the result of family problems. The family dysfunction prevention service in Russia is an interdisciplinary team of specialists that provides families with children with professional support aimed at improving parent-child relations, helping in times of crises, overcoming problems in child development.

3. Conclusion

The Russian government and society are facing extremely important tasks. Firstly, by improving social and economic relations, it is necessary to raise the prestige of the family and strengthen its moral and everyday foundations. It is necessary to update the foundations of human and spiritual values, which, in turn, will significantly affect the reduction in the number of children left without parental care. Secondly, society should act as a guarantor of social security for these children, take responsibility for providing them with conditions for a normal life, learning, development of instincts and abilities, learning, adaptation to the social environment, thereby compensating for the lack of parental care.

BIBLIOGRAPHY

1. *Timchenko E., Timchenko G.* Charitable Foundation, 2019. Research into the causes of social orphanhood - life situations that lead to children being placed in child care. [Electronic resource] // URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/content/26219/siroty-2019-web-pdf.pdf> (Accessed: 16.12.2019).
2. *Goreva O.M., Osipova L.B., Serbina E.A.* Problems of social orphanity in modern Russia // Modern problems of science and education. 2015. No. 1-1. [Electronic resource] // URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18234> (Accessed: 02.04.2015).
3. *Vasilyeva L.P., Kovalchuk A.Yu.* Socio-psychological characteristics of adolescents in a social shelter, affecting their social adaptation // Social work in the modern world: the interaction of science, education and practice. 2016. pp. 236–245.

ABOUT CRISIS IN ASPECT OF PROBLEM OF POSTHUMANISM FUTURE

E.S. Ril

Academic advisors: DSc.(Philos.) I.V. Chernikova, E.V. Vychuzhanina
National Research Tomsk State University

Review of the current situation of humanity is impossible without its history, so it is necessary to consider it in detail. In his book, Yuval Noah Harrari claims that historical problems of war, hunger and disease are solved [4]. But it has not brought people to the main purpose of their existence within the main worldwide idea of humanism – happiness. Probably, the solution of these problems distanced us from our target. Many cases of suicide, alcoholism and addiction bring us to this conclusion. People do not see any ways to be happy or look for a synthetic solution that is not approved by society. Nevertheless, scientists still search for the means to make us happier. For example, psychologists John and Stephany Cacioppo offer allopregnalon (brain neurosteroid) to ease the burden of loneliness. It should be noted that the 21st century is marked by the epidemic of loneliness [5].

The causes of loneliness are best determined by the integrative model of loneliness by W. Sadler and T. Johnson described in their article "From loneliness to anomie"[2.P.21]. Its advantage is that it describes loneliness as a complex of human failures in making connections at global, social, cultural and interpersonal levels.

Cultural loneliness appears against the background of technological progress; moreover, major social changes took place during the 20th century, which led to the need to create a new culture of interaction between people. In addition to cultural loneliness, global loneliness dominated in the 20th century due to the spread of atheism against the background of spreading ideologies and scientific achievements.

Yuval Noah Harrari in his research makes a link between human domination and ability to arrange a complicated and flexible society with many connections. But in the research of W. Sadler and T. Johnson, it is claimed that loneliness on more than one level with high probability brings to the anomie. Detachment from society (on social or interpersonal level) and culture leads to the blur of etic and social norms, which results in the rise of cases of deviant behavior, divorce and suicides.

If Yuval Harrari thought of the reasons of loneliness, he would probably name modern «religion» - humanism as a cause. Humanism brought the source of meaning from space into human. If earlier God defined the lifestyle of people, now this power is in the hands of humanity. So a human is left alone with himself. Everyone can decide which way he or she should live, what good and evil are. And most of all humanistic ideas correspond to the policy of liberalism, proclaiming the highest value of human rights and freedom.

Alain de Benoist in his work "Against Liberalism: Towards the Fourth Political Theory" gives the liberals' interpretation of freedom as an ontological isolation, which first target is seeking own happiness [1]. Such explanation of freedom supports depersonalization of personality: your happiness is only yours, no one cares about it. We have already said that exactly the ability to arrange society formed the person. But liberalism abandons society trying to realize the potential of every person.

As we define a human through society, it is important to understand, what society is. In the liberal theory society is not more than a sum of people. But if we agree

with it, contradiction between definition of human and definition of society arises, since we said that a human is a human when he arranges many connections in society, which is ignored by liberalism. However, liberalism refuses not all connections. Alain de Benoist in the same research gives an opinion of Adam Smith from his «Theories of moral feelings», which claims that, even if love has gone from our world, society will not decay, because unbreakable market and economic links will stay [1]. But this also does not solve the problem, since it reduces a person to the level of a bee producing goods and selling them to other bees of the same kind.

The fact that liberalism ignores this problem causes criticism of liberalism as a politic thought and the development of ideas of humanism as well. Mezhev Vadim Mikhailovich in the article «Humanism and modern civilization» talks about the crisis of humanism in society and different causes of this crisis [2.C.42]. Among critics Vadim Mikhailovich named atheistic humanists, whose criticism partly overlaps Alain de Benoist's. Criticism of modern humanism says that humanism helps to construct an impersonal mass of atomized individuals who have no motives to unite. Despite all of the above, humanism and liberalism as currents of thought are now the main ones in the world.

It can be concluded that the currently dominant idea of humanism makes sense only as a target, but the means by which this purpose is achieved (liberalism and capitalism) lead to depersonalization of the individual, loneliness and anomie.

BIBLIOGRAPHY

1. *Де Бенуа А.* Против либерализма: к четвертой политической теории. СПб.: Амфора, 2009. 480 с.
2. *Покровский Н.Е.* Лабиринты одиночества. М.: Прогресс-традиция 1989. 624с.
3. *Фролов И.Т.* Место и роль гуманизма в будущей цивилизации/ И.Т.Фролов, Г.Л.Белкина. М.: ЛЕНАНД, 2014. 400 с.
4. *Харари Ю.* Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2018. 496 с.
5. *Cacioppo S.* Why May Allopregnanolone Help Alleviate Loneliness? / S. Cacioppo, J. T. Cacioppo, Med Hypotheses. 2015 Dec; 85(6): 947–952.

POSTHUMAN FUTURE

Ya.S. Sotnikov

Academic advisors: Ph. D. (Philos.) V.N. Syrov
National Research Tomsk State University

In all time people worried for tomorrow. Although a human orientation towards the future is relatively recent. In general, a human considers the future when making long lasting life decisions. Capitalism brought us the idea of delayed gratification, resistance to immediate pleasures for the hope of obtaining rewards in the future. The transition from the premodernism to the modernism makes a person look into tomorrow, and the age of modernism is collocates with the concept of enlightenment. If there was a slogan of the era, it would be sound like "Tomorrow will be better than today". The rise of technology, medicine and overall life quality – omened a transition towards enlighten, welfare society. This positive attitude starts to decline in 1914 and finally ends in 1945. More than a hundred years have passed since the First World War, but the main fear of the future remains – the future is grim and unknown.

The more we look to the future – the more are scared of the present. Today's problems are becoming more important. One of these problems is the problem of human being. Technologies have changed the world, and the biotechnical revolution has sharpened the problems of human existence, from both biological and cultural-anthropological sides. Jurgen Habermas and Francis Fukuyama research possible scenarios for human bioengineering. Fukuyama considers three scenarios of a possible future [1. P.20–22]. The first is the invention of a medicine that prolongs human life, without side effects – a kind of analogue of Aldous Huxley's soma. The second is stem cells development and their potential use for human body regeneration. The third is about programming future humans through genetic modifications

Both authors had expressed deep concern about the consequences of biotechnology. One of the most actual problems is the ontological distinction between a parent (unmodified) and a child (constructed) [2. P.23]. As a result of biotechnological manipulations, according to Habermas, parents could deny their offspring the most important life trait – taking responsibility for their own life [2.P.25,93]. This is a consequence of the parents' voluntarism when they are choosing aspects of improvement at the body level. Firstly, in the course of such a decision, they actually make life of the kid deterministic, desubjectise him and turn him into a thing, Moreover, the child can rebel against the parents' choice and express his denial as the act of violence against himself. Also, strictly speaking, a child who has undergone an "improvement", can not be viewed as a human being in the usual sense, when we consider a person as a result of natural processes. Especially if a person appeared as a result of cloning. All these factors distant the parent from his child at the levels of biology and social anthropology.

The mere concept of «I» also finds itself in a crisis situation, because a person is deprived of a potential choice in his development. If we regenerate body parts from animals, then the question also arises of who I am at the moment and am I a human being?

In our opinion, these arguments of the authors about the construction of nature are one-sided. We need to look at this from a different perspective. A human without

the use of biotechnological influence is born a natural way and being developed in a cultural-social environment. He or she cannot change his natural biological set, but, as growing older, is getting socialised, finally becoming a natural part of his own social environment. If biotechnology applies, there is another side, a co-constructor, having the power to eliminate harmful negative factors of human development, and thus, improving quality of his life, making the process much more positive. In both scenarios, a human undergone construction process, only in the first case he was constructed only at the level of meanings, and in the second case, he was constructed at biological level too. We could have spoken of Michel Foucault and his criticism of biological power, but technology is only the tool and never the goal.

Finally, the solution to the problem of posthumanity is impossible if we rely on the system of ethical values from which it follows. Because this is the philosophical problem. How many philosophical problems have been solved through discussion? Much more amazing is the fact that technology will be going ahead of man himself. A Human does not even have time to realize a problem what to say about the discussion. So, the problem of posthumanity should be view in a brand new way. The answers to the challenges of the present and the not so distant future should not be looked in the concepts of the past.

BIBLIOGRAPHY

1. Фукуяма. Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнической революции. М.: АСТ, 2004, 349 с.
2. Хабермас. Ю. Будущее человеческой природы: На пути к либеральной евгенике? М.: Весь мир, 2002, 144 с.

POST-TRUTH: NEW REALITY OF TRUTH?

A. Kh. Sharofov

Academic advisor: DSc.(Philos.) I.V. Chernikova

National research Tomsk State University

In 2016, the word of "Post-truth" was declared the "Word of the Year" by the Oxford Dictionaries, which makes it to be so important today. However, the term seems to have been used before by Steve Tesich in 1982. Reflecting on the Iran-Contra scandal and the Persian Gulf War, he wrote: "We, as a free people, have freely decided that we want to live in some post-truth world". After passing about 40 years, we face post-truth in both global and private senses. It all started with the election of D. Trump as president, Brexit in UK, the rise of various populist movements in western countries and finally mass media and social sites as Facebook that gives for each user truth according to his/her own version of reality.

Post-truth is getting at the distinction between talking about what is true and false and the condition, for the possibility of what is true and false. It seems that condition plays the decisive role in establishing truth or false. So philosophically, we have two issues: "first-order" and "second-order". First – order issue – we are talking about the kind of world where everybody shares common assumptions. Namely, these assumptions defy «something» is true or false. The second – order issues deal with the world where we have not agreed on the assumptions. In a sense, it is about establishing them – in terms of that you can talk about what is true is true and what is false.

I think the word post-truth deals with second – order issues. In terms of Kant, we call it – "transcendental conditions" where he talks about it in terms of possibility of what is true and false. I think, post-truth - the same truth about which philosophers talk, but with additional element – "condition", under which one decides what is true and false. It is also brings truth out into the public display, and consequently we have «uninvited guests», as politics, mass media and so on. The truth – makers have to deal with two obstacles: being acknowledged and fighting with conditions. I do not think that it is something new. Let us look at Plato's dialogue in "The Republic" where he talks about setting just society by dividing people to two main groups: "The philosophers" and the "rest". The philosophers are specially selected because of their talent. They are trained in the abstract subjects of mathematics, philosophy, astronomy and music; moreover, they are the only truth-makers and truth- carries in term of truth not only for governance, but in general. The irony is – they are secluded from the rest. According to Plato's belief, not everyone (i.e. ordinary people) can know the "truth". The only reality most people can deal with is what they directly experience. It is like, the kind of knowledge you require is appropriate for your kind of life.

From standpoint of truth these people know a false way of the world that works and enables the ones (the philosophers) who know the true way of the world to make a better world for all of them together. Undoubtedly, that is the kind of post-truth perception. I think, the post – truth era sensibility for truth comes (if not ultimately) from Plato's work. The only difference is there no division in society as Plato did; even though we pretend to build a "just" society with new "image". One of the first things Plato did in establishing this original post-truth order where only a certain group of people controls what is true and false and all the rest just believes it is that the strong fact-fiction distinction. What makes post-truth work is the idea that if you have people

who believe that the world needs to be operate in a certain way, regardless of where they are in it, you have a strong fact-fiction distinction. It is very much with us today – and it is a post-truth idea.

In his book [1], Ralph Keyes writes – "In the pots-truth era, borders blur between truth and lies, honesty and dishonesty, fiction and nonfiction. Deceiving others becomes a challenge, a game, and ultimately a habit ... At one time we had truth and lies. Now we have truth, lies, and statements that may not be true but we consider too benign to call false ... A liar is «ethically challenged», someone for whom «the truth is temporarily unavailable».

Carlos De Angelis in his work [2] writes - "In this era, universal truths are abandoned, and the idea of objectivity is rejected, even when supported by real facts. The subjects feel capable of creating their own truths and beliefs – their own customized gods – independent of values that in other times seemed unquestionable".

According to Albert Medran: "Post-truth is not a new phenomenon. Not by a long shot. What we call post-truth today, in other decades was called propaganda...The difference compared to other eras is that we now have a double-edged tool within our reach. First, they do not allow access to the sources of information required to point out and combat lies. In addition, at the same time, they give lies an unprecedented boost, spreading like wildfire and floating on the surface for years. It is possible and impossible at the same time".

While, it seems, post-truth poses a serious threat to our asserted concepts, as truth by itself, we ought to take strength from the fact that truth is not easily defeated, and any attempts to undertake - merely temporary. Hannah Arendt remarkably writes in this regard: "Truth, though powerless and always defeated in a head-on clash with the powers that be, possesses a strength of its own: whatever those in power may contrive, they are unable to discover or invent a viable substitute for it. Persuasion and violence can destroy truth, but they cannot replace it" [3].

BIBLIOGRAPHY

1. *Arendt H.* Truth and Politics, originally published in 1967. 570 p.
2. *Carlos de A.* The Rise of Post-Truth and How to Build Customized gods.
3. *Keyes R.* The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life.

ГУМАНИТАРНАЯ ИНФОРМАТИКА

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ

А. И. Антоненко

Научный руководитель: к.с.н. А.Ю. Ардальянова
Дальневосточный федеральный университет

В нынешнем мире каждый человек осознает важность образования. Оно позволяет приобрести навыки необходимые для дальнейшего трудоустройства. И современный мир предоставляет большое количество возможностей получить образование самыми различными способами.

Онлайн-обучение уже давно присутствует в нашей повседневной жизни, но лишь в последний год оно стало таким заметным и даже необходимым. Развитие современных информационных и телекоммуникационных технологий позволяет активно использовать дистанционное обучение. Основными особенностями дистанционного подхода к обучению являются удаленность обучающегося от преподавателей, учебных средств и образовательных ресурсов, которые располагаются на серверах учебного заведения. Онлайн-образование с каждым годом становится более востребованным и популярным, что делает индустрию EdTech более прибыльной. Самыми востребованными направлениями являются программирование, подготовка к ЕГЭ и изучение английского языка. Темпы роста рынка обучения английскому языку будут расти во всем мире.

Чем же так привлекательна возможность учиться онлайн? Такая модель обучения имеет множество плюсов, но главный из них это возможность учиться из любой точки мира, таким образом онлайн-проекты стирают географические границы. Это особенно актуально для детей из маленьких городов и поселков с недостаточно развитым школьным образованием. Дети, использующие онлайн-платформы для обучения получают шанс иметь уровень образования такой же, как и у детей из центральных участков России. И это позволяет им успешно конкурировать с выпускниками лучших школ за место в ведущих университетах России и за рубежом. Анализируемый подход к образованию идеально вписывается и в концепцию образования на протяжении всей жизни человека, так как в современном мире обновлении информации происходит слишком быстро (особенно в таких активно развивающихся направлениях как информационные технологии, роботостроение и биомедицина) специалист уже не может обучиться одному навыку один раз «на всю жизнь», он вынужден регулярно обновлять имеющиеся знания, и при этом не отрываясь от своей основной деятельности. И

здесь дистанционное обучение становится особенно необходимым и актуальным.

Как уже говорилось ранее учиться онлайн можно было уже давно, но потребность в таком образовании стала особенно ощутима в последний год из-за неожиданной пандемии. Именно в этот период можно наблюдать активный рост количества онлайн-школ особенно в области детского образования. В этом сегменте двумя наиболее популярными сферами обучения являются программирование и ментальная арифметика. Это сравнительно новые направления в детском образовании, которые стремительно захватили внимание потенциальных учеников.

Что же ждет онлайн-образование дальше? Прогнозируется рост совместных проектов государственных образовательных организаций (школ и университетов) с бизнесами и онлайн школами. Например, РАНХиГС создает программы онлайн-бакалавриата вместе со Skillbox [1]. Все больше направлений в ВУЗах, где присутствует смешанное обучение (blended learning). Появление новых трендов определяет не только текущая ситуация в мире, но и изменение поведения потребителей рынка. Электронное обучение открывает возможность как для обучения лиц с ограниченными возможностями, так и повышения квалификации и переподготовки работников без прекращения основного вида деятельности. По прогнозам аналитиков, спрос на высшее образование в ближайшие несколько десятилетий превысит возможности образовательных организаций, а именно, численность учащихся высших учебных заведений увеличится с 97 млн чел. в 2000 г. до более чем 262 млн чел. к 2025 г., в среднем ежегодный рост предполагается составит 1,4%. [2]. Понятно, что удовлетворение увеличивающегося спроса на высшее образование без внедрения новых образовательных технологий невозможно. Таким образом, и органам управления образования, и образовательным организациям во всем мире уже в настоящее время необходимо внедрять новые образовательные технологии, расширять использование информационно-коммуникационных технологий в образовании и открытых образовательных ресурсов, электронного обучения. Большой упор будет сделан на персонализацию обучения. Современный человек имея насыщенный график слишком занят и поэтому предпочитает формат гибкого обучения, когда он сам может выбрать время, когда ему учиться. Онлайн-курсам необходимо проработать аспект вовлеченности своих студентов ведь от этого напрямую зависит результат самого обучения. Институт точной механики и оптики (ИТМО) недавно запустил так называемый «антипрокрастиционный марафон» чтобы увлечь тех студентов, которые часто отвлекаются на посторонние электронные ресурсы [1]. Появится больше сервисов для улучшения онлайн-образования. Например, платформа антитренинги которая позволяет создавать интерактивный класс, добавлять туда учеников и размещать все необходимые материалы для урока. Но таких платформ становится слишком много и под давлением конкуренции не всем удастся задержаться на этом рынке.

Онлайн - обучение делает жизнь удобнее и перспективнее. Пандемия открыла глаза на новые возможности, которые использовались не так эффективно и мир уже не готов вернуться к тому, как было раньше. Сейчас начинается новый этап развития сферы онлайн-обучения, который будет лишь набирать обороты и еще больше проникать в повседневную жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Итоги* и перспективы: эксперты рассказали о будущем онлайн-образования [Электронный ресурс] // URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5fe220ec9a794723d9973062> (дата обращения: 10.03.2021).
2. *The shape of things to come: higher education global trends and emerging opportunities to 2020*. British Council. 2012. 74 p.

ФЕНОМЕН ИЗБЫТОЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЗАДАЧИ ТРАНСФОРМАЦИИ УНИВЕРСИТЕТОВ

И.А. Бахарева

Научный руководитель: д.ф.н. Н.П. Лукина

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Картина современного общества отличается от индустриального гипер-трофированным техническим развитием и быстрой потерей актуальности информации и знаний. Главным фактором процветания становятся интеллектуальные ресурсы, а ключевую роль в их увеличении и качественном совершенствовании традиционно играют учреждения высшего образования. Однако, сможет ли теперь университет в той форме, в которой он существовал долгие годы, соответствовать стремительно меняющемуся обществу?

На сегодняшний день тема высшего образования является дискуссионной среди исследователей. Один из аспектов данного вопроса - феномен избыточности образования.

Сторонники невозможности факта избытка образования (к примеру д.п.н. Б.А. Сосновский), считают, что образование в современном мире должно быть опережающим в силу ускоряющегося темпа общественного развития. Подтверждением также приводится концепция образовательных экстерналий. В качестве примера вспоминается влияние работников с высокой квалификацией на работников с меньшим запасом человеческого капитала, что позволяет последним работать эффективнее.

Противоположная позиция (представителем которой можно назвать к.с.н. Ю.В.Голиусову) заключается в видении негативных аспектов избыточного образования. На сегодняшний день наблюдается девальвация дипломов, то есть часто встречается ситуация, когда работодатели требуют диплом о высшем образовании, при этом для рассматриваемой работы достаточно среднего образования. Более того, появляется обратная корреляция между уровнем образования и легкостью трудоустройства. С присоединением к Болонскому процессу, увеличился срок освоения программ высшего образования, а значит, что получение практического опыта откладывается во времени. С точки зрения всего общества этот аспект способствует неблагоприятной демографической ситуации [2]. Следующий аргумент в пользу сторонников данной позиции – забывание, утрата усвоенных знаний, особенно, которые не были закреплены на практике, что говорит о неэффективных вложениях в образование.

Значимость феномена избыточного образования находит отражение не только в проблематике рынка труда, но и выходит на уровень удовлетворенности населения работой и жизнью в целом.

Другой аспект проблематики трансформации высшего образования – вопрос коммерциализации. Рассмотрение коммерциализации университета встречается через призму восприятия образования как услуги или как общественного блага. Многие социологи, философы и культурологи, к примеру, ректор Московского государственного университета В. А. Садовничий, говоря о роли университета указывает на всю совокупность функций, которые он выполняет, что подразумевает невозможность отождествления с куплей-продажей знаний. Трансляция или передача знания — это лишь одна из функций, поэтому в целом,

получение высшего образования называется общественным благом. Более реформистская позиция наблюдается у сторонников понимания высшего образования как услуги, и в качестве представителя можно выделить политического деятеля А. А. Фурсенко. Существенная разница заключается в том, что услуги покупаются и продаются на условиях конкуренции, в то время как общественное благо гарантируется государством на началах равенства. Сторонники условно реформистского направления, замечая феномен избыточного образования, основываются на идее предпринимательского университета, разработанной еще в конце XX века профессором Стэнфордского университета Г. Ицковицем и профессором Амстердамского университета Л. Лейдесдорфом, и говорят о практической полезности приобретенных в высших учебных заведениях знаний [3]. В то время как сторонники идеи блага университетского знания обеспокоены научной ценностью исследований, имеющих лишь коммерческий интерес. Постоянная борьба за финансирование может помешать развитию гуманитарного образования, которое призвано доказывать людям, что в жизни есть нечто более важное, чем деньги. Университеты должны «учить учиться», то есть развивать методологию самообучения, мотивировать на исследования, выступать культурным фундаментом для развития всей цивилизации.

Подводя итог можно сказать, что университеты нуждаются в осмыслении их трансформации в соответствии с реалиями современности, поскольку именно университеты должны выпускать из своих дверей специалистов, соответствующих времени, готовым к профессиональной деятельности, умеющим быстро адаптироваться к изменениям. Понимание разных социально-философских позиций позволит провести более объективную оценку роли университетов и переосмыслить тенденции их совершенствования в процессе развития общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов С. В.* Теоретические основы формирования экономики знаний // Социально-экономические явления и процессы. 2011. №8. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-formirovaniya-ekonomiki-znaniy> (дата обращения: 23.01.2021).
2. *Погосян Н.В.* Избыточное образование в России и его социально-экономические последствия // Вестник экспертного совета. 2015. №2. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izbytochnoe-obrazovanie-v-rossii-i-ego-sotsialno-ekonomicheskie-posledstviya>. (дата обращения: 23.01.2021).
3. *Родачин В.М.* Эволюция миссии вузов и вузовской науки: история и современность // Universum: общественные науки. 2017. №4 (34). [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-missii-vuzov-i-vuzovskoy-nauki-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 23.01.2021).

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ЭКОНОМИКИ СОВМЕСТНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Д. А. Верушкин

Научный руководитель: к.с. н. М. Ю. Болдина

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

С активным внедрением информационных технологий в процессы производства и потребления товаров и услуг новая промышленная революция становится ближайшей перспективой. В этой связи представляются актуальными исследования готовности населения к грядущим переменам, в частности к принятию практик совместного потребления.

Само понятие совместного потребления (collaborative consumption) было впервые использовано в 1978 году, в статье Маркуса Фелсона и Джо Л. Спаэта «Community Structure and Collaborative Consumption: a routine activity approach». Разумеется, данный термин был применен немного в другом смысле и примерно описывал такую экономическую модель, при которой несколько людей совместно пользовались арендой некоторых вещей, так как считали, что проще временно пользоваться чем-то, чем покупать его себе во владение [1].

Конкретно концепция совместного потребления была сформирована Ру Роджерс и Рэйчел Ботсман на конференции TED в 2010 году. На своем выступлении эти два автора утверждали, что в ближайшем будущем эта экономико-социальная модель поведения спровоцирует революции в общепринятом порядке потребления товаров и услуг, а журнал TIME вообще включил этот концепт в топ-10 идей, которые изменят мир.

В данной статье мы сконцентрируемся на некоторых примерах того, как за последнее время некоторые компании пытались внедрить элементы экономики совместного потребления, узнаем, насколько успешным вышли эти попытки, а также сделаем прогноз на будущее.

Итак, в первую очередь стоит рассмотреть, в каком году каршеринг (сервис краткосрочной аренды автомобиля) появился в России и за ее пределами. Считается, что первый каршеринг в мире с системой free-floating (автомобили свободно расставлены по городу без использования станций) появился в 2008 году в Германии. В России такой тип каршеринга появился в 2012 году, а в наиболее динамичную фазу развития он перешел в 2015 году и до сих пор развивается [2].

К началу 2020 года только в одной Москве было в строю 30 тысяч каршеринговых машин, так что можно смело утверждать, что данная отрасль экономики из модели совместного потребления активно растет. Это можно объяснить удобством пользования таким транспортом, ведь его можно оставить буквально в любом месте, так как потом можно не идти к конкретному автомобилю, а арендовать тот, который найдется поближе.

Кроме этого, почти все сервисы каршеринга заправляют и обслуживают автомобили самостоятельно, без какого-либо участия потенциальных клиентов – к неактивным автомобилям приезжает обслуживающий персонал, проверяет состояние машины, заправляет ее и так далее. По затратам это сопоставимо с содержанием собственного автомобиля.

Но есть и негативный опыт, пример тому – знаменитая история велошеринга в Волгограде. В апреле 2019 года компания Mobee запустила первый в России проект по прокату велосипедов, по аналогии с существующими сервисами проката автомобилей. К сожалению, еще до наступления осени новые велосипеды уже пропали с улиц города. Виной тому стали вандалы, которые стали угонять велосипеды в личное пользование или с целью сдачи на металлолом.

Кроме этого, некоторые велосипеды можно было найти на площадках онлайн-продаж (такие сайты, как Avito или Юла, тоже можно считать продуктом модели совместного потребления, ведь принципы там соблюдаются такие же), упоминаются даже случаи с нахождением некоторых велосипедов на деревьях и в Волге [3].

Объективные причины такого исхода выделить невозможно, но с помощью анализа истории развития экономики в России и в Советском Союзе можно предположить, почему модель совместного потребления не сможет прижиться в российском обществе еще некоторое время, хотя опыт развития каршеринга и площадок онлайн-продаж – это примеры исключений, оказавшихся востребованными в России.

Стоит вспомнить социалистическую модель потребления, которая прививалась каждому советскому гражданину, а также затяжные продовольственные кризисы, которые продолжались от позднего этапа Перестройки до начала 2000-ых, особенно в регионах. Возможно, у людей сформировалось так называемое обостренное чувство частной собственности, которое образовалось из-за длительной дериивации, ведь любая частная собственность была сначала под запретом, а потом в остром дефиците. По этой причине любое «общее» и «совместное» воспринимается как «чужое», «не мое» и вызывает соответствующее отношение.

С другой стороны, в российском обществе действительно наблюдаются перемены во многих сферах жизни: новые поколения россиян все чаще откликаются на идеи новых моделей потребления – такие термины, как каршеринг, коучсерфинг, кохаузинг, коворинг (и так далее) начинают все чаще появляться в обиходе. Можно предположить, что шеринг-экономика выйдет на новый виток развития, когда последнее советское поколение уступит место на исторической арене современной молодежи с более либеральными взглядами на совместное потребление.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авдокушин Е.Ф.* Экономика совместного потребления: сущность и некоторые тенденции развития // *Экономический журнал*. 2019. № 2 (54). С. 6–7.
2. Аналитики РwС предсказали трехкратный рост парка каршеринга в Москве. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/business/13/09/2018/5b9a22fe9a79476e965bef0b> (дата обращения: 4.04.2021).
3. Перекрашивали и бросали в реку. Как русские побороли велошеринг. [Электронный ресурс] // URL: <https://360tv.ru/news/tekst/poboroli-veloshering> (дата обращения: 4.04.2021).

РАЗРАБОТКА ВЕБ-СЕРВИСА ПРОФОРИЕНТАЦИИ АБИТУРИЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ ТГУ)

И.С. Годенов

Научный руководитель: к.и.н. Ж.А. Рожнева

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В условиях возрастающей конкуренции в области образовательных услуг университеты находятся в постоянном поиске новых механизмов привлечения абитуриентов и дальнейшей мотивации студентов. За последние несколько лет существенно увеличилось количество научных работ, в которых изучаются факторы, влияющие на выбор абитуриентов. Например, детально рассмотрено влияние различных социальных факторов на выбор направления подготовки в работах К.С. Дмитриевой, В.Е. Журавлева [3], Л.А. Поповой, И.М. Фадеевой, Е.М. Юрловой [9] и С.Д. Жерелиной [5]. Авторы отмечают высокую роль семьи, выявляя зависимость между выбором вуза и социального положения родителей, занимаемых ими должностей, уровнем и специализацией их образования.

Количественный анализ отечественных исследователей Н.В. Веселковой [2], Н.В. Хлабыстовой [10.С.72–76], И.Н. Ефимовой и А.В. Маковейчука [4.С.30] выявил также существенное воздействие на выбор абитуриентов таких факторов, как возможность получения бесплатного образования, качество образовательных программ, место университета в международных рейтингах и его территориальное расположение.

В целом данные опросов абитуриентов и студентов российских вузов показывают, что решение о выборе высшего учебного заведения и образовательных программ является многофакторным [7]. К схожим выводам также приходят и зарубежные исследователи (*Senga, Briggs. An exploratory study of the factors influencing undergraduate student choice: the case of higher education in Scotland // Studies in Higher Education. 2006. Vol. 31. # 6. P. 704; Dao, M.T.N., Thorpe, Anthony. What factors influence Vietnamese students' choice of university? // International Journal of Educational Management. 2015. Vol. 29(5). P. 676; Loren Agrey, Naltan Lampadan. Determinant Factors Contributing to Student Choice in Selecting a University // Journal of Education and Human Development. 2014. Vol. 3(2). P. 401–403*).

Однако среди всех факторов определяющих выбор абитуриентов необходимо выделить проблемы профессионализации учащихся в России. По данным академика Российской академии образования С.Н. Чистяковой 58,2% российских старшеклассников не задаются вопросом о выборе профессии; около 50% не связывают свой выбор будущей профессии со своими навыками и умениями или с потребностями рынка труда; 67% не способны анализировать свои возможности в профессиональном выборе, не владеют сведениями о профориентации и требованиях профессии к ее соискателю [11.С.46]. Из результатов исследования сотрудников Института отраслевого менеджмента РАНХиГС также следует, что только треть абитуриентов проявляет интерес к будущей профессии, при этом более 22% вообще не задумывались о ней [8.С.54–55].

К неутешительным выводам приходит ряд отечественных исследователей, оценивая состояние системы сопровождения профессионального самоопределе-

ния учащихся в современной российской общеобразовательной школе. В большинстве случаев этому направлению деятельности не уделяется должного внимания. Профориентационная работа проводится нерегулярно, бессистемно с опорой в основном на собственные ресурсы. При реализации профориентационных программ используются устаревшие и малоэффективные подходы. У современных общеобразовательных учреждений, как правило, отсутствует связь и социальное партнерство с предприятиями и службами занятости [6]. Эти проблемы сопоставимы с данными опросов абитуриентов, только 8% из которых согласились с влиянием профориентационных мероприятий школьников на выбор будущего направления обучения [8.С.54].

Сложившаяся сегодня ситуация с профессионализацией обучающихся в российской системе образования на фоне новых тенденций социально-экономического развития общества обостряет проблему выбора абитуриентами образовательных программ при поступлении в вузы. Абитуриенты остаются не погруженными в концепции современного образования, не обладают информацией о перспективных профессиях, не способны самостоятельно оценить возможности конкретных образовательных программ, затрудняются с выбором траектории своего профессионального развития.

Сделав неосознанный выбор будущей специальности, студенты в дальнейшем сталкиваются с трудностями в процессе обучения. У них ухудшается успеваемость, снижается мотивация к продолжению обучения по выбранной специальности. И в случае если студент не решится сменить образовательную программу, то с большей долей вероятности он попадет в ловушку невозвратных затрат [12]. Он продолжит обучение, несмотря на возрастающие временные затраты, финансовые издержки и при этом с заведомо неудовлетворяющим его результатом. Последствия такого выбора скажутся и на факультете, пропорционально количеству подобных студентов: возрастет учебная нагрузка на преподавателей, инфраструктуру, увеличатся финансовые риски, снизится качество подготовки по программе.

Проведенный опрос и анализ движения контингента студентов Факультета исторических и политических наук подтвердили данную гипотезу. В опросе участвовало более 150 студентов бакалавриата 1-4 годов обучения трех исторических и четырех политических направлений подготовки. Результаты опроса во многом подтвердили данные отечественных исследователей, проводивших схожий анализ в других регионах страны. Несмотря на то, что более 60% опрошенных в качестве основной причины поступления указали желание получить профессию, вторым и третьим по популярности фактором (44,4% и 40,4% соответственно) у студентов остались убеждения о необходимости диплома и высшего образования в России.

Такие факторы как престижность специальности, истории успеха выпускников, отзывы знаковых и родственников об университете и факультете оказали наименьшее влияние на выбор образовательных программ по сравнению с количеством баллов ЕГЭ и наличие бюджетных мест. Среди информации об образовательных программах преимущественное большинство студентов выделило важность сведений о дисциплинах, иностранных языках (что скорее всего объясняется особенностями ряда программ политических направлений подготовки) и преподавателях. Сведения о формировании профессиональных навыков, места

прохождения практик и возможностях трудоустройства заинтересовало менее трети опрошенных. Показательной является и статистика об источниках информации: абсолютное большинство опрошенных (73,8%) предпочли при поступлении задать вопрос старшекурсникам, и 49,3% выразили желание пообщаться с выпускниками. В тоже время самыми непопулярными вариантами оказались: встреча с другими абитуриентами – 10,7%, заместителем декана по учебной работе – 11,4% и работодателями – 24,8%.

Опрос также подтвердил, что более трети студентов (33,8%) выбрали бы другой факультет или специальность, если бы делали выбор сейчас и еще 6% не стали ли бы поступать в университет вовсе. Такую же тенденцию можно обнаружить при анализе движения контингента студента за 2019/2020 учебный год на Факультете исторических и политических наук. Около 10% студентов были отчислены по собственному желанию, при этом более половины из них являлись студентами первого курса. Среди отчисленных порядка 25% перевелись на другую образовательную программу или сменили вуз. Немаловажным показателем также является то, что 10% отчисленных студентов обучались за счет средств федерального бюджета, т.е. поступали в университет с высокими баллами ЕГЭ и индивидуальными достижениями.

Безусловно, решение такой системной проблемы как профессионализация выпускников в российском образовании должно существенно улучшить ситуацию с осознанным выбором абитуриентами своих будущих траекторий профессионального развития и связанных с этой сферой процессов. Однако это долгосрочная цель, которая потребует централизованного, комплексного подхода в общегосударственном масштабе. Университеты, находящиеся в условиях возрастающей конкуренции в области образовательных услуг, вынуждены искать новые механизмы привлечения абитуриентов и дальнейшей мотивации студентов уже сейчас. Иначе они будут вынуждены нести возрастающие финансовые издержки. Качество подготовки профессиональных кадров также ухудшится, что сулит уже последствиями общеэкономического масштаба, о чем отмечают авторы передового отечественного издания по профессионализации «Атлас новых профессий» [1.С.20].

Результатом проведенного анализа помимо подтверждения гипотезы о негативном воздействии проблем профессионализации стало решение о разработке веб-сервиса для абитуриентов Факультета исторических и политических наук. В отличие от существующих информационных ресурсов, предоставляющих статическую информацию об образовательных программах, акцент в новом сервисе будет сделан на интерактивности.

Во-первых, сервис будет включать инструмент по профориентации абитуриентов, разработанный и адаптированный под образовательные программы Факультета исторических и политических наук, на базе результатов научного проекта «Форсайт компетенций – 2030», проведенного Агентством стратегических инициатив и Московской школы управления СКОЛКОВО. Пользователи получат возможность изучить профессии будущего, узнать о надпрофессиональных навыках и умениях, их комбинациях, а также актуальных тенденциях, определяющих развитие общества и о том, как они влияют на рынок труда. Отобранные для сервиса профессии были проанализированы на факультете и сопо-

ставлены с реализуемыми образовательными программы, чтобы сориентировать абитуриентов в их выборе.

Во-вторых, сервис предложит абитуриентам опытным путем в игровой форме почувствовать себя в роли одного из самых востребованных специалистов на рынке труда будущего «аналитика-международника». Выбор данной специальности обусловлен как ее популярностью среди абитуриентов, так и причинами, о которых говорилось в начале работы. Именно на данном направлении подготовки наблюдается самый большой отток студентов. При этом за последние 2 года риски набора слабо мотивированных студентов на данную программу существенно возросли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас новых профессий 3.0. / под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. М.: Интеллектуальная Литература, 2020. 456 с.
2. *Веселкова Н.В.* Высшее образование: выбор вуза или города? // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2015. №3. С. 41–46.
3. *Дмитриева К.С., Журавлев В.Е.* Социальные факторы, повлиявшие на выбор специальности студентов экономического ВУЗа // Актуальные тенденции развития социально-политических процессов в России; Труды международной заочной научно-практической конференции. 2017. С. 53–56.
4. *Ефимова И.Н., Маковейчук А.В.* Анализ влияния рейтингов вузов на мотивацию абитуриентов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. №6(1). С. 27–34.
5. *Жерелина С.Д.* Выбор ВУЗА: влияние семьи // Управление мегаполисом. 2014. №1. С. 54–56.
6. *Касьянова Т.И., Мальцев А.В., Шкурин Д.В.* Профессиональное самоопределение старшеклассников как общественная проблема // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 7. С. 182–183; *Шафранов-Куцев Г.Ф., Ефимова Г.З., Семенов М.Ю.* Профориентационные практики в условиях глобализации: социологический анализ // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 8. С. 60–61.
7. *Лызь Н.А., Нецадим И.О.* Мотивация поступления в вуз как фактор компетентностно-ориентированного обучения // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». 2018. Т. 10, № 1. С. 17; *Ефимова Е.Н.* Анализ мотивации абитуриентов при выборе вуза (на примере Нижегородской области) // Университетское управление: практика и анализ. 2011, № 6, С. 63–67; *Саханов Т.М., Торошин С.А.* Оценка мотивации потенциальных абитуриентов 2015 года при выборе вуза // Пищевые инновации и биотехнологии. Материалы Международной научной конференции. ФГБОУ ВО «Кемеровский технологический институт пищевой промышленности». Кемерово. 2015. С. 428.
8. *Маслевич Т.П., Сафронова Н.Б., Минаева Н.Л.* Инновационные методы привлечения абитуриентов (на примере исследования факторов мотивации) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2018. № 6 (218). С. 52–60.
9. *Попова Л.А., Фадеева И.М., Юрлова Е.М.* Профессиональные и социальные факторы, определившие выбор вуза первокурсниками // ОГАРЕВ-ONLINE. 2017. №5(94). 10 С.
10. *Хлабыстова Н.В.* Факторы, определяющие выбор вуза и профессиональное самоопределение абитуриентов (на примере ФГБОУ ВПО «КубГТУ») // Науч-

ные труды Кубанского государственного технологического университета. 2014. №2. С. 71–78.

11. *Чистякова С.Н.* Профессиональное самоопределение личности: механизмы и образовательные ресурсы // *Человек и образование*. 2014. № 3 (40). С. 45–50.

12. *Hal Arkes, Catherine Blumer.* The psychology of sunk cost // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1985. #35 (1). PP. 124–140.

ГЕЙМИФИКАЦИЯ МОБИЛЬНОГО ПРИЛОЖЕНИЯ ДЛЯ ЗАКРЕПЛЕНИЯ НАВЫКОВ САМОКОНТРОЛЯ ДЕТЕЙ РАННЕГО ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА С ДИАГНОЗОМ САХАРНЫЙ ДИАБЕТ ПЕРВОГО ТИПА

А.И. Давыдова

Научный руководитель: к.ф.н. Н.Н. Зильберман

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Сахарный диабет – это хроническое заболевание, которое влияет на способность организма использовать энергию, получаемую из пищи. Есть два основных аномальных состояния, при которых организм не может нормально усваивать глюкозу. Они известны как диабет 1 и 2 типа. Сахарный диабет 1 типа (СД1) является одним из наиболее часто диагностируемых долговременных эндокринных нарушений, обнаруживаемых у детей, и с каждым годом заболеваемость увеличивается. По данным Всемирной федерации сахарного диабета, в мире насчитывается более 1 млн детей и подростков с СД1, из них 560 тысяч – это дети в возрасте до 14 лет. В РФ, по данным Федерального регистра сахарного диабета, насчитывается более 33 тысяч детей и подростков в возрасте до 18 лет с СД1.

Существует ряд серьезных потенциальных осложнений, возникающих в результате неправильного поведения и контроля при диабете, в том числе опасных для жизни. Для снижения рисков хронических осложнений и достижения целей терапии важно соблюдение строгого режима, что в первую очередь требует от пациентов обучения, перестройки образа жизни и приобретение навыков самоконтроля заболевания, необходимых для самостоятельного ведения СД. Цель состоит в том, чтобы пациент взял на себя большую часть ответственности за собственное здоровье, умел отслеживать результаты своего лечения, выявлять его побочные эффекты и правильно на них реагировать.

Ранний подростковый возраст (11–15 лет) является периодом, когда родители, как правило, начинают перекладывать контроль за диабетом на ребенка из-за его стремления к автономии. Однако результаты проведенных исследований показали, что, когда родители дают подросткам без достаточной когнитивной и социальной зрелости автономию в вопросах терапии, у них возникают проблемы с лечением и наблюдается тенденция к снижению контроля диабета. Основной проблемой со стороны семьи является подготовка ребенка к самостоятельному контролю заболевания, сохранение его вовлеченности и поддержка, но без выраженного вмешательства в повседневную жизнь подростка [1.С.213].

Возникает потребность в инструменте, который поможет подростку закрепить навыки самоконтроля диабета, полученных при обучении, чтобы постепенно он мог взять на себя большую часть ответственности за ведение своего заболевания.

Согласно исследованиям, цифровые технологии являются эффективным инструментом для передачи знаний и развития навыков у пациентов, в частности, приложения мобильного здравоохранения с использованием концепции геймификации [4]. В соответствии с рекомендациями по разработке эффективных игр для клинических вмешательств [3]:

- Главный герой должен быть сопряжен с игроком;

- Мотивирующая система вознаграждений, поддерживающая игрока учиться;
- Нацеленность на обучение;
- Ясные задачи, связанные с изменением поведения игрока в реальной жизни;
- Сложность должна постепенно увеличиваться и адаптироваться к навыкам игрока;
- Реалистичный и связанный со здоровьем сюжет;
- Привлекательный дизайн, звуки и анимация, для привлечения пользователей.

Предлагаемое решение: разработать мобильное приложение с элементами геймификации, которое позволит подростку в интерактивном режиме закрепить навыки самоконтроля заболевания.

На основе анализа литературы [2], качественного (интервью) и количественного (опрос) исследований целевой аудитории был сформирован список обязательных навыков, которые необходимо закрепить с помощью разрабатываемого мобильного приложения:

- замер уровня глюкозы в крови;
- определение и корректировка дозы инсулина в зависимости от ситуации;
- подсчет обменных единиц еды;
- различать симптомы гипогликемии и гипергликемии, способы их устранения;
- понимать взаимосвязь между едой, инсулином и физической активностью.

В мобильном приложении пользователю предстоит заботиться о персонаже с диагнозом СД1. День персонажа разделен на три части (утро, день, вечер), соответствующих трем приемам пищи (завтрак, обед, ужин). Пользователю предстоит измерить уровень сахара в крови персонажа, и на основе полученных показателей ввести соответствующую дозу инсулина, накормить и выполнить физические нагрузки. Для выполнения действий персонаж перемещается в нужную локацию (кухня, спортзал, спальня, магазин) и, за верно выполненные действия, вознаграждается виртуальными монетами, которые можно потратить в магазине (аптека, продуктовый, мебельный, магазин одежды). Дополнительные монеты можно заработать, играя в мини-игру о диабете. Плохой уход за персонажем приведет к гипогликемии или гипергликемии (персонаж будет проявлять типичные симптомы), в этом состоянии он не захочет что-либо делать и пользователю необходимо будет нормализовать его состояние, используя знания о диабете.

Предполагается, что мобильное приложение выступит в качестве симулятора для закрепления навыков самоконтроля сахарного диабета и научит детей, как заботиться о себе в той или иной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рахматуллина Э. Н.* Психологические особенности подростков с сахарным диабетом I типа // Молодой ученый. 2009. № 7 (7). С. 211–214.
2. Сахарный диабет у детей и подростков: консенсус ISPAD по клинической практике: 2014 год / пер. с англ. под ред. В. А. Петерковой. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2016. 656 с.

3. *Browning H.* Guidelines for Designing Effective Games as Clinical Interventions: Mechanics, Dynamics, Aesthetics, and Outcomes (MDAO) Framework // Medical Information Science Reference, IGI Global, 2016. pp. 105–131.
4. *Han M, Lee E.* Effectiveness of Mobile Health Application Use to Improve Health Behavior Changes: A Systematic Review of Randomized Controlled Trials // Healthc Inform Res. 2018. № 24(3). pp. 207–226.

О ПРОЦЕССЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО КОНСАЛТИНГА

А.Н. Жигарь

Научный руководитель: к. т. н. С.Г. Матвеев
*Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана (НИУ)*

В современной экономике одним из ведущих направлений развития управленческих систем является цифровизация. Этот процесс тем или иным образом затрагивает все отрасли деятельности, в том числе и сферу консалтинговых услуг. Консалтинг является одним из ключевых инструментов управления и позволяет существенно повысить эффективность любой организации.

Компании на пути своего развития сталкиваются с большим количеством серьезных проблем. Кроме этого, на их деятельность влияет экономический кризис. Основными причинами снижения предпринимательской активности бизнес-сегмента являются:

- отсутствие доступа к кредитным ресурсам;
- увеличение налоговой нагрузки [2.С.205];
- сокращение рынка потребителей;
- падение потребительского спроса;
- снижение рентабельности.

Те организации, которые даже в подобных условиях пытаются искать новые возможности и развиваться, сталкиваются с еще большим количеством проблем, из которых самыми важными являются неэффективный менеджмент и невозможность за счет собственных ресурсов реализовать дальнейшее развитие. Такие предприятия не в состоянии соперничать с конкурентами в использовании современных технологий и их внедрении.

Цифровые процессы в теории менеджмента все еще недостаточно изучены и отражены. Внедрение новых технологий и цифровая трансформация бизнес-процессов невозможна без привлечения узких специалистов [1.С.138]. Самым эффективным инструментом, позволяющим повысить эффективность реализации новых бизнес-проектов, является управленческий консалтинг.

Управленческий консалтинг – совокупность консультационных услуг, направленных на повышение эффективности работы компании, повышения ее конкурентоспособности, а также интеграции новых управленческих систем и технологий. Привлечение сторонних специалистов позволяет повысить эффективность управленческой машины, внедрить современные методы управления, повысить профессионализм менеджеров. Все это ведет к повышению эффективности деятельности всего предприятия и усилению его конкурентоспособности. Однако ограниченность ресурсов не позволяет бизнесу реализовать весь потенциал консалтинговых фирм, так как классические консультационные услуги – это довольно трудоемкий и ресурсозатратный процесс. В этом случае рекомендуется обратиться к консалтинговым услугам, оказываемым на основе современных технологий. Цифровизация консалтинговой сферы не несет в себе большого количества новых продуктов, а скорее позволяет модифицировать существующие, поэтому основным плюсом этого процесса будет являться существенная экономия ресурсов.

Онлайн консультации, удаленное управление и ряд других современных средств позволяет специалистам в сфере управленческого консалтинга вести свою деятельность максимально эффективно, затрачивая при этом минимум ресурсов и времени. В данном контексте цифровые технологии - это один из самых действенных инструментов, позволяющих повысить эффективность менеджмента организации и существенно сэкономить временные ресурсы.

Ключевой особенностью процесса цифровизации консалтинговой сферы является виртуализация всех предоставляемых продуктов и услуг. К важнейшим аспектам цифровизации консультационной деятельности относят:

- взаимодействие с клиентами посредством сети Интернет или мобильной связи;
- удаленный анализ данных;
- передача информации посредством сети Интернет;
- дигитальный документооборот;
- технологии удаленного обучения;
- удаленное управление проектами;
- система удаленной оценки проектов.

Одной из самых актуальных тенденций развития в данном направлении можно назвать использование технологий удаленного доступа сотрудников и специалистов в сфере консалтинга к управленческой и иной деятельности организации-заказчика. Эти технологии позволяют повысить мобильность процесса менеджмента и максимально вовлечь персонал в управление организацией. Успешная интеграция новых решений в области цифрового менеджмента позволит более продуктивно и оперативно осуществлять управленческий процесс и приведет к повышению эффективности организации в целом.

Ключевым фактором успешной цифровизации для консалтинговой компании является оперативная реакция на меняющуюся окружающую среду. Виртуализация позволяет компании повысить собственную производительность и создать конкурентное преимущество на рынке. Консалтинговая фирма должна провести анализ собственных услуг и определить, какие из них имеют потенциал в сфере цифровизации, следить за рынком технологий. Своевременная реакция на новые продукты в этой сфере позволит находить новые решения и даст возможность расширить портфель собственных услуг. При использовании совершенно новых технологий, предлагаемых рынком, невозможно избежать ошибок, поскольку компания будет являться первопроходцем в этой сфере, однако это позволит первыми решить эти проблемы и принести новый продукт на рынок намного раньше конкурентов. Подобный подход позволит предложить клиентам уже проверенные, но, тем не менее, новые технологии на всех этапах бизнеса, а это скажется на репутации консалтинговой фирмы и, следовательно, на потоке клиентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александрова Т.В.* Цифровизация как современный тренд развития менеджмента производственных организаций // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2019. Т. 13. № 3. С. 137–144.
2. *Якушев В.А.* К вопросу о проблемах социального предназначения государства // Инновационная наука. 2015. № 10-2. С. 204–207.

РАЗРАБОТКА ФРОНТЕНД-ЧАСТИ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМЫ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

А.А. Кожемякина

Научный руководитель: к.ф.-м.н. А.Е. Петелин

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Онлайн-образование входит в топ-5 приоритетных направлений, как для инвесторов, так и для стартаперов [2]. Рост интереса к онлайн-платформам связан с возможностью привлечения большего числа пользователей, которые могут находиться в любой точке мира, а в последнее время и к возможности ведения деятельности в условиях пандемии. Также онлайн-платформы позволяют автоматизировать составление расписания, вести учет занятий, контролировать качество преподаваемых дисциплин, вести статистику по освоенным навыкам студента. Заказчиком является школа английского языка, в перспективе которой развиваться как онлайн-платформа для обучения английскому языку.

В настоящей работе разрабатывается онлайн-платформа для обучения английскому языку. Данная платформа представляет собой веб-приложение, предназначенное для:

- составления расписания в зависимости от занятости преподавателей;
- ведения учета посещений, переноса и оплаты занятий;
- хранения информации о проведенных занятиях — домашние работы, новые слова, прогресс и прочее;
- установления коммуникации между преподавателем и студентом;
- ведения статистики успеваемости студента;
- произведения оплаты занятий студентом;
- формирования отчетов по оплате занятий и заработной плате сотрудников;
- предоставления информации для контроля качества проводимых занятий.

Разрабатываемый продукт состоит из 10 модулей:

1. Регистрация и авторизация.
2. Расписание. Модуль представляет собой набор функций для генерирования расписания на основе свободного времени преподавателей, а также его отображения на день, неделю (см. рис. 1) и месяц (см. рис. 2).

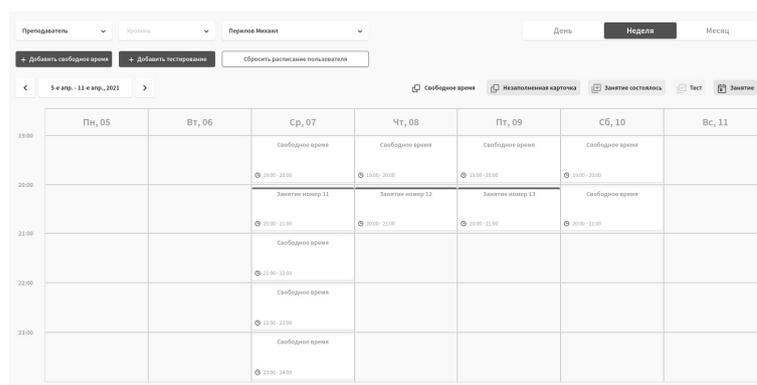

Рис. 1. Окно «Расписание на неделю»

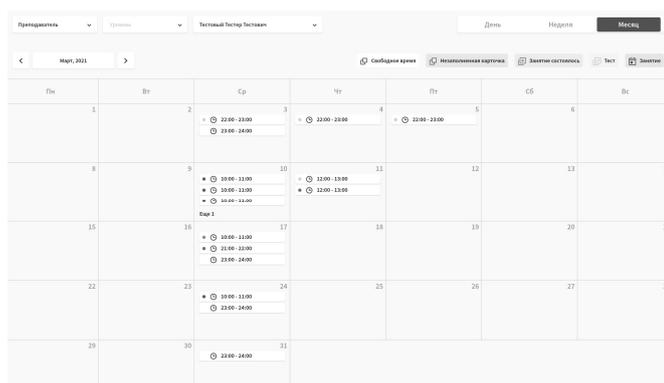

Рис. 2. Окно «Расписание на месяц»

3. Личный кабинет. Состоит из нескольких блоков:

- карточка пользователя с личной информацией, которую можно редактировать;
- личное расписание на текущую неделю;
- блок с личными достижениями — сертификаты, подтверждающие уровень пользователя;
- блок с нерабочими днями — отпуска, больничные и отгулы.

4. Карточка занятия предоставляет возможность преподавателям и методистам записывать данные о пройденном занятии, а также редактировать их (рис. 3). В этом же модуле есть возможность отменить и перенести урок.

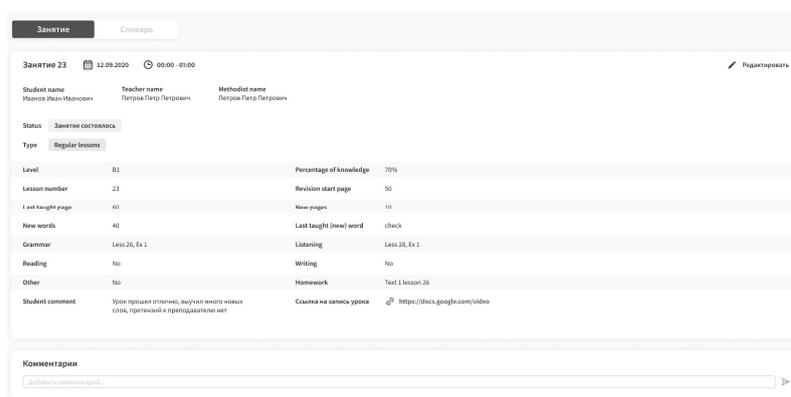

Рис. 3. Окно «Карточка занятия»

5. Управление пользователями. В модуле разработана возможность администратору и менеджеру просматривать таблицу с пользователями и их личные кабинеты, одобрять и блокировать их.

6. Чат представляет собой коммуникацию между пользователями и их менеджерами.

7. Уведомления.

8. Кошелек. В модуле студенты могут купить занятия, оформит возврат и просматривать историю покупок. Преподаватели и методисты могут вносить и

редактировать реквизиты для получения заработной платы, а менеджеры и администраторы просматривать отчеты и подтверждать возврат средств студентам.

9. Статистика наглядно показывает студенту его достижения.

10. Тестирование предоставляет возможность соискателям пройти тестирование и стать преподавателем на данной платформе. Пользователь проходит одно тестирование с методистом на уровень владения английским языком и два тестовых занятия со студентами.

Над платформой работает команда, состоящая из: менеджера, аналитика, тестировщика, UX/UI-дизайнера, двух бэкенд-разработчиков, фронтенд-разработчика. В данной работе приведены результаты разработки фронтенд-части платформы, в том числе верстки по макетам дизайнера, логики на стороне клиента и интеграции с бэкенд-частью.

Для разработки фронтенд-части сервиса были выбраны следующие средства:

1. Vue.js – это прогрессивный фреймворк для создания пользовательских интерфейсов. Данный фреймворк использует HTML-шаблоны, что облегчает постепенную миграцию существующих приложений для использования возможностей реактивности Vue [3].

2. Axios – это JavaScript-библиотека для выполнения либо HTTP-запросов в Node.js, либо XMLHttpRequests в браузере. Данная библиотека поддерживает промисы. Одна из особенностей – автоматические преобразования JSON-данных [1].

3. Sass (Syntactically Awesome Stylesheets) – это метаязык на основе CSS, предназначенный для увеличения уровня абстракции CSS-кода и упрощения файлов каскадных таблиц стилей [6].

4. WebStorm – интегрированная среда разработки на JavaScript, CSS & HTML от компании JetBrains, разработанная на основе платформы IntelliJ IDEA [7].

5. Figma – кросс-платформенный онлайн-сервис для дизайнеров интерфейсов и веб-разработчиков [4].

6. Postman предназначен для проверки запросов с клиента на сервер и получения ответа от бэкенда [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Генерация HTTP-запросов: Fetch или Axios.js. [Электронный ресурс] // URL: <https://web-standards.ru/articles/fetch-vs-axios/> (дата обращения: 03.03.2021).

2. Онлайн-образование (рынок России). [Электронный ресурс] // URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Онлайн-образование_\(рынок_России\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Онлайн-образование_(рынок_России)) (дата обращения: 30.03.2021).

3. Руководство Vue.js. Сравнение с другими фреймворками. [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.vuejs.org/v2/guide/comparison.html> (дата обращения: 03.03.2021).

4. Что такое Figma: возможности и принципы работы. [Электронный ресурс] // URL: https://skillbox.ru/media/design/chto_takoe_figma/ (дата обращения: 04.03.2021).

5. Postman – как инструмент тестирования API. [Электронный ресурс] // URL: <https://medium.com/effective-developers/postman-как-инструмент-тестирования-api-6c0f76358cf2> (дата обращения: 04.03.2021).
6. Sass. [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Sass> (дата обращения: 03.03.2021).
7. WebStorm. [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/WebStorm> (дата обращения: 03.03.2021).

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ КОММУНИКАЦИИ ОБЩЕСТВА XXI ВЕКА

А.А. Кувшинова

Научный руководитель: к.п.н. И.А. Савченко

Московский государственный психолого-педагогический университет

Пандемия 2020 года вывела очную коммуникацию из колеи посредством предусмотренных мер социального дистанцирования людей [1.С.7]. Онлайн-пространство, а именно социальные сети, в столь тяжелые времена оказались очень эффективными и безопасными ресурсами для коммуникации людей друг с другом. В настоящее время прогрессивные интерфейсы социальных сетей позволяют общаться не только посредством текста, но и с помощью аудиозвонков, видеозвонков или групповых конференций [2.С.124]. Наличие таких платформ и ресурсов позволило не только не потерять нить коммуникаций с родственниками и друзьями, но и продвинуться в цифровом формате, то есть сделать еще один шаг навстречу цифровому будущему [2.С.125].

Коммуникативный бум в социальных сетях, пришедшийся на 2020 год, показался интересным с точки зрения исследования. Так, нами было принято решение понять, насколько современное общество затянута в цифровой круговорот коммуникаций, какой вид коммуникации - очный, либо цифровой – приоритетнее для общества, пережившего эпидемию коронавирусной инфекции, которая оказала серьезное влияние на весь мировой строй. Для получения наиболее корректных и четких результатов нами был применен такой социологический метод исследования как опрос. В опросе приняло участие 150 респондентов.

Распределение респондентов по полу было следующим: 85% – женский, 15% – мужской. По возрасту: 66% – до 25 лет, 16% – от 26 до 40 лет, 18% – старше 40 лет. По уровню образования: 60% - бакалавриат, 28% – магистратура, 10% – специалитет, 2% – аспирантура. Усредненный портрет опрошенного респондента выглядит следующим образом: женщина в возрасте до 25 лет со степенью бакалавра.

В первой части опроса нам было важно понять, как часто респонденты стали пользоваться социальными сетями в качестве поля для коммуникации в период пандемии. В связи с этим первый вопрос был следующим: «Насколько увеличилось время, проводимое вами в социальных сетях, в период пандемии в течение дня?». Результаты ответов на данный вопрос показали, что время, затраченное респондентами на коммуникацию в социальных сетях, значительно увеличилось. Так, у 70% респондентов общее время, затрачиваемое на коммуникацию в социальных сетях, увеличилось на 5 и более часов в день. Это означает, что социальные сети стали одним из основополагающих атрибутов коммуникации для опрошенных респондентов в период пандемии. Далее нам стало интересно, насколько цифровая коммуникация может заменить реальное общение для опрошенных респондентов. Второй вопрос звучал следующим образом: «Заменила ли вам цифровая коммуникация в социальных сетях реальное общение с людьми?». Ответы на второй вопрос показали нам неоднозначными: 47% ответили, что цифровая коммуникация стала заменой реальному общению, при этом 40% были точно в этом уверены, а для 53% цифровая коммуникация в

социальных сетях не стала полноценной заменой очному общению. При этом 35% респондентов ответили «скорее нет, чем да», что трактуется как частичная неуверенность в ответе.

Задавая третий вопрос, мы решили выяснить, насколько респонденты готовы уйти в «онлайн» в случае подобных вызовов обществу, следствием которых может стать социальное дистанцирование граждан. Вопрос звучал следующим образом: «Готовы ли вы полностью перейти на общение в социальных сетях в случае аналогичных 2020 году вызовов обществу?». На третий вопрос опроса результаты были прямо противоположными результатам ответов на второй вопрос. Так, количество тех респондентов, которые готовы полностью перейти на общение в социальных сетях, составило 65%, что на 30% больше тех, кто к такому переходу не готов. Мы видим, что социальные сети стали устойчивой платформой, доказавшей свою эффективность, поэтому и респонденты готовы к тому, чтобы вновь использовать их в качестве ресурса для общения при введенных ограничениях на очную коммуникацию граждан.

Далее мы решили сделать уклон в сторону оценки будущего, понять, насколько прочны цифровые узы социальных сетей и опрошенных респондентов – действующих пользователей социальных сетей. Вопрос был следующим: «Как вы считаете, насколько возможна полная замена очной коммуникации на коммуникацию в социальных сетях к концу XXI века?». Результаты показали, что 67% опрошенных респондентов признают либо полную замену очной коммуникации, либо частичную. Тем не менее отметим, что больше 50% опрошенных респондентов единогласны во мнении, что в будущем будут происходить определенные изменения в части коммуникации людей друг с другом, а значит, уже в настоящее время общество наблюдает эволюционные процессы становления цифрового общества, которые дают им поводы для подобных прогнозов.

И в конце мы решили понять, насколько опрошенные респонденты готовы к цифровому прогрессу, насколько они одобряют эволюционные изменения в сторону цифровой коммуникации. В связи с этим завершающим вопросом был следующий: «Как вы считаете, нужно ли обществу применять цифровое общение в социальных сетях в процессе социализации индивида?». По итогам ответов было выявлено, что 65% респондентов согласны с мыслью о том, что устойчивое цифровое общение в социальных сетях – это неотъемлемая составляющая коммуникации общества будущего, которая станет одним из важных этапов социализации индивида. Однако из 35%, категорически не согласных с данным утверждением, большинство считают, что очное общение является важным этапом социализации индивида, а значит его никоим образом нельзя видоизменять или прекращать.

Итак, проведенное социологическое исследование показало, что общество XXI века, пережившее пандемию коронавирусной инфекции в 2020 году, в большинстве своем утверждает, что социальные сети стали важным цифровым ресурсом для общения людей в период коммуникационной стагнации, вызванной вынужденными мерами социального дистанцирования. Тем не менее, уже сейчас мы можем утверждать, что такие цифровые платформы, как социальные сети, прочно закрепились в современном обществе при взаимодействии граждан. Они показали свою дееспособность в процессе замены очного общения цифровым, и если общество будущего столкнется с вызовами, подобными вызо-

ву 2020 года, то у него будет прочная онлайн-платформа, которая позволит не прерывать общение с родными, друзьями, коллегами и другими людьми в условиях изоляции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Салчак С. К., Монгуш Ч. Н.* Влияние публикаций в социальных сетях на формирование доминирующих эмоций у общественности в условиях пандемии // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки, 2020. №2 (63). С.6–11.
2. *Руденко Ю. Ю.* Возможности развития и продвижения культуры в пространстве новых и социальных медиа // Общество: философия, история, культура, 2020. №8 (76). С.123–126.

РАЗРАБОТКА МОБИЛЬНОГО ПРИЛОЖЕНИЯ ДОВРАЧЕБНОЙ ПОМОЩИ ПРИ ЗАНЯТИИ СПОРТИВНЫМ ТУРИЗМОМ

А.В. Лежнина

Научный руководитель: к.ф.н. Н.Н. Зильберман

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Современные туристы уже не представляют занятие спортивным туризмом без смартфона. Смартфон универсальное устройство, легкий и компактный. Выполняет максимальное количество функций, с помощью которых можно ориентироваться на местности, отслеживать пройденную дистанцию, хранить данные и документы, отслеживать данные о физических нагрузках во время передвижения в походе, выйти на связь в экстренных ситуациях, а также выполняет роль будильника и часов. Смартфон является полноценной заменой фото и видео камере. Смартфон помогает обеспечивать свой досуг во время туристического похода: прослушивание музыки, чтения электронных книг и мобильные игры. Смартфон потенциально может стать помощником в оказании доврачебной помощи.

Природная среда достаточно агрессивна и имеет множество различных факторов, которые влияют на состояние здоровья туриста [1]. Например, организм туриста испытывает влияние абиотических факторов окружающей среды: температурный фактор (резкая смена дневных и ночных температур), влажность воздуха, солнечная радиация, атмосферное давление и изменение состава воды. Все они являются стрессовыми и действуют на организм комплексно, причем их сочетание варьируется индивидуально у каждого человека [2]. Поэтому нередко возникают ситуации, когда участникам туристского похода приходится прибегать к доврачебной помощи. Доврачебная помощь – это помощь, оказываемая до вмешательства врача, в том числе включает в себя меры первой помощи, которая оказывается самому себе (самопомощь) [3]. К доврачебной помощи можно отнести лечебно-профилактические мероприятия, оказываемые самому себе, являющиеся достаточным минимумом для того чтобы улучшить собственное состояние, при этом недостаточно серьезные чтобы помощь оказывал кто-то другой.

Например, смена питьевой воды и климата могут влиять на пищеварительную систему человека, вызывая непривычные состояния, которые при тех же обстоятельствах не возникают в городской среде. Резкие смены дневных и ночных температур, резкая смена погоды может приводить к переохлаждениям, солнечным ударам, воспалению глаз или ушей. Повышенная физическая нагрузка в агрессивной среде может вызывать непривычные болевые ощущения во всех частях тела и вызывать тревожные состояния. Во всех подобных случаях приходится прибегать к доврачебной помощи.

В результате анализа 10 пользовательских интервью с представителями туристической среды были выявлены следующие факторы, влияющие на оценку собственного самочувствия и принятие дальнейших решений:

- низкие базовые знания по оказанию первой помощи;
- нехватка практических навыков в справочниках, курсах и лекция по первой помощи;
- отсутствие знаний о правильном сборе походной аптечки;

- частое отсутствие связи и доступа к сети интернет;
- отсутствие быстрого и беспрепятственного доступа к структурированной достоверной информации о первой помощи;
- необходимость сокращать вес личных вещей, оставляя только необходимое, для более легкого и безопасного передвижения.

Актуальным и современным решением проблемы может стать интерактивный мобильный справочник доврачебной помощи, содержащее в себе рекомендательную наглядную информацию по проведению лечебно-профилактических мероприятий, с постоянным быстрым доступом без сети интернет. В отличие от других решений, к примеру, бумажных справочников, мобильный позволяет получать постоянно обновляющуюся актуальную информацию, не занимает дополнительного места и веса, а становится дополнительной функцией к уже используемым устройствам. На рынке также существуют мобильные приложения для первой помощи, которые выполнены в виде перечня возможных ситуаций. Однако в подобных приложениях идет упор на оказание первой помощи другим людям (взаимопомощь) в экстренных ситуациях, представленная информация не структурирована, а также они не поддерживают интерактивное взаимодействие. Ни одно из приложений первой помощи не позволяет сохранять личную аптечку.

Предлагаемое решение, в виде мобильного приложения, включает в себя несколько основных функций:

- возможность получить рекомендацию по сбору аптечки и составить список собранной аптечки;
- возможность в нужный момент, путем интерактивного взаимодействия, получить конкретные рекомендательные действия на основании правил оказания доврачебной помощи;
- возможность исключить осложнение путем первичной самодиагностики;
- возможность иметь актуальную, наглядную и быстродоступную базу знаний по оказанию первой помощи и применить ее в случае экстренной ситуации.

Мобильное приложение выполнено в качестве интерактивного справочника с личной аптечкой, который показывает необходимую информацию в зависимости от потребностей пользователя. Приложение дает возможность собрать личную аптечку предоставляя гайд по сбору, хранению и транспорту аптечки, а также позволяет добавить список взятых с собой медицинских средств. Интерактивное взаимодействие со справочником состоит из нескольких этапов. На первом этапе пользователь указывает область (часть) тела которая вызывает недомогание, тем самым сильно сужая возможные ситуации. Следующий этап первичная самодиагностика, в которой пользователь указывает присутствующие симптомы. В результате предыдущих шагов пользователь получает наиболее подходящие рекомендации из справочника. Рекомендательный материал может ссылаться на личную аптечку, если того подразумевает правила первой помощи в возникшей ситуации.

Вся общая справочная информация формируется тематическими блоками. Одним из примеров тематического блока может быть формирование информации по частям тела, например, все ситуации, связанные с кожным покровом или нижними частями конечностей (бедро, колени, голени, стопы). В основе спра-

вочника лежат клинические рекомендации и медицинские пособия по оказанию первой помощи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большая Медицинская Энциклопедия (БМЭ)*. [Электронный ресурс] // <https://бмэ.орг/> (дата обращения: 07.04.2021).
2. *Суслов Ф.П.* Спортивная тренировка в условиях среднегорья / Суслов Ф.П., Гиппенрейтер Е.Б., Холодов Ж.К.; РГАФК. М., 1999. 202 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.sportedu.ru/GetText.idc?TxtID=1433> (дата обращения: 07.04.2021).
3. *Школа альпинизма: учебное пособие* // Федерация альпинизма России. Москва: ФАР, 2017. 388 с.

СПЕЦИФИКА UI-ДИЗАЙНА ДЛЯ МЕДИЦИНСКИХ ПРИЛОЖЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ СИСТЕМЫ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ КЛИНИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТЕРАПИИ ПАЦИЕНТОВ С РЕСПИРАТОРНЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

М.В. Мухортова

Научный руководитель: к.ф.н. Н.Н. Зильберман

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В связи со сложившейся ситуацией в мире на сегодняшний день медицина респираторных заболеваний стала актуальна как никогда. В основные факторы влияния на возникновение хронических респираторных заболеваний входят курение и загрязнение воздуха. Однако, по данным некоторых исследований, существует вероятность, что развитие таких заболеваний может стать последствием перенесения коронавирусной инфекции [4].

Такие заболевания как, например, ХОБЛ неизлечимы, но на сегодняшний день существует способ облегчить симптомы, продлить жизнь пациентов и улучшить ее качество. Для этого компанией Loewenstein Medical были созданы аппараты искусственной вентиляции легких Prisma Vent, с помощью которых пациент может проходить терапию заболевания как в медицинских учреждениях, так и на дому. Именно для таких аппаратов в данный момент разрабатывается информационная система для проведения клинического исследования возможного улучшения качества терапии. Гипотеза нашего исследования заключается в том, что при обеспечении актуальными данными о субъективном восприятии терапии пациентом врач сможет более эффективно организовать лечение, чем при получении только технических данных с аппарата.

Нашим решением для проведения такого клинического исследования являются: 1) мобильное приложение с ежедневными опросами о состоянии здоровья и качестве терапии для пациента, 2) веб-приложение, позволяющее осуществлять мониторинг состояния пациентов на основе опросов, для врача. На основании потребностей исследования и потребностей конечных пользователей был разработан дизайн для обеих составляющих решения. Далее представлены результаты работы над визуальным стилем в рамках этих составляющих.

Цветовая гамма приложения была подобрана таким образом, чтобы вызывать у пациента ощущение спокойствия, доверия и ассоциации с медициной и здоровьем. Для этого в качестве основного цвета был выбран темно-зеленый, акцентным цветом послужил темно-синий, а для фона используется чистый белый цвет. Для передачи негативной информации вместо ярко красного было решено использовать терракотовый и оранжевый с целью смягчить негативные ассоциации пациента при восприятии информации о своем здоровье. Типографика подбиралась с учетом возрастных особенностей аудитории приложения – был выбран легко читаемый шрифт Montserrat [2], так как хроническими респираторными заболеваниями часто страдают люди в возрасте. При этом вся типографика в приложении выполнена в черном и темно-сером цветах, чтобы обеспечить доступность для пользователей с нарушениями зрения.

Иконки, иллюстрации и анимации приложения было решено выполнить в стиле outline, который использует простые, четкие линии и выглядит достаточно нейтрально, что хорошо подходит для медицинского приложения. Анимации

были добавлены в интерфейс с целью увеличить вовлечение и позитивный опыт пользователя [3], такой необходимый в приложении, напоминающем пользователю о его недугах. Всего было выполнено 6 иллюстраций, 6 анимаций и 25 иконок.

Цветовая гамма веб-приложения отчасти определена гаммой мобильного приложения. Для обозначения результатов опросов в таблице используются те же цвета, что и для обозначения вариантов ответов в приложении для пациентов: от терракотового до темно зеленого при обозначении от максимально негативного результата до максимально позитивного соответственно. В качестве основного и акцентного цвета был выбран темно-синий – формальный и не отвлекающий от рабочего процесса, для фона использовались чистый белый и светло-серый оттенки. Типографика в веб-приложении также выполнена в черном и темно-сером цветах при использовании шрифта Montserrat для обеспечения максимальной доступности интерфейса.

В веб-приложении не использовались иллюстрации из-за большой информационной загруженности экранов. Вместо числового отображения результатов опросов были созданы подходящие по смыслу иконки, окрашенные в один из 5 цветов от терракотового до темно зеленого в зависимости от передаваемого значения. В целом для веб-приложения было создано множество иконок (43 шт.) с целью облегчить восприятие информации при ее большом количестве, а также для экономии пространства.

В результате дальнейшей работы для реализации описанного функционала был разработан дизайн 18 экранов и 2 модальных окон для мобильного приложения, а также дизайн детализированного экрана таблицы пациентов и 9 модальных окон для веб-приложения. В разработанном дизайне был применен вышеописанный визуальный стиль. В настоящий момент информационная система находится на этапе разработки программной базы и применении дизайна. После полного завершения разработки системы будет проведена апробация для определения эффективности данного решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жолудова О. Теория цвета для дизайнеров, часть 1: Значение цвета // UxJournal. 2016. [Электронный ресурс] // URL: <https://ux-journal.ru/teoriya-tsveta-dlya-dizajnerov-chast-1-znachenie-tsveta.html> (дата обращения: 10.04.2021).
2. Самые легко читаемые шрифты для интернета и печати // Print Peppermint. 2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.printpeppermint.com/ru/самые-легко-читаемые-шрифты-для-Интернета-и-печати/> (дата обращения: 10.04.2021).
3. Свеженцева А. ТОП-6 правил моушн-дизайна в интерфейсах: практические советы по созданию продуманной UI анимации // UxJournal. 2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://ux-journal.ru/top-6-pravil-moushn-dizajna-v-interfejsah.html> (дата обращения: 10.04.2021).
4. Фройнд А., Елкина А. Может ли коронавирус привести к долгосрочным проблемам со здоровьем? // Deutsche Welle. 2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.dw.com/ru/может-ли-коронавирус-привести-к-долгосрочным-проблемам-со-здоровьем/a-52899695> (дата обращения: 9.04.2021).

ИДЕНТИЧНОСТЬ НОВЕЙШЕЙ ЭПОХИ – ОНЛАЙН

М. А. Никифоров

Научный руководитель: к.ф.н., Л. Б. Сандакова

Новосибирский государственный технический университет

В современной эпохе изобилие вариаций возможности реализовать конкретную натуру и индивидуальность в расширяющемся и углубляющемся информационном пространстве присутствует не только «в-себе», но и «для-себя». Поэтому онлайн-идентичность должна рассматриваться не только в качестве виртуальной, но и как сама актуальность, подлинная действительность субъекта этого века. Сказать, что это лишь возможность, технология, как безжизненный или бездуховный инструмент, имеющий свое основание в совокупности биологов, значит, остаться на поверхности животного уровня «перевернутого человека», который тщится низвергнуть разумное (логос), обернувшись в тлен и обозначив высшую ценность за низменную. Ибо человек существует для разума, и уже древние, Аристотель, например, говорили о нем как о «живом существе, наделенном мыслью» (ζῷον λόγον ἔχον). Причем дело обстоит не так, что жизнь и мысль есть два отдельных свойства человека, но что лишь полное совпадение и составляет его сущность и совершенство. А если берется некая «животность» в качестве цели и господина, а логос – слуга, то столь варварское представление можно назвать, в лучшем случае, погребением и «обратным человеком».

С позиций абсолютного идеализма Гегеля, интернет-идентификация может быть понята как момент объективного духа нашего времени, деятельность субъекта в достижении своего содержания как становление определенности самосознания, тождественного с самоопределением. Самосознание по Гегелю: «1) деятельно: снимает инобытие предметов и полагает их равными себе, 2) отчуждает само себя и тем сообщает себе предметность и наличное бытие. И то, и другое представляет собой одну и ту же деятельность» [1.С.89]. Инобытием предметов в интернет-идентификации будет игровая модель героя, в которой можно узнать игрока, стоящего за ней или в ней. Данный процесс может быть рассмотрен как социализация. Его апофеозом являются многопользовательские онлайн-игры, ввиду их бесконечной комбинированности «у-себя-бытия», где личность предстает в очищенной, своеобразной, существенной форме реальности самого света (электроэнергии вычислительных процессов материи серверов и т. д.), в интенсивности синтеза предельной чувственности и фантазии с обителью мысли в одной из высших сфер раскрытия абсолютного духа – в искусстве. И нельзя назвать более совершенной культуры, чем явленной в онлайн игре, причем она кое-где принимает вид религиозного культа...

Важнейшим атрибутом сетевой идентичности служит уникальный сленговый язык как продукт мультикультурного взаимодействия, и близкого, и численно-глобального. Появляющиеся в разных игровых комьюнити, языковые феномены приобретают категориальный статус. Они обуславливаются уникальным опытом игрока, «так как «я» относит к себе многообразие ощущений и созерцаний и объединяет его в себе как в одном сознании (чистая апперцепция), то это многообразие приводится в тождество, в изначальную связь. Определенные виды этого отношения суть чистые понятия рассудка, категории» [3.С.96-97]. Экстраполяция ассоциаций, игр слов и т. д. принимает такие чудные обороты, что

внесенное из игры в обыденность слово окрашивает ее в новый цвет и придает дополнительный смысл или даже смысл вообще. Так игра, как переход игры в теперь-игру, игровым опосредствованием созвучна сущности как истине в истине (в силу того что эти три истины не есть исключительная внеположность, а скорее результат совершенного углубления одной сути дела, которая на каждом уровне снимает все богатство предыдущих – тут истина утроилась), она несть «обычность».

Составляет ли эта «контр-обычность» угрозу для повседневности? Но ведь игровые миры уже сейчас есть сущая повседневность и повсеместность у многих пользователей. Цифровизация сильно способствует возвышению быта и бытия вообще на пик человеческого достоинства, т.к. человек – это мыслящий разум, как известно, а «разум есть достоверность сознания, что оно есть вся реальность» [4.С.208]. Возвращение идеального мира из инобытия к духу. Где, как не в мировом информационном поле это наиболее заметно, пускай рядовым юзерам? Где еще собрана такая богатейшая коллекция бездны интеллекта, в которой природное, естественное исчезло как дурной сон? Природная данность объектов устраняется во всей полноте, в духе, из царства нужды, лишения и пустоши мы находим путь к свободе и значимости. Несомненно, так называемая природа, в т.ч. относящаяся к человеку как склонности, должна подвергнуться негации, т.к. «для появления духовного единства нужно, чтобы произошло отрицание природности, плоти, в каковой человек не должен оставаться, ибо природа зла с самого начала. И точно так же человек от природы есть зол, ибо все, что человек совершает злого, проистекает из какого-нибудь природного влечения» [2.С.154]. И мы можем ее уничтожить в перспективе информатизации, то есть победить «диавола» (если природа – субъект).

Побеждателем выйдет ИИ – искусственный интеллект, чья идентичность с собой в игре, Интернете будет оригинальнее, поскольку его отношение к постороннему, или «посюстороннему» плотскому изначально снято. Так, он есть уже не случайная идентичность, а вечное, абсолютное тождество. Но это уже не просто новый тип идентичности с некими социальными группами, а новая социальность как таковая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г.-В.-Ф. Введение в философию: Философская пропедевтика. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 264 с.
2. Гегель Г.-В.-Ф. Лекции по истории философии. Книга третья. СПб.: Наука, серия «Слово о сущем», 2006. 584 с.
3. Гегель Г.-В.-Ф. Логика. М.: Издательство АСТ, 2020. 448 с.
4. Гегель Г.-В.-Ф. Феноменология духа. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 704 с.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПОЛЬЗА ИЛИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ РИСК – К ПРОБЛЕМАТИКЕ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А.В. Сазанов

Научный руководитель: к.ф.н. Т.М. Михайлова

Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева

Некоторое время назад казалось невозможным превратить в реальность голосовых помощников, системы распознавания образов и другие высокотехнологичные разработки в области искусственного интеллекта. Исследования в этой сфере протекают достаточно интенсивно, а технологии искусственного интеллекта все больше проникают в повседневную жизнь современного общества [4].

Искусственные интеллектуальные технологии представляют собой огромный набор технологических решений – от алгоритмов поиска до высокоточного оружия. Сегодня под термином искусственный интеллект чаще всего понимается специализированный искусственный интеллект, т.е. его слабая версия, которая нацелена на решение вполне конкретных задач (распознавание речи и образов, управление механизмами и пр.). Вместе с тем, умы огромного количества различных специалистов нацелены на разработку так называемой сильной версии искусственного интеллекта, которая способна во много раз превзойти человечество в любой когнитивной деятельности.

Безусловно, что технологии искусственного интеллекта могут принести пользу во многих аспектах человеческой жизни, сделать эту жизнь более интересной и комфортной. Сегодня такие искусственные интеллектуальные системы уже эффективно используются и продолжают разрабатываться.

Наряду с этим в научной среде все чаще обсуждается круг вопросов, связанный со способностью искусственного интеллекта превзойти человеческий разум и успешнее решать все когнитивные задачи. Один из таких принципиальных вопросов – вопрос изучения и предотвращения возможных рисков, связанных с использованием искусственного интеллекта.

На сегодняшний день машины по многим критериям уступают людям, т.к. не обладают всей полнотой спектра человеческих навыков. Но, по некоторым прогнозам, может наступить момент, когда машинный разум многократно превзойдет разум человеческий и сможет иметь неограниченные возможности. Как следствие случится так, что человеческий разум окажется в более слабой позиции. Такой мощный толчок в развитии искусственного интеллекта может способствовать появлению одной из главных экзистенциальных угроз [1]. Сложно предположить, как поступит более сильный разум, чем разум человека. Возможно лишь предположить, какие силы и ходы может применить такой интеллект против человечества. Так, например, это может быть и многократное дублирование себя с целью создания целой команды искусственных интеллектуальных систем, и, таким образом, интенсивное наращивание своей интеллектуальности, т.е. стремление к суперинтеллекту [2].

На современном этапе человечество находится в очень тесном контакте с машиной, что приводит к постепенному размыванию границ между искусственным и естественным. При таких условиях возникают новые риски и опасности, т.к. человек постепенно лишается своей идентичности, а мировые технологии

формируют иного – нового человека, который стремится все к большему единству с технологиями [3].

В любом случае, если учесть наличие экзистенциальных рисков, человечеству следует уже сейчас начать поиски возможных путей, решений, стратегий, направленных на защиту от столь печальных перспектив [1]. Последовательная проработка этих вопросов в настоящем поможет избежать или хорошо подготовиться к вероятным негативным сценариям в будущем, даст возможность исключить или минимизировать те опасные моменты, которые может таить искусственный интеллект.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бостром Н.* Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / Ник Бостром: Манн, Иванов и Фербер. 2016. 493 с.
2. *Баррат Дж.* Последнее изобретение человечества. Искусственный интеллект и конец эры Homo Sapiens. Москва: Альпина нон-фикшн, 2019. 396 с.
3. *Диюн М.С., Серединская Л.А.* Искусственный интеллект и суперинтеллект: экзистенциальные риски // *Философские дескрипты.* 2017. № 18. С. 8.
4. *От искусственного интеллекта к искусственной социальности: новые исследовательские проблемы современной социальной аналитики / А. В. Резаев, А. А. Иванова, В. С. Стариков [и др.].* М/: Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2020. 256 с.

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ГИБКОЙ И КАСКАДНОЙ МОДЕЛЕЙ В РАЗРАБОТКЕ КОРПОРАТИВНОГО МОБИЛЬНОГО ПРИЛОЖЕНИЯ

К.В. Семенюк

Научный руководитель: к.ф.н. Н.Н. Зильберман

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Сегодня мобильные технологии стали частью нашей личной и профессиональной жизни. Глобальный уровень распространения смартфонов растет из года в год, в 2020 году смартфон есть почти у каждого второго в мире [3]. Мобильные приложения помогают пользователям обмениваться информацией и взаимодействовать друг с другом, что можно использовать и для корпоративных задач: внедрение приложений в организационную структуру предприятий положительно влияет на все организационные аспекты, в т. ч. операционную эффективность, оперативность, конкурентоспособность, повышение безопасности труда, оперативности обмена информацией, лояльность сотрудников к работодателю и соответствие новым требованиям клиентов [4, 5, 6].

В данной работе представлен опыт создания мобильного приложения, специально разработанного для сотрудников профсоюза крупной распределенной компании, транспортирующей товарный газ в СФО и ДВФО с позиции применения каскадной и гибкой методологий. Данное приложение предоставит возможность сотрудникам решать следующие задачи:

- составлять сообщения об опасности на рабочем месте и проводить аудит безопасности труда,
- следить за новостями и мероприятиями организации,
- оперативно получать ответы на интересующие вопросы,
- участвовать в голосованиях для принятия организационных решений.

Дизайн приложения выполнялся в рамках заказной работы в диджитал-агентстве. Согласно техническому заданию в приложении необходимо было реализовать следующие функциональные блоки:

- блок «Охрана труда» для развития культуры безопасности на предприятии с возможностью отправки сообщений об опасности на рабочем месте любым пользователем приложения, и модулем для проведения аудита безопасности уполномоченными сотрудниками отдела охраны труда;
- блок «Корпоративные фестивали» для структуризации информации о проводимых на предприятии культурно-массовых мероприятиях с социальными механиками;
- блок «Тематические вопросы» – сервис, в котором пользователи задают вопросы и получают ответы от экспертов по различным темам;
- блок «Голосования» – сервис, для проведения голосований по ролям пользователей с возможностью просмотра статистики через административную панель;
- модуль авторизации с возможностями регистрации пользователей с множеством ролей («гость», «студент», «подрядчик», «работник общества», «работник отдела охраны труда», «работник-аудитор», и т.д.) и использования приложения без регистрации и авторизации по QR-коду.

Для реализации описанной функциональности были разработаны детализированные прототипы с 90 экранами мобильного приложения и 45 экранами веб-сервиса администратора контента.

Процесс разработки рассматриваемого продукта в диджитал-студии вообрал в себя черты двух парадигм: каскадной и гибкой. Так, в каскадной модели этапу разработки предшествует длительный период согласования технического задания, строгое определение сроков и бюджета. Это полезно, если у заказчика нет возможности гибкого финансирования проекта. Однако такой подход дает преимущества только в том случае, если требования и способы их реализации заранее и четко определены, а объем работы сравнительно небольшой [1]. При этом, как показывает практика [2] и подтверждает опыт реализации данного проекта, в студиях анализу требований клиента отводится мало внимания, и определением проблем клиента занимается сам клиент. Если на стороне заказчика отсутствует отдел бизнес-аналитики, то его требования оказываются противоречивыми и меняющимися. Так, например, в рассматриваемом проекте период согласования технического задания составлял один год. Согласно ему, планировалось внедрять блоки по очереди, начиная с блока «Охрана труда», а блок «Голосования» не был обозначен в утвержденных требованиях. Однако, когда интерфейс первого блока приложения был проработан, заказчик потребовал создать иное решение, позволяющее провести голосование среди 150 участников мероприятия, проходящего через месяц. Исполнение данных требований вызвало высокие незапланированные затраты трудовых ресурсов со стороны разработчиков.

Готовность к частым изменениям требований – один из принципов гибкой модели, но данный принцип эффективен в сочетании с остальными ценностями и принципами данной парадигмы: позитивным отношением к обратной связи, признанием главными приоритетами – удовлетворенного клиента и работающий продукт, признание самым эффективным методом обмена информацией в команде – личную встречу. Реализации данных принципов в целостном виде помогают различные методологии (SCRUM, экстремальное программирование, бережливая разработка и др.). На практике главная цель исполнителя – максимально прибыльный проект. Такой подход ведет к решению поступающих задач наименее затратным по ресурсам и времени способом, что приводит к снижению качества продукта и накоплению дефектов, а также к созданию продуктов, которые не решают реальные проблемы пользователей и бизнеса. Из-за игнорирования гибких методологий управления проектами внесение правок заказчиком негативно воспринимается сотрудниками и приводит к авральной и сверхурочной работе. Так, в данном проекте не использовались такие инструменты управления проектами как ежедневные совещания, kanban-доска для ведения задач и спринты для их распределения во времени, из-за чего страдали коммуникация внутри команды и управление объемом работ. Результатом стали накопление ошибок и недоработок, требующих порой коренных изменений приложения. Кроме того, если бы заказчик ставил в приоритет проблемы клиента, а не погоню за прибылью, то мог бы предложить заказчику заменить реализацию блока «Голосования» на использование готового бесплатного решения.

На наш взгляд, в подобной ситуации с заданными финансовыми и временными ограничениями проекта, но с отсутствием конкретных требований со сто-

роны заказчика, следует иначе подойти к совмещению двух парадигм разработки ПО. Преимуществом каскадной модели является детальное планирование и обеспечение качества на старте проекта. Если перед согласованием сметы провести качественный анализ требований клиента, то можно получить качественное техническое задание, которое не потребует значительных изменений, что в итоге позволит сохранить ресурсы без потери качества. На последующих этапах можно имплементировать практики гибкой методологии, например, этап разработки вести по методологии SCRUM.

Второй предлагаемый в данной работе вариант – привести каскадную модель к V-образной модели [7], позволяющей проводить тестирования на каждом этапе разработки. Этот подход сократит количество ошибок и улучшит качество конечного продукта, но увеличит срок разработки, которое при этом компенсируется отсутствием затраченного дополнительного времени на объемные правки от заказчика.

В современной практике модели разработки программного обеспечения многовариантны и гибричны. Поскольку входные условия и способы финансирования всегда разные, не существует единственно подходящей для всех проектов модели. Совмещая различные подходы, следует осознанно подходить к выбору заимствуемых принципов и практик, принимая во внимание ограничения проекта и учитывая те достоинства и недостатки, которое влечет за собой их имплементация в рабочий процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Еще раз про семь основных методологий разработки.* [Электронный ресурс] // URL: <https://habr.com/ru/company/edison/blog/269789/> (дата обращения: 09.04.2021).
2. *Почему студии пока не проектируют «как в продуктовых компаниях».* [Электронный ресурс] // URL: <https://vc.ru/design/228299-pochemu-studii-poka-ne-proektiruyut-kak-v-produktovyh-kompaniyah> (дата обращения: 09.04.2021).
3. *Global smartphone penetration rate as share of population from 2016 to ».* [Электронный ресурс] // URL: <https://www.statista.com/statistics/203734/global-smartphone-penetration-per-capita-since-2005/#statisticContainer> (дата обращения: 09.04.2021).
4. *Knoesen H., Seymour L. F. Designing a Process for Identifying and Managing the Benefits of Mobile Enterprise Applications in the Insurance Industry* // SAICSIT '16: Proceedings of the Annual Conference of the South African Institute of Computer Scientists and Information Technologists. 2016. Art. 18, pp. 1–10
5. *Levi-Bliech M., Kurtser P., Pliskin N., Fink L. Mobile apps and employee behavior: An empirical investigation of the implementation of a fleet-management app* // International Journal of Information Management. 2019. Vol. 49, pp. 355–365.
6. *Rossi M., Tuunainen V. K., Pesonen M. Mobile technology in field customer service: Big improvements with small changes* // Business Process Management Journal. 2007. Vol. 13, no. 6, pp. 853–865
7. *V-Modell® XT».* [Электронный ресурс] // URL: <https://web.archive.org/web/20160304235447/http://v-modell.iabg.de/v-modell-xt-html-english/> (дата обращения: 09.04.2021).

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «НЕОБХОДИМО РЕАГИРОВАНИЕ»

Д.А. Полетаев, Б.В.Соколенко

Научный руководитель: к.ф.-м.н. Д.А. Полетаев

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Социальные сети активно привлекают внимание пользователей [1]. Современные информационные системы данного класса обладают широким функционалом по размещению, каталогизации, сопоставлению и анализу данных различного типа. Исторически сложилось так, что социальные сети, по мере развития технологий, стали логическим продолжением тематических интернет-форумов. В данных сообществах обсуждались различные вопросы, проводились голосования. Довольно распространенным явлением были встречи участников форумов, на которых пользователи встречались и знакомились очно. Переход от онлайн общению к очным совместным действиям способствует повышению социализации индивидов.

В настоящее время продолжают функционировать различные интернет-форумы и тематические группы в социальных сетях, где пользователи обсуждают вопросы социальной помощи, встреч, ремонта дорог и инфраструктуры [1]. Однако, чаще всего, запросы и предложения пользователей разрознены по типам различных информационных систем. Целесообразно предложить социальную сеть, объединяющую запросы пользователей с целью выдачи контекстных рекомендаций волонтерам и различным службам (как государственным, так и коммерческим).

Целью работы является предложение и описание концепции социальной сети для организации сбора заявок от пользователей о необходимости реагирования и выдачи контекстных рекомендаций волонтерам и службам.

Естественными условиями, мотивирующими граждан, становится пользователями социальных сетей, являются: равноправие, заинтересованность, возможность самовыражения, сходство интересов [2]. Предлагаемая концепция социальной сети, предназначенная для указания необходимости совершения определенных действий в определенном времени и месте, отвечает вышеуказанным требованиям. Общая ее структура содержит следующие элементы: персональную страницу пользователя, модуль рейтинга пользователей, мультимедийный блок, картографический блок с базой данных указаний, модуль анализа и контекстной выдачи рекомендаций. Персональная страница содержит краткую информацию о члене социальной сети, данные о его регионе и городе, предпочтениях, возможностях совершать определенные действия в указанное время и географическом положении, другие данные которые считает нужным предоставить пользователь. Кроме того, при разработке мобильного приложения возможно отслеживание местоположения пользователя (при согласии с его стороны) и сообщении ему в реальном времени необходимости реагирования в текущей географической точке по соответствующему указанию. Модуль рейтинга пользователей содержит подсистемы для анализа активности конкретного пользователя (участие в мероприятиях, подтвержденные другими пользователями), количество указаний для необходимости реагирования, их соответствие необходимости

реагирования и др. В результате сопоставления данных формируются рейтинги, награждаются занимающие лидирующие позиции. Мультимедийный блок содержит базу данных с фотографиями, видео, другими материалами участников социальной сети, полученных в результате реагирования на указания. При этом присутствует возможность указывать географическое положение, комментировать элементы контента. Картографический блок с базой данных указаний содержит запросы пользователей о необходимости реакций. Реакции распределяются по типам срочности: немедленно, в течении суток, в течении месяца и так далее и по характеристикам: необходима помощь, необходим ремонт дороги, требуется устранение неисправности элементов инфраструктуры, обращение внимания граждан и др. При этом пользователем указывается географическое положение запроса, его тип срочности, характеристики, дополняет мультимедийными материалами: фотографиями, видео и др. Так граждане могут обозначать места для необходимой социальной помощи (при невозможности пользователю ее оказать самостоятельно, ввиду различных причин), ремонта дорожного покрытия, уборки мусора, посадки деревьев и так далее. Кроме того, в данном модуле подтверждается реакция конкретных пользователей на запросы, собственно запросы, формирующие рейтинги участников. Модуль анализа и контекстной выдачи рекомендаций анализирует запросы по количеству, географическому положению и выдает рекомендации к действию пользователям, как волонтерам, так и представителям зарегистрированных служб (государственных: муниципальных, социальных и коммерческих).

Финансирование предлагаемой социальной сети предлагается осуществлять за счет бюджета. Разработка может широко использоваться для обозначения объектов и мест, требующих вмешательства. Потенциальными пользователями могут быть граждане всех возрастных категорий, без ограничений.

В рамках данного проекта в студенческом конструкторском бюро физикотехнического института Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского ведется работа по разработке дизайна предлагаемой социальной сети, алгоритмов ее модулей, прорабатываются юридические вопросы функционирования.

Предлагаемая социальная сеть, сочетающая очное и онлайн взаимодействие пользователей, способствует повышению социализации индивидов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Полетаев Д.А., Соколенко Б.В., Иззетдинова А.А.* Социальная сеть «услуга за услугу» // сборник трудов V научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых «дни науки КФУ им. В.И. Вернадского». Симферополь, 2019 г. С. 58.
2. *Суркова И.Ю.* Потенциал использования интернет-технологий в региональных социальных сервисах для молодежи // информационная безопасность регионов. 2017. № 1. С. 74–79.

КОНЕЦ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ В ОПТИКЕ НАУЧНОГО ИСКУССТВА

А.В. Тимофеева

Научный руководитель: к.ф.н. О.М. Седых
МГУ им. М.В. Ломоносова

В ответ на кризис традиционных представлений о субъективности современная философия, как представляется, выработала новые ракурсы антропологического рассмотрения человека в его отношениях с сущим. С одной стороны, это подкрепляемые новейшими научными аргументами теоретические построения, раскрывающие человеческое как нечеловеческое, определенная натурализация (Ж.-М. Шеффер, Ф. Дескола, С. Пинкер). В данном подходе, человек, несмотря на эволюционные процессы, преобразившие его умственные способности и выделившие его среди других существ, все же предстает как часть природы, в то время как его исключительные (в частности, культурные) признаки – лишь ее эпифеномены. С другой стороны, исследователи, придерживающиеся второй стратегии, позволяют нам говорить о «нечеловеческом» как человеческом (Р. Брайдотти, Э. Кон). Они осуществляют своеобразное «заколдовывание» мира, когда традиционные критерии, по которым мы маркировали человека как особый феномен (творчество, субъективность, сознание), обнаруживаются за пределами его сущности, а философы получают возможность говорить о «нечеловеческом» как о человеческом.

Рассмотрение доводов в пользу их концепций может быть продолжено за пределами чисто научного или философского дискурса – в лоне научного искусства, которое за полвека своего существования выработало свои способы рассуждения о человеке. Кураторы данного направления современного искусства подчеркивают, что целью их выставок является «переописание антропоцентрической картины мира» [3]. То есть пересмотр системы координат, в которой первоначально является человек, задающий общую «калибровку», отталкиваясь от собственных представлений о существовании глубоких онтологических дихотомий субъекта и объекта, живого и неживого. Произведения авторов научного искусства полагают отправной точкой замысла «законы слияния органического и технического, выстраивая в экспозиции череду взаимосвязей, в которых автономия и креативность не считаются атрибутами только лишь человеческого» [1].

Художники далеки от утверждения о полном стирании границ между биологическими видами, а также человеческими и нечеловеческими агентами. В произведениях научного искусства последние представляют собой скорее выход субъективности за пределы человеческого, в то время как человек – «временно стабилизировавшуюся форму, возникшую в результате неизбежного взаимодействия с человеческими и нечеловеческими Другими» [2]. Границы между «нами» и «ими», становясь гибкими и ситуативными, все же не теряют своей значительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булатов Д. Новое состояние живого». [Электронный ресурс] // URL:<https://www.youtube.com/watch?v=h2e4lm5MhgQ> (дата обращения: 10.09.2019).

2. *Никитина Е.Б.* О постчеловеческой субъективности: становясь-с животными, растениями и машинами». [Электронный ресурс] // URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/81/article/1789> (дата обращения: 24.03.2019)
3. «*Новое состояние живого*» уже здесь». [Электронный ресурс] // URL: https://artterritory.com/ru/vizualnoe_iskusstvo/sut_dnja_qa/23447-novoe_sostojanie_zivogo_uzhe_zde_s/ (дата обращения: 24.09.2019)
4. *Шеффер Ж.-М.* Конец человеческой исключительности. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
5. *Эволюция от кутюр: искусство и наука в эпоху постбиологии. Часть 2.* Калининград: КФ ГЦСИ, 2013.
6. *Braidotti R.* The Posthuman. Cambridge: Polity Press, 2013.

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА КАК НОВЫЙ ЭТАП ЕГО РАЗВИТИЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОРГАНАМИ ВЛАСТИ

Ярмола Д. А.

Научный руководитель: д.и.н. В. Г. Кошкидько

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В 1991 американским ученым Хоувом Н. была создана теория поколений, которая впоследствии была адаптирована группой ученых для Российской Федерации. Основным положением теории является различие систем ценностей людей в зависимости от того в какой временной отрезок они сформированы. Причина этого в том, что семья и происходящие вокруг человека события формируют его ценности. Оказывают влияние и факторы такие, как: политические, экономические, технологические и др [5]. На сегодняшний день выделяют новое сформировавшееся поколение, получившее название поколение Z. К нему относятся люди, родившиеся с 1995 по 2010 год, при этом главной особенностью данного поколения является жизнь с использованием информационных и цифровых технологий.

По данным ВЦИОМ на 2019 год приходится 84% интернет-пользователей в Российской Федерации, использующих интернет с различной периодичностью. При этом 69% респондентов заявили о ежедневном использовании различных сетевых ресурсов, что также является довольно высокой долей. Данные опроса подтверждают появление нового поколения Z, так как доля респондентов в возрасте от 18 до 24 лет, использующих интернет, ежедневно составляет 99%. Стоит отметить, что среди всех опрошенных 48% признались, что в случае исчезновения интернета это будет настоящим испытанием для них. Для сравнения 2 года назад данный показатель составлял 32% [3].

Описанный выше процесс распространения информационных технологий в повседневной жизни людей привел к так называемой информатизации общества, которая является новым этапом его развития. Так, информатизация общества является организованным социально-экономическим и научно-техническим процессом создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей граждан, органов власти, местного самоуправления, организаций, общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов [2. С.8]. То есть по сути информатизация общества является новым этапом его эволюции.

Конечно же процесс информатизации общества не оставил без изменений взаимодействие власти и общества. Понятие гражданского общества модифицировалось и параллельно развитие стало получать «электронное» гражданское общество. Косоруков А. А. описывает данный феномен как пространство политического участия в сети Интернет, которое увеличивает свои границы как в качественном, так и в количественном отношениях. При этом в данном пространстве появляются такие медиа как блоги, социальные сети и другие, которые в свою очередь служат фундаментом для создания множества новых гражданских объединений с каждым днем укрепляя отношения между ними [4].

«Электронное» гражданское общество имеет неоспоримое преимущество в виде формирования общественных движений и выражения общественного

мнения с отсутствием так называемого «временного лага». Однако, контроль над данными движениями практически отсутствует, что может привести к дестабилизации политической ситуации.

Процесс информатизации общества затронул государственное управление, формируя инновационные механизмы, осуществляемые посредством применения информационных технологий. Так, появилось понятие «электронное правительство».

«На сегодняшний день существует множество подходов к определению «электронное правительство» (см. табл.1.):

Наиболее охватывающим является понятие, предложенное Голубкиной К. В. И Абрамян С. К., характеризующее «электронное правительство» как переход на новый уровень деятельности органов власти.

Таблица 1

Подходы к определению «электронного правительства»

Автор подхода	Определение
Системный проект электронного правительства Российской Федерации	«Электронное правительство» - система, включающая в себя органы местного самоуправления и государственной власти, в которой реализуются функции и осуществляются полномочия путем применения информационно-коммуникационных технологий, трансформирующие каналы внутренней и внешней связи с целью повышения эффективности.
Alma Beatriz Navarro Cerda, Martin Cutberto Vera Martinez, Julio Cesar Lopez Gaeta	«Электронное правительство» - использование устройств технической связи, таких как компьютеры и Интернет, для предоставления общественных услуг гражданам и другим лицам в стране или регионе.
Голубкина К. В. Абрамян С. К.	«Электронное правительство» - переход на новый уровень деятельности органов государственной власти, выражающийся во взаимодействии и исполнении функций, путем применения ИКТ, обеспечивая информационную открытость о деятельности власти, оперативный обмен информацией как между органами власти, так и между органами власти и населением.

Источник: составлено автором на основе [1], [6], [7].

Таким образом, проанализировав появившийся недавно такие феномены как «электронное правительство» и «электронное гражданское общество» можно заметить, что современные информационные технологии, значительно изменили функционирование всех институтов гражданского общества. Деятельность органов власти так же потерпела изменения, приобретая более прозрачный характер и упрощая доступ для населения. В тоже время общество обрело ряд рычагов воздействия на власть, путем расширения пространства политического участия, что влечет за собой более открытый диалог между властью и обществом, а также исключает «временной лаг» при решении социально значимых проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голубкина К.В., Абрамян С.К.* Электронное правительство и электронная демократия как новые явления информационного общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. №1. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-pravitelstvo-i-elektronnaya-demokratiya-kak-novye-yavleniya-informatsionnogo-obschestva> (дата обращения: 17.03.2021).
2. *Громов Ю.Ю., Дидрих И.В., Иванова О.Г., Ивановский М.А., Однолько В.Г.* Информационные технологии: учебник // Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2015. 260 с.
3. *Жизнь без интернета: рай или апокалипсис? Аналитический обзор.* // ВЦИОМ. Официальный сайт. Электронный ресурс] // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9681> (дата обращения: 16.03.2021).
4. *Косоруков А.А.* Электронное гражданское общество в публичном пространстве политического режима // Политика и Общество. 2017. № 10. С. 114–126. [Электронный ресурс] // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22072 (дата обращения: 16.03.2021).
5. *Пономарева Е.С.* Теория поколений // Достижения науки и образования. 2017. №8 (21). С.28–29
6. *Системный проект электронного правительства Российской Федерации. Основные положения, 2016* // Минкомсвязь России. [Электронный ресурс] // URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/referat-ep.pdf> (дата обращения: 14.03.2021).
7. *Navarro A., Vera M., Lopez J.* Electronic Government and Social Satisfaction: Analysis of Social Conditions for Tijuana // Public Administration Issues. 2018 Special Issue II. . [Электронный ресурс] // URL: <https://vgmu.hse.ru/data/2018/11/01/1142776527/Navarro,%20Vera,%20Lopez%206-2018.pdf> (дата обращения: 14.03.2021).

СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОРУЖИЯ КАК ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

С.А. Алейников

Научный руководитель: Ф.В. Михайлик

Белорусский государственный экономический университет

На сегодняшний день вопрос о направлении вектора проведения оружейной политики в разных государствах является одним из наиболее острых. Особенно данный вопрос ярко выражен в странах запада, таких как Великобритания, Чехия, Германия и др. Но наиболее полное раскрытие проблематика оружейного вопроса получила в США, где право на ношение оружия закреплено во второй поправке Конституции, а также выражена в общественном сознании и всевозможных социальных институтах. Имея богатую историю, а также огромное влияние на общественную жизнедеятельность, гражданское оружие можно рассматривать в качестве самостоятельного социального института.

Для наиболее удобного рассмотрения определим социальный институт как исторически сложившуюся или созданную целенаправленными усилиями форму организации совместной жизнедеятельности людей, существование которой диктуется необходимостью удовлетворения социальных, экономических, политических и иных потребностей общества [1.С.428]. При рассмотрении гражданского оружия как социального института через призму данного определения можно заметить, что оно соответствует всем перечисленным критериям, для того чтобы называться социальным институтом.

С этой точки зрения институт гражданского оружия уникален, т.к. имеет под собой дуалистический мотив создания, выраженный традициями, сложившимися в течении истории, а также являясь объектом целенаправленной деятельности людей, что находит свое закрепление как в законодательных актах, так и в создании различных общественных ассоциаций, таких как NRA, ISSF. Нельзя также не заметить важнейшую роль института гражданского оружия при рассмотрении его как средства удовлетворения различных потребностей общества. Так институт гражданского оружия одним лишь своим наличием порождает спрос в экономической сфере на приобретение огнестрельного оружия, что в свою очередь порождает ответную реакцию рынка в виде создания как крупномасштабных предприятий в области оружейной промышленности, которые помимо своей основной задачи создают рабочие места, так и мелких посредников на оружейном рынке. Как первые, так и последние обеспечивают рабочими местами общество, а также отчисляют налоги в государственный бюджет [2].

При характеристике гражданского оружия как социального института также необходимо отметить, что, как и всякий прочий социальный институт, его существование подразумевает наличие определенных функций, которые он выполняет. Самих же функций, предписываемых социальным институтам существует столь же большое количество, как и самих институтов. При этом стоит учитывать, что их функционал довольно сильно отличается в зависимости от специфики самого института. В связи с чем рассматриваться будут лишь некоторые из них, которые можно разделить на универсальные и специфические.

Явные:

Стабилизирующая. Данная функция характерна для социальных институтов, обеспечивающих стабильность и устойчивость общественных отношений. При ее детальном рассмотрении, можно отметить ее как одну из основополагающих при формировании и функционировании как самого социального института, так и общественных отношений, происходящих в его рамках.

Интегрирующая. Устойчивость же общественных отношений достигается путем выполнения функции интеграции в институте гражданского оружия. Так оружейная культура порождает довольно крепкие социальные связи внутри стрелковых сообществ, которые являются следствием довольно строгой и требовательной оружейной культуры.

Регулятивная. Данная функция является одной из наиболее ярко выраженных и тесно взаимосвязана с охранительной и стабилизирующей функциями. Она проявляется как в координации общественных отношений, возникающих в социальном институте, так и в систематизации и непосредственном воздействии на индивидов.

Коммуникативная. Функция, позволяющая институту гражданского оружия выстраивать условия для создания пространства, способствующего построению различных ролевых отношений, созданию устойчивых социальных связей, а также становлению эффективного взаимодействия внутри этого института.

Адаптивная. Функция, которая позволяет институту гражданского оружия эффективно реагировать на изменения, происходящие в обществе, и тем самым видоизменяясь, перестраивая свою структуру и связи, для дальнейшего функционирования.

Специфические:

Одной из специфических функций института гражданского оружия является функция защиты индивида, путем предоставления ему одно из самых эффективных средств самообороны, в виде огнестрельного оружия.

Помимо этого, институт гражданского оружия также оказывает эффект сдерживания в сторону неконтролируемого стремления бюрократии в области расширения своих полномочий, а также установления тирании.

При рассмотрении гражданского оружия в качестве социального института необходимо акцентировать внимание именно на его специфических функциях, т.к. они являются ключевыми при рассмотрении института гражданского оружия, т.к. справиться с такими задачами способны лишь независимо функционирующие институты права и демократии, которые при помощи механизмов сдержек и противовесов, способны сдерживать неконтролируемый рост бюрократии и воспрепятствовать установлению тирании.

Однако формирование данного института невозможно без определенного культурного, либо гражданско-правового фундамента, который обеспечивал бы общество необходимой социальной стабильностью, либо же формировал конструктивное представление в сознании индивидов об огнестрельном оружии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аяган Б.* Казахстан. Национальная энциклопедия. Том 2. Алматы: Главная редакция «Казак энциклопедиясы». 2005. 560 с.
2. *Firearm and ammunition industry economic impact report 2021.* [Электронный ресурс] // URL: <https://www.nssf.org/wp-content/uploads/2021/03/2021-Firearm-Ammunition-Industry-Economic-Impact.pdf>. (Дата обращения: 28.03.2021).

СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССА ТРУДОУСТРОЙСТВА СТУДЕНТОВ СИСТЕМЫ СПО: ПОЗИЦИЯ ОСНОВНЫХ АКТОРОВ

А.О.Михель, Я.Е.Бандеро

Научный руководитель: к.ф.н. М.О. Абрамова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Среди выпускников колледжей на 2019 год не смогли устроиться по специальности – 43% (389,3 тыс. чел.), а среди выпускников профессиональных училищ – 50% (224,6 тыс. чел.) [1]. В целом около 74% выпускников колледжей и техникумов испытывают значительные трудности при трудоустройстве [2.С.62].

Цель статьи: проанализировать особенности процесса трудоустройства выпускников системы СПО, в том числе трудности и роли основных акторов процесса (образовательных организаций, предприятий и самих студентов).

В ходе работы упор шел на теорию структуризации Гидденса, который считает, что человеческое поведение необходимо рассматривать как «действие» [3.С.199]. Он оперирует понятием «актор», под которым мы будем понимать три основных компонента, отвечающих за трудоустройство молодых специалистов: образовательные учреждения, работодатели, студенты СПО.

Данные были собраны на основе исследования модели наставничества системы СПО – ноябрь–декабрь 2020. Были использованы два основных метода: это полуструктурированные интервью с руководителями образовательных организаций и представителями предприятий, а также фокус-группы со студентами средних специальных образовательных учреждений.

Важно было понять, *рассматривают ли студентов-практикантов как будущих сотрудников* (мнение представителей предприятий):

–Если да, то: существует потребность в конкретных специалистах (например, фельдшеры); рабочих специальностях.

–Если нет, то по причине: отсутствия опыта или высшего образования; низкой текучести кадров на предприятии.

Сами студенты говорят, что вероятность трудоустроиться выше, если: есть высшее образование, опыт работы; специальность является востребованной в обществе; высокий уровень заинтересованности в работе у самого выпускника; образовательная организация помогает при трудоустройстве.

Трудности на разных этапах процесса трудоустройства выпускников: (см. табл.1).

В основе трудностей, связанных с трудоустройством, лежит недостаточное внимание к процессу самоопределения школьников в период обучения в среднем образовательном учреждении, а также к повышению вовлеченности в момент обучения в профессиональном учебном заведении. Также характер и устойчивость структуры процесса трудоустройства зависит от того, насколько осознанный выбор делает каждый актор процесса, и насколько он идентифицирует себя с той позицией (и с теми функциями, задачами и ролью) которую каждый актор занимает в системе трудоустройства.

Таблица 1

<i>Школьный период</i>	<i>Обучение в СПО</i>	<i>Процесс трудоустройства</i>
Отсутствие осознанности в выборе специальности: – нехватка; профориентационных мероприятий по специальностям СПО – отсутствие внимание работодателей к потенциальным работникам в период обучения их в школе; – ограниченность выбора специальности обучения в дальних районах Томской области.	отсутствие мероприятий для повышения вовлеченности студентов в профессию;	устраиваются не по специальности;
	– нехватка молодых преподавателей и преподавателей-практиков; – сосредоточенность образовательного плана на формировании в большей мере на hard skills;	неуверенность выпускников и непроработанность отдельных навыков (не только hard skills, но и soft skills, self skills);
	ограниченное взаимодействие студентов с работодателями и представителями предприятий;	низкая мотивация студентов, отсутствие заинтересованности в работе;
	проблема в организации и содержание практик (нет ориентации на практические навыки требуемые предприятием);	образовательные программы не совпадают с требованиями предприятий;
	– нехватка практики и практических занятий; – ограниченность онлайн-формата.	недостаточность практического опыта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Итоги* выборочного обследования рабочей силы. [Электронный ресурс] // URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 02.03.2021).
2. *Лопатина М. В.* Выпускники среднего профессионального и высшего образования на российском рынке труда / М. В. Лопатина, Л. А. Леонова, П. В. Травкин, С. Ю. Роцин, В. Н. Рудаков. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 72 с.
3. *Giddens A.* Power, the dialectic of control and class structuration // Profiles and Critiques in Social Theory. Palgrave, London, 1982. PP. 197–214.

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ОРГАНИЗАЦИЯМИ СРЕДНЕГО ПРОФОБРАЗОВАНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

М.В. Воронкин

Научный руководитель: д.с.н. Н.М.Байков

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Хабаровск

В современных условиях возрастает потребность в подготовке специалистов рабочих профессии, отвечающих глобальным вызовам развитию новых технологий во всех сферах жизнедеятельности российского общества и его регионов. Это актуализирует решение проблем повышения эффективности системы среднего профессионального образования (далее – СПО) в Хабаровском крае – одном из локомотивов промышленного развития Дальнего Востока России. Однако успешное функционирование образовательных организаций детерминировано сокращением бюджетного финансирования, несовершенством кадровой политики, дефицитом высококвалифицированных кадров преподавателей и мастеров, способных вести качественное обучение. Как следствие, сохраняется высокая доля образовательных организаций, осуществляющих выпуск специалистов, не востребованных экономикой и социальной сферой Хабаровского края.

Одним из направлений решения проблем видится в объединении ресурсов образовательных организаций, развитие сетевого управленческого взаимодействия, порядок которого определен действующим законодательством [1]. Несмотря на то, что в нем не определен механизм совместного использования материальной базы учреждениями СПО, имеется возможность ее использования как краевой собственности на возмездной и безвозмездной основе, с привлечением специалистов при подготовке кадров, использования интеллектуального потенциала, авторских прав, научных исследований и разработок.

В экспертных оценках сообщества работодателей выражена неудовлетворенность современным состоянием подготовки кадров в системе среднего профессионального образования. Взаимодействие учреждений СПО и предприятий в большинстве своем носит единичный, ситуационный характер, нет системного и комплексного подхода, за редким исключением. Острой является рассогласованность между реальными потребностями предприятий в кадрах и возможностями системы СПО подготовить необходимые и квалифицированные кадры. Низкая адаптированность системы среднего профобразования под потребности региона приводит к дефициту кадров рабочих профессий на Востоке России, их затратному экспорту из стран дальнего и ближнего зарубежья. В свою очередь, это приводит к оттоку молодых специалистов, получивших образование в организациях СПО Хабаровского края.

Все эти проблемы требуют решения путем разработки и внедрения социального механизма сетевого взаимодействия организаций СПО региона, ведущих подготовку кадров среднего звена управления и рабочих профессий для предприятий, особенно отраслей промышленности, транспорта, строительства. Он призван учитывать особенности субъект-объектных отношений в системе управления и нормативные регуляторы для достижения целей подготовки высо-

коквалифицированных кадров и их востребованность на региональном рынке труда Востока России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон об образовании в РФ от 29.12.2012 № 273-ФЗ (Ст.15) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 21.03.2021)
2. *Экспертный опрос руководителей организаций и предприятий Хабаровского края (n=96) по оценке состояния системы СПО и сетевого взаимодействия.* ДВИУ-филиал РАНХиГС, 2018 г.

ПАНДЕМИЯ COVID-19 В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ИССЛЕДОВАНИЯ «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ»

Е.П. Демкина

*ГБУ «Центр перспективных экономических исследований
Академии наук Республики Татарстан»*

Социология как наука призвана анализировать и объяснять протекающие в обществе процессы, происходящие события и явления. Социологические инструменты сбора и интерпретации данных активно используются в изучении электоральных и политических процессов, в анализе макро- и микроэкономических тенденций, в исследовании социальных, культурных, организационных явлений и процессов и проч. Социологические исследования тесно связаны с актуальной повесткой дня, отражая «горячие точки» – наиболее остро стоящие общественные проблемы, социальные конфликты и проч.

Бесспорно, наиболее насущной и новой для общества проблемой, требующей тщательного всестороннего изучения, сегодня является пандемия COVID-19. Пандемия оказала влияние на самые разные сферы жизни людей по всему миру, в том числе и россиян. Занятость, уровень доходов, потребление, образование, культура, религиозные практики, социальные взаимодействия и в целом образ жизни – все это было подвержено изменениям, которые были вызваны принятыми ограничительными мерами. Многие новые тенденции и практики, по мнению аналитиков, имеют все шансы на закрепление и дальнейшее развитие. Некоторые эксперты утверждают, что мир уже не станет прежним и мы движемся к «новой нормальности» [3, 5], характеризующейся тем, что некоторые практики, ранее считающиеся ненормальными, получают распространение и становятся общепринятыми, понимаются как норма. Все это обуславливает реакцию российского социологического сообщества, выраженную во внушительном количестве проводимых в этой области исследований разного уровня – как общероссийских, так и более локально сконцентрированных.

Так, например, Фонд Общественное мнение (ФОМ) запустил проект, посвященный распространению коронавируса, еще в конце марта 2020 г., когда в России был объявлен режим самоизоляции. Проект получил название «корона-ФОМ» [4] и был призван представлять широкой общественности результаты исследований, проведенных в новых реалиях. В рамках проекта обсуждается целый ряд исследовательских направлений: динамика качества жизни и социальных настроений, изменение повседневности или рутины, экономические и социальные трансформации, формирование новых представлений о норме и выявление основных контуров и тенденций новой нормальности и проч. Огромный массив данных исследований, проведенных в рамках данного проекта, был положен в основу книги, выпущенной ФОМ в 2021 г. – «Социология пандемии. Проект коронаФОМ» [5]. В предисловии к книге президент ФОМ А. Ослон на примере собственного коллектива очень емко и красноречиво описал происходящие в обществе трансформации: «Коронавирус не только оставил сотрудников дома, но и создал новые – пандемические – условия для работы, в которых смешались рабочие и нерабочие часы, будни, выходные и праздники. И в них почему-то мгновенно были освоены новые технологии... Воистину мы пережили

реальную точку бифуркации, изменившую не только весь мир, но и ФОМ, всех его сотрудников» [5.С.10].

Аналитическое агентство НАФИ также с конца марта 2020 г. реализует спецпроект «Новая нормальность: образ жизни, рынки, инфраструктура и коммуникации после пандемии» [3], в котором проводится анализ социально-экономических трансформаций и изменений в образе жизни россиян на основе данных социологических исследований. В проекте также представлены экспертные прогнозы аналитиков НАФИ, характеризующие предполагаемые изменения в различных сферах, в том числе относительно динамики объемов и структуры потребления, межличностных отношений и социальных взаимодействий, культурных практик и проч. Авторы полагают, что произошедшие изменения приведут к формированию новых ценностей и понятий о нормальности: «едва ли найдется человек, который не ожидает изменений образа жизни людей после пандемии коронавируса. Скорее, речь идет о том, что некоторые изменения будет сложно распознать: когда к этой «новой нормальности» люди привыкнут, им будет казаться, что так было всегда» [1.С.5].

Исследования пандемийного общества проводятся также исследовательским центром «Ромир» совместно с Boston Consulting Group (BCG). Основной фокус внимания их исследований – динамика потребительского поведения и изменения потребительских рынков [2].

Подводя итог, отметим, что проведение научно-обоснованных социологических исследований играет важную роль в преодолении коронакризиса в современном обществе, т.к. помогает отследить реакцию населения на происходящие события, получить данные об общественном мнении, которые необходимо учитывать при принятии управленческих решений. Тем самым социология помогает наладить диалог между властью и населением в столь непростое для всего мира время.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аймалетдинов Т.А., Гильдебрандт И.А. и др.* Новая нормальность. Образ жизни, рынки, инфраструктура и коммуникации после пандемии. М.: Издательство НАФИ, 2020. 73 с.
2. *Исследование BCG и «Ромир»: новая реальность российского потребительского рынка на фоне пандемии COVID-19 и прогноз* // Официальный сайт «Ромир». 23.04.2020. [Электронный ресурс] // URL: <https://romir.ru/studies/issledovanie-bcg-i-romir-novaya-realnost-rossiyskogo-potrebitelskogo-rynka-na-fone-pandemii-COVID-19-i-prognoz> (дата обращения: 08.04.2021).
3. *Новая нормальность: образ жизни, рынки, инфраструктура и коммуникации после пандемии.* [Электронный ресурс] // URL: https://nafir.ru/projects/sotsialnoe-gazvitiie/novaya_normalnost/ (дата обращения: 07.04.2021).
4. *Проект коронаФОМ.* [Электронный ресурс] // URL: <https://COVID19.fom.ru/> (дата обращения: 08.04.2021).
5. *Социология пандемии. Проект коронаФОМ.* М.: Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ), 2021. 319 с.

МОДА, КАК ИНСТРУМЕНТ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Е.А. Дудзик

Научный руководитель: к.ф.н. В.С. Иванова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

С одной стороны, мода имеет огромное социальное значение. При рыночной экономике влияние моды на поведение людей усиливается [1]. Зависимость идентичности человека от экономического статуса уже важна в меньшей степени, так как на нее влияют и многие другие факторы, потому богатому человеку приходится трудиться над своей идентичностью наравне с другими людьми. Поддерживать свой экономический статус легче, чем стиль жизни, так как на второе оказывает влияние мода. Мода – центр эстетической самореализации, одна из функций моды – это помощь в поиске себя, также она избавляет от лишней работы по созданию самих себя. Набор атрибутов какого-то модного бренда служит идентификатором определенного стиля жизни. Модно одетый человек воспринимается обществом более уважительно [3]. А социальные оценки в свою очередь оказывают большое влияние на формирование личности и самоуважение.

Особо важную роль мода играет в молодежных кругах. Как уже говорилось ранее, мода выполняет функции социализации. Именно эта функция важна для молодежи, потому что в этот период и происходит освоение социальных ролей. Так интересуясь модой, молодежь ищет себя, следуя определенным образцам поведения.

С другой стороны, мода является неким диктатором, заставляя человека подчиняться определенным стандартам. Как уже говорилось мода оказывает влияние на стиль жизни, но одна из функций моды – динамизм, поэтому идентичность современного человека менее стабильна, чем досовременного, чья идентичность в большей части была зависима от традиций [3]. В процессе модернизации традиции, которые дают постоянство, утрачиваются. Изменяется сам человек, его сознание, ценности, нравы и мораль. Увеличивается индивидуалистическое потребительское мировоззрение. Человек становится более податливым, начинает бездумно следовать стандартам. Особое влияние оказывают на это СМИ, которое диктует, что жизненный успех зависит от обладания престижными вещами [2]. Такое агрессивное влияние моды особенно опасно для молодежи, чья система идей и ценностей еще не сформировалась до конца. И манипуляция молодыми людьми через телепередачи, рекламу и так далее лишает их самоопределения. Так мода как творческая самореализация у молодежи может смениться пассивным потреблением. Что может проявиться в потребительском отношении к культуре и образованию, и в итоге может привести к ценностному кризису.

Проблема: Каким образом мода влияет на индивида, в частности на самоидентификацию молодежи? Каким образом мода связан с процессом социализации?

Объект: Студенты ТГУ 1–6 курса очных отделений

Предмет: Отношение студентов ТГУ к моде, как к инструменту самоидентификации

Цели: Проанализировать влияние моды, как регулятора поведения, а также ее влияние самоидентификации молодежи. Фокус внимания сосредоточен на следующих задачах:

- Проанализировать значение моды в жизни индивида и ее возможности в социализации и регулировании поведения индивида
- Установить влияние моды на самоидентификацию студентов ТГУ
- Выявить студенческие предпочтения в сфере моды
- Определить, как мода влияет на жизнь студентов ТГУ
- Выявить отношение студентов к моде

Гипотеза-основания: по мнению студентов, уважение в обществе можно достичь, не только следуя модным брендам. Используемые методы: теоретический анализ литературы, опросный метод (онлайн-опрос). Тип выборки: стихийная

Ключевые аспекты работы: Представления студентов о моде, о том, кто является «модным». Области жизни, на которые оказывает влияние мода, а также основные мотивы следования моде.

Данная работа посвящена исследованию мнения студентов ТГУ о моде, как средстве самоидентификации. Были затронуты вопросы о сферах влияния моды, а также были выявлены возможности, которые предоставляет мода. В ходе исследования было опрошено 201 студент ТГУ с различных факультетов (из них 67% девушек и 33% юношей). Основные признаки группировки студентов: пол и специализация. Выявлено, что почти каждый второй (41%) следит за модой, более трети студентов уверены, что мода оказывает положительное влияние, как на общество в целом, так и на отдельно взятого индивида, но при этом большинство студентов 48% уверены, что лично на них мода не влияет никаким образом (см. рис.1).

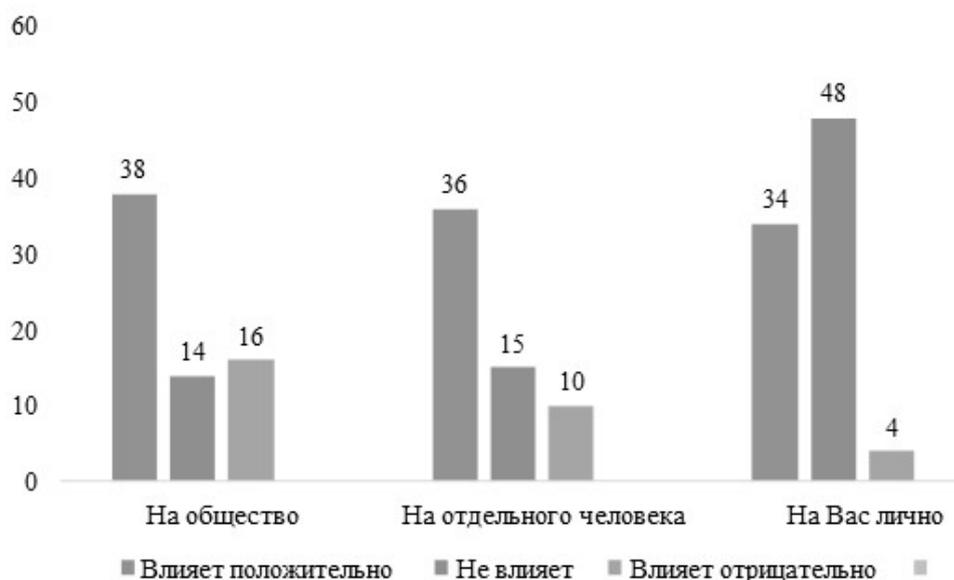

Рис.1. Мнения респондентов о степени влияния моды на общество и личность (в %)

Однако большинство 68% студентов ТГУ с уверенностью могут сказать, что мода влияет на внешний вид. На качество личности, выбор профессии и образ жизни большинство опрошенных ответило, что мода влияет, но лишь отчасти, и, по мнению студентов ТГУ мода абсолютно не влияет на политические взгляды 47% (см. рис.2).

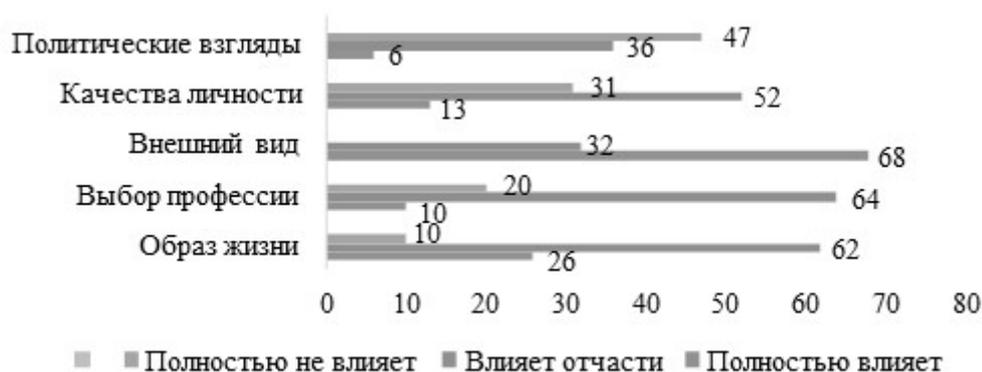

Рис.2. Влияние моды на различные качества личности в оценках студентов ТГУ (в%)

Социология имеет свой интерес и предмет рассмотрения моды. Так, П. Бурдьё, изучает высокую моду с помощью его концепции поля, в котором происходит борьба за модный капитал среди дизайнеров, обладающих разной степенью талантов. Г. Зиммель выделяет две функции моды – индивидуализировать и соединять, люди, которые следуют моде, по его мнению, занимаются подражанием, но преследуют разные цели. А.Б. Гофман выделяет основные семь функций моды: создания и поддержания единообразия и разнообразия, инновационная, коммуникативная, социализации, социальной дифференциации и нивелирования, престижная и психофизиологической разрядки [1].

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что в современном мире, мода является средством самоидентификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурова О.Ю. Современные концепции (производства) моды в социологии// Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. № 3 (86). С.136–147.
- 2.Куликова А.С. Стиль жизни как социально-эстетическая категория // Вестник Московского университета. 2010.№2. С. 98–107.
3. Хаустова А.А. Мода как социальный феномен и объект социологического анализа // Власть. 2015. № 2. С. 103–106.

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРОВ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЖИЗНИ ИНДИВИДА

Н.М. Жеребцова

Научный руководитель: к.ф.н. Н.В. Григорьева

Липецкий государственный технический университет

В современном мире постоянно происходят различного рода изменения как на микро-, так и на макроуровне. В рамках микроуровня, они затрагивают, непосредственно, деятельность индивидов в обществе. У них может меняться образ жизни, привычки, цели и ценности. Подобного рода изменения являются причиной их нахождения в определенном социальном круге и пространстве. Следовательно, становится актуальным разобраться, как и каким образом среда, в частности, городское пространство, в котором обитает сейчас большинство людей, может формировать их образ жизни.

В социологическом словаре Г.В. Осипова приводится определение понятия «среда». Оно характеризуется «совокупностью разных процессов и явлений, условий и событий, которые могут оказывать влияние на изучаемый объект» [4. С.338]. То есть, исходя из терминологии среды можно уже сделать вывод о том, что данное пространство действительно способно изменять жизнь индивида.

Город представляет собой сложную структура. Так, Е. Н. Заборова в своей работе «Город как социальное пространство» [2], представила его как социальный институт, в котором активно взаимодействуют установки, обычаи, стереотипы, привычки. Они находят реализацию в деятельности людей в рамках окультуренного пространства.

Целью работы является изучение городского пространства на примере города Липецка на предмет выявления того, как факторы городской среды могут влиять на образ жизни индивида.

Для поставленной цели предполагается решение следующих задач:

1. Обозначить предметное поле понятия «образ жизни».
2. Выявить факторы городского пространства, влияющие на формирование образа жизни индивида.
3. Сделать выводы по результатам проведенного социологического анализа городской среды на примере Липецкой области.

Предметное поле понятия образ жизни очень многовариативно в своих трактовках. Так, в словаре Г.В. Осипова [4. С.207] под данным термином понимается «способ, формы и условия индивидуальной и коллективной жизнедеятельности человека, которые являются типичными для конкретных исторических социально-экономических взаимоотношений». Иными словами, это поведение и действия людей в социальной среде, подверженное влиянию разных факторов того пространства, на котором человек функционирует.

На формирование образа жизни влияют следующие факторы:

1. Экономические, которые проявляются в уровне дохода человека, его профессиональной деятельности, престижности профессии, карьерного роста и тому подобном.
2. Экологические факторы, которые характеризуют ситуацию экологической обстановки города и здоровья граждан.

Рассмотрим городское пространство Липецка по вышеуказанным факторам и выявим основные типичные характеристики образа жизни жителей его населяющих.

Экономическая составляющая данного города представляет собой стабильно развивающиеся показатели. На рис. 1 представлены самые востребованные направления трудовых отраслей на 2018 год.

Рис. 1. Топ-шесть востребованных трудовых направлений в городе Липецке 2018 г.

Исходя из представленной на рис.1 информации можно сделать вывод, что основные сферы реализации своего профессионального потенциала граждане видят в торговле, промышленности и развитии сельского хозяйства. Образ жизни человека, работающего в торговле, отличается от образа жизни человека, занятого в образовательной среде. Следовательно, по уровню дохода и потребностям индивидов образ жизни будет разниться, но факт того, что он определяется данным фактором неизменен.

Далее рассмотрим показатели экологии города Липецка, влияющие на здоровье и, соответственно, образ жизни людей. В 2019 году экологической лабораторией ОБУ «Центр экологических проектов» в соответствии с областью аккредитации выполнено 30286 испытаний и измерений, среди которых основным является показатель о новых 5992 выбросах загрязняющих веществ в воздух [1]. Этот показатель позволяет сделать вывод о том, что у граждан города может повыситься уровень заболевания органов дыхательной системы и как следствие ухудшение здоровья и образа их жизни. За 2020 год в городе получили новообразования 10583 человек, а людей заболевших болезнями органов дыхания и вовсе насчитывается 310468 [3]. Такие большие показатели свидетельствуют об ухудшении экологической обстановки в городе и повышению рисков здоровья и образа жизни граждан.

Таким образом, на основе полученной информации можно сформулировать несколько выводов: во-первых, образ жизни человека в городе можно определять по экономическому и экологическому признаку; во-вторых, уровень экономического развития человека в среде определяет его условия проживания, качество и уровень жизни; в-третьих, заболевания и иные факторы негативной экологической обстановки способствуют ухудшению образа жизни людей. Получается, что в рамках городского пространства действительно происходит формирование образа жизни индивидов, причем происходит это благодаря совокупности определенных факторов, сопровождающих данный процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад «Состояние и охрана окружающей среды Липецкой области в 2019 году». [Электронный ресурс] // URL: <http://ekolip.ru/npa/10/7/2715%20%D0%9B%D0%B8%D0%BF%D0%B5%D1%86%D0%BA%20%D0%9F%D1%80%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B0%20%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D1%82%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0.pdf> (дата обращения: 04.04.2021).
2. Заборова Е.Н. Город как социальное пространство / Е.Н. Заборова, А.Ф. Исламова // Социологические исследования. 2013. №2 (346). С.97–101.
3. Липецкая область в цифрах 2020. [Электронный ресурс] // URL: https://lipstat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%9B%D0%B8%D0%BF%D0%B5%D1%86%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85_2020.pdf (дата обращения 04.04.2021).
4. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. М.: Издательская группа ИНФРА М–НОРМА, 1998. 448 с.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА

К.Е. Ким

Научный руководитель: д.ф.н. В.С. Иванова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Изначально, на этапе развития концепция «качество жизни» представляла собой набор характеристик скорее материального благополучия, однако, в процессе развития, дополнилось объективными и субъективными параметрами восприятия человеком собственной среды обитания, социальными и культурными потребностями. К объективным параметрам относятся (экономическое положение, уровень образования, жилищные условия, качество окружающей среды и т.д.), а к субъективным – оценочные суждения человека, относительно качества жизни, духовное состояние человека, удовлетворенность жизнью, полнота реализации человеком своего внутреннего потенциала [2].

Влияние высшего образования на качество жизни студенческой молодежи обусловлено непосредственной степенью включенности молодежи в данную среду. В связи с достаточно высоким уровнем эмоционального напряжения (например, во время сессии) могут возникнуть проблемы со здоровьем, внутренним состоянием человека, а достаточно небольшие размеры стипендий усложняют материальное положение (имеется ввиду очная форма обучения) [3].

Отечественный социолог Д.Г. Давыдов определял качество жизни, как «интегральное явление, определяемое многими факторами, а именно: здоровьем человека, экономическими, социальными, политическими, экологическими, природными и другими условиями его жизнедеятельности, а также субъективной оценкой индивида различных сторон своей жизни» [1]. Попов В. Н определяет качество жизни как степень удовлетворения жизнедеятельности человека, а С.А. Айвазян как набор показателей, характеризующий качество жизни населения.

Проблемная ситуация: Система образования, с одной стороны, дает человеку возможность для самореализации, обретения новых знаний и навыков, которые в последствии позволят ему устроиться на хорошую работу и быть самодостаточным, с другой стороны, она создает достаточно сильное напряжение в плане физического и психического здоровья студентов. Экзаменационные стрессы, учебная нагрузка, приводящая к периодическим умственным перегрузкам, материальные трудности, состояние здоровья – все это ставит вопрос об исследовании качества жизни студенческой молодежи.

Проблема работы: «Как студенческая молодежь оценивает качество своей жизни и каковы ее особенности?», «Как высшее образование влияет на качество жизни студенческой молодежи?»

Объект исследования: Студенты Томского Государственного университета.

Предмет исследования: представление/мнение студентов о качестве жизни.

Цель исследования проанализировать влияние образования на качество жизни современной студенческой молодежи; выявить оценки и представления студентов о качестве жизни.

Задачи исследования:

1. Проанализировать основные подходы к концепции «качество жизни»;
2. Проанализировать критерии, с помощью которых будет оценено качество жизни студенческой молодежи;
3. Выявить степень удовлетворенности студентов ТГУ основными параметрами качества жизни (здоровье, материальное положение, досуг, эмоционально-социальное самочувствие и т.д.);
4. Определить содержание оценок студентов, касательно влияния учебы в вузе на качество жизни

Гипотеза-основания: Студенты Томского Государственного университета считают, что их качество жизни находится на «среднем уровне».

Происходят изменения в состоянии психического и физического здоровья молодежи

Используемые методы: теоретический анализ литературы отечественных и зарубежных исследователей, метод сбора информации-опросный (стихийный).

В ходе исследования были изучены представления студентов Томского Государственного университета о влиянии образования на качество их жизни. Было опрошено более 200 человек, из которых 64% девушек и 36% юношей. В качестве основных характеристик контингента были взяты: учебное заведение и профиль обучения. Были опрошены такие профили обучения, как: социально-гуманитарный – 47%, технический – 36%, естественно-научный – 13%. Далее будет графически представлена некоторая часть вопросов, заданных респондентам.

Одной из важных составляющих качества жизни студенческой молодежи является проведение досуга (см. рис. 1). Респондентам был задан вопрос: «Удовлетворены ли Вы в целом, как проводите свое свободное время?». Более половины опрошенных (49%) указали, что они скорее удовлетворены, чем нет, 31% скорее нет, чем да, 14% полностью удовлетворены тем, как проводят свободное время и 6% оказались полностью не удовлетворены. Ниже представлено распределение данных ответов по профилям обучения.

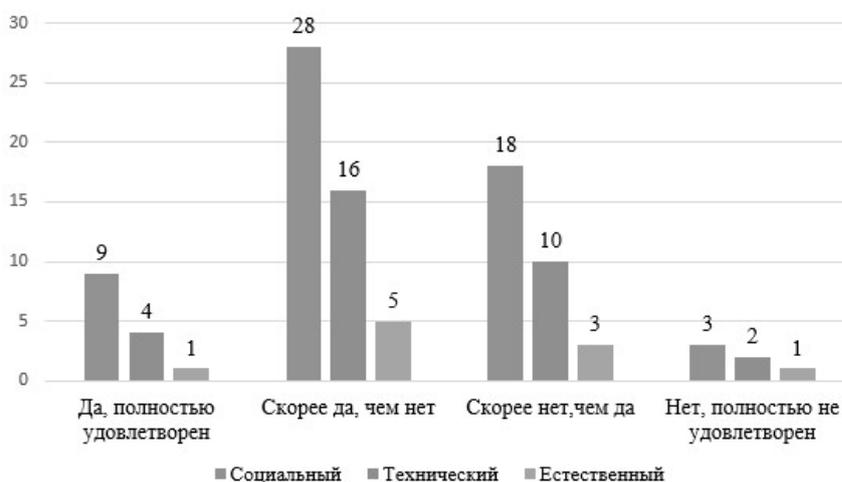

Рис.1. Удовлетворенность респондентов относительно проведения своего досуга (в зависимости от профиля обучения, в %)

Здоровье студенческой молодежи является необходимым условием обучения в вузе (см. рис.2). Студентам был задан вопрос: «Как Вы оцениваете состояние вашего здоровья?». Почти половина опрошенных (42%) оценили состояние своего здоровья как «среднее», то есть ни хорошее, ни плохое, 33%, оценили, как «хорошее», указали на «плохое» состояние здоровья – 16%, как «очень хорошее» - 6%, а как «очень плохое» - 3%. Далее респонденты высказали свое мнение по поводу того, влияет ли вообще учебный процесс на состояние здоровья студентов и как именно? Более половины опрошенных (73%) считают, что учебный процесс оказывает негативное влияние на состояние здоровья. Ниже представлено распределение данных ответов по полу.

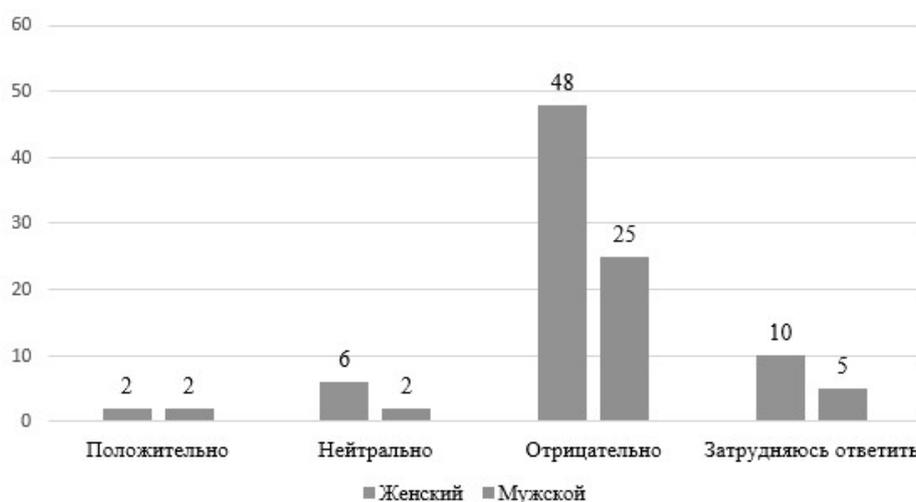

Рис.2. Мнение студентов по поводу характера влияния учебного процесса на здоровье (по полу, в %)

Таким образом, были рассмотрены и другие составляющие, а также выявлена степень удовлетворенности студентов ТГУ основными параметрами качества жизни (здоровье, материальное положение, досуг, эмоционально-социальное самочувствие и т.д.). Что касается влияния образования на качество жизни студенческой молодежи, то на примере рисунка 2 можно сделать вывод о том, что студенты отмечают достаточно сильное влияние образования на состояние здоровья, причем, более половины указывают именно на негативный характер влияния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыдов Д.Г. Современные подходы к исследованию качества жизни // Социальные науки и современное общество. № 2 (16). 2012. МАБиУ С. 54–67.
2. Морозова Г.В. Уровень жизни студенческой молодежи // Издательство «Грамота» Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6. С.119–124.
3. Нехода Е.В, Рощина И.В, Пак В.Д. Качество жизни: проблемы измерения Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2018. № 43

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Е. Е. Киселева

Научный руководитель: к.с.н. Е.С. Кузьмина

Иркутский государственный университет, Институт социальных наук

Актуальность изучения политических настроений в России связана со многими факторами: это и экономические кризисы, и ожесточенные конфликты, происходящие по всему миру, и другие политические потрясения. Внешняя политика государства напрямую влияет на внутреннюю жизнь его граждан, потому что так или иначе каждое действие со стороны власти влияет на материальное и духовное состояние общества. Изучением общественных взглядов в сфере политики в России занимается ряд ученых социологов, политологов и историков. Следует выделить труды В.В. Федорова, М.В. Ремизова, Л.Ф. Шевцову, А.А. Чеснокова и других.

В современном мире человек не ограничен в выборе источников информации, наибольшей популярностью обладают телевидение и различные интернет-площадки: Twitter, Instagram, YouTube. Следствием информационного плюрализма можно считать возникновение противоположных взглядов по отношению к одним и тем же событиям. Например, половина респондентов, получающих информацию из сети Интернет, оценивают происходящее в стране негативно, а большая доля тех, кто узнает новости по телевидению, убеждены в правильности действий власти (67% респондентов) [1]. По мнению А.В. Стрельниковой, появление лонгитюдной исследовательской стратегии, как следствие потребности изучать данные во временной перспективе [3], определяет главную задачу деятельности социолога, которая заключается в репрезентации основных взглядов граждан, актуальных в настоящий момент.

Однако зачастую мы наблюдаем тот факт, что результаты исследования, проведенного в рамках идентичных проблем, но разными организациями, значительно расходятся. Можно выделить несколько причин того, почему это происходит. Во-первых, на исходные данные исследования может влиять мотивированность ученого (от постановки целей, расчета выборки до проведения анализа). Во-вторых, определенное влияние оказывает финансирование (заказчик ожидает конкретных результатов). В-третьих, важно учитывать репутацию организации, проводящей исследование (крупным центрам невыгодно проводить спорные исследования и формировать сомнительные выводы). Нельзя не отметить, что данные проблемы существуют во всех отраслевых сферах социологии, однако в политической они выделяются в наибольшей степени.

Решающий вопрос, который характеризует отношение общества к власти – это вопрос о ее компетентности и доверии к ней. По данным опроса Левада-Центра, проведенного 18–24 февраля 2021 г. по всероссийской выборке объемом 1601 чел. и погрешностью не более 3,4%, доля респондентов, считающих, что интересы власти и общества не совпадают, составляет 75%, а доля тех, кто считает, что интересы совпадают – 21% [1]. Данные ВЦИОМ, предоставленные в базе опросов ВЦИОМ-СПУТНИК от 28 февраля 2021 г., показывают, что 34% и 27% респондентов соответственно не устраивает внутренняя и внешняя политика государства. Тогда как 31% и 51% опрошенных соответственно довольны

действиями власти как во внутренних, так и во внешних делах. Пограничное положение занимают 31% и 19% респондентов соответственно [2].

Другим немаловажным фактором можно считать представление граждан о дальнейшей судьбе России. Большая доля респондентов (54%), опрошенных Левада-Центром в 4 квартале 2020 г., смотрят на будущее страны с беспокойством и опасениями [1]. По данным ФОМ 44% опрошенных чувствуют себя неуверенно, когда размышляют о своем будущем, и только 11% респондентов связывают такое чувство с нестабильностью в стране (опрос был проведен в 3 квартале 2020 г., всероссийская выборка объемом 1000 чел.) [4].

Таким образом, выявляются значительные статистические различия в идентичных опросах, проведенных разными центрами изучения общественного мнения. Следует отметить, что при проведении вторичного анализа данных социолог должен опираться на достоверные источники разных наборов данных и, применяя критическое мышление, оставаться беспристрастным и объективным.

ЛИТЕРАТУРА

1. АНО «Левада-Центр»: официальный сайт. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.levada.ru/> (дата обращения: 02.04.2021).
2. АО «Всероссийский центр общественного мнения»: официальный сайт. [Электронный ресурс] // URL: <https://wciom.ru/> (дата обращения: 01.04.2021).
3. Стрельникова, А. В. Исследовательские архивы: расширение возможностей для вторичного анализа / А. В. Стрельникова // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 126–131.
4. Фонд «Общественное мнение»: официальный сайт. [Электронный ресурс] // URL: <https://fom.ru/> (дата обращения: 02.04.2021).

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ О ВЛИЯНИИ СВОБОДЫ СЛОВА НА РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Д.С. Клевцов

Научный руководитель: к.с.н. С.В. Негруль

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Российские граждане долгое время не уделяли большого внимания проблемам, связанным с соблюдением прав и свобод человека. Исследование «Левада-центра» показывает, что с 2017 года по 2019 год спрос на свободу слова увеличился с 34% до 58% [5]. Результаты опроса свидетельствуют, что для существенного количества людей значимость вопроса отстаивания и защиты своих гражданских прав только увеличивается.

Вопрос о том, какое влияние на развитие гражданского общества несет свобода слова, является неразрешимым и спорным, так как, с одной стороны, можно утверждать, что реализация своего права на свободу слова граждан значительно уменьшает шансы для своеволия у государственных деятелей и ограничивает их в принятии решений, которые противоречат интересам общества, а с другой стороны, свобода слова может выражаться в клевете, распространении порнографии, нарушении авторских прав и т.п.

Исходя из неоднозначности влияния свободы слова, в исследовании поставлен следующий вопрос: Какие у студентов представления о влиянии свободы слова на развитие гражданского общества?

В качестве методологических оснований в данной исследовательской работе использованы понятия «свобода слова» и «гражданское общество», а также труды С. Московичи. Сущность понятия «гражданское общество» в данной исследовательской работе будет рассматриваться как «совокупность сфер жизни отдельных индивидов и их групп, которые напрямую неподконтрольны государству и в которых они свободно реализуют свои частные интересы» [2]. Такое определение гражданского общества выбрано так как, это наиболее современная его интерпретация, основанная на либеральных взглядах. «Свобода слова» принимается в следующем определении Г. А. Алхутовой – гарантированная государством «возможность беспрепятственно выражать свои мнения и убеждения по самым различным вопросам общественного, государственного, иного характера посредством устного или печатного слова на собраниях, митингах, другими средствами» [1]. В соответствии с Московичи, «социальные представления - это общественное обыденное сознание, в котором очень сложно взаимодействуют на уровне здравого смысла различные убеждения, идеологические взгляды, знания, собственно наука, раскрывающие и во многом составляющие социальную реальность» [4]. Структура социальных представлений, согласно, Московичи состоит из таких элементов как: «информация, поля представления и установки» [3].

Для исследования представлений студентов о влиянии свободы слова на развитие гражданского общества были выбраны методы – анкетирование (онлайн-опрос) и теоретический анализ литературы. В качестве типа выборки для опроса была выбрана стихийная. Выборочная совокупность с учетом доверительной вероятности в 95% составила 375 человек.

По мнению студентов, для общества наиболее важными социальными и политическими ценностями являются: безопасность (23,9%); гражданские свободы (19,8%); законность (17,3%); стабильность общества и равноправие (12,8% и 14,2%); а такие ценности, как патриотизм, труд не являются такими важными для социума. Относительно понятия «свобода слова», половина респондентов (49,5%) выбрала в качестве наиболее отражающего его смысл следующее определение – «право свободно выражать свои мысли».

В ходе исследования также было выявлено, что, по мнению студентов, свобода слова в России проявлена наиболее слабо в политике (53,3%); в СМИ (25,8%) и в искусстве (14,4%), что свидетельствует о недоверии молодого поколения к политическим деятелям.

Каково же отношение студентов к необходимости ограничения свободы слова? Большинство – 242 респондента (64,4%) не видят никаких оснований для того чтобы ограничивать проявления свободы слова, соответственно, меньшая часть (35,6%) респондентов считают, что необходимость в ограничении свободы слова есть. Главным основанием для ограничения свободы слова респонденты отметили возбуждение ненависти и экстремизм (25,3%). Если говорить о том, насколько студенты удовлетворены текущим положением свободы слова в России, то большинство (43,1%) полностью не удовлетворены; скорее не удовлетворены (39,4%); скорее удовлетворены (9%); полностью удовлетворены (1,1%).

Большинство респондентов (48,4%) считают, что отсутствие свободы слова повлияет на состояние гражданского общества отрицательно, еще существенное их количество (41,5%) считает, что повлияет скорее отрицательно, а вот то, что это никак не повлияет считает небольшое количество респондентов (3,5%); скорее положительно (4%) и положительно (2,7%). Установление в государстве свободы слова очень важно по мнению большинства (60,4%) респондентов; скорее важно (33,8%); скорее не важно (2,4%) и не важно (0,5%).

Проведя анализ всех ответов респондентов, можно утверждать, что отношение студентов ТГУ к влиянию свободы слова на развитие гражданского общества является в сущности однозначным. Можно сделать вывод о том, что студенты ТГУ в большей степени считают свободу слова важным элементом формирования гражданского общества, но в то же время есть основания для ее ограничения, остается вопрос только о том, как именно установить свободу слова и утвердить для нее определенные рамки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алхутова Г.А.* Средства массовой информации в Российской Федерации: конституционно-правовые основы деятельности: дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2002.
2. *Демичев А.А.* Пути формирования гражданского общества в России: история и современность // Гражданское общество в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 22–26.
3. *Московичи С.* От коллективных представлений – к социальным // Вопросы социологии. 1992. № 2
4. *Московичи С.* Социальные представления: исторический взгляд // Психол. журн. 1995. №1. С.3–18.
5. *Публикация* в прессе от 20.11.2019 г. В России растет спрос на гражданские права // Левада-центр. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.levada.ru/2019/11/20/v-rossii-rastet-spros-na-grazhdanskie-prava/> (дата обращения: 08.02.2021).

ОСОБЕННОСТИ РЫНКА ТРУДА ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ И МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Г.Ю. Коварж

Научный руководитель: к.с.н. В.В. Кашпур

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Трудовая занятость молодых специалистов обретает актуальность в связи с возникновением рыночных законов спроса и предложения рабочей силы. В рыночной экономике одним из важных факторов производства является рынок труда, на котором основным участником является экономически активное население. Важным звеном этих отношений выступает создание рынка рабочей силы, а также рынка рабочих мест, что в совокупности составляет рынок труда. Наиболее социально уязвимой группой населения являются молодые специалисты.

Для российского рынка труда обычно характерен нормальный уровень безработицы (по состоянию на июнь 2018 года составляет 4,7%). На январь 2019 года в целом по стране численность рабочей силы составила 74,9 млн. чел., 71,2 млн. чел. из которых относятся к категории занятых и 3,7 млн. чел. – к безработным. Общая численность безработных в 5 раз превысила численность зарегистрированных безработных. В конце января 2019 г. в службах занятости населения на учете состояло 733 тыс. безработных, что на 5,8% больше чем в декабре 2018 г. и на 5,8% меньше чем в январе 2018 г. Доля молодежи среди безработных составила 20,4%, а граждан без опыта работы – 23,2% [3].

На территории Томской области численность рабочей силы по данным выборочных обследований рабочей силы (среднее за ноябрь 2018г. – январь 2019 г.) составляет 527,8 тыс. чел. Из них 31,3 тыс. чел. относится к безработным (5,9%). По официальным данным в службы занятости населения количество безработных составляет: 2013 г. – 8 753 чел.; 2014 г. – 8 289 чел.; 2015 г. – 9 691 чел.; 2016 г. – 9 356 чел.; 2017 год – 7 955 чел. Стоит отметить, что численность безработных, зарегистрированных в службах занятости, значительно ниже, чем по результатам обследования населения [1].

Количество безработных за первый квартал 2014 г. составил 18,6% для специалистов в возрасте от 20 до 24 года, и 16,2% в возрастной категории от 25 до 29 лет. В 2016 г. уровень безработицы молодых специалистов в возрасте от 20 до 24 лет составил 15,1%, что в 3 раза больше, чем в целом по стране [3]. В 1 квартале 2017 г. в нашей стране ежедневно в среднем публиковались 298 тыс. резюме на 28 тыс. вакансий для молодых специалистов. В сравнении с 1 кварталом 2016 г. количество вакансий для молодых специалистов снизилось на 3%, а количество резюме возросло на 1,5% [2]. По данным портала Career.ru, в первом полугодии 2018 г. молодые специалисты разместили на HeadHunter около 2,3 млн. резюме на 250 183 вакансий. Максимальная доля вакансий для выпускников вузов составляет 51% в сфере продаж. На 2 месте находится обслуживающий персонал в туристических компаниях, ресторанах и гостиницах – 20%, на третьем месте административный персонал – 18%. Спрос на молодежь имеется в банках и финансовых компаниях (14%). Молодых специалистов берут и в IT-компаниях, и подразделения информационных технологий (11%). Меньше всего

вакансий для выпускников на производстве (5%). В начале 2018 г. около трети вакансий для выпускников (32%) публиковались для специалистов с техническим образованием, 31% – с экономическим, 13% – с медицинским. Стоит отметить, что на начальном этапе молодым специалистам российские работодатели предлагают низкие зарплаты [4].

Говоря о рынке труда Томской области, то следует отметить, что она занимает 3 место после Москвы и Санкт-Петербурга по количеству студентов на 10 тысяч населения. На 2016 г. в России для молодых специалистов ежедневно в среднем было опубликовано 36 000 вакансий и 309 000 резюме, о чем свидетельствует портал Career.ru. Среди молодежи уровень безработицы составляет 13,8%. По итогам 2016 г. высокие возможности трудоустройства у выпускников Москвы и Московской области – 14% вакансий для молодых специалистов. Но меньше всего возможностей для трудоустройства имеют выпускники университетов Сибирского Федерального округа – 7,8% вакансий для них. По данным портала HeadHunter в начале июня 2019 г. в Томской области было опубликовано 4 009 вакансий на 60 384 резюме у 56 513 соискателей. В Томске было выставлено 3 670 вакансий на 51 256 резюме у 47 905 соискателей. Работодателями же выставлено 1 002 для молодых специалистов на 13 436 резюме у 13 044 соискателей без опыта работы. В Северске в этот же период времени было опубликовано 146 вакансий на 4 361 резюме у 4 164 соискателей. Для молодых специалистов было выставлено 63 вакансии на 1 103 резюме у 1 091 соискателя без опыта работы. [5].

Таким образом, на основе анализа рынка труда можно говорить о том, что реальный уровень безработицы населения и молодых специалистов значительно выше официальных статистических данных. Подтверждением являются как результаты обследований населения, так и обзор вакансий и резюме на одном из популярных порталов по поиску работы. Стоит отметить, что важное значение имеет и трудоустройство выпускников по специальности, так как это является одним из критериев качества полученного высшего образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рынок труда и занятость населения*. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Томской области. [Электронный ресурс] // URL: http://tmsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tmsk/ru/statistics/employment/ (дата обращения: 03.01.2019).
2. *Состояние рынка труда молодых специалистов по итогам 1 квартала 2017 года*. Head Hunter. [Электронный ресурс] // URL: <https://tomsk.hh.ru/article/20389> (дата обращения: 04.01.2020).
3. *Федеральная служба государственной статистики*. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 15.01.2020).
4. *Что рынок труда предлагает молодым специалистам*. Ведомости. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles /2018/07/23 /776289-rinok-truda> (дата обращения: 24.02.2019).
5. *Head Hunter*. [Электронный ресурс] // URL: <https://tomsk.hh.ru/> (дата обращения: 15.01.2020).

ПАДЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЯ «КАЧЕСТВО ЖИЗНИ» КАК НЕУТЕШИТЕЛЬНОЕ ПОСЛЕДСТВИЕ ПАНДЕМИИ 2020

Н.В. Лапенкова

Научный руководитель: д.э.н. В.Г. Старовойтов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Социальная стратификация или, проще говоря, социальное неравенство ведет к еще большему расслоению общества и возникновению классовых конфликтов.

Как показывает большинство научных исследований в области социологии, конфликты в обществе, социальная напряженность и проявления агрессии непосредственно связаны с показателем «качество жизни». В свете недавних событий, вызванных пандемией COVID-19, ситуация только усугубилась. Вследствие всеобщего локдауна (от англ. lockdown – карантин) большая часть населения лишилась работы или столкнулась с потерей части своих доходов.

Ключевым неэкономическим показателем, оценивающим качество жизни, является Social Progress Index или Индекс Социального Прогресса (далее SPI). Индекс иллюстрирует, как живут более 7 миллиардов человек в 163 странах. Индекс измеряет достижения стран мира с точки зрения общественного благополучия и социального прогресса. Индекс не включает показатели экономического развития стран мира, а предназначен для оценки общественного благополучия в той или иной стране [1].

В сентябре 2020 г. были опубликованы обновленные данные SPI за 2020 год. Обновленный индекс измерил социальный прогресс стран за 10 лет. Исходя из прогнозов Индекса социального прогресса на 2020 год, если не будут приняты срочные меры, пандемия COVID-19 угрожает отбросить глобальное развитие на десятилетие, задерживая достижение Целей устойчивого развития ООН на 62 года, вместо запланированного 2030 года. 17 целей в области устойчивого развития, которые включают искоренение бедности, улучшение доступа к образованию и меры по борьбе с изменением климата, будут достигнуты только к 2092 году, при условии принятия во внимание последствий пандемии [2;3].

Пандемия 2020 и связанные с ней ограничения обнажили давнюю проблему российского общества – проблему цифрового неравенства в нашей стране. До недавнего времени проблеме цифрового неравенства в России не уделяли должного внимания. На сегодняшний день не вызывает сомнения факт влияния информационных технологий и охвата их применения на уровень социально-экономического развития региона, а, следовательно, и на уровень жизни населения.

Вследствие того, что лишь малая часть населения нашей страны имеет доступ к качественным цифровым ресурсам, это оказывает негативное влияние на социальную стратификацию, особенно в период пандемии и перехода большей части жизни в онлайн пространство.

Потеря работы многими нашими соотечественниками и снижение уровня дохода неизбежно повлекли за собой снижение качества жизни. Вполне возможно, что после снятия ограничений, вызванных пандемией, все вышеперечисленное будет подталкивать людей к миграции в поисках лучшей жизни. Задачи по

устранению цифрового неравенства и повышению качества жизни имеют приоритетное значение и поставлены руководством нашей страны на высшем уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. *2020 Social Progress Index*. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.socialprogress.org/> (дата обращения: 15.01.2021).
2. *New data: The pandemic will set back global development by a decade*. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.newstatesman.com/world/middle-east/2020/09/new-data-pandemic-will-set-back-global-development-decade> (дата обращения: 15.01.2021).
3. *The 2020 Social Progress Index Sparks Discussion*. [Электронный ресурс] // URL: <https://socialprogress.blog/2020/09/30/the-2020-social-progress-index-sparks-discussion/> (дата обращения: 15.01.2021).

ЕСТЬ ЛИ В РОССИИ «НОВЫЙ» СРЕДНИЙ КЛАСС?

Л.А. Литвякова

Научный руководитель: д.ф.н. Н.С.Коноплев

Иркутский государственный университет

Выявленные предпосылки становления среднего класса показывают, что он характерен для классовых обществ с развитой капиталистической экономикой. В России не произошло поступательного движения капитализма. Для этого не было соответствующих экономических, социальных и культурных предпосылок, осуществление которых в буржуазном обществе связано с призывом к свободе, индивидуализму, а также к утверждению частной собственности. Из этого закономерно следует, что образ жизни западного общества сформировался под влиянием рационалистичных правовых и социально-экономических отношений. Поэтому капитализм закономерно получает отражение во всей специфике менталитета западного человека. Социальная психология современного российского общества сходна с «мятущимся» духовным миропониманием крестьянства, с его дезорганизованным сознанием, но стремящимся бороться за «идею». Вследствие этого, средний класс в России противоречиво формируется под влиянием интуитивного коллективно субъективного мировосприятия с доминированием неформальных связей, позволяющих подняться вверх по социальной иерархии. Заметим, что российский средний класс подобно советскому обществу или тому же крестьянству может поддаваться классовому и стратификационному анализу, будучи сословно-профессиональным социальным образованием. Это объясняется происхождением современного российского общества из среды производительного советского рабочего класса, в свою очередь вышедшего из среднеклассовой крестьянской среды.

Стоит напомнить, что российский средний класс есть такой массовый субъект, который характеризуется двойственностью. С одной стороны, он индивидуализирован в стремлении достичь высокого потребительского уровня подобно высшим слоям среднего класса, с другой, коллективно хаотичен в видении будущих перспектив того, как этого достичь в отличие, от действующего планомерно и рационально представителя западного среднего класса. В нынешнее время организация и структурирование среднего класса важны для видения его места и роли в обществе, динамики и перспектив развития.

Сперва обратим внимание, что среднему классу в России предшествует советский рабочий класс. Он с распадом СССР претерпел существенную трансформацию. Производительные рабочие не считаются «привилегированным сословием» [3]. Прежде рабочий класс мог легко продвигаться по служебной лестнице, т.е. реализовывать вертикальную мобильность. Если рабочий класс принимал участие в производстве материальных благ, поддерживая и развивая отечественную промышленность, то в последнее время трудным представляется выявление такой производительной силы, а также статуса рабочих физического труда, поскольку - помимо высокой безработицы - наблюдается дефицит квалифицированной рабочей силы. Возможно, причиной этому слабое развитие отечественного производства. Многие крупные промышленные предприятия, не обнаруживая государственной поддержки, перешли в частные руки, что стало

причиной сокращения рабочих мест и использования приобретенного капитала в частных интересах.

Причинами, по которым большинство современных наемных рабочих в России причисляют к среднему классу, является, во-первых, самоидентификация себя с ним. Во-вторых, несмотря на недопотребление большая часть российского общества стремится реализовать потребительские практики, т.е. выступает тем «отводным каналом» [2.С.45] на рынке потребления, о котором упоминал К. Маркс при рассмотрении роли средних слоев.

Необходимо отметить то, что в современной России вследствие изменения характера труда возникла сложность в выявлении содержательных и количественных характеристик среднего класса. В странах с развитой капиталистической экономикой массовый «новый» средний класс, в который входят работники наемного труда («белые воротнички»), образовался первоначально в связи с переходом к третичному сектору экономики - сфере услуг, затем к четвертичному - информационным технологиям, т.е. не к ручному труду. Понятие «новый» средний класс введено Э. Гидденсом с целью отделения его от «старого» мелкобуржуазного среднего класса и от рабочего класса. Затем это понятие проанализировано Ч.Р. Миллсом. В отличие от рабочего класса представители «нового» среднего класса предлагают на рынке труда не физическую силу, а навыки, знания и способности. Иерархия «нового» среднего класса основана не на классовых, а профессиональных различиях, доходах и статусе [4.С.112]. Следовательно, особенностью «нового» среднего класса от «старого» служит неоднородность в профессии, образовании, доходе, служебном положении, из-за чего его становится сложно классифицировать и идентифицировать [5]. В «новый» входят управленцы, обладающие высоким уровнем человеческого капитала и власти, объективирующие производственные и интеллектуальные резервы в своей деятельности [1.С.119]. Как правило, данная прослойка стремится удовлетворить высшие потребности, обрести определенный уровень внутренней свободы за счет обладания необходимыми навыками, позволяющими занять то положение на рынке труда, которое обеспечивает независимость от социально-экономических условий. В «старый» включены представители «малого бизнеса» («мелкой буржуазии»), нацеленные прежде всего на увеличение экономического капитала. Т.е. средний класс характерен для позднеиндустриального и постиндустриального общества. Он в современном понимании выступает в качестве основного источника воспроизводства интеллектуального капитала, а в сложившихся рыночных условиях - перераспределения труда и потребления. Следовательно, в России такой класс находится на этапе своего становления, поскольку существуют проблемы с рынком труда: высокая безработица, недостаточная востребованность в технической и научной интеллигенции, отсутствие профсоюзов во многих коммерческих организациях. Кроме того, российский средний класс образуется в условиях неразвитого капитализма, поэтому вплоть до сегодняшнего дня не произошло численного увеличения интеллектуальных человеческих ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беляева Л.А.* Средний класс: проблемы формирования и развития в России // Мир России. №2. 1996. С.117–131.

2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.26. М.: Государственное издательство политической литературы, 1964. 674 с.
3. Юрасов И.А. Российский рабочий класс как сословие / И.А. Юрасов, О.Н. Юрасова // Экономикс. 2014. №1.
4. Giddens A. The Growth of the New Middle Class // Vidich A.J. The New Middle Class. Palgrave Macmillan, a division of Macmillan Publishers Limited, 1995. pp.103–129.
5. Mills C. W. White Collar: The American Middle Classes. New York: Oxford University Press, 1951. 412 p.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПОДРОСТКОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В. В. Машошина

Научный руководитель: Т.В. Красникова

Евпаторийский институт социальных наук (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Одной из наиболее важных социально-педагогических проблем современности является углубленное изучение вопроса развития и функционирования социализации детей и подростков в современном обществе. В отечественной науке значительное внимание социализации, уделялось в трудах и исследованиях следующих специалистов: П.Ф. Каптерев, А.В. Мудрик, Ж.Т. Тощенко. Они анализируют процесс социализации подрастающего поколения и доказывают, что формирование человека как личности вступает во взаимодействие с окружающей средой, которая играет в этом процессе важную роль. Этот процесс направляется обществом через влияние государства на определенные возрастные, социальные и профессиональные группы людей. Социальная адаптация – это обязательное условие и результат успешной социализации. Молодое поколение перенимает современную систему знаний, норм, взглядов и моделей поведения в социальной среде. В процессе анализа различных социальных явлений авторы выявляют важные социальные и образовательные явления. Под социально-педагогическими процессами понимаются разнообразные социальные явления и отражается сущность педагогического взаимодействия элементов общества и личности на различных этапах его социализации.

На основе проведенных теоретических исследований в статье утверждается, что социально-педагогические процессы являются продуктом взаимодействия педагогических ресурсов и возможностей общества и личности в процессе социализации.

Целью данной работы является, рассмотрение особенностей процесса социализации подростков в современном обществе.

Впервые термин «социализация» применил американский социолог Г. Гиддингс в 1887 году [1.С.5]. В своем труде «Теория социализации» ученый рассматривал социализацию как подготовку человека к жизни в обществе. Социальные ожидания детей и подростков не многогранны и могут меняться. Огромное влияние оказывают социальные и культурные условия, в которых они воспитываются.

В отечественной педагогике термин «социализация» ввел П.Ф.Каптерев. В своем труде «История русской педагогики», изначально данный термин использовался автором в смысле «общественное воспитание» [2.С.254].

Социализация является процессом формирования и развития личности, основанном на усвоении, принятии, понимании и осознании индивидом на протяжении всей жизни определенных образцов поведения, психологических механизмов, социальных норм и культурных ценностей. Все это способствует вхождению индивида в социальную жизнь и успешному функционированию в ней [4. С.239].

Процесс социализации как правило совершается в два этапа: первичная социализация происходит от рождения до подросткового возраста, а вторичная социализация продолжается на протяжении всей жизни. Социализация взрослых мо-

жет происходить тогда, когда люди оказываются в новых, непривычных для них обстоятельствах, особенно в тех, в которых они взаимодействуют с людьми, чьи нормы или обычаи отличаются от их.

Во время социализации ребенок учится становиться членом группы, сообщества или общества. На макроуровне социализация гарантирует, что у нас есть процесс, посредством которого передаются нормы и обычаи общества. Социализация учит людей тому, что от них ожидается в определенной группе или ситуации, это своего рода форма социального контроля.

Для комплексного изучения процессов социализации в современном российском обществе необходимо рассмотреть классификацию факторов, оказывающих влияние на процесс социализации [3.С.35].

Факторы социализации в обобщенном виде можно объединить в три группы:

1) макрофакторы – глобальные механизмы, влияющие на социальное развитие личности (общество, государство, окружающий мир, планета);

2) мезофакторы – условия социализации больших групп людей, выделяемых: по национальному признаку, по месту и типу поселения, а также по принадлежности к аудитории тех или иных средств массовой коммуникации;

3) микрофакторы – факторы, оказывающие непосредственное влияние на социализацию человека (семья, школа, подростковые объединения).

Таким образом, особенности социализации подростков в современном обществе остаются одной из актуальных проблем. Несмотря на кардинальность изменений в современном обществе, следует обратить внимание на то, что подрастающее поколение гораздо быстрее и легче адаптируется к изменяющимся социальным условиям, поскольку воспринимает их как должное. Это провоцирует рост автономии подрастающего поколения от взрослого сообщества. Разница между восприятием, образом жизни, самореализацией подростков и взрослых становится все более значительной. Это определяет тот факт, что некоторые нормы, еще не принятые во взрослом обществе, уже присутствуют в среде подрастающего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Каптерев П. Ф.* История русской педагогики. Изд. 2-е, пересмотр. и доп. Пг.: Земля, 1915. XXII. 746 с.
2. *Мудрик А.В.* Социализация человека: Учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 304 с.
3. *Тоценко Ж.Т.* Социология: Общий курс. М.: Прометей: Юрайт. М, 2001. 511 с.
4. *Giddings F. P.* The theory of socialisation. N. Y., 1897.51 p

ТЕОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КОДИРОВАНИЯ: СОДЕРЖАНИЕ, ПАРАМЕТРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В.И. Надольская

Научный руководитель: д.с.н.И.В. Котляров

ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси»

Современное общество охвачено конфликтами и социально-политическим напряжением, а пандемия коронавируса обострила и без того множество существующих проблем. Новая социальная реальность требует разработки принципиально нового механизма исследования происходящих процессов, возникающих конфликтов, социальных и политических трансформаций, создания новой парадигмы в науке, способной более точно и детально объяснять многочисленные проблемы, существующие в глобальном мире, и предлагать варианты их решения. Такая парадигма может быть заложена в теории цивилизационного кодирования.

Основным методологическим параметром данной теории является цивилизационный код, который понимается как совокупность основополагающих образцов (моделей) человеческого существования и жизнедеятельности в которых закреплены основные жизненные смыслы и ценности, идеи и образы, традиции и инновации, нормы и правила, характеризующие ментальность как отдельных социальных групп, так и населения страны в целом [2].

В научном познании любого объекта принято выделять его сущность и принципы, предметно-объектное исследование проблемы, его закономерности, новый понятийно-категориальный аппарат, а также определенные методы познания. Согласно анализу всех этих требований, мы можем утверждать о том, что цивилизационный код может претендовать на теоретически оформленную отрасль знания.

Исследуемый в данной области материал, накопленный опыт и знания могут быть систематизированы в отдельную дисциплину «Теорию цивилизационного кодирования», предложенную белорусскими социологами [1]. Предметом изучения данной теории являются явления, процессы, взаимоотношения, механизмы, закономерности формирования и развития цивилизационного кода, его основных элементов и институтов.

Предмет теории цивилизационного кодирования, как и любой науки, будет фиксироваться в его законах, принципах и категориях. В системе категорий цивилизационного кода исходным является понятие «код» как некое совокупное значение, в котором содержатся основные ценности, нормы, смыслы, традиции народа. С ним могут быть связаны и другие понятия: кодовая идентичность, кодовая социализация, кодовая культура, кодовые отношения и т.д.

Совокупность проблем, которые вошли бы в предмет цивилизационного кодирования можно разделить на несколько блоков:

1. Раскрытие понятия и сущности цивилизационного кода как целостного явления, его функции;
2. Изучение структурных компонентов цивилизационного кода и его оснований: исторической памяти, национальных идей, менталитета, исторических ценностей, стереотипов, идеологии и т.д.;

3. Изучение объектов и субъектов цивилизационного кода, а также особенностей их субъектно-объектных и объект-объектных отношений;

4. В связи с появлением нового категориального аппарата следует изучить такие понятия как «процесс кодовой социализации», «кодовая культура», «кодовые отношения»;

5. Исследование специфики взаимосвязи цивилизационного кода и понятия идентичность, «кодовая идентичность».

Сферой цивилизационного кода являются все сферы жизни общества, вся совокупность идей и образов, ценностей и традиций, определенных норм, которые накоплены в обществе за длительный исторический период. Соответственно и объектом цивилизационного кода будут все кластеры составляющие цивилизационный код, с совокупностью всех процессов и явлений, которые происходят внутри них, ценностей и традиций, опыта и моделей поведения, которые приняты в них и содержатся [2].

Субъектами цивилизационного кода будут выступать индивиды и группы, нации, народы, семья, армия, учебные заведения – носители и передатчики определенной кодовой информации. Специфическим субъектом будет выступать государство как основной выразитель национальных интересов, духовного, интеллектуального и инновационного потенциала страны, инструмент для сохранения исторического наследия и воспитания гражданственности и патриотизма.

Таким образом, в узком понимании, всю совокупность взаимосвязей и взаимообусловленных отношений, возникающих в результате взаимодействия субъектов и объектов цивилизационного кода можно назвать кодовыми отношениями [2].

В более широком смысле, кодовые отношения – это отношения между носителями цивилизационного кода (государством, социальными общностями, группами, классами, институтом семьи, армии, образования, религии, отдельными личностями и др.), как субъектами, которые исторически длительное время, на определенной территории, выполняя определенные социальные роли и функции, формируют идеи, ценности, обычаи и традиции, ритуалы и модели поведения в различных сферах своей жизнедеятельности и объектами, на которых направлен определенный механизм воздействия, основная цель которого передача цивилизационного кода будущим поколениям [2].

В качестве основных методов изучения цивилизационного кода можно назвать следующие: социологический, исторический, нормативно-ценностный, сравнительный, структурно-функциональный.

Изучение цивилизационного кода влечет определенный ряд трудностей, основная из которых то, что понятие цивилизационный код имеет терминологическую многозначность. К тому же не уяснена до конца сущность данного понятия. Каждый ученый дает свое видение и понимание того, что он подразумевает под цивилизационным кодом («традицию», «ментальность», «архетип», «ядро» или «знаковую схему деятельности») и отталкиваясь от этого выстраивает свою смысловую конструкцию интерпретации понятия. Еще одной проблемой является то, что цивилизационный код имеет очень непростую структуру, его сфера охватывает как все общество, так и огромный комплекс институтов, процессов и явлений, которые в нем происходят, что в свою очередь очень сложно привести

в некую систему. Однако научное познание понятия цивилизационного кода дает нам все основания для того, чтобы мы говорили о нем как о будущей научной теории и парадигме знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Котляров И.В.* Современная цивилизация: парадигма для XXI века (социологический дискурс) // Иппокрена. 2020. №2. С. 136–154.
2. *Надольская В.И.* Цивилизационный код: понятие и сущность // Иппокрена. 2018. № 2. С. 218–225.

КОМИЧЕСКОЕ КОСМИЧЕСКОЕ: ОБРАЗЫ И СЮЖЕТЫ РОССИЙСКИХ КОСМИЧЕСКИХ КОМЕДИЙ

А.Е. Пискунова

Научный руководитель: к.и.н. И.Г. Поправко

Национальный исследовательский Томский государственный университет

На протяжении последнего столетия космос прочно вошел в пространство как индивидуального, так и коллективного воображения. Последнее в значительной степени опирается на вдохновляющую силу медиа-образов, среди которых особое место занимают кинематографические. При этом предмет представлений о космосе, конструируемых возможностями кинематографа, с очевидностью (для социальных исследователей и обыденного сознания) принадлежит трем сферам. Во-первых, социальной и культурной истории космической эпохи периода Холодной войны, а также постсоветской рецепции этих событий и содержанию коллективной памяти [6]. Во-вторых, сюжетам, в которых основной семантический фон задают научно-технические достижения [5]. В-третьих, фантастическим повествованиям, которые формируются риторикой страха и оформляются в образы «жуткого космоса» [1]. Здесь можно зафиксировать два любопытных момента. В кинематографическом фокусе космос – это «серьезная» тема. Космическое пространство требует вдумчивого и строгого отношения, поднимает серьезные мировоззренческие вопросы (милитаризация космоса, национализация vs. глобализация космических исследований) и философские проблемы («кто мы?», «откуда мы?»). С. Шукайтис указывает, что современные подходы к космическим программам опираются на репрезентативную концептуализацию космического пространства, используя его как ответ на земные политические и экономические кризисы и обстоятельства [7]. Тенденцию *отражать* доминирующие в обществе ценности, нормы, идеалы имеет и кинематограф в целом, однако фантастическое кино во многом отходит от рамок правдоподобности [3]. Стремясь устранить «белые пятна» общественного сознания и лакуны в оптике социогуманитарных исследований, настоящее исследование пытается ответить на вопрос – как *комический дискурс* встроен в космическое повествование? Материалом анализа служат российские полнометражные комедии 2010-х гг., семантически связанные с темой космоса, которая понимается предельно широко.

Итак, охарактеризуем основные семиотико-нарративные свойства космических комедий. Сюжет разворачивается на периферии социального пространства в российском «настоящем»: сцены демонстрируют городские и сельские окраины, в которых социальная жизнь рутинна и малоактивна. Главные персонажи – типичные «низкие» герои [2], занимающие невысокое социальное положение, неопрятные, простоватые и пассивные. Кинематографический аналог сказочного «лежания на печи» – работа охранника в офисе. Космическое, как особый человеческий опыт, связано с «внешними» обстоятельствами (падение метеорита, встреча с пришельцами) и внутренними, субъективными переживаниями (воспоминания). Актуализация космической идеи сопровождается переносом кинодействия в онейрический хронотоп [4] с последующим возвращением в исходное время-пространство. Для него характерны разные формы искажения восприятия реальности, аналитически кодируемые как измененные состоя-

ния сознания. Социокультурное (вос)производство последних реализуется в киноповествовании через специфические ситуации-состояния: «пьяные» разговоры, рассказ пациента доктору в психиатрической больнице, воспоминания советского детства, когда «каждый ребенок хотел стать космонавтом».

Следуя канонам волшебной сказки, «низкие» герои должны неожиданно совершить героические подвиги либо получить поддержку волшебных сил и достичь сказочной цели. Однако космические комедии становятся художественным пространством нереализованного потенциала киногероя, опрокидывают идею о больших возможностях, заложенных в простом человеке из народа. Даже использование чудесных сил или знаний, как, например, сверхспособности, появившиеся у людей после падения метеорита, или предупреждение инопланетян, полученное землянином, не приводит к повышению социального статуса «низкого» героя и обретению богатств, разрушает обещания светлого будущего и надежды на спасение (человечества).

В повседневной жизни космос возможен только как вымысел и помешательство, поэтому современный топос космического – это когнитивно-психологическая не-норма. Разочарование и неудачи становятся сопутствующими реалиями, когда действия современного человека могут иметь отношение к космосу (от запуска полетов до встречи с пришельцами).

Анализируемые комедии аннулируют утопию космоса, сформированную эрой космического энтузиазма, в которой Человек на волне научно-технического оптимизма без неудач *осваивает* внеземное пространство. Здесь иронический контекст направляет смысловое развитие фильма на самоотрицание, реализуется в намеренном столкновении смысловых рядов – реального и идеального, должного и недолжного. Космические комедии анти-утопичны как в смысле социально-исторической модели, с точки зрения представленной системы ценностей и норм, так и по форме художественного повествования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верещагина Н.В.* Устройство «жуткого космоса»: биологическая интервенция и парадоксы технологий / Н.В. Верещагина, Е.Г. Лапина-Кратасюк // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2018. № 2. С. 60–72.
2. *Мелетинский Е.М.* Герой волшебной сказки. М.; СПб.: Академия Исследований Культуры: Традиция, 2005. 240 с.
3. *Мкртычева М.С.* Кино как предмет социологического изучения: возможности и перспективы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 113–118.
4. *Савельева В.В.* Художественная гипнология и онейропозтика русских писателей: монография. Алматы: Жазушы, 2013. 520 с.
5. *Boczkowska K.* Spaceflight as the (Trans)National Spectacle: Transforming Technological Sublime and Panoramic Realism in Early IMAX Space Films // Multiculturalism, Multilingualism and the Self: Literature and Culture Studies, 2017. PP. 123–137.
6. *Remembering the Space Age* / ed. by Steven J. Dick. National Aeronautics and Space Administration, Office of External Relations, History Division, 2008. 465 p.
7. *Shukaitis S.* Space is the (Non)Place: Martians, Marxists, and the Outer Space of the Radical Imagination // Sociological Review. Vol. 57. Is. 1. PP. 98–113.

НОВАЯ «ВЕЛИКАЯ МИГРАЦИЯ» АФРОАМЕРИКАНЦЕВ В США

А.А. Сажин

Научный руководитель: А.С. Лучников

*Пермский государственный
национальный исследовательский университет*

История «великого переселения» афроамериканцев началась сто лет назад, когда примерно девять из десяти представителей этой категории населения США были расселены преимущественно в сельской местности ее юго-восточной части. Неоднозначное положение афроамериканцев в социальной иерархии Юга (законы Джима Кроу) и ограниченные экономические возможности в области трудоустройства (механизация сельского хозяйства сделала многих занятых в первичном секторе безработными) стали главными выталкивающими факторами. В течение следующих шести десятилетий (1910–1960-е годы) более 6 миллионов афроамериканцев направились в северные штаты в поисках более терпимого общественного отношения и постоянной работы, за своей американской мечтой.

Индустриализация Северо-Востока и Среднего Запада создала миллионы рабочих мест для неквалифицированных рабочих. Промышленные круги в северных штатах активно приветствовали миграцию афроамериканцев и их трудоустройство на фабриках, тем самым удовлетворяя спрос на дешевую рабочую силу. В истории США это переселение получило название «Великая миграция афроамериканцев». Оно стало одним из масштабных миграционных процессов, протекавших когда-либо на территории страны. К концу 1960-х годов больше всего афроамериканцев проживало в Нью-Йорке, Иллинойсе и Калифорнии.

В начале 1970-х годов была обнаружена новая тенденция механического движения населения. Выяснилось, что афроамериканцы стали покидать города северных штатов и перемещаться обратно на Юг. Например, Нью-Йорк с 2000 по 2010 годы потерял более 67 тыс. афроамериканцев, Чикаго потерял более 58 тыс., а Детройт потерял более 37 тыс. [4]. В то время как Атланта, Хьюстон, Майами и Вашингтон, наоборот, увидели рост афроамериканского населения за тот же период. Появились размышления о том, что «Великая миграция» меняет курс. Это миграционное явление получило название новая «Великая миграция афроамериканцев», которая по своим масштабам не менее значительна, чем предыдущая. Она не только предвещает серьезные изменения в политике страны, но и свидетельствует о неспособности либерального Севера интегрировать большинство афроамериканцев в социально-экономическую жизнь общества.

Новая волна миграции молодых, образованных, семейных и пожилых афроамериканцев из всех частей страны показывает, что новые социально-экономические факторы «притяжения» на Юге теперь сильно перевешивают «отталкивающие». В последние десятилетия штаты Джорджия, Южная Каролина, Вирджиния, Техас и Флорида удерживают лидерство в наибольшем приросте афроамериканского населения. Сегодня 58% афроамериканцев США живут на Юге [5].

Первая причина новой волны миграции – динамика рынков труда. Для афроамериканцев Юг представляет собой регион новых возможностей, в то время как приспособиться к условиям рынка в современных городах Севера намного

сложнее. В экономически развитых штатах широкое развитие индустрии инноваций в различных областях жизни людей, серьезная конкуренция, большие налоги и влиятельные профсоюзы приводят к сокращению потребности в неквалифицированной рабочей силе. На Юге занятость растет быстрее благодаря низким налогам и более «спокойной» атмосфере бизнеса. По созданию рабочих мест в 2000-х годах лидировали Атланта, Роли, Хьюстон и Шарлотт, в том время как в уровень безработицы среди афроамериканцев в Детройте, Сент-Луисе и Чикаго составлял 20% [3]. Кроме этого, существует мнение, что «северное» общество ценит мигрантов из других регионов мира больше афроамериканцев, поскольку первые имеют репутацию открывателей малых предприятий и возрождения пришедших в упадок городских кварталов [1].

Вторая причина – высокая стоимость жизни на Севере, которая усложняет условия развития среднего класса независимо от цвета кожи. В то же время она представляет особую проблему именно для афроамериканских семей. Средняя цена дома для одной семьи в северо-восточных мегаполисах постоянно растет и составляет более \$240 тыс., по сравнению с \$153 тыс. на Юге. Стоимость продуктов, жилья, коммунальных услуг и оплата медицинских услуг в южных штатах намного меньше [3].

Третья причина – неэффективность социальных государственных услуг, несмотря на высокие пособия. Государственные школы с большим афроамериканским контингентом работают неэффективно. Семьи переезжают на Юг в поисках лучших школ, университетов и социальных программ для подрастающего поколения афроамериканцев.

Наконец, более благоприятные климатические условия являются дополнительным стимулом для переселения. Многие пожилые афроамериканцы, следуя общенациональной традиции, поселяются во Флориде, которая привлекает больше мигрантов, чем любой другой штат. Социологи обнаружили, что пожилые афроамериканцы переезжают не только в «классические» места для выхода на пенсию, но и вглубь южных штатов, из которых давно мигрировали. Антропологи описывают это явления, как «звонок домой» [2].

С новой «Великой миграцией» на Юг уменьшается дискриминация афроамериканского населения и растет их число в составе среднего класса. Становится меньше разрыв между сегодняшней реальностью и старой расистской политической риторикой. На данный момент афроамериканцы являются самыми надежными избирателями демократов. Принося с собой «северный» либерализм, они могут изменить политический баланс в консервативных штатах. Однако афроамериканцам становится все труднее представлять свои растущие политические интересы в одной партии с большой концентрацией афроамериканских кандидатов. В конечном итоге, некоторые афроамериканцы могут попробовать испытать свою политическую судьбу за пределами Демократической партии – стать независимыми политиками или присоединиться к Республиканской партии.

Таким образом, современный американский Юг динамично преобразовывается в социально–экономическом и политическом планах. Запустился процесс трансформации, который может навсегда изменить консервативный Юг.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Buchanan A.* The New Great Migration // Nonprofit Quarterly. 2016. [Электронный ресурс] // URL: <https://nonprofitquarterly.org/new-great-migration> (дата обращения: 01.04.2021).
2. *Clayton J.* Key Black Groups: Buppies: New Power in Politics // Los Angeles Times. 1985. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1985-08-26-mn-26345-story.html> (дата обращения: 07.04.2021).
3. *Disalvo D.* The Great Reverse Migration: African-Americans are abandoning the Northern cities that have failed them // Pittsburgh Post-Gazette. 2012. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.post-gazette.com/opinion/Op-Ed/2012/09/30/The-Great-Reverse-Migration-African-Americans-are-abandoning-the-Northern-cities-that-have-failed-them/stories/201209300228> (дата обращения: 08.04.2021).
4. *Muhammad L.* Black Residents Leaving New York, Chicago, Philadelphia, And Detroit In Reverse Migration // The Vibe. 2018. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vibe.com/news/national/reverse-migration-chicago-philly-nyc-black-populations-597314/> (дата обращения: 08.04.2021).
5. *U.S. Department of Health and Human Services.* Office of Minority Health // 2019. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.minorityhealth.hhs.gov/omh/browse.aspx?lvl=3&lvlid=61> (дата обращения: 06.04.2021).

НЕОБХОДИМОСТЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПЕРИОД НЕСТАБИЛЬНОСТИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В.В. Спендер

Научный руководитель: д.в.н. В.А. Спендер

Российский государственный гуманитарный университет

Происходящие в мире негативные события в различных сферах человеческой деятельности по всему миру, детерминированные недостаточно грамотными решениями властей, идущих вразрез с общественным мнением и неготовностью к тем или иным переменам, значительно повышает социальную напряженность и уровень нестабильности в государствах.

Рост конфликтов наблюдается на всех континентах. К последним дестабилизирующим факторам, таким как мировой финансовый кризис 2008 года, серия цветных революций, прокатившихся по всем континентам, санкционная и торговая войны, организованные США против Китая, Ирана и России, добавился COVID-19, который ввел жестокие запреты и ограничения на перемещения, соблюдения дистанции и социальных контактов.

Все эти процессы привели к дестабилизации гражданских обществ в странах по всему миру. В большинстве стран Европы, Южной Америки, США запреты в связи с COVID-19 переросли сейчас в колоссальные протестные проявления: митинги, погромы, демонстрации и шествия с столкновениями с органами правопорядка. Так во Франции демонстрации и протесты с противостоянием с полицией привели к отзыву законопроекта «О глобальной безопасности». Масштабные митинги и уличные беспорядки углубили политический кризис в Грузии. Экономические требования трудящихся и связанные с ним митинги против нестабильной ситуации в стране привели к созданию в странах различных организаций,двигающих протестные процессы. Так, например, «Движение по спасению Родины» в Армении, другие неправительственные, некоммерческие организации на постсоветском пространстве и по всему миру. Все перечисленные события отражаются на самоощущении граждан и приводят к социальной напряженности, перерастающей в нестабильность (или даже к революционной ситуации). Необходимо отметить, что данные события подчеркивают важность общественного мнения и политические взгляды граждан на внутреннюю политику государства, в котором они проживают и в особенности их самовосприятие в сложившихся обстоятельствах. Частыми причинами таких проблем являются происходящие внутренние политические и экономические процессы, которые сильно отражаются на восприятии гражданами благосостояния своей жизни и ее перспектив в обозримом будущем.

По результатам прошедших событий можно точно сказать, что гражданам зачастую не все равно, что происходит в их стране.

Таким образом предупреждение и возможные решения наступающих проблем могут реализовать современные социологические исследования, которые призваны отразить в статистических данных общественное мнение и мысль о том, как переживает общество те или иные процессы, происходящие в их государстве.

Чаще всего, происходит так, что принятые государственной властью решения входят в радикальные противоречия с общественным мнением на этот счет, часто полностью игнорируя его. Поэтому в последствии можно наблюдать результаты таких решений в реакции граждан, которые заключаются в снижении уровня положительного самовосприятия и тем самым социальной нестабильности в стране, массовым материальным потерям, переживания экзистенциального кризиса гражданами страны и в целом открытого насильственного противостояния.

Для выявления появления негативных социальных факторов в обществе заблаговременно возможно обнаружить путем сбора и анализа данных общественного мнения, полученных путем активной кампании социологов. Этим путем возможно определить и минимизировать будущую протестную проблему в обществе. Из данных, полученных социологами, можно прогнозировать будут ли те или иные решения и действия наиболее актуальны в настоящий момент и не приведут к массовым митингам и протестам, которые могут резко перейти в открытую насильственную конфронтацию.

Оценка общественного мнения позволяет оценить готовность общества принять то или иное решение, а также открывает возможность для анализа выявления факторов принятия или отказа от принимаемого руководством решения. При расхождении взглядов на результат принимаемых тех или иных решений существует вариант обсуждения по их доработке или корректировке, а также появляется возможность подготовить «фундамент» для проведения мероприятий, направленных на изменение отношения общественности на тот или иной вопрос или проблему, затрагивающую их благополучие или благосостояние.

Поспешные решения в совокупности с недостаточным прогнозированием результатов приводят к негативным последствиям, которые можно натурно в реальном масштабе времени наблюдать в различных странах по всему миру.

Современная социология тем самым призвана помочь принять правильное решение, исходя из сбора, анализа, оценки и прогнозирования входящих данных из опроса общественности по тому или иному вопросу, что делает ее уникальным перспективным инструментом во благо общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов О.И.* Введение в социологию социальных проблем. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2003.
2. *Кравченк, С.А.* Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социологические исследования. 2012. № 5.
3. *Римский В.Л.* Социальная политика как метод решения социальных проблем // Общественные науки и современность. 2006. № 5.

МОДЕЛИ ТРУДОУСТРОЙСТВА ЛЮДЕЙ С МЕНТАЛЬНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ: ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

А.А. Тарасенко

Научный руководитель: А.В. Майборода

НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге

В настоящее время мировой тенденцией социальной политики в отношении людей с ментальными особенностями (инвалидностью) является создание условий для успешного выхода на рынок труда. В настоящей работе, на основании анализа иностранных источников, приводятся существующие за рубежом практики трудоустройства людей с ментальными особенностями.

В различных странах существует несколько видов трудоустройства людей с интеллектуальными особенностями. Выделяются защищенная занятость (sheltered), поддерживаемая (supported) и открытая или конкурсная занятость (open/competitive employment) [1]. Если говорить о первом виде трудоустройства, то защищенная занятость (sheltered employment) характеризуется как облегченная временная форма трудоустройства, созданная специализированная рабочая среда, где проходит обучение и адаптация поведения людей с интеллектуальными особенностями в рамках «интегрированного» рабочего пространства J. Kregel и D. Dean отмечают, что данный тип занятости выполняет функцию подготовки человека с ментальными особенностями к конкурентному рынку труда (competitive), через так называемые «переходные и расширенные программы занятости» [5.С.68]. По мнению исследователей, эти условия улучшают качество жизни по сравнению с безработными. Но американские ученые R. Citera, P. Wehman и M. West по результатам своего исследования приходят к выводу, что инвалиды в условиях защищенной занятости работают меньшее количество часов за более низкую заработную плату, чем при других видах [3.С.91]. Тем не менее, этот тип занятости может способствовать перспективам успешного трудоустройства на конкурентном рынке труда и обретению в будущем некоторой независимости наряду с финансовыми выгодами, свободой воли и повышением самооценки.

Поддерживаемая занятость (supported employment) предлагает специализированные услуги помощи в трудоустройстве людям с ментальными особенностями на различных этапах трудоустройства. Специалисты центров помогут найти вакансии, занять и сохранить позицию в условиях открытого рынка труда, в зависимости от потребностей человека. Отмечается, что при таком взаимодействии повышается работоспособность людей, увеличиваются часы работы и оплата труда. Это подтверждают данные исследования M. Baker-Ericzén et al., где авторы указывают, что среди людей с расстройством аутистического спектра, устроившихся на работу с поддерживаемой занятостью, наблюдается увеличение работоспособности с 6 до 20 часов в неделю, соответственно вырастает и оплата труда [2.С.16]. Однако, D. Gilmore et al. показали, что поддерживаемая занятость связана с низкими заработками и рабочими часами среди людей с церебральным параличом по сравнению с занятостью без поддержки [4.С.35]. В таком случае они зарабатывали 107 долларов в неделю. Данный тип трудоустройства имеет схожие черты с практикой российских центров занятости

населения, где реализуются программы сопровождения при трудоустройстве инвалидов.

При открытой или конкурентной занятости (open/competitive employment) человек с интеллектуальными особенностями остается один на один с общими условиями рынка труда, где ему не предоставляется какой-либо помощи или поддержки со стороны государственных структур, НКО или работодателей. Но сохраняются возможности неполной занятости, сокращенного рабочего дня и получения соответствующих льгот. В процессе открытого трудоустройства исследователи выделяют несколько вариантов взаимодействия между «агентами» трудоустройства: 1) работодатель-сотрудник работодателя (наставник, коуч) – IDD; 2) IDD – родственники – агентство (центр помощи инвалидам) – работодатель. По факту же человек вступает в конкуренцию с нейротипичными людьми и это имеет двоякое влияние на самого человека. С одной стороны, это усложняет ему жизнь, так как увеличивается время на профессиональную социализацию. С другой стороны, конкурентная занятость вынуждает человека с ментальными особенностями быстрее включаться в межличностные отношения с другими сотрудниками.

Множественность способов трудоустройства находит отражение в увеличивающемся диапазоне вариантов трудоустройства – закрытые мастерские, включая предприятия социального назначения; микропредприятия (ИП), поддерживаемую и индивидуальную занятость, а также другие рабочие места с поддержкой, основанной на индивидуальных потребностях, согласованных с потребностями работодателя и т.д. Относительно новые варианты трудоустройства включают социальное предпринимательство, которое может обеспечить занятость для коллектива людей с ограниченными возможностями, с целью создания прибыльного и процветающего бизнеса, оказывая при этом социальное воздействие.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Almalky H.A.* Employment outcomes for individuals with intellectual and developmental disabilities: A literature review // *Children and Youth Services Review*, Volume 109. 2020. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0190740919308503> (Дата обращения: 18.01.2021).
2. *Baker-Ericzén M.J., Fitch M.A. et al.* Development of the supported employment, comprehensive cognitive enhancement, and social skills program for adults on the autism spectrum: Results of initial study // *Autism*, 22. 2018. pp. 6–19.
3. *Cimer, R.E., Wehman P., West M., Burgess S.* Do sheltered workshops enhance employment outcomes for adults with autism spectrum disorder? // *Autism*, 16. 2012. pp. 87–94.
4. *Gilmore D. S. et al.* An analysis of trends for people with MR, cerebral palsy, and epilepsy receiving services from state VR agencies: Ten years of progress // *Rehabilitation Counseling Bulletin*. 2000. Т. 44. №. 1. pp. 30–38.
5. *Kregel J., Dean D. H.* Sheltered vs. supported employment: A direct comparison of long-term earnings outcomes for individuals with cognitive disabilities // *Achievements and challenges in employment services for people with disabilities: The longitudinal impact of workplace supports*. 2002. С.63–84.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ НА ОСНОВАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

В.В. Фролов

Научный руководитель: к.п.н. А.В. Никандров

Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова

Современный мир не стоит на месте, он находится в состоянии постоянной изменчивости. Происходящие в мире и обществе изменения, безусловно, влияют и на такие составляющие жизни человека, как экономика. В результате, одним из важнейших направлений исследования для сегодняшней социологии как науки является изучение того, как социум реагирует на происходящие экономические явления, каковым является его экономическое поведение в рамках тех процессов, которые на него непосредственно влияют. В моём понимании, это имеет весьма существенное как теоретическое, так и практическое значение.

В настоящее время мы можем наблюдать переходную стадию развития экономики в России. Целый комплекс реформ, начавшийся ещё в девяностых годах прошлого века сильно изменил как экономическую, так и социальную сферы жизни общества. Произошедшие трансформации не могли не сказаться на российском обществе. Тем не менее, на данный момент мы можем наблюдать целый ряд отличительных черт, свойственных современной России. Во-первых, это постоянный рост цен на большую часть продуктов, напрямую связанный с постоянной инфляцией, во-вторых, сильное разделение слоёв населения по уровню доходов, неравномерность распределения денежных средств, в-третьих, общее несоответствие стоимости жизни и установленных в стране доходов [1.С.52]. Упомянутые выше явления естественным путём приводят повышению социальной напряжённости внутри российского общества, что не может не влиять, в свою очередь, на работу государственных органов власти. Именно изучение экономического поведения граждан в сложившейся экономической ситуации позволит сделать определённые выводы и предпринять ключевые меры для улучшения ситуации в стране, что и делает данное исследование актуальным.

В моём исследовании, основанном на полученных эмпирическим путём данных, ставших результатом опроса в 2016-м году среди жителей Курской области выборкой в пятьсот человек, было обнаружено несколько фактов, благодаря которым можно сделать некоторые выводы [4.С.88].

Так, например, стало очевидно, что в результате кризиса 2014–2015 гг. граждане практически перестали инвестировать денежные средства, предпочитая хранить их «про запас», предполагая, что экономическая ситуация в стране слишком нестабильная для того, чтобы вкладывать деньги в будущее, так как зачастую им не хватает. Однако, к 2016-му году ситуация уже изменилась к лучшему. Так, 40% опрошенных предпочитают исключительно банковские вклады, а 21% используют две формы – банковскую и наличную форму хранения сбережения. Лишь небольшой процент выборки показал тех граждан, которые действительно инвестируют, то есть, имеют ценные бумаги или же хранят свои средства в валюте. Тем не менее, по сравнению с результатами опросов 2014–2015 гг., показавших низкую заинтересованность граждан к вложениям, в 2016 году индивиды смогли адаптироваться к изменившейся ситуации.

Благодаря полученным данным, мы можем говорить о своеобразной сложившейся на территории России экономической культуре, то есть исторически сложившейся, передаваемой от поколения к поколению устойчивой системе социокультурных ценностей и форм поведения индивидов и групп, которые применяются ими в бытовой практике.

Можно также заметить тенденцию в обществе, основанную на скептическом отношении к распоряжению денежными средствами. Большая часть населения, и в частности это можно видеть в проведённом опросе, не склонна считать необходимым планировать свою экономическую активность. Например, по официальным данным, можно заметить, что в США практически половина всего взрослого населения в стране обладает акциями, облигациями или иными видами инвестиций. Однако в России это число составляет от 1% до 8% в зависимости от региона. Это говорит об отсутствии у населения соответствующих знаний по финансовой грамотности и нежелании власти развивать этот сегмент образования.

Несмотря на это, в целом Россия обладает весьма высоким уровнем образования населения, большим, чем у большинства развивающихся стран, что является её неоспоримым преимуществом. Однако нельзя забывать про колоссальные экономические проблемы, такие как недостаточное финансирование социальных отраслей, отток квалифицированной рабочей силы, проблема бедности и другие. Таким образом, для того, чтобы достичь стабильности в экономической составляющей жизни в стране, государству необходимо осуществить ряд мероприятий, таких как изменение бюджетных приоритетов, увеличение инвестиций в человеческий капитал, развитие финансовой грамотности населения. Только при достаточно комфортных условиях для социальной и экономической активности населения экономическая система сможет выйти на новый уровень.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Власть* и общество в регионах России: практики взаимодействия. 2015. / Отв. ред. И. А. Халий. М.: Институт социологии РАН. 183 с.
2. *Еременко С.Л.* Влияние этнической идентичности на экономическое поведение россиян // *Общество и право*. 2014. № 1 (47).
3. *Латин Н. И.* 2014. Проблемы формирования концепции человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и её регионов // *Социс*. № 7 (363).
4. *Статистический ежегодник* Курской области. 2016 / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. Курск, 2016.

ВОСПРИЯТИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МЕДИЦИНСКИХ ДИНАСТИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ*

А.И. Черевкова

Научный руководитель: к.с.н. О.Ю. Посухова

Южный федеральный университет

Общественное восприятие явления профессиональной династийности широко ранжируется от позитивного, обусловленного преемственностью профессии в семье, почетностью наследования дела своих родителей, до сугубо негативного, связанного с nepoтизмом и коррупцией. Аналогичное полярное восприятие династий может складываться и внутри профессионального сообщества. В рамках данной статьи предлагается изучить восприятие представителей медицинских династий со стороны нединастийных членов профессионального сообщества.

Эмпирической базой работы выступают результаты прикладного исследования, проведенного в 2020 г. в различных городах России (Иркутск, Москва, Ростов-на-Дону, Саратов, Уфа и др.). В ходе исследования методом автобиографического нарративного интервью было опрошено 20 врачей-представителей семей, являющихся медицинскими династиями, насчитывающими минимум 3 поколения.

Анализ материалов интервью показал, что в медицинской среде профессиональные династии оцениваются позитивно в ситуациях, когда ресурсы династии не используются для карьерного продвижения, либо это не демонстрируется: *Мне повезло: все очень позитивно реагировали, когда узнавали, если узнавали, что я из такой семьи. А вообще я старалась не афишировать никогда. Ну просто в принципе никогда не ходила с флагом перед собой, что вот я такая-то и такая-то. Если так случалось, что люди узнавали об этом, то все воспринимали это очень позитивно.* (акушер-гинеколог, 29 лет, жен.). На вопрос «Сталкивались ли Вы с предвзятым или негативным отношением из-за того, что Вы представитель профессиональной династии?» информант отвечает: *Ну, с завистью, если только у кого-то. Люди же все разные. А так, чтобы предвзятое резко негативное, такого, пожалуй, не было. Может, это прозвучит несколько самонадеянно, ни в коем случае, не бахвальство, но у нас в семье не было плохих врачей, откровенно плохих. Никто не говорит, что мы все тут гении, упаси Бог, нет. Но добросовестно относимся к своему делу все.* (хирург, 53 г., муж.)

Негативное восприятие потомственных медиков в профессиональной среде, как правило, было связано с занятием ими конкурентных карьерных позиций, т.е. в том случае, когда династии функционируют как социальные монополии, ограничивающие доступ нединастийных врачей к престижным должностям и статусам [1]: *Я постоянно на всех работах, сталкиваюсь с трудностью то, что я дочь определенного человека. И ко мне крайне предвзятое отношение. И каждый раз, когда я вновь куда-то прихожу, кроме клиники, где я веду частный прием, я априори беременна, прихожу туда, чтобы уйти в декрет, или вообще не ходить или вообще ничем не заниматься.* (кардиолог, 34 г., жен.). Однако эта предвзятость, как правило, фиксируется на начальном этапе знакомства: *Как-то за кадром слышала какие-то слова: «Ну понятно, у нее мама врач». Но надо сказать, что это было достаточно редко, и что эти люди потом меняли свое*

отношение и на этом не заостряли внимания (терапевт, кардиолог, зав. отд., 42 г., жен.).

Информанты отмечают, что профессиональное сообщество с особой строгостью относится к медикам из династий, воспринимая их как членов одной группы, представителей фамилии: *Когда у тебя до третьего колена все врачи, это же... врачебный мир, он же не так велик. Все друг друга знают прекрасно. И риск опозориться выше, чем у кого бы то ни было другого. На кого-то и внимания не обратят, а тебя обязательно потом не раз вспомнят: где-то чего-то... Поэтому бóльшая степень ответственности, когда ты династический врач, нежели первичный. <...> Профессиональное сообщество – самый лучший судья. С одной стороны, самый строгий, а с другой – самый справедливый* (хирург, 53 г., муж.). Нередки случаи нивелирования усилий информантов со стороны сообщества [2], особенно в период обучения и начала карьеры: *Маме говорили: «Ты что, договариваешься там со всеми?» Короче, позорили ее. Ну вот, например, как у Наташи 5 по анатомии? Ты договаривалась? Она говорит: «Нет, я не договаривалась»* (врач УЗД, 39 лет, жен.). Несмотря на это, медики из второго и последующих поколений династии могут добиться успеха и признания коллег наравне со своими предками, что подтверждается, например, членством в профессиональных обществах: *Нас с отцом в профессиональной среде знают, мы достаточно известные персонажи. Как и в любом профессиональном сообществе – урологов, травматологов – есть [названия двух обществ]. И я, и отец входим в правление обоих этих обществ. Мы единственные отец и сын, кто входит в правление общества. Я имею в виду, что знаю еще немало коллег, где отец и сын работают в одной специальности, но там, как правило, отец достиг принципиально больших успехов, а сын работает, но не так успешно, не так известен коллегам.* (хирург, д.м.н., зав.отд., 43 г., муж.).

Таким образом, в медицинском сообществе превалирует позитивное восприятие врачей-представителей династий. Фактором негативного восприятия выступает возможное использование ресурсов династии для карьерного продвижения и занятия престижных позиций в условиях конкуренции. Перспективы дальнейшего изучения оценочного восприятия династий связаны с проведением стандартизированного опроса в медицинском сообществе для системного описания факторов, которые оказывают влияние на это восприятие.

*Благодарность. Статья подготовлена при поддержке РНФ проект № 19-18-00320 «Конструктивный и деструктивный потенциал профессиональных династий в российском обществе».

ЛИТЕРАТУРА

1. Клименко Л. В., Мостовая И. В., Посухова О. Ю. Профессиональная династийность как модель локального микросетевого производства // Гуманитарий Юга России. 2020. Том 9. № 5. С. 65–74.
2. Черевкова А.И., Чикарова Г.И. Рефлексия представителей профессиональных династий: о семейной преемственности, преимуществах и недостатках принадлежности к династии // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 12 (80). С. 129–133.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ ТГУ)

В. В. Юшкова

Научный руководитель: к.с.н. С.В. Негруль

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Согласно докладу Томской области о реализации государственной политики в сфере образования, в городе прослеживается тенденция роста числа студентов из зарубежья: в 2008 году они составляли 4,1 тысячи человек, в 2013 году – 7,2 тысячи, а в 2018 – 10,1 тысячи человек [2]. С усилением социального взаимодействия между студентами разных национальностей возрастает и риск межэтнических конфликтов, различных форм дискриминаций. Чтобы определить уровень этнической толерантности студентов, необходимо изучить их тип этнической идентичности.

Существует несколько подходов к толкованию термина «этническая идентичность». Л. М. Дробижева отождествляла этническую идентичность с этническим самосознанием, входящим в систему социальной идентичности. В структуре этнической идентичности, согласно Л.Дробижевой, входит чувство принадлежности к этнической группе, ее образ в сознании индивида, представления о ее этнических интересах [1]. Образ этнической группы - это все представления человека о ней, начиная от культуры и языка до территориальных и внешних особенностей [1].

В теории Т.Г. Стефаненко этническая идентичность рассматривается как значимая часть социальной идентичности и определяется как «осмысление своей принадлежности к определенной этнической общности» [4]. В структуре этнической идентичности, согласно Т.Г. Стефаненко: осознание индивидом традиций и норм поведения, а также эмоциональная сопричастность к жизни своего народа. Когнитивные и аффективные аспекты являются составляющими элементами этнической идентичности [4]. Первый включает в себя знания и представления о своей этнической группе, второй – отношение к ней и эмоциональную вовлеченность в ее жизнь.

В исследовании поставлены два вопроса: какой тип этнической идентичности наиболее распространен в студенческой среде и каков уровень этнической толерантности среди студентов?

В анкету были включены высказывания о межнациональных отношениях, взятые из опросника Г. У Солдатовой и С. В. Рыжовой. В их методологической разработке отражены 6 типов этнической идентичности в градации от позитивной идентичности, то есть положительного восприятия индивидом своего этноса и толерантного отношения к другим этническим общностям, до этнического фанатизма, связанного с наличием дискриминационных установок и чувства превосходства над другими этносами [3]. В данную классификацию также входят этническая индифферентность и этнонигилизм, отражающие равнодушное отношение к проблеме этнического самосознания в первом случае, и отрицание этнических и этнокультурных ценностей во втором.

Ключевыми понятиями являются – этническая идентичность, то есть чувство принадлежности к какому-либо этносу, а также этническая толерантность, рассматриваемая как терпимое отношение к иным народам и этносам. В контек-

сте данного исследования понятия «народ», «этнос» и «национальность» рассматриваются как синонимичные. Исследование проводилось по неслучайной выборке, методом снежного кома. Были опрошены 294 студента с исторического (76%) и философского (24%) факультетов ТГУ. Соотношение девушек и юношей составляет 67% к 33%; из них 26% студентов с первого курса, 27% со второго курса, 22% с третьего и 25% с четвертого.

Когнитивный аспект этнической идентичности студентов представлен следующим образом: 63% респондентов оценили уровень владения народным языком на «отлично», 21% – на «хорошо». Половина студентов ответила, что знает большую часть традиций своего народа, треть студентов - около половины от всех традиций.

Аффективный аспект отражен так: 45% студентов оценили эмоциональную включенность в жизнь своего народа как «среднюю», 31% - «сильную» и 19% – «слабую». Студентов, полностью или в большей степени придерживающихся традиций в сумме оказалось лишь 23%. Треть студентов придерживается их в меньшей степени, другая треть – наполовину. Таким образом, при достаточно высоком уровне этнической осведомленности и эмоциональной включенности, большая часть студентов предпочитают не следовать образу жизни своего народа.

Позитивное отношение к своей этнической принадлежности прослеживается и в блоке оценивания представленных утверждений. Большая часть студентов любят и уважают свой народ (61%), треть студентов заявили о чувстве гордости по отношению к своему народу (33%). При этом студенты не чувствуют превосходства своего народа над другими, и отмечают, что при повседневном общении национальность не имеет для них никакого значения. У значительной части респондентов (85%) среди близких друзей имеются люди других национальностей. Практически все студенты отметили, что чувствуют себя абсолютно или скорее комфортно при общении с представителями других национальностей.

Большее половины опрошенных оказались не согласными с такими дискриминационными утверждениями как «межнациональные браки разрушают народ», «настоящая дружба может быть только между людьми одной национальности», «мой народ имеет право решать свои проблемы за счет других народов» и «взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей» [3]. Большинство студентов согласны с тем, что важно уважать культуру и традиции других народов (68%).

Проанализировав полученные данные, можно сделать вывод о том, что среди студентов ТГУ наиболее распространенным типом этнической идентичности является позитивная этническая идентичность. Соответственно, можно заявить о высоком уровне этнической толерантности среди студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнян Ю. В., Дробижина Л. М., Сусоколов А. А.: Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1999. 271 с.
2. Бердникова Д. Число студентов в томских вузах за 10 лет сократилось на 33,5%. [Электронный ресурс] // URL:<https://news.vtomske.ru/news/164435-chislo>

studentov-v-tomskih-vuzah-za-10-let-sokratilos-na-33-5 (дата обращения:
15.04.2021).

3. *Солдатова Г.У., Рыжова С.В.* Типы этнической. [Электронный ресурс] // URL:<http://www.etnopsy.ru/txt.htm> (дата обращения: 25.03.2021).

4. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М.: Аспект-Пресс, 2008. 368 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

АРХИТЕКТУРА СОЦИАЛЬНОГО ЖИЛЬЯ В ПРАКТИКЕ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Алексеева Т.В., Бугров А.В.

Научный руководитель: к.с.н. Т.Н. Еременко

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

Основная часть социального жилья предоставляется государством, однако оно субсидируется и строится за счет работодателей и некоммерческих организаций. В настоящее время в России нет единого социального жилищного фонда, сейчас он раздроблен на несколько категорий. В отдельных регионах страны реализуются пилотные программы социального жилья, однако чаще всего это малогабаритные квартиры с льготными условиями оплаты [1–3]. Сегодня немаловажную роль играет необходимость совершенствования архитектурной среды и разработки правильной концепции социального жилья, что и обусловило актуальность темы исследования. Строительство социального жилья в России имеет долгую историю. В 1930–50-х гг. получил распространение советский неоклассицизм – отвергаются конструктивистский стиль и коммунальные дома. Желание увеличить объемы строительства приводит к отказу от декоративных элементов в пользу массового жилья промышленного производства. С этого момента и до распада СССР подавляющее большинство жилых зданий строится в соответствии с типовыми проектами [4–6]. В современной России строительство социального жилья не получило широкого распространения. В небольших городах социальное жилье строится на конкурсной основе. Приоритетом для конкуренции является цена изготовления. Поэтому такое жилье имеет низкое качество используемых материалов и простые дизайнерские решения. Следует отметить, что действующая система тендеров негативно влияет на качество жизни в социальном жилье, усиливая чувство социального неравенства и способствует развитию негативного имиджа здания данного типа.

В настоящее время во многих странах с развитой рыночной экономикой наблюдается увеличение объемов жилищного строительства с участием государства, расширение форм удовлетворения жилищных потребностей малоимущих слоев населения на основе увеличения уровня государственного субсидирования и предоставления жилищного кредита на льготных условиях. Так,

например, в Швеции в конце XX века была провозглашена «миллионная программа» в качестве основной жилищной доктрины. Цель программы заключалась в строительстве миллиона новых домов в течение 10 лет. В результате осуществления этой программы было построено 1006000 новых жилых домов. Массовое социальное жилье, с одной стороны, позволяет повысить общее качество жилья, с другой стороны, имеет крайне низкое эстетическое качество [7]. Авторы проекта попытались объединить различные социальные группы, смешав их на одной территории. Наиболее распространенным типом квартир была 3-х комнатная квартира для семьи из 4 человек общей площадью 75 м². Данная программа выполнена. Однако ее реализация получила широкую критику. Самыми частыми упреками являются претензии за появление «мрачных бетонных построек», разрушивших историческую привлекательность города. Многочисленные тематические исследования [8–10] показывают, что территории, построенные в рамках программы, служат местом социальной сегрегации, где растет преступность. Эти проявления связаны с появлением целых районов с дешевым жильем, населенных бедными сельскими мигрантами. В настоящее время наблюдается отказ от строительства такого жилья в пользу индивидуального архитектурного стиля.

Недавно появилось несколько интересных комплексов социального жилья в Чили. Идея, воплощенная в проекте, заключается в том, что пользователю предоставляется минимальное жилье с возможностью его увеличения с учетом своих социальных потребностей и финансовых возможностей. Таким образом, повышается бережное отношение к собственному жилью и снижается социальная напряженность.

Социальное жилье проектируется и строится по всему миру. При строительстве крупных комплексов социального жилья часто создаются предпосылки для формирования социально неблагополучных территорий. В этих районах растут преступность и чувство социальной несправедливости. Строительство малоэтажных небольших комплексов с качественной архитектурой и использованием высококачественных материалов может решить эту проблему. Для этого необходимо в рамках выделенного бюджета провести конкурсы архитектурных и дизайнерских решений, на которых в первую очередь будет оцениваться качество жизни в построенном жилье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бессонов М.С.* Социальное жилье – стратегическое направление развития строительства в регионах России // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* 2016. № 6–1. С. 142–144.
2. *Бузырев В. В.* Жилищная проблема и пути ее решения в современных условиях. СПб.: СПбГЭУ, 2013.
3. *Булгакова К.О.* Развитие некоммерческого жилищного фонда как способ формирования доступного и комфортного жилья в Санкт-Петербурге // *Теория и практика общественного развития.* 2014. № 1. С.374–376.
4. *Евсеева Е.И.* Социальное жилищное строительство в России: реалии и перспективы развития // *Научное обозрение.* 2015. № 21. С. 218–220.
5. *Казиева А.К.* Участие государства в решении жилищной проблемы граждан в современных условиях // *Фундаментальные исследования.* 2015. № 12–4.

6. *Малеева Т.В.* Современные аспекты формирования инвестиционного предложения в области модернизации и реконструкции жилищного фонда // Научное обозрение. 2016. № 18. С. 80–83.
7. *Селютина Л.Г.* Методологические основы формирования и развития системы управления процессом преобразования жилого фонда крупного города // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. № 2. С. 212–218.
8. *Селютина Л.Г.* Проблемы оптимизации структуры жилищного строительства в крупном городе в современных условиях. СПб., 2002.
9. *Frolova N.N.* Acceleration of regional housing development in Russia on the basis of industrial housing construction modernization // E3S Web of Conf. 2019. V.97. p. 06003.
10. *Maleeva T.* Analysis and evaluation of financial resources of social housing construction in city // Materials Science Forum. 2018. V. 931. PP. 1118–1121.

РОЛЬ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ СИНДРОМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ СТАРШИХ КУРСОВ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ТГУ

О.А. Вайхель

Научный руководитель: А.В. Голдовская

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Дистанционное образование с каждым днём всё активнее интегрируется в повседневное обучение студентов. На данную тенденцию оказали влияние несколько достаточно весомых факторов: с одной стороны, непрерывное развитие информационных технологий, с другой – эпидемиологическая ситуация в стране и мире. Так, распространение вируса COVID-19 не оставило выбора университетам и многим другим видам образовательных учреждений, им пришлось перейти на дистанционный формат обучения.

Неожиданный переход на дистанционное обучение стал тяжёлым испытанием для многих, в том числе и для студентов. Процесс обучения был осложнён многими факторами, которые влияют на состояние, среди них можно выделить следующие: отсутствие личной коммуникации и взаимодействия со сверстниками, малоподвижный образ жизни (вследствие чего изменение состояния здоровья), ухудшение успеваемости, появление высокого уровня тревожности, изменения режима сна, проблемы с самоорганизацией. Данные проблемы могли привести к развитию синдрома эмоционального выгорания (СЭВ). В. Бойко определяет эмоциональное выгорание как «...выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций (понижения их энергетике) в ответ на избирательные психотравмирующие воздействия» [1.С.140].

В связи с перечисленными стрессовыми ситуациями в жизни студента в период дистанционной формы обучения, было проведено исследование, которое было направлено на выявление СЭВ у студентов посредством теста В. Бойко, а также выявление роли дистанционного обучения в развитии данного синдрома на основании субъективных оценок студентов, посредством интервью.

Для начала студентам было предложено пройти тест по методике Бойко, на определение эмоционального выгорания и наличия или отсутствия фазы синдрома. Согласно результатам, у одного респондента выявлена фаза «Напряжение», у остальных респондентов – фаза «Резистенция» характеризующаяся следующими факторами: неадекватное избирательное эмоциональное реагирование, расширение сферы экономии эмоций, снижение чувства собственной продуктивности и компетентности. Несмотря на то, что последняя фаза «Истощение» не была выявлена, «Резистенция» является важным показателем того, что студент обесценивает процесс своего обучения, старания и вложенные силы.

Основываясь на результатах тестирования, необходимо было определить, что оказало влияние на развитие данного синдрома и выявить роль дистанционного обучения, опираясь на самооценку студентов. Результаты интервью показали, что студенты в качестве основных причин выделяют проблемы на работе, трудности в межличностных отношениях, в учёбе, а также в процессе дистанционного обучения.

Некоторая часть респондентов считает, что дистанционное обучение является удобной формой обучения, объясняя это отсутствием необходимости идти или ехать в корпус университета, появлением свободного времени для внеучебной деятельности (в том числе и работы), возможности присутствовать на онлайн парах в комфортных для себя условиях. Респонденты акцентировали внимание на нехватке личного общения с одногруппниками, но, несмотря на это, ни один опрошенный студент не считает, что отношения с группой в период дистанционного обучения ухудшились. Также студенты говорят о специфике дистанционного обучения на Философском факультете, по сравнению с другими, считают, что на гуманитарных направлениях дистанционное обучение проходит проще, в сравнении с другими.

Также студенты высказали мнение о своём физическом состоянии во время дистанционного обучения, некоторые считают, что дистанционный формат не повлиял на них, за исключением адаптации, которая длилась небольшой период времени. Некоторые студенты считают, что данная форма обучения негативно сказалась на их физическом здоровье, наблюдается повышенная усталость, уменьшение усидчивости, сбивтый режим сна.

Говоря о психическом состоянии, в основном студенты отмечали следующие изменения: повышенная раздражительность, тревожность, снижение стрессоустойчивости, снижение способности к самоорганизации, небрежная, некачественная подготовка к учёбе, отсутствие самомотивации. Перечисленные изменения зачастую являются симптомами СЭВ, которые могут повлиять на развитие стадий синдрома, ухудшая тем самым психоэмоциональное состояние студента.

В рамках исследования были опрошены как студенты, которые в период дистанционного обучения находились в Томске, так и студенты, находившиеся в других регионах или за границей. Проживающие в общежитии или в квартире отмечают, что обучение проходило в комфортных условиях. Респонденты, которые жили в период ДО с родителями говорят о трудностях, которые связаны с возвращением в родительский дом на долгий период времени, таких как построение коммуникации с родителями, невозможность быть наедине с собой, видеться с друзьями и т. д. Таким образом, по субъективным оценкам респондентов, дистанционное обучение, помимо прочих факторов, сыграло ключевую роль в изменении их психоэмоционального состояния, что непосредственно отразилось на формировании симптомов СЭВ. Однако стоит отметить, что несмотря на то, что ДО, по мнению респондентов, повлияло на ухудшение как физического, так и психического состояния, они положительно оценивают дистанционное обучение, считают его удобным, а также говорят о нежелании выходить на очный формат. Также неготовность выходить из дистанционного формата студенты связывают с уже привычным состоянием в данной форме, а также отсутствием денежных трат и времени на проезд. К тому же студенты не высказали желание исключить ДО из всего обучения, они считают наиболее удачным смешанный формат: дистанционные лекции и очные семинары.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бойко В.В.* Психоэнергетика. СПб.: Издательский дом «Питер», 2016. 416 с.

ПРОБЛЕМА СОЗАВИСИМОСТИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОДСТВЕННИКОВ НАРКОЗАВИСИМЫХ

В.А. Василишин

Научный руководитель: к.ф.н. Е.Ю. Быкова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Наркомания – социальная проблема, затрагивающая не только самих наркозависимых, но и их родственников посредством искажения межличностных взаимоотношений, сущность которых проявляется в виде созависимого поведения [2]. Актуальность проблемы заключается в том, что, несмотря на существующие тенденции снижения в течение последних 10 лет, уровень наркотизации населения все еще продолжает оставаться высоким.

С 2010 года общее число зарегистрированных в наркологической службе РФ пациентов с психическими расстройствами, связанными с потреблением психоактивных веществ (ПАВ), снизилось на 29% и составило 478,7 тыс. человек, в то время, как, за тот же период, рост числа лиц с зависимостью от потенциально опасных ПАВ составил 66,7 тыс. человек в 2019 году против 26,4 тыс. человек в 2010 году [4.С.6].

Психологами признается значимость проблемы созависимости, которая заключается в том, что созависимое поведение родственников способствует возникновению рецидивов у людей с наркотической или алкогольной зависимостью, прошедших курс реабилитации.

Созависимость, по своей сути, является одной из форм аддиктивного поведения, которая представлена в виде зависимого поведения одного человека от значимого зависимого другого, в процессе проявления которого субъект утрачивает собственную индивидуальность, жизненные цели и ориентиры, смещая фокус внимания на объект созависимости [1.С.3].

В процессе прохождения практики на базе реабилитационного центра «Чистый Путь» автором был проведен ряд исследований в области наркомании, одной из целей которых является изучение уровня осознанности родственников наркозависимых относительно проблемы созависимости [3]. Для достижения данной цели был выбран метод контент-анализа рефлексивных эссе. Маркерами контент-анализа выступали упоминание семьи, апелляционный фокус и временные акценты.

В исследовании приняло участие 10 человек – матерей реабилитантов. Исследование проводилось в период с 27.06 по 28.06.2018 г. на базе офиса реабилитационного центра. Созависимым необходимо было написать эссе на тему «Моя роль в поддержке ребенка на пути к выздоровлению» в объеме 1–2 страниц.

Анализ эссе показал следующие результаты распределения по маркерам (см. таблица 1).

Таблица 1

Распределение результатов анализа эссе по маркерам		
Хар-ки маркера	Маркеры	
	Кол-во респ-тов	Цитаты респ-тов
Маркер 1. Упоминание семьи		
Присутств.	1	«нашей семьи», «поддержка всей семьи»

Отсутств.	9	-
Маркер 2. Апелляционный фокус		
К себе	10	«я не могу ему помочь», «я боялась», «я отказалась», «моя поддержка», «моя помощь», «я контролировала», «я нашла», «я злилась», «я предлагала», «выздоровливать», «просить помощь», «читать», «посещать группы», «ограничивать денежные средства», «вера в ребенка», «работа над собой», «молиться», «я готова помочь», «я буду поддерживать», «избавиться от созависимости», «слушать советы»
К ребенку	4	«меня не слышали» - в значении «он меня не слышал», «его употребление», «его поступки», «считать его больным», «о его плохом поведении», «его лечения»
Маркер 3. Временные акценты		
Прошлое	3	«меня не слышали» - в значении «он меня не слышал», «его употребление, его поступки», «о его плохом поведении», «его лечения»
Настоящее	2	«я понимаю», «поддерживаю»
Будущее	2	«позволить нести ответственность», «будем поддерживать»
Не определено	5	-

Маркер 1 – Упоминание семьи. Анализ эссе по данному маркеру показал, что у 1 из 10 респондентов есть возможность и готовность воспользоваться социальными ресурсами семьи.

Маркер 2 – Апелляционный фокус. Анализ эссе по данному маркеру показал, что все 10 респондентов фокусировали внимание на себе, в то время как на ребенке акцентировали внимание только 4 респондента.

Маркер 3 – Временные акценты. Анализ эссе на определение временных акцентов показал, что 3 респондента акцентировали свое внимание на прошлом, в то время, как в эссе 4-х респондентов упоминалось настоящее и будущее. В эссе 5-х респондентов временные акценты не были определены.

Проведенное исследование показало, что формирование отношения к созависимости и наркозависимому осуществляется через призму собственных мыслей, переживаний и опыта, на коррекцию которых направлена работа с созависимыми. Осознанность в данном случае выступает в качестве приобретаемого навыка, который возникает в процессе прохождения программы для созависимых. Данным фактом объясняются различия в апелляционном фокусе по отношению к ребенку.

Обобщив вышесказанное, можно сделать вывод, что созависимость – сложное явление, представленное в виде аддиктивного поведения, проявляющегося у родственников наркозависимых. Созависимое поведение оказывает влияние на психологическое здоровье созависимых, усугубляя имеющуюся аддикцию у наркозависимого, а также способствует возникновению случаев рецидива наркотической зависимости у реабилитантов. Учитывая специфику данного явления, не остается сомнений, что решение проблемы созависимости – одна из основных задач в процессе реабилитации людей с наркотической зависимостью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артемцева Н.Г.* Созависимость как возможная угроза психологическому здоровью субъекта / Н.Г. Артемцева, Т.В. Галкина // Знание. Понимание. Умение.

2014. №4. [Электронный ресурс] // URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/sozavisimost-kak-vozmozhnaya-ugroza-psihologicheskomu-zdorovyu-subekta> (дата обращения: 05.04.2021).
2. Москаленко В.Д. Зависимость – семейная болезнь. М.: ПЕР СЭ, 2008. 352 с.
3. *Отчет* по результатам контент-анализа, проводившегося в ходе практической деятельности // Личный архив В.А. Василишина (дата проведения исследования: с 27.06 по 28.06.2018).
4. Указ Президента РФ «Об утверждении стратегии государственной антинаркотической политики на период до 2030 года». [Электронный ресурс] // URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2020/11/25/25/Стратегия_ГАНПол_РФ_2030__23_11_2020__733.pdf (дата обращения: 05.04.2021).

СУИЦИДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ: ПРИЧИНЫ И РОЛЬ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА

В.П. Вялова

Научный руководитель: к.и.н. А.А. Быкова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) ежегодно случаются около 800 тысяч самоубийств, а среди подростков с возраста в возрасте с 15 до 19 лет суицид является третьей по счету причиной смерти [6]. Тема подросткового суицида остается актуальной на сегодняшний день из-за специфических возрастных особенностей подростков. На подростка влияет его семья и социальное окружение. А в последнее время немаловажную роль в его жизни играет Интернет-пространство. Но информация, размещенная в Интернете, может нести как положительный, так и отрицательный характер воздействия.

Цель данного исследования заключается в определении причин суицидального поведения подростков и влияния Интернет-пространства на такое поведение.

Проявление суицидальной активности включает в себя мысли о суициде, попытку суицида и завершённое самоубийство. Не зря с подростками, которые уже ранее пытались совершить самоубийство, работают психологи и психотерапевты, чтобы не допустить повторную попытку случившегося.

Суицидальное поведение подростков содержит следующие формы проявления: внутренние, включающие антивитальные представления, пассивные суицидальные мысли, суицидальные замыслы, суицидальные намерения, и внешние, представляющие собой суицидальные высказывания и попытки и завершённый суицид [8. С.165–166].

В ходе анализа работ А.Г. Амбрумовой [1], Е.Б. Любова [4], Э. Дюркгейма [3] и других исследователей автор работы выделил несколько современных типов суицидального поведения подростков: истинное, демонстративно-шантажное, аффективное, раздражительное поведение и киберсуицид.

На основе типов суицидального поведения подростков можно выделить соответствующие им причины, объединяющиеся в следующие общие категории: генетические, психологические, социальные и прочие. Генетические причины исследователи [2] связывают с уже имеющимися в близком роду случаями самоубийств, а также с наличием психических заболеваний у родственников. Психологические причины включают в себя невыносимую душевную боль, депрессию, чувство вины, чувство изолированности от общества, безнадежность и беспомощность. К социальным причинам можно отнести недостаток социальных отношений, буллинг и кибербуллинг, плохие отношения внутри семьи, несчастная и неразделенная любовь, смерть близких людей. К другим причинам относятся недостаточно сформированное понимание смерти и ее романтизация, реакция протеста, саморазрушающее поведение.

Исследование роли Интернет-пространства в суицидальном поведении подростков происходило через выявление двух аспектов влияния: отрицательного и положительного.

Запрещенные материалы на сайтах или группах, где описывается, что самоубийство – это единственный выход из сложившейся ситуации может небла-

готоворноприятно повлиять на разум подростка. И, несмотря на существующий Федеральный закон №436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и ужесточение ответственности за склонение к совершению самоубийства, такая информация продолжает появляться в Интернете.

Однако даже новостные статьи в Интернете о совершенных самоубийствах, которые конкретизируются и романтизируются могут повлиять на будущие замыслы подростков, если они уже испытывают душевную боль или тревогу.

Было проведено исследование на роль так называемых «групп смерти» [5] в суицидальной активности несовершеннолетних учеными из Санкт-Петербурга по приказу Следственного комитета России. Они обнаружили, что 47,5% подростков, совершивших суицидальные действия, имели психиатрический диагноз, а у 70% до самоубийства отмечались суицидальные тенденции [7]. Таким образом, «группы смерти» не могут быть причиной суицида подростков, если только они не имеют соответствующие к суициду наклонности.

Кибербуллинг связан с тем, что посредством «анонимности» в пользователи Интернета могут оскорблять, запугивать, шантажировать, а также подстрекать подростка на самоповреждающие действия.

Тем не менее, после ввода в поисковую строку «Google» слова «суицид» на первых страницах вышли сайты, где в целом описывались сущность, мотивы, причины суицидального поведения, а также в большинстве случаев давались профилактические рекомендации родителям и подросткам. На запрос «способы самоубийств» первым делом появляется телефон доверия, к которому могут обратиться нуждающиеся в помощи подростки, у которых есть какие-либо проблемы. Однако не стоит забывать, что Интернет-пространство может служить только первичной помощью, далее необходимо обратиться к специалисту за помощью.

Подводя итог, нужно отметить, что суицидальное поведение подростков может родиться из нескольких причин, часто оно становится «криком о помощи». Интернет-пространство оказывает отрицательное воздействие на подростков в силу свободного размещения любой информации, но также и положительно влияет, предоставляя первичную помощь нуждающимся в поддержке подросткам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амбрумова А. Г. Диагностика суицидального поведения. М., 1980.
2. Дела семейные: ученые нашли «гены суицида» // Официальный сайт сетевого издания «Газета.ру». [Электронный ресурс] // URL: https://www.gazeta.ru/science/2020/11/30_a_13380823.shtml (дата обращения: 11.03.2021).
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М., 1994. 399 с.
4. Любов Е. Б. «Молодые» суициды и Интернет: хороший, плохой, злой // Суицидология. 2018. № 9 (2). С. 72–81.
5. Мурсалиева Г. Группы смерти (18+) // Новая газета. 2016. № 5. [Электронный ресурс] // URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2016/05/16/68604-gruppy-smerti-18> (дата обращения: 14.11.2020).

6. Самоубийство // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/suicide> (дата обращения: 14.11.2020).
7. Сначала проблемы были не в интернете // Официальный сайт сетевого издания «Коммерсантъ». [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3819065> (дата обращения: 3.04.2021)
8. Шнейдер Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков. М., 2005. 334 с.

СУБЪЕКТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ БЕДНОСТИ СОВРЕМЕННЫМИ ПОДРОСТКАМИ НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЯ МНЕНИЯ ДЕТЕЙ

А.З. Диканов

Научный руководитель: ст. преп. Т.Д. Подкладова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Восприятие – психический процесс, позволяющий получить информацию о явлениях и предметах и сформировать их целостный образ. Он включает в себя систематизацию и интерпретацию ощущений. Данный процесс присущ каждому разумному существу. В его формировании участвуют ощущения, мышление, социальное самочувствие, жизненный опыт, установки и т. д. [2].

В данной статье нами будет рассмотрено восприятие подростками бедности – одного из самых острых социальных явлений нынешнего десятилетия в России [3].

Бедность характеризуется состоянием отсутствия или недостатка ресурсов и средств, необходимых для обеспечения минимального уровня здоровья, жизни и работоспособности себя и членов семьи. Она оказывает серьезное влияние на подростков и имеет широкий спектр негативных последствий. Например, подростки из бедных семей часто сталкиваются с проблемами физического здоровья, у них чаще встречаются хронические заболевания, а несбалансированное питание приводит к белково-энергетической недостаточности [1]; подростки из бедных семей сталкиваются с большим количеством стрессов и буллингом со стороны сверстников, что вызывает у них подавленное состояние, неверие в свои силы, перспективы [4] и т.д.

Имея данный теоретический материал, появилась необходимость в проведении практического исследования по выявлению субъективного восприятия бедности подростками.

Актуальностью исследования являются ценность мнения подростков и специфика их восприятия данной темы. В настоящий момент в России имеется мало исследований сосредоточенных на мнении подростков в отношении бедности. В чем и заключается новизна.

В подростковом возрасте дети остро чувствуют бедность, но говорить о ней могут «ограниченно». Актуальным является вопрос о том, на что опираются подростки, говоря о бедности, и что они о ней говорят?

Исследование проводилось в формате полустандартизированных интервью с подростками 14–17 лет. В общей сложности было проведено 9 интервью из запланированных 12. На их основании мы можем говорить о некоторых предварительных результатах. Подростки отмечают, что бедность связана с нехваткой материальных и финансовых ресурсов для удовлетворения собственных потребностей и потребностей членов семьи, в частности, детей. Помимо материального аспекта, половина подростков также отметили и духовный аспект.

Мнение подростков о бедности оказалось неоднозначным. Половина опрошенных высказалась о том, что оно нейтральное, вторая половина, что негативное. Сторонники нейтрального мнения обосновывали свою позицию тем, что у людей чаще всего есть возможности, чтобы не являться бедными. Больше половины подростков, говоря о факторах бедности, упоминают экономические

факторы в виде низкой зарплаты и безработицы, а также алкоголизм, неполнота семьи, плохое здоровье и высокий уровень заболеваемости. В меньшей степени были названы: «чрезмерная азартность», отсутствие образования и многодетность семьи.

Мнение подростков о влиянии и последствиях бедности получилось также неоднозначным. Половина подростков отметила, что бедность семьи имеет значительное множество негативных последствий для детей, добавляя к этому мнение, что есть и несколько положительных последствий. Вторая половина пришла к выводу, что она имеет равное значение негативных и позитивных последствий. К числу негативных относят: замкнутость, зависть, ограничение возможностей, например, получение высшего образования и приобретение желаемых вещей, неуверенность в будущем, так же отмечалось негативное влияние на отношения среди подростков. Из позитивных были отмечены: мотивация и стремление к преодолению бедности и повышению своего уровня жизни, самореализация, экономное распределение ресурсов и т.п.

Анализ результатов исследования выявил, что практически все опрошенные подростки воспринимают бедность семьи нейтрально, говоря, что это обычное явление, имеющее как отрицательные, так и положительные стороны. И лишь несколько подростков высказались о том, что их мнение и восприятие бедности имеет только негативный характер.

Представление бедности, ее факторов и последствий в глазах подростков характеризуется, как общее. В силу своего возраста и отсутствия значительного опыта в столкновении с ней подростки воспринимают ее нейтрально, а их мнение сходится к тому, что бедность – это не «приговор» и каждый имеет возможности для ее преодоления.

В процессе исследования мы пришли к выводу, что для более глубокого изучения мнения подростков о бедности необходимо построение исследовательского инструментария, позволяющего более активно вовлечь подростков в обсуждение. Рассматриваем данную задачу как приоритетную для себя.

Исследование позволило нам понять, что, несмотря на то, что объективно бедность оказывает серьезное негативное влияние на детей, подростки, не имеющие с ней активного взаимодействия, не могут в полной мере оценить значимость ее влияния. Однако мнение значимого числа подростков также едино в том, что они имеют нежелание и некие страхи оказаться в состоянии бедности и ощутить ее последствия на себе. Это, по мнению участников исследования, мотивирует к развитию и самореализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбицкий В.Ю., Волгина С.Я., Курмаева Е.А. Состояние здоровья и образ жизни детей из бедных семей // Вопросы современной педиатрии. 2007. № 6. С. 25–27.
2. Козубовский В.М. Общая психология: познавательные процессы: учеб. пособие. Изд. 3-е. Мн.: Амалфея, 2008. 368 с.
3. Число бедных в РФ выросло до максимума за девять лет. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.interfax.ru/business/499523> (дата обращения: 05.03.2021).
4. Dashiff C., DiMicco W., Myers B., Sheppard K. Poverty and Adolescent Mental Health // Journal of Child and Adolescent Psychiatric Nursing. 2009. V. 22. I. 1.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СТУДЕНТА-ПЕРВОКУРСНИКА НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА» СМОЛЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

А.В. Ермакова

Научный руководитель: к.с.н. Е.А. Морозова
Смоленский государственный университет

Рассматривая характеристику студентов-первокурсников необходимо подчеркнуть, что это социальная группа, имеющая свои определенные правила поведения, как в учебной, так и в общественной жизни учебного заведения. Студенты объединены общими интересами, видом деятельности, а также изучаемыми дисциплинами, получаемыми в ходе освоения профессии. Одним из самых явных отличительных черт студента-первокурсника является его поведение и отношение к учебе, так как в самом начале студент направлен на ознакомительную, познавательную и учебную деятельность. Все это приводит к выработке специфических черт образа и стиля жизни, духовных интересов и потребностей, осознания своей причастности и принадлежности к особой социальной группе - студенчеству.

Совершенствуя систему управления качеством подготовки специалистов, руководству высшего учебного заведения недостаточно только умножать уровень учебно-методического и информационного обеспечения, следует обращать внимание на мотивацию самих студентов к получению образования, их отношению к учебному процессу. Кроме того, совершенствуя социально-педагогическую деятельность в отношении студентов в вузе, необходимо знать объект воспитания, а также особенности социальной среды, в которой проживает молодой человек.

Цель исследования – составить социально-демографический портрет студента – первокурсника Смоленского государственного университета.

Постановка такой цели определила конкретные задачи данного исследования, создания инструментария и форму проведения опроса.

Задачи сводятся к выявлению:

- 1) Социально-демографических характеристик контингента первого курса;
- 2) Социального самочувствия студентов, их проблем;
- 3) Уровня удовлетворения образовательных и социальных потребностей студентов;
- 4) Отношения к университету, учебному процессу и выбранной специальности.

Исследование проводилось на платформе Google Forms, методом анкетирования студентов, обучающихся на 1 курсе. Выборка – целенаправленная квотная [1. С.136].

В ходе анализа результатов исследования были сформулированы выводы. Рассмотрим некоторые из них. Общие сведения о респондентах.

Таблица 1

Распределение респондентов по полу

<i>Варианты ответов</i>	<i>Количество</i>	<i>%</i>
Муж	9	36

Жен	16	64
-----	----	----

Таблица 2

Распределение респондентов по месту жительства

<i>Варианты ответов</i>	<i>Количество</i>	<i>%</i>
Смоленск	7	32
Другой	17	68

Таблица 3

Распределение респондентов по возрасту

<i>Возраст</i>	<i>Количество</i>	<i>%</i>
18-19	19	76
20	1	4
21	2	8
22	3	12

В целом социально-демографические характеристики студентов на социологическом факультете направления подготовки «Социальная работа» стабильны, обучение проходят как мужчины, так и женщины с преобладанием последних, основной возраст 1 курса – это 18–19 лет, в основном приезжие из других населенных пунктов.

Отношение к университету и выбранной специальности.

Таблица 4

Нравиться ли Вам учиться в СмолГУ?

<i>Варианты ответа</i>	<i>Количество</i>	<i>%</i>
Очень нравится	8	32
Скорее нравится	9	36
Нравится	6	24
Не нравится	0	0
Затрудняюсь ответить	2	8

Таким образом, большинство студентов удовлетворены фактом того, что получают высшее образование в Смоленском государственном университете – количество ответивших на первый, второй и третий вариант ответа в сумме составляет 92%. Подобный результат свидетельствует о высокой оценке со стороны потребителей-студентов качества предоставляемого им образования.

Автором были сформулированы основные выводы по анкетированию студентов:

- более половины респондентов (64%) не являются коренными смолянами и проживают в общежитии;
- около 79% студентов при поступлении имели общее среднее образование и 21% – среднее профессиональное образование;
- 64% опрошенных получают стипендию, из которых 59% указали, что она не достаточна для полноценного проживания;
- чуть более половины респондентов (52%) считают, что выбранная ими профессия является перспективной и в дальнейшем желают реализовать себя в ней;
- почти все опрошенные (92%) отметили, что им нравится учиться в СмолГУ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Омега-Л, 2007. 567 с.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С ЛЮДЬМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

В.А. Ерофеев, А.В. Михайлина

Научный руководитель: к.с.н. Е.С. Кузьмина

Иркутский государственный университет

Социальная работа – это деятельность по оказанию помощи и поддержки людям, находящимся в тяжелой жизненной ситуации, и по повышению уровня социального благополучия. Особое внимание в ней уделяется следующим слоям и категориям населения: дети, оставшиеся без попечения; многодетные и малообеспеченные семьи; семьи, в которых имеются инвалиды и люди, не имеющие возможности трудовой деятельности; лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы, а также постпенитенциарная деятельность; граждане пожилого возраста, которые в силу возраста не могут выполнять в полной мере деятельность для обеспечения жизнедеятельности.

Социальная работа – «наука, состоящая и включающая в себя целый ряд наук», в том числе: психологию, историю, биологию и другие. Авторы статьи полагают, что возникновение данной профессиональной деятельности, в первую очередь, связано с социальным запросом, возникающим вследствие необходимости оказания многопрофильной помощи и поддержки людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Под трудной жизненной ситуацией следует понимать явление возникающей опасности для жизни и благосостояния общества, в целом, и для личности в частности. Важно понимать, что создание и развитие социальной работы, как и ее профессиональное назначение, возникает не хаотично, а эволюционно.

Лица с ограниченными возможностями здоровья – люди, которые имеют какие-либо отклонения физического или психического содержания, возникшие как с момента рождения, так и приобретенные в течение жизни, вследствие этого возникает потребность в особом воспитании и обучении. Данное определение является новым в России, а его предшественником является инвалид. Инвалид – (в дословном переводе – «не имеющий возможности») лицо, которое имеет стойкое нарушение здоровья. Инвалидность – негативное явление, влияющее, как и на человека, попавшего в трудную жизненную ситуацию, так и на общество, в целом (так как инвалидизация приводит к росту нетрудоспособного населения).

Необходимо рассмотреть различия определений «инвалидность» и «люди с ограниченными возможностями здоровья». Главное различие находится в определениях объектов социальной работы «человека с ОВЗ» и «инвалида», и заключается в следующем: человек с ограниченными возможностями здоровья должен получить образование в специальных условиях, а инвалид может не иметь никаких специальных показаний и продолжать обучаться вместе с людьми, которые не имеют стойких заболеваний. Из этого следует, что человек может быть инвалидом и при этом не иметь ОВЗ. Вторым различием является тот факт, кто присваивает статусы инвалидности и человеку с ОВЗ. Статус инвалидности присваивается бюро медико-социальной экспертизы, который имеет целый ряд предписаний и требований для определения и включения в инвалидность, а для людей с ограниченными возможностями здоровья эту роль выпол-

няет психого-медико-педагогическая комиссия, которая индивидуально и с учетом потребностей выносит решения для определения специальных условий для обучения. Важным моментом является тот факт, что психо-медико – педагогическая комиссия не имеет как таковых регламентов и четких требований для определения лица с ОВЗ и решение выносит коллегиально. В ряде случаев у людей могут диагностировать инвалидность и выписать особые показания для обучения. Для этого потребуется работа бюро медико-социальной экспертизы и решение психо-медико-педагогической комиссии.

Определения «инвалид» и «человек с ограниченными возможностями здоровья» не являются тождественными. Авторы статьи выяснили, что не каждому инвалиду требуются особые условия в сфере образования и что не каждый человек с ограниченными условиями здоровья-инвалид.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абросимова М.Е.* Социальная работа с инвалидами в XXI веке (региональный аспект) // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Социология. Политология. 2011. №1. С. 47–50.
2. *Асмаковец Е.С.* Готовность студентов направления «Социальная работа» к работе с людьми с ограниченными возможностями здоровья / Е.С. Асмаковец, С. Кожей // Теоретическая и экспериментальная психология. 2017. №2. С. 38–53.

СОЦИАЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ МОЛОДЕЖИ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ

В.О.Короп, Д.М.Бабаян

Омский юридический колледж

В сентябре 2021 года в ЧПОУ «Омский юридический колледж» (ОмЮК) открывается новое направление подготовки – социальная работа. Как и любое средне-специальное учебное заведение, осуществляющее профессиональную подготовку по данной специальности, ОмЮК будет выпускать социальных работников. Социальная работа предполагает оказание социальной помощи и поддержки различным группам населения, а также отдельным лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации.

Несмотря на то, что основополагающим принципом социальной работы является клиентоориентированность, следует отметить, что в процессе профессионального образования при прохождении производственной или преддипломной практик будущие социальные работники в качестве объекта деятельности встречают различную документацию, нормативно-правовые акты, учебно-методическую литературу и т.д. Наш опыт общения со студентами позволяет сделать вывод о том, что отношение к производственной или преддипломной практике со стороны руководителей баз практик студентов весьма формализовано. Часто это сводится к заполнению необходимых документов, дневников практики и т.д. При этом руководитель базы практики не создает такие условия, в которых бы будущий социальный работник сталкивался с реальными практическими задачами, с трудной жизненной ситуацией как объектом своей будущей деятельности и развивал бы свои компетенции, «закладывание» которых происходит в стенах учебного заведения.

Мы исходим из того, что формирование и развитие способностей к деятельности происходит только в рамках процесса осуществления действий и операций, ею предусмотренной. Отмечая, при этом, высокую значимость работы будущего социального работника с документами и учебно-методической литературой, мы настаиваем на том, что выпускник направления подготовки 39.02.01 Социальная работа должен быть способен к взаимодействию с людьми, оказавшимися в трудных жизненных ситуациях и решению их проблем, удовлетворению их потребностей, оказанию помощи и т.д. В этой связи мы актуализируем проблему формирования профессиональной компетентности будущих социальных работников в рамках социального служения молодежи, а организации, осуществляющие социальное служение, мы рассматриваем в этой статье в качестве потенциальных баз практик для студентов ОмЮК.

В общественном сознании и в научных работах отдельных исследователей социальное служение закрепились в значении «деятельность церкви (или других религиозных институтов), направленная на оказание помощи обездоленным, нуждающимся или, в широком смысле, тем людям, которые оказались в трудной жизненной ситуации». Основанием социального служения выступает «каритас» или каритативная любовь. Смысл каритативной любви раскрывается в одной из библейских заповедей – «возлюби ближнего своего, как самого себя». Русский мыслитель Н.А.Бердяев, рассматривая каритативную любовь, противопоставлял

ее эротической [1]. Если эротическая любовь – это чувство привязанности и влечения к представителям противоположного пола, то каритативная – любовь к человеку как личности и индивидуальности, любовь, которая связана с заботой (to care (англ.) – заботиться, ухаживать), стремлением помогать, оберегать и защищать.

Однако каритативную любовь могут проявлять и те члены нашего общества, которые никакого отношения к религии и конфессиям не имеют. Каритативная любовь может являться субъективной ценностью, морально-нравственной категорией, которая прививается в процессе воспитания человека. Следовательно, потенциал к социальному служению могут иметь лишь те, кто способен «возлюбить ближнего своего». Стало быть, и социальное служение является не только деятельностью церкви или религиозных объединений, но и деятельностью граждан-мирян, независимо от их религиозности или атеистичности. С нашей точки зрения, социальное служение – это совокупность осознанных поступков и действий человека или группы лиц, в которых раскрывается или проявляется каритативная любовь к нуждающимся, обездоленным и преодолевающим определенные жизненные трудности и проблемы людям.

Поскольку социальная работа рассматривается нами как деятельность, направленная на оказание социальной помощи и поддержки нуждающимся в них людям, в этой связи мы понимаем под каритативной любовью не только морально-нравственную категорию или качество личности, но и профессионально значимую ценность или ценностную ориентацию социального работника, которая обуславливает применение им профессиональных компетенций. Если социальный работник не имеет такой ценностной ориентации, в таком случае «человек в проблеме» уходит на второй план, а оказание помощи или поддержки становится формальностью. В этой связи нам необходимо актуализировать вопрос о формировании профессиональной компетентности социальных работников как синтеза каритативной любви как их ценностной ориентации и профессиональных компетенций. Именно поэтому мы в качестве потенциальных баз практики для будущих студентов направления подготовки «социальная работа» в этой статье рассматриваем не центры социального обслуживания или многофункциональные центры оказания услуг, а организации, осуществляющие социальное служение. К таким организациям мы отнесем не только религиозные объединения, но и благотворительные организации, добровольческие или волонтерские организации, комитеты территориального общественного самоуправления и т.д.

Проведя анализ ФГОС 39.02.01 Социальная работа, мы выделили основные профессиональные компетенции (ПК 1.1.-3.5.), к которым относятся диагностика трудных жизненных ситуаций, осуществление социального патроната, создание условий для социальной адаптации и социальной реабилитации, профилактика возникновения новых трудных жизненных ситуаций (применительно к различным социальным группам – пожилые, инвалиды, дети и т.д.) [2]. Мы полагаем, что применение в профессиональной деятельности этих компетенций социальным работником основано на каритативной любви к представителям различных категорий населения. Именно синтез каритативной любви и профессиональных компетенций, освоенных социальным работником, образует его профессиональную компетентность. Таким образом, мы можем сформулировать определение понятия профессиональная компетентность социального работни-

ка: это метаспособность субъекта социальной работы применять в различных профессиональных ситуациях вышеперечисленные закреплённые ФГОС компетенции, основанная на каритативной любви к нуждающимся, обездоленным, людям, находящимся в трудных жизненных ситуациях, или клиентам, адресатам деятельности субъекта социальной работы.

Изучив формы и направления деятельности организаций, осуществляющих социальное служение, мы пришли к выводу, что в рамках их деятельности возможно формирование профессиональной компетентности будущих социальных работников. А, следовательно, данные организации вполне могут быть рассмотрены нами в качестве баз практик. В частности речь идет о таких организациях, как «Каритас» и «Надежда есть». Специфика деятельности этих институтов заключается в том, что она целиком и полностью основана на христианских ценностях. В качестве значимых проектов, реализуемых в деятельности организации «Каритас», мы отметим Детские клубы (адаптация детей, оказавшихся в социально-опасном положении), Материнскую обитель (помощь в преодолении кризисных ситуаций, возникающих в семьях с детьми) и другие. Так, будучи привлеченным к прохождению практики в рамках этих проектов, будущий социальный работник сможет развивать профессиональные компетенции, связанные с социальной работой с детьми и семьями, а также беременными женщинами и одинокими матерями. Организация «Надежда есть» осуществляет деятельность, направленную на профилактику алко и наркозависимостей, беспорядочных половых связей и социальную реабилитацию лиц, в прошлом страдавших от зависимостей. Проходя практику в данной организации, будущий социальный работник, мы предполагаем, сможет развивать профессиональные компетенции, направленные на организацию социальной реабилитации лиц в трудной жизненной ситуации и профилактику возникновения трудных жизненных ситуаций. Взаимодействие с людьми, оказавшимися в трудных жизненных ситуациях или «в проблеме», как в первом, так и во втором случаях, как мы полагаем, способствует развитию эмпатии у будущего социального работника, что является важнейшей составляющей каритативной любви.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бердяев Н.А.* Эрос и личность: Философия пола и любви. СПб.: Азбука-Аттикус, 2012 г. 224 с.
2. *Федеральный* государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по специальности 39.02.01 Социальная работа.

**ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ
С ПОМОЩЬЮ ТЕХНОЛОГИИ «УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПОЕДИНКИ»
ВО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ,
ВХОДЯЩИХ В ГРУППУ РИСКА**

Е.П. Лежнина

Научный руководитель: к.ф.н. Е.Ю. Быкова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Важнейшей задачей, стоящей на современном этапе перед школой и социальным педагогом, является решение проблемы организации эффективной работы по профилактике и коррекции отклоняющегося поведения школьников. От уровня развития коммуникативных умений этих детей зависит, насколько результативной будет работа по профилактике и коррекции.

Актуальность проблемы заключается в том, что, несмотря на то, что в федеральном образовательном стандарте прописана необходимость формирования у школьников обязательных умений аргументированно объяснять собственный взгляд на проблему, до сих пор в школьной программе присутствует явно недостаточное количество видов внеурочной деятельности, которые формируют такие коммуникативные умения. Особенно это касается школ в сложном социальном контексте, где обучается большое количество «детей группы риска».

Кандидат психологических наук Крылова Т.А. выделяет типичные психологические трудности детей из неблагополучных семей:

- проблемы взаимоотношений с педагогами, другими взрослыми;
- сложности в общении с друзьями, одноклассниками, другими сверстниками;
- негативный образ «Я», неадекватная самооценка;
- поиск комфортного существования, эмоционального благополучия;
- отсутствие позитивных жизненных устремлений и целей;
- переживание собственной не успешности, проблемности, отсутствие волевого контроля и способности к самообладанию;
- трудности в обучении (находить связи, решать проблемы в учебе через контакты с другими учениками);
- отсутствие адекватных средств и способов (моделей) поведения в сложных ситуациях;
- отсутствие чувства безопасности [1.С.4].

«Большинство этих трудностей связаны с коммуникативными умениями «детей группы риска». От уровня сформированности коммуникативных УУД зависит успеваемость ребенка и его благополучие в классном коллективе» [4.С.61].

Но зачастую, внеурочная деятельность, которая существует в школах на данный момент, способствует развитию коммуникативных умений в наименьшей степени. Поэтому у меня возникла идея адаптировать технологию «Управленческие поединки» для «детей группы риска».

«Управленческий поединок – это публичное единоборство двух участников, каждый из которых стремится показать свое управленческое преимущество над партнером, отыгрывая определенную роль в ситуации» [3].

Анализ практики показал, что «Управленческие поединки» сильны детям, ведь это игровая технология, которая позволяет отрабатывать коммуникативные умения, выполняя при этом воспитательную функцию.

Для этого стоит немного изменить содержание и задачи. Новыми задачами могут стать:

1) формирование у детей навыков общения со сверстниками, родителями и учителями;

2) воспитание ответственности за свои поступки и поведение;

3) формирование у детей навыка определять свои проблемы и их решать.

«Содержание «Управленческого поединка» используемого, как воспитательную технологию, будет кардинально отличаться от поединков в Бизнес-среде, именно поэтому данный термин можно заменить на более подходящий, такой как «Имитационно - ролевой поединок». Основной целью «Имитационно – ролевого поединка» является решение поставленной перед собой цели в данной конфликтной ситуации. Самое важное, что дети должны будут поставить такие цели, которые бы они поставили и своей жизни, оказавшись в такой ситуации и с такой же ролью» [2].

В России не существует программ внеурочной деятельности, которые бы комплексно включали в себя обучение детей коммуникации и умению правильно вести любой диалог. Поэтому возникла идея, написать программу внеурочной деятельности под названием «Уроки общения». В данную программу будет включено знакомство с «Управленческими поединками» и уроки с различными темами, которые помогут сформировать у школьников умение коммуницировать. На начальном этапе написания программы я изучила ФГОСы и написала пояснительную записку и составила календарно – тематическое планирование. Обобщив вышесказанное, можно сделать вывод, что коммуникативные универсальные учебные действия обучают выстраивать взаимодействие со взрослыми и со сверстниками и успешно интегрироваться в их группу. Помимо этого, важно учитывать то, что за счет развитых коммуникативных умений дети способны учитывать позицию других людей, внимательно слушать и вступать с ними в диалог, а также участвовать в коллективном обсуждении различных проблем.

После методического преобразования, а именно при изменении основных задач, «Управленческий поединок» может выступать в качестве воспитательной технологии. Содержание поединка также будет изменено, и в значительной степени будет отличаться от «Управленческих поединков», которые проводятся в бизнес-среде. Именно поэтому, стоит изменить термин «Управленческий поединок» на более подходящий в данном случае — «имитационно-ролевой поединок» (ИРП).

Технология ИРП способствует решению воспитательных задач, которые нацелены на обучение и преодоление стрессовых ситуаций, встречающихся в жизни, в семье и в образовательном процессе, а также на раскрытие коммуникативных умений «детей группы риска».

ЛИТЕРАТУРА

1. Крылова Т.А. Психолого-педагогическое сопровождение //Справочник педагога-психолога. 2013. №3. С.46.

2. *Мамаева И. А., Зырин И.С.* Имитационно-ролевой поединок как воспитательная технология // Научный журнал «Молодой Ученый». [Электронный ресурс] // URL:<https://moluch.ru/th/4/archive/39/1203/> (дата обращения: 12.03.2021).
3. *Мастерство: Что такое управленческие поединки* // Официальный сайт Федерации управленческой борьбы. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.poeinki.ru/>(дата обращения: 12.03.2021).
4. *Репкина Г.В., Заика Е.В.* Оценка уровня сформированности учебной деятельности. В помощь учителю начальных классов., 1993. С. 61.

ОБРАЗ МАТЕРИНСТВА В СОВЕТСКОМ ПЛАКАТЕ

Е.С. Мариненко

Научный руководитель: ст.преп. Е.А. Аверина

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Образ женщины, который дарует жизнь человечеству, с самой глубокой древности занимал важное место в изобразительном искусстве. Он ярко и красочно запечатлен в изображениях Мадонны и Богоматери – часто встречающихся в живописи, скульптуре, иконописи и т.д. всего мира с древнейших времен до наших дней. Облик женщины стал основой разнообразных символических изображений, которые олицетворяют науку, искусство, политику, природу.

В качестве примера способа пропаганды в Советской России нужно привести плакаты. Яркие, простые образы данного вида искусства помогали донести необходимую информацию до населения, в том числе малограмотного. Тематика материнства, безусловно, присутствовала на советских плакатах. Проведенный анализ изменения образов матери позволит проследить изменение проблематики, связанной как с материнством в частности, так и в целом в жизни страны.

Активное развитие плакатного искусства СССР приходится на рубеж с 1917 по 1970 годы (условно). Именно этот период был взят для анализа. Условно данный период разделен на пять этапов, связанных с событиями, которые могли повлиять на тот образ матери, который показывался в плакате обществу.

Для работы были взяты 20 плакатов, в которых встречается образ матери.

Первый этап: 1917–1924 начало формирования новой страны. Это гражданская война, голод, различные эпидемии и болезни. Происходит уравнивание всех классов и всплывает наружу неграмотность нижних слоев общества – в первую очередь, это женщины, дети. Тем не менее женщина становится полноценным членом общества, избавляется от «кухонного рабства», разгружает вагоны и воюет наравне с мужчиной. Что приводит к необходимости совмещения двух ролей: работница и мать. Ряд плакатов и листовок должен был помочь комсомолкам привыкнуть к новой ситуации (утром – работающая пролетарка, вечером – мать или наоборот).

В данный период времени происходит легализация абортов. То есть, можно сделать вывод, что под влиянием времени, в Новой России сдвигается акцент с роли матери на роль сильной, работающей и независимой женщины (но не уходит на задний план). Это можно увидеть и в сравнении, например, с женщиной в царской России, где единственная ее деятельность – рожать и воспитывать детей, вести домашнее хозяйство.

В новой стране стала очевидна одна из главных проблем – безграмотность в вопросах гигиены, антисанитария, проблемы в медицине и т.д. Поэтому многие плакаты как раз транслировали в массы эти важные для общества темы. Плакат «Митинг детей», который был выполнен А. Комаровым в 1923 году, неоднократно переиздававшийся в серии листов выставки по охране материнства и младенчества, до сих пор можно называют лучшим образцом сочетания наглядности и доступности медицинских указаний родителям и воспитателям. Стиль плаката точно соответствует «демократическому» характеру школьных и пионерских митингов тех лет против «старых порядков». Хоть на данном плакате

нет конкретного изображения женщины – матери, по лозунгам, которые держат дети, можно понять, какова была обстановка в СССР тех лет. Изображение детей носит скорее карикатурный характер. Листы из этих серий были ориентированы на городских жителей, так, как только они могли обратиться к акушерке и приобрести, например, чистые пеленки.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать следующий вывод: с приходом Советской власти первое, на что обращалось внимание в вопросе воспитания детей (и соответственно в образе матери) – это здоровье, а значит важным было все с момента зачатия: поведение женщины во время беременности и родов, элементарный уход и вскармливание младенца. То есть, те плакаты, которые говорили о материнстве, были направлены на медицинские вопросы. Первые плакаты относительно детской темы — это исключительно четкая и полезная информация, помогшая многим сохранить жизнь своего потомства (плакат №1, плакат №2, плакат №3). Активно ставился вопрос на совмещение женщиной двух ролей.

Также имели место быть и те плакаты, которым были присущи такие черты, как активная демонстрация желания помочь и поддержать матерей. Яркие, крупные, а главное знакомые всем образы внушали доверие. В качестве примера – плакат П. Голубя и А. Чернова: «Кормите ребенка грудью».

Второй этап – 1925–1935 годы. Это экономические преобразования, создание колхозов. Женщина еще больше занята на работе, но, в тоже время, никто не отменял обязанность в воспитании будущей силы социалистической страны.

Идеальная советская женщина, горожанка, а уж тем более крестьянка должна была работать наравне с мужчиной и совмещать это с материнством (и с грудным вскармливанием – это заметно по многочисленным плакатам на данную тематику). Помочь ей с этой задачей были призваны ясли, куда младенца можно было отдать практически с рождения (плакат неизвестного художника «Тракторы и ясли – двигатели новой деревни» (1930). Для матери это было действительно чем-то невероятным и непонятным. Необходимость сдавать ребенка в учреждение воспринималась даже враждебно или с подозрением. В связи с этим, была создана серия различных плакатов, которые демонстрировали пользу и важность яслей для общества и малыша, времяпрепровождение которого проходит с нянями и ровесниками, а не дома. Поэтому, можно сделать вывод о том, что на многих плакатах была очень важная информация для матерей, например, отдавать ребенка в ясли (Плакат №4 и «Работают матери, спорится труд – колхозные ясли детей берегут» Нина Ватолина, год создания – пригл. 1930-е).

Мы говорим о том, что в это время идет создание и развитие колхозов. При них действовали женские и детские консультации, куда могла обратиться беременная женщина, где было под контролем ее состояние, а в будущем наблюдался и сам ребенок.

Также, в данный период дается начало для всяческого стимулирования и поощрения рождаемости (пока еще не на политическом и законодательском уровне). Поэтому, появляются серии плакатов, в которых восславляется женщина – мать. В данных работах нет места темным краскам или абсолютно агитационным высказываниям. На плакатах женщина представлена улыбчивой, миролюбивой, окруженной заботой и вниманием от своей семьи. Цветовая палитра

приятна глазу, есть акцентный цвет – красный, но он не заполняет абсолютно все пространство («Советской женщине – матери и труженице, наша любовь!» – Р. В. Сурьянинов (1930) и «Восславим женщину-мать!» – Н. Терещенко).

Третий этап – 1936–1955 годы. В 1936 году был принят закон, по которому операции по искусственному прерыванию беременности были запрещены под страхом уголовной ответственности. Таким образом, стали появляться плакаты и на данную тематику.

В военный период плакаты также были связаны с образами матери. Женщинам на данных плакатах были присущи мужские черты, они призывали своих сыновей и всех мужчин защищать их и страну. Также, материнство было представлено как машина для создания новых воинов. На других плакатах мать, напротив, была лишена физической мощи, но со всей силой духа, ненависти или отчаяния призывала воинов вдвойне воздать за ее беспомощность. Это плакаты мести. А изображенная на них мать беспомощна, или потому что уже пожилая, или потому что у нее есть маленький ребенок (авторы данных плакатов неизвестны: плакат №5 и плакат №6).

Фигура матери с давних пор считалась аллегорией русской земли на Руси, ее женственный лик закреплен различными мифами и сказаниями. Материнский облик становится актуальным и востребованным в периоды угнетения и страданий, например, во времена оборонительных или освободительных войн. Примером в советской идеологии такой образ Родины мы можем наблюдать в военном плакате И. Тоидзе «Родина-мать зовет!» (1941 г.). В данном произведении искусства отражен образ женщины - жертвы фашистского нашествия, страдающей, нуждающейся в защите. Художник возродил именно иконографические каноны изображения материнства: это и складки, и цвет богородичной одежды (красные платье и платок), и стрелы из иконы Божьей Матери «Умягчение злых сердец» (штыки от винтовок), свиток из иконы «Миропросительница» (текст военной присяги).

Итак, еще один образ – сравнение с Родиной, отчизной. Материнство ассоциировалось с чем-то родным, защищающим, так же и с тем, что нужно охранять, беречь. Женщина, окруженная детьми — это не просто мать, а символ. Именно этот образ берут для иносказательного изображения Родины.

В 1944 году в стране было принято новое законодательство о семье, учреждены правительственные награды для многодетных матерей, введен налог на бездетность. То есть, предпринимаются меры для увеличения рождаемости. Главная причина – война и большие потери среди мужского (прежде всего) населения.

Таким образом, тема материнства получила в плакате официальный политический статус. В качестве примера можно привести Н. Ватолину и ее плакат «Слава матери-героине!» (1944). На нем мы видим образ женщины, который окружен детьми. Он приобрел монументальность и торжественность. Именно такими страна желала видеть всех советских женщин. И именно в 1944 году утверждается звание «матери героини» – многодетной женщины.

Последний этап в истории развития плакатов и образа материнства (1956-1970 годы). В них характеризуется тем, что на первый план выдвигаются моральные ценности. Образ матери в советском плакате начинает нацеливать будущее поколение быть честными, порядочными и достойными гражданами сво-

ей страны. Например, это плакат В. Сурьянинова «Будь достойным сыном Родины!» (год создания: пригл. 1960-е).

23 ноября 1955 года Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене запрещения аборт» было вновь легализовано искусственное прерывание беременности. Причиной этому стало то, что запрет привел лишь к снижению рождаемости и высокой женской смертности из-за подпольных абортов. Но, несмотря на легализацию, необходимо было подать эту процедуру с отрицательной стороны. Как действие, лишаящее женщину здоровья и счастья материнства.

В конце 1950 гг. преобразуется и другая сюжетная линия военного плаката – мать – защитница ребенка: в условиях «холодной войны» женщина в плакате становится активной защитницей мира, счастливого детства для детей всей земли.

В 1960-х годах резко меняется стилистика. В плакатах появляется утерянная за годы канонического искусства легкость и графичность. Тяжеловесный образ матери-героини теперь заменяет стройная парящая женщина. Художнику достаточно легких штрихов и силуэтов, чтобы призвать семью не ограничиваться одним ребенком (В. Степанов. «Один ребенок хорошо, два лучше!» - 1968 г.).

Невероятно пронзителен и в то же время привлекателен образ матери на плакате Галины Шубиной. Женщина правда красива и хрупка, чего не скажешь о крепких комсомолках еще десять лет назад. Искренние эмоции, видно разочарование в проступке сына. Также читается надежда в ее огромных глазах на то, что сын исправится. При этом важная деталь — большие, красные от стыда уши мальчика, которые понижают «градус» серьезности момента и привносят юмор и доброту (Г. Шубина «Не лги никогда!» - 1965 г.).

С конца 1970-х годов тема материнства в советском плакате постепенно теряет свою актуальность и встречается только в политических плакатах, пропагандирующих борьбу за мир.

Подводя итоги, хочется отметить то, что на протяжении всего развития плакатного искусства в советской России, образ материнства постоянно менялся и преобразулся. Сначала, в плакатах транслировались женщины сильные, независимые от мужчин, которые должны были совмещать работу и материнство. Но, постепенно шло смещение, и государство всеми силами стремилось показать важность быть матерью. Плакаты больше не делали акцент на совмещении женщиной работы и заботы о детях. Вместо этого нам были показаны счастье, любовь, радость.

На плакатах женщины изображены в мягких красках, легкими линиями, нет агитационного красного цвета. Идет акцент на то, что женщина, которая хочет стать мамой и становится ей – героиня, которую все почитают и любят.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Женские* и мужские образы в досоветской и советской. [Электронный ресурс] // URL: <https://mydocx.ru/6-56957.html> (дата обращения: 15.03.2021)
2. *Материнство* и детство в советском плакате. [Электронный ресурс] // URL: <https://artchive.ru/plakaty/publications/4346> (дата обращения: 1.03.2021)

3. *Материнство* с 1920-х до 1960-х в иллюстрациях. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.gorod.tomsk.ru/index-1354118392.php> (дата обращения: 1.03.2021)
4. *Образ* материнства в советских плакатах. [Электронный ресурс] // URL: https://pikabu.ru/story/obraz_materi_v_sovetskikh_plakatakh_6778093 (дата обращения: 15.02.2021)
5. Самсонова И.В., Зайцева И.А. Трансформация образов материнства в русском изобразительном искусстве // Научный поиск. 2014. №. 2. С. 36.
6. *Советское* материнство в агитационных плакатах. [Электронный ресурс] // URL: <https://writerkate.ru/portfolio/soviet-union-posters/> (дата обращения: 22.02.2021)
7. *Требуй* алименты, корми грудью: 28 советских плакатов о материнстве. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.wday.ru/deti/vospitanie-detei/trebui-alimenty-kormi-grudyu-28-sovetskikh-plakatov-o-materinstve/> (дата обращения: 15.03.2021)

**ДОСТУПНОСТЬ СПОРТИВНЫХ ОБЪЕКТОВ ДЛЯ ЛЮДЕЙ,
ПЕРЕДВИГАЮЩИХСЯ С ПОМОЩЬЮ ИНВАЛИДНОЙ КОЛЯСКИ
(НА ПРИМЕРЕ Г. ТАЛДЫКОРГАНА)**

Р.В. Маттер

Научный руководитель: А.В. Голдовская

Национальный исследовательский Томский государственный университет

По данным Всемирной организации здравоохранения, на 1 декабря 2020 г. «более 1 миллиарда людей, около 15% населения мира, имеют какую-либо форму инвалидности». Слайд 1. Согласно официальным данным, всего в Республике Казахстан проживает 696464 человек с различной степенью инвалидности, что составляет 3,7% от всего населения страны. В Алматинской области, в которую входит город Талдыкорган, проживает 66916 человек инвалидностью. Проставьте номера слайдов в тексте, так выступать удобнее будет

Зачастую люди с инвалидностью сталкиваются с трудностями свободного передвижения, вследствие неприспособленной инфраструктуры города, что влечет за собой затруднения в интеграции и ухудшение состояния здоровья, например, нарушения функционирования сердечно-сосудистой и дыхательной систем.

Роль физического воспитания и спорта в жизни людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата имеет такое же важное значение для реабилитации и адаптации, как занятие трудовой деятельностью, получение инклюзивного образования, доступ к информации и т.д. В своей работе Беличенко О.И. Бабаева А.А., Смоленский А.А. приходят к выводу, что: «для инвалида физические упражнения жизненно необходимы, так как они являются эффективнейшим методом одновременно физической, психической, социальной адаптации. Для многих инвалидов и людей с ограниченными возможностями здоровья адаптивная физическая культура является единственным способом «разорвать» замкнутое пространство, войти в социум, приобрести друзей, получить возможность для общения».

20 февраля 2015 года Казахстан ратифицировал Конвенцию о правах инвалидов ООН, тем самым взяв на себя обязательства о защите прав и интересов людей с ограниченными возможностями здоровья. Социальная политика Казахстана в отношении людей с инвалидностью ориентирована на формирование системы социальной защиты и создания условий для адекватной реализации их прав. Меры социальной политики Казахстана в связи с ратификацией Конвенции и модернизацией собственной законодательной базы актуализировали проблему создания безбарьерной среды, в том числе спортивных объектов. Так, Министерство по правам религий и гражданского общества определяет, что: «Безбарьерная среда-это не просто устранение архитектурных (домовых) барьеров в передвижении, но, прежде всего, обязательное наличие условий, нужных для удовлетворения образовательных, культурных, трудовых, спортивных и иных потребностей лиц с инвалидностью в контексте обеспечения равных возможностей». Стоит отметить, что данное определение указывает на необходимость создания доступной среды, в том числе на объектах, предназначенных для спорта и занятий физической культурой.

На примере г. Талдыкоргана было рассмотрено соответствие трех спортивных объектов для людей, передвигающихся с помощью инвалидной коляски,

критериям доступности среды: Государственное коммунальное казенное предприятие Дворец спорта «Жастар», Теннисный центр Жетісу и Фитнес зал «Атамекен». Всего в городе насчитывается порядка 16 спортивных объектов. Были рассмотрены: входная группа, пути движения, зона оказания услуг, санитарно-бытовые помещения, средства информации, территория объекта.

На территории спортивного объекта Дворца спорта «Жастар», отсутствуют какие-либо препятствия на пути передвижения, имеется информационный дорожно-парковочный знак для инвалидов. Здание оснащено пандусом с поручнями, входная дверь и последующие дверные проемы не имеют порогов, дверные ручки расположены удобно для самостоятельного пользования дверью инвалидом-колясочником. Тренировочный зал достаточно просторный для беспрепятственного передвижения на коляске, проем в раздевалке оборудован скатом. В санитарно-бытовой комнате есть отдельная кабинка с информационным знаком «инвалид», туалет оборудован поручнем, в кабине вместо дверцы - шторка. Однако, несмотря на организованную физическую среду, в спорткомплексе «Жастар» есть свои ограничения по дням посещения данного центра инвалидами. Данная категория населения может заниматься физической культурой три раза в неделю: в понедельник, среду и пятницу. Выделение отдельных дней для занятий людей с инвалидностью с одной стороны, создает условия для занятия физической культурой и спортом, а с другой - нарушает идею интеграции.

Территория, прилегающая к фитнес-залу «Атамекен» не содержит препятствующих на пути объектов, на территории и в самом помещении отсутствуют какие-либо средства информации, вход в здание оснащен пандусом, в дверных проемах отсутствуют пороги, но из-за высокого расположения ручек инвалиду-колясочнику доставит неудобства открытие дверей. На входе в зал установлен турникет, который не позволяет человеку на инвалидной коляске самостоятельно проехать через него, необходима посторонняя помощь. Зал просторный, что позволяет передвигаться на коляске, чего нельзя отметить в узкой санитарно-бытовой комнате, где неудобства составляют отсутствие поручня и узкая дверь. В целом доступная среда создана, но есть ограничения и необходима посторонняя помощь.

Территория Теннисного центра «Жетісу» не имеет препятствующих объектов для свободного передвижения инвалида-колясочника, но на территории и в самом помещении отсутствуют какие-либо средства информации, вход в здание оснащен пандусом с поручнями, однако входная дверь имеет ступеньки, последующие двери не имеют порогов. Ступеньки имеются и при входе в сам теннисный зал, что составляет значительные неудобства при передвижении на инвалидной коляске.

Из трех заявленных спортивных объектов в г. Талдыкоргане только Дворец спорта «Жастар» в целом отвечает требованиям доступной среды, Фитнес зал «Атамекен» и Теннисный центр «Жетісу» частично соответствуют требованиям для людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, в связи с этим инвалид не сможет получить весь объем предлагаемых услуг.

Таким образом, несмотря на общую тенденцию создания безбарьерной среды для лиц с ограниченными возможностями здоровья, доступность спортивных объектов лишь частично отвечает потребностям данной категории насе-

ления, затрудняя при этом возможность инвалидов вести активный образ жизни и интегрироваться в общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Инвалидность и здоровье* // Всемирная Организация Здравоохранения: официальный сайт. 2020. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/disability-and-health> (дата обращения:04.03.21)
2. *Беличенко О.И, Бабаева А.А, Смоленский А.В.* «Адаптивная физическая культура и ее роль в формировании здорового образа жизни у лиц с ограниченными возможностями // Вестник новых медицинских технологий. 2017. 274–278 с. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptivnaya-fizicheskaya-kultura-i-ee-rol-v-formirovanii-zdorovogo-obraza-zhizni-u-lits-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-obzor-literatury> (дата обращения:18.03.21)
3. *Статистика* инвалидности //Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан. 2020. [Электронный ресурс] // URL: <http://inva.gov.kz/ru/highcharts> (дата обращения:4.03.21)
4. *Сулеева М.М. Безбарьеров среда для детей с ограниченными возможностями* // Министерство по делам религии и гражданского общества Республики Казахстан.Астана.2017. 366с.

КИБЕРБУЛЛИНГ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ: ТРАВЛЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

А.О. Ногина

Научный руководитель: к.ф.н. Е.В. Сухушина

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Тема детской жестокости была актуальна во все времена. Масштаб проблемы увеличивается, поскольку с развитием современных технологий и широкого использования сети Интернет агрессивное преследование переходит в режим «онлайн». По утверждениям психологов, в России кибербуллингу подвергается каждый третий ребенок. По данным исследования «Дети России онлайн», 23% детей, пользующиеся Интернетом, становятся жертвами кибербуллинга [3.С.51]. Однако реальная статистика в разы выше анонсируемых показателей, поскольку далеко не каждый ребенок сознается в подобных действиях.

Социальной проблемой данной работы является то, что кибербуллинг — это явление, которое с каждым годом набирает обороты. Регулярно повторяющиеся инциденты виртуальной травли могут способствовать проявлению толерантности к ней, что накладывает негативный отпечаток на воспитание подрастающего поколения в целом.

Под кибербуллингом понимается преднамеренное, повторяющееся враждебное поведение отдельных лиц или групп, намеревающихся нанести вред другим, посредством информационных и коммуникационных технологии с целью затравить, запугать, унижить или подчинить себе жертву виртуальной травли [2.С.122]. Данный феномен возникает как результат выстраивания коммуникации и построения социальной иерархии в виртуальной среде. Для того чтобы понять, насколько актуальна проблема кибербуллинга среди школьников (7-11 класс) и студентов высших учебных заведений, и выяснить, каково их отношение к травле, было проведено качественное социологическое исследование в виде полуструктурированного интервью. Всего было проинтервьюировано 16 респондентов г.Томск и г.Абакан. При ответе респондентов на вопрос, что они понимают под кибербуллингом, многие ориентировались на конкретные виды вреда, такие как угрозы физической расправой, распространение личной информации, упуская другие составляющие кибербуллинга. Такой дисбаланс приводит к появлению узконаправленных выводов относительно такого явления и степени его распространения, что дает не полное представление о данном феномене и ведет к дезориентации.

К отличительным чертам кибербуллинга относятся: анонимность; непрерывность; «дешевизна» коммуникации; мультимедийность; опосредованность; отсутствие обратной связи; бесчисленные невидимые свидетели; феномен растормаживания [1.С.185]. Однако, согласно полученным данным исследования, большинство жертв виртуальной травли могли идентифицировать своих обидчиков, что противоречит принципу анонимности. Это обосновано тем, что, во-первых, среди подростков бытует мнение, что «в Интернете можно всё», в то время как в реальной жизни никаких явных признаков травли может не наблюдаться, а во-вторых - тесной взаимосвязью с традиционной травлей, которая может переходить в режим «онлайн». Иными словами, меняется модель травли с привлечением информационных технологий.

По вопросу об отношении детей и молодых людей к феномену кибербуллинга было установлено, что в силу недостаточного личного опыта и клипового мышления дети не видят всех угроз виртуального пространства. Кибербуллинг рассматривается в качестве нормальной составляющей их социализации. Студенты ВУЗов же считают травлю «болезнью XXI века» и говорят о том, что она недопустима в процессе коммуникации.

Было выявлено, что кибербуллинг может проявлять в разных формах [5.С.224]: остракизм, флейминг, харассмент, кибертроллинг, киберсталкинг, секстинг, распространение клеветы, аутинг, фреппинг. По мнению опрошенных респондентов, чаще всего подросткам приходилось сталкиваться с кибертроллингом, характеризующимся систематическими оскорбительными, угрожающими сообщениями, направленными на моральное уничтожение своего оппонента, и с одной из форм киберсталкинга – распространение клеветы с помощью «онлайн слэм-буков» – создание групп, где публикуются рейтинги, фотографии и комментарии сверстников, носящих негативный характер.

Основными мотивам кибербуллинга респонденты считают развлечение, самоутверждение, зависть, месть или субъективное чувство неполноценности. Каким бы ни было основание кибербуллинга, он несет негативные последствия для всех участников вне зависимости от их возраста. Травля подрывает у пострадавших уверенность в себе, разрушает здоровье, самоуважение и человеческое достоинство. В отдельных случаях травля в Интернете может иметь не только психологические и эмоциональные, но и физические последствия для жертвы. И если в случае традиционного буллинга большинство испытуемых-булли переживают угрызения совести, то виртуальная реальность не позволяет столкнуться с последствиями травли, с воздействием своих слов на жертву, что ведет к росту жестокости в обращении с другим человеком и снижению эмпатии [4.С.92].

Таким образом, кибербуллинг может возникнуть из-за потребности возраста, личных особенностей детей, недостатка опыта и низкой пользовательской компетенции, фоновой агрессии в обществе. Но множество вполне объективно существующих причин не делают травлю «обычным делом». И никакое общество, никакая семья и никакие особенности детей не могут служить оправданием виртуальной травли.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бочавер А.А., Хломов К.Д.* Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий //Психология. Журнал высшей школы экономики. 2014. Т. 11. №. 3.
2. *Зинцова А.С.* Социальная профилактика кибербуллинга //Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. №. 3 (35).
3. *Солдатова Г. У., Зотова Е.Ю.* Зона риска. Российские и европейские школьники: проблемы онлайн-социализации //Дети в информационном обществе. – 2011. Т. 7. С. 81–87.
4. *Batterbee W. A.* Cyber Bullying: Are Schools Filling the Legal Gap: North-West University, Vaal Triangle Campus, 2014.
5. *Kowalski R. M., Limber S. P., Agatston P. W.* Cyberbullying: Bullying in the digital age. John Wiley & Sons, 2012.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА – ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Романюк Г.Д.

Научный руководитель: к.с.н. Т.Н. Еременко

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

Приоритетной государственной задачей становится эффективное использование территориальных ресурсов, повышение качества городской среды и снижение различных конфликтных ситуаций, возникающих в процессе подготовки документов стратегического и территориального планирования, инвестиционно-строительной деятельности [1]. Социальная инфраструктура традиционно является одной из самых сложных составляющих городской среды, наиболее показательных в плане определения уровня качества жизни [3, 6]. Несмотря на то, что, по мнению исследователей [4, 5] именно наличие объектов социальной инфраструктуры в значительной степени определяет достигнутый уровень удовлетворения социальных нужд, единый подход к определению сущности и содержания управления социальной инфраструктурой, как важнейшей составляющей городской среды, отсутствует. Важнейшей особенностью социальной инфраструктуры является то, что ее целевой функцией выступает формирование и развитие городской среды как приоритета качества жизни населения. Ситуация по контролю за обеспечением населения мегаполисов важнейшими объектами социальной инфраструктуры влияет не только на эффективность решения управленческих задач развития городской среды в целом, но и на решение отдельных социальных проблем, определение вектора дальнейшего территориального развития.

Проведенный автором анализ обеспеченности населения российских мегаполисов жильем, объектами образования и здравоохранения, в значительной степени определяющими уровень эффективности управления городской средой, показал, что наиболее сильные позиции занимают Москва, Санкт-Петербург и Казань; низкий уровень – в Волгограде, Ростове-на-Дону и Омске. Анализ обеспеченности населения российских регионов и крупнейших городов объектами социальной инфраструктуры показал, что «болевым точкой» системы управления развитием городской среды является целый ряд проблем, возникших в связи с необходимостью сбора и обработки огромного массива разнородной информации. По мнению российских и зарубежных ученых [2, 8] главным условием формирования новых знаний в области экономики и управления городской средой становится использование цифровых технологий, позволяющих значительно ускорить информационно-управленческие процессы.

Сегодня одним из приоритетных направлений дальнейшего развития экономики города является переход на использование цифровых платформ и цифровых технологий в системе управления городами [9]. Отсюда следует, что решение социально значимых вопросов в области устойчивого развития городской среды возможно только с помощью цифровизации. Проведенный автором анализ использования цифровых платформ в российских мегаполисах на основе данных [7] показал, что имеет место тенденция распространения цифровизации среди населения и организаций. В период с 2015 по 2019 гг. наивысшего уровня распространения цифровизации достигли в городах: Москва, Санкт-Петербург,

Севастополь, Казань, Ростов-на-Дону, Екатеринбург. В этот же период наименьший уровень динамики процессов цифровизации наблюдался в Волгограде, Воронеже, Красноярске. Для ускорения процесса решения назревших социальных проблем в мегаполисах, важнейшим направлением исследования становится цифровизация мониторинга развития городской среды, позволяющая определить наиболее слабые позиции в обеспеченности населения объектами социальной инфраструктуры, обосновать приоритетные направления территориального развития для планирования объемов капитальных вложений в создание и развитие социально значимых объектов. При этом по результатам мониторинга выявляется целесообразность внесения корректировок в документы социально-экономического и территориального планирования, инвестиционно-строительные проекты, бизнес-планы и актуализации правовой, научно-методической и информационно-технологической базы.

Итогом исследования проблематики развития социальной инфраструктуры мегаполиса, как важнейшей составляющей городской среды, станет возможность на основе цифровых технологий ускорить процессы обработки данных, выработки базы для принятия управленческого решения и создания условий для дальнейшего формирования эффективных планов, и программ городского развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бузырев В.В.* Жилищная проблема и пути ее решения в современных условиях. СПб.: СПбГЭУ, 2013.
2. *Булгакова К.О.* Направления реализации технологий «умного города» в Санкт-Петербурге // Новые информационные технологии в архитектуре и строительстве. Материалы научно-практической конференции. Екатеринбург. 2020. С. 39.
3. *Казиева А.К.* Участие государства в решении жилищной проблемы граждан в современных условиях // Фундаментальные исследования. 2015. № 12–4.
4. *Малева Т.В.* Современные аспекты формирования инвестиционного предложения в области модернизации и реконструкции жилищного фонда // Научное обозрение. 2016. № 18. С. 80–83.
5. *Песоцкая Е.В.* Потенциал территории и прогнозирование приоритетных направлений инвестиционной политики // Современные тенденции и инновации в науке и производстве. Материалы международной научно-практической конференции. Кемерово: КузГТУ. 2020. С. 256.
6. *Селютина Л.Г.* Формирование и использование социального потенциала территории: культурно-исторический аспект // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2020. № 1 (4). С. 169–173.
7. *Селютина Л.Г.* Цифровая трансформация процесса управления эксплуатацией зданий и объектов инфраструктуры // Новые информационные технологии в архитектуре и строительстве. Материалы научно-практической конференции. Екатеринбург. 2020. С. 52.
8. *Frolova N.N.* Acceleration of regional housing development in Russia on the basis of industrial housing construction modernization // E3S Web of Conf. 2019. V.97. p. 06003.

9. *Maleeva T.* Use of modern technology of information modeling in capital construction object life cycle management // IOP Conf. Ser.: MSE. 2019. V. 687. pp. 044002.

ВЛИЯНИЕ ВКЛЮЧЕННОСТИ В СЕТЕВЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ НА КОММУНИКАЦИЮ ПОДРОСТКОВ

У.П. Строганова

Научный руководитель: к.ф.н. К.М. Южанинов

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Подростковый возраст традиционно считается самым трудным этапом становления личности. Специфическими особенностями подросткового возраста являются: особенности, связанные с переходным возрастом, подверженностью к обособлению, конфликтностью, а также стремление к самовыражению и общению, вовлеченность в субкультурные группы.

Именно в подростковом возрасте индивиду свойственно чувство аффилиации, поэтому одним из проявлений этой особенности является активное включение подростков в различные субкультуры.

В настоящее время среди подростков активно набирают популярность сетевые субкультуры: блогеры в Instagram и YouTube; геймеры; Тик-токеры.

Поскольку сетевые субкультуры представляют главный интерес этого исследования, выделим их основные особенности: *во-первых*, виртуальное общение происходит в режиме онлайн, что подразумевает коммуникацию без наличия живого человека в качестве непосредственного собеседника; *во-вторых*, отсутствие невербальной коммуникации; *в-третьих*, возможность предстать перед людьми в образе того, кем хочется быть; *в-четвертых*, возможность анонимной коммуникации [3].

Общение в сетевых субкультурах характеризуется краткостью, ситуативностью, наличием текстовых и пунктуационных ошибок. Для коммуникации в сети Интернет требуется умение быстро набирать текст, эта необходимость выявляет такую особенность сетевой коммуникации, как стремление экономить время, которая может проявляться в намеренном игнорировании норм языка, создание новых слов и словосочетаний. Помимо всего вышеперечисленного сетевую коммуникацию в подростковой среде характеризует заимствование слов, обычно из английского языка [1].

Эмпирическое исследование особенностей виртуального общения и его воздействия на реальное общение подростков на базе МОУ «Лицей №31» г. Саранска, проводимое в 2017 году к.п.н. Жуиной Д.В, в котором анализировались анкеты школьников девятых классов выявило ряд специфических особенностей взаимосвязи реального и виртуального общения подростков.

Таблица 1

Результаты исследования

Доля респондентов	Анализ ответа респондентов
77%	приравнивают виртуальное общение к реальному
25%	«в виртуальных сетях общаться намного легче, чем в реальной жизни»
более 60%	проводят время в социальных сетях даже во время личных встреч с друзьями, одноклассниками, а также во время уроков и приемов пищи
83%	предпочтут обсудить свои личные вопросы с друзьями по телефону, в социальных сетях, но не лично

На основании этого исследования можно сделать ряд выводов: *во-первых*, долговременное нахождение в социальных сетях снижает уровень общительности подростков в реальной жизни; *во-вторых*, для подростков не является проблемой чрезмерная коммуникация в социальных сетях; *в-третьих*, подростки, в ряде случаев, становятся зависимы от социальных сетей [2].

Причины, обуславливающие популярность сетевых субкультур среди подростков, заключаются в активном влиянии сети Интернет на их жизнь, с другой стороны – в возможности и стремлении подростков реализовать себя в новом пространстве. Также включенность в сетевые субкультуры - это возможность отстраниться от реальности, погрузиться в вымышленный мир игровой реальности. Влияние вхождения подростка в сетевые субкультуры может оказывать как позитивное, так и негативное влияние на коммуникативную компетенцию подростка. К негативным последствиям относятся: утрата общепринятых норм и правил русского языка, отсутствие богатого словарного запаса; потеря навыка непосредственного общения; усиление процесса опосредованного общения подростков; формирование у подростков представление о вседозволенности и ненаказуемости любых проявлений; формирование негативных жизненных установок, проявление подростковой агрессии. К факторам, имеющим положительное влияние на коммуникативную компетенцию относятся: рост творческих способностей среди подростков; возможность коммуникации с неограниченным кругом пользователей, а также непрерывная взаимосвязь с виртуальными друзьями; развитие доверия подростка ко всему новому; расширение круга общения. Все это позволяет накапливать психологический опыт коммуникации с разными людьми, также подросток, общаясь в Интернете, может преодолеть застенчивость, излишнюю скромность и зажатость в результате постоянной возможности самопрезентации, а для подростков, испытывающих дефицит общения - избавиться от одиночества [3]. Обобщив вышесказанное, можно сделать вывод, что влияние включенности подростков в сетевые субкультуры на коммуникативную компетенцию имеет разнонаправленный характер. Наряду с тем, что сетевые субкультуры популяризируют примитивность речи и коммуникации, что негативным образом влияет на грамотность подростков, сетевые субкультуры способствуют открытости подростков к новому жизненному опыту, знакомствам. При этом, учитывая специфику личности в подростковом возрасте, важно понимать, что все, что влияет на формирование личности индивида в подростковом возрасте, будет также влиять на уровень его коммуникативной компетенции, на полноценное формирование рефлексии, самоидентификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александрова О.А.* Языковые особенности современной сетевой субкультуры // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого № 43, 2007.
2. *Жуина Д.В.* Особенности виртуального общения подростков в соцсетях и его влияние на их общение в реальной жизни // Russian Journal of Education and Psychology, 2017. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-virtualnogo-obscheniya-podrostkov-v-sotssetyah-i-ego-vliyanie-na-ih-obschenie-v-realnoy-zhizni>
3. *Филип Р., Ким Д.* Психология подросткового и юношеского возраста // Глава 13. Общество, культура и субкультура подростков. 2010 С. 547–589.

ДОСУГОВЫЕ УСЛУГИ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫЕ ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

П. В. Упова

Научный руководитель: А. В. Голдовская

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В России, как и во многих других странах мира, наблюдается постепенное старение населения. Согласно прогнозам ООН, к 2050 году 22% населения Земли будет людьми, достигнувшими пожилого возраста [3].

По данным социологических опросов [2] больше всего пожилые люди жалуются на здоровье и плохое материальное положение. Их доход, зачастую, ограничивается только получением пенсии, что нередко влечёт за собой финансовые трудности. У пожилых людей возникают проблемы со здоровьем, которые не всегда решаются бесплатной медицинской помощью. Помимо этого, причинами психологических и социальных проблем могут быть одиночество, презрение к физиологическим изменениям в себе, ощущение не востребованности обществом, проблемы в отношениях с семьёй и др.

В связи с тем, что чаще всего определяющей социальной ролью для человека является его профессия, социальные проблемы в основном связаны с дезадаптацией пожилых. Современная культура общества предписывает пожилым людям статус людей с истощёнными ресурсами и минимумом возможностей [1]. В связи с этим пожилые люди нуждаются в процессе социальной адаптации, позволяющем поддержать эмоциональный статус пожилого человека и приспособить его к быстро меняющимся социально-экономическим условиям общества.

Важным направлением гармонизации социальных отношений пожилого человека является досуговая деятельность, которая может стать решением проблемы социальной адаптации.

В основном, социологи под досуговой деятельностью подразумевают свободное от работы время, направленное, в зависимости от желаний человека, на удовлетворение собственных потребностей, общение, творчество, саморазвитие или образование. Правильно организованный и подобранный досуг поможет пожилому человеку преодолеть множество проблем. «Образовательная деятельность способствует личностному развитию пенсионера, сохранению активной жизненной позиции и приобщению к изменениям современного информационного общества. Творческая деятельность способствует более успешной психолого-социальной адаптации пожилых людей, структурированию свободного времени и возрастанию активности во многих сферах жизнедеятельности» [4. С.56]. В связи с этим целью данного исследования является анализ досуговых услуг, оказываемых пенсионерам в Томской области.

Анализ сайтов социально-ориентированных учреждений показал, что выбор досуговой деятельности, предоставляемой пожилым людям, широк и достаточно разнообразен. Спектр досуговых услуг на территории Томской области в основном представлен организациями государственного и некоммерческого сектора.

Досуг в государственных учреждениях по большей части направлен на удовлетворение бытовых, психологических потребностей и на проведение куль-

турно-творческих мероприятий. Некоммерческие учреждения преимущественно ориентированы на предоставление адаптивных услуг, направленных на образование пожилых людей, помогающих им приспособиться к постоянно меняющимся условиям современного мира. Так, негосударственные учреждения позволяют пожилым людям бесплатно пройти курсы компьютерной грамотности и научиться пользоваться современными технологиями. Коммерческий сектор, также, предоставляет различные виды услуг, но они не всегда ориентированы на потребности только пожилых людей. Примером таких видов услуг могут быть театральные постановки, кино, крытые катки, и т.п.

Стоит отметить, что большинство предоставляемых услуг направлено на развитие творческих способностей людей старшего возраста. Среди них: социальные комнаты, творческие и спортивные коллективы, клубы общения и настольных игр. Небольшая часть организаций предоставляют услуги, связанные с путешествиями, потому как они достаточно затратны, да и не каждый пенсионер в силу физических возможностей и возможностей здоровья на них способен. Тем не менее, есть несколько учреждений, предоставляющих туры выходного дня и организовывающих туристические клубы.

У пожилых людей есть доступ к большинству видов досуговых услуг. На бесплатные виды досуговых услуг в основном действуют ограничения в виде однократной возможности ими воспользоваться, а также очередь для их получения. Многие виды досуга предоставляются на платной основе.

Существенным ограничением является труднодоступность информации о видах досуговых услуг, предоставляемых пожилым людям. Для её получения необходимо просматривать сайты социально-ориентированных учреждений по отдельности. Создание единого обновляемого реестра видов досуга, существующих в Томской области, значительно упростило бы пожилым людям поиск информации по этой теме, учитывая отсутствие у многих пенсионеров компьютерной грамотности и затруднённый поиск нужной информации на сайтах учреждений.

Таким образом, досуговые услуги для пожилых людей на территории Томской области представлены как государственными, так и некоммерческими организациями, и многим пенсионерам доступно как минимум однократное их получение. Однако основная проблема заключается в том, что большинство видов досуга направлено на заинтересованных в общении и активных пенсионеров, уже включённых в социум. Ввиду этого у подавляющего числа людей старшего возраста проблема с социальной адаптацией не может быть решена. Поэтому нужно создавать доступные условия для получения пожилыми людьми досуговых услуг, учитывать их потребности, включать людей пожилого возраста в пространство социальной жизни и доступно информировать о предоставляемых досуговых услугах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дудченко О.Н., Мытиль А.В. Специфика группы пожилых как объекта социальной политики // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6, № 1 (21). С. 84–100

2. *Иржанова А.А.* Актуальные проблемы людей пожилого возраста в современном мире // Новая наука: Стратегии и векторы развития. 2016. № 118-3. С. 114–116.
3. *К 2050* году стариков в мире будет больше, чем детей – доклад ООН // РИА Новости. [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/20070206/60312618.html> (дата обращения: 07.10.2020).
4. *Марунова Т.Р.* Направления социальной активности пожилых людей // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 55–57.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ ПРОДВИЖЕНИЯ ТЕМЫ ПОЛОВОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

В.Н. Фаталина

Научный руководитель: к.и.н. А.А. Быков

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Когда дело касается молодого поколения, большинство родителей хотят, чтобы дети получали хорошее образование, становились успешными специалистами и создавали семьи в подходящем возрасте. Однако, желая всего этого, они не дают подросткам навыков и знаний, которые помогли бы им принимать информированные решения о своем сексуально-репродуктивном здоровье. До сих пор считается постыдным поднимать «такие» вопросы в школе, и ожидается, что эта функция лежит на семье и родителях. Но так ли часто родители, во-первых, достаточно компетентны, чтобы обсуждать вопросы полового просвещения с собственными детьми, а во-вторых, открыты для такого обсуждения?

Моя работа направлена на то, чтобы обратить внимание на существующие тактики продвижения темы полового воспитания детей и подростков в современном мире. Под половым воспитанием понимается предоставление определенного набора знаний, соответствующих возрасту, о половом созревании, репродуктивной системе, взаимоотношениях, способах контрацепции и обучение практическим и социальным навыкам, необходимым для поддержания сексуально-репродуктивного здоровья и формирования личности, свободной от гендерных предрассудков.

Тема полового просвещения часто связана с меняющимися социальными реалиями. В информационную эпоху молодые люди зачастую получают фрагментарные знания и противоречивую информацию, основанную на слухах или от своих сверстников. Нередко молодые люди и вовсе не имеют доступа к информации, необходимой для безопасного сексуального поведения. Развитые страны стремятся это исправить, и именно поэтому расширение доступа к информации и услугам в области репродуктивного здоровья для подростков стало одним из ключевых социальных направлений Стратегии Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) до 2015 года.

Детям в возрасте с 3 до 7 лет становится понятно, что гендер не меняется: мальчики становятся мужчинами, а девочки – женщинами и эта принадлежность к полу не изменится в зависимости от ситуации или личных желаний ребенка.

Проблема полового воспитания подрастающего поколения – одна из сложных и противоречивых задач, от решения которой во многом зависит физическое, психосоциальное и духовное здоровье общества. Проблема развития представителей определенного пола, отражены в работах В.Б. Каган «Психология половых различий», Д.Н. Исаев «Половое воспитание детей», Д.В. Колесов «Беседы о половом воспитании», В.С. Мухина, Т.А. Репина «Проблема половолевой социализации детей», И.С. Кон «Психология половых различий», и др.

По определению В.Е. Кагана «половое воспитание» в широком смысле слова есть «влияние общества на психосексуальное развитие и формирование человека»; в более узком «это процесс систематического, сознательно планируемого осуществляемого определенным конечный результат воздействия на формирование полового сознания и поведения».

Значение процесса половой социализации правомерно подчеркивает И.С. Кон. Он отмечает, что не только семья, но и общество сверстников оказывают существенное влияние на половую социализацию ребенка, являясь «исключительно важным агентом половой социализации».

Несмотря на существенную психологическую аргументацию положения о необходимости целенаправленной работы по социализации ребенка школьного возраста, в педагогике традиционно эти проблемы поднимаются и решаются крайне редко. Анализ программ, концепций и нормативных документов показывает настойчивое обхождение этих вопросов, несмотря на имеющиеся научно обоснованные системы полового воспитания. Именно поэтому крайне важно узнать какие существуют тактики продвижения темы полового воспитания у детей и подростков!

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лит Р.* Reproductive health — OECD Observer 2017 г. [Электронный ресурс] // URL: http://oecdobserver.org/news/archivestory.php/aid/375/Reproductive_health_.html] (дата обращения: 29.11.2020)
2. *Каган В.Е.* Психология половых различий // Вопросы психологии. 1981. №2.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПАЛЛИАТИВНОЙ ПОМОЩИ В РФ (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

А.А. Хохолкина

Научный руководитель: Т.Д. Подкладова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Паллиативная практика – это подход, направленный на улучшение качества жизни пациентов и их семей, столкнувшихся с опасным для жизни заболеванием. Она имеет своё особое содержание, структуру, которые направлены на оказание медицинской, психологической и социальной помощи, как больному, так и направлены на оказание помощи близким и родственникам. К сожалению, в России паллиативная помощь только начинает своё формирование, так как, к примеру, приказ «Об утверждении Положения об организации оказания паллиативной медицинской помощи» [6] был выпущен в 2019 году, поэтому в данной сфере существует множество проблем, которые мы рассмотрим в данной статье.

Основываясь на формуле ВОЗ, в паллиативной помощи на территории Томской области нуждается приблизительно 5396 человек, а в действительности, по данным на 2019 год, паллиативная помощь оказывается 741 человеку. Что влияет на её развитие в России, в регионе? С какими трудностями сталкиваются специалисты, работающие в этой сфере? Чтобы ответить на эти и другие вопросы, нами было проведено исследование- интервью с врачами, социальными работниками, организаторами управления, лидерами НКО.

Результаты исследования показали, что специалисты выделяют следующие острые проблемы в области паллиативной помощи:

1. В области получения паллиативного образования врачами:

«К сожалению, учебный цикл по паллиативу построен очень плохо, ну был, по крайней мере. Не знаю, как сейчас, может быть, что-то изменилось. Он не даёт ответов на самые распространённые вопросы, с которыми мы сталкиваемся, и приходится заниматься самообразованием» (Врач- педиатр патронажной паллиативной службы).

2. Нехватка специалистов:

«Даже анестезиологов не хватает. Ну и многих других специалистов, не говоря уж об относительно молодой специальности, как врач по паллиативной помощи»; Респондент 4: «По приказу должно быть так: одна заведующая стационара и один педиатр стационара. Одна заведующая выездной бригады и один педиатр выездной бригады. А нас всего двое работает. То есть, должно быть 4 человека, а нас двое работает. Ну, если невролога мы не считаем. То есть, нехватка специалистов, прежде всего» (Врач анестезиолог – рениаматолог).

3. Недостаток финансирования муниципальных учреждений:

Респондент 1: «Слабая сторона, как всегда, в финансовом ключе, потому, что приказ написан, надо создать место врача, палаты. А где их взять? Оборудование туда ещё притащить. А тут платить ещё этим людям. Представляете, всё же это должно обеспечиваться на гос. уровне, как, например, какой-нибудь государственной хоспис. Ну, хоспис ладно. А вот кабинет по паллиативной помо-

щи. И пока это всё создаётся, так скажем, однобоко» (Врач анестезиолог - рениаматолог).

4. Недочёты в нормативно- правовой базе:

«Я думаю, что поправки требуются, я пока не сильно глубоко в это нырнула. Но вот сегодня, например, я столкнулась с ситуацией. Мама задала мне вопрос: «Вот нам сейчас предоставят детскую кровать, функциональную, а ребёнку исполнится 18 лет, и мы её должны будем вернуть эту кровать или нет?». Оказалось, что это нигде не прописано: остаётся у них эта кровать или её, заберут и выдадут новую» (Руководитель НКО).

5. Региональная специфика:

«Потом, ну, на мой взгляд, что конкретно в нашей области неудобно из-за широты нашей области. Томск находится на юге, паллиативная бригада охватывает всю область, включая север, Стрежевой самый дальний. И мы к этим пациентам доступа не имеем» (Социальный работник НКО).

При этом в ходе исследования специалисты выделили следующие возможные пути решения данных проблем: «работа в одном направлении с чиновниками»; увеличение уровня финансирования паллиативной сферы, причем не только за счёт благотворительности, но и за счёт повышения государственного финансирования паллиативной сферы; пересмотр организации паллиативной помощи на территории /Томской области; введение специального цикла обучения для работников паллиативной сферы;

Таким образом, респонденты отмечают, что практику паллиативной помощи необходимо развивать комплексно, но на данный момент, она реализована «однобоко», в основном в медицинском аспекте. Респондентами отмечаются проблемы в нормативно-правовой базе паллиативной медицины, такие как: проблемы получения пациентами необходимой помощи/лекарств, необходимости «выбивать положенное», проблеме применения написанных медицинских протоколов на практике. Кроме этого, существует ряд управленческих проблем: недостаточное межведомственное и междисциплинарное взаимодействие, недоступность паллиативной помощи в сельской местности. Не менее важным вопросом являются этические аспекты паллиативной помощи и её восприятие, как в обществе, так и в профессиональной среде как необходимого элемента в ситуации, когда человека нельзя вылечить, но ему можно помочь.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Для специалистов*// Официальный сайт имени Анжелы Вавиловой. [Электронный ресурс] // URL: <https://xn--80aauafafcd0anltec9c.xn--p1ai/uslugi/> (Дата обращения 23.02.2021г.)
2. *Келли М, Миллер С. Этика паллиативной помощи и ВИЧ/ТБ: опыт, полученный в Томске*// Официальный сайт КиберЛенинка. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etika-palliativnoy-pomoschi-i-vich-tb-opyt-poluchennyu-v-tomske/viewer> (Дата обращения 23.02.2021 г.)
3. *Михайлова В. Где учат паллиативной помощи*//Официальный сайт Про Паллиатив. [Электронный ресурс] // URL: <https://pro-palliativ.ru/blog/gde-uchat-palliativnoj-pomoshhi/> (Дата обращения 02.01.2021г.)
4. *Паллиативная помощь. Убедительные факты.* Копенгаген, Дания: Европейское региональное бюро ВОЗ, 2005. 32 с.

5. *Пособие* для руководителей программ паллиативной помощи//Официальный сайт ВОЗ. [Электронный ресурс] // URL: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0009/383463/palliative-care-guide-rus.pdf (Дата обращения 23.02.2021г.)
6. *Приказ N 345н/372н* «Об утверждении Положения об организации оказания паллиативной медицинской помощи»// Официальный сайт Про Паллиатив. [Электронный ресурс] // URL: <https://pro-palliativ.ru/library/prikaz-n-345n-372n-ob-utverzhdenii-polozheniya-ob-organizatsii-okazaniya-palliativnoj-meditsinskoj-pomoshhi/> (Дата обращения 23.02.2021 г.)

АНТРОПОЛОГИЯ ДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ ПОЛОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

К.М. Шумаева

Научный руководитель: к.и.н. Н.П. Погодаев

Национальный исследовательский Томский государственный университет

На сегодняшний день не существует внятной концепции полового просвещения на уровне семейного воспитания и системы среднего образования. Исследования последних десятилетий свидетельствуют о том, что в современной России наблюдается снижение возраста начала половой жизни [3]. Кроме того, статистика показывает, что заболеваемость ИППП в России среди населения в возрасте 15–17 лет – 117,6 на 100 тысяч населения [2]. Также, в 2019 г. в России первого ребенка более 10 тысяч девушек родили в возрасте от 12 до 18 лет [1].

При анализе данной сферы возникает проблема расширения методологической основы исследований. Одним из возможных подходов, включающим в себя не только теоретическую, эмпирическую части, но и предполагает работу с самими объектами исследования в целях улучшения их качества жизни, выбрана концепция «антропологии действия» [5]. В нашем случае это работа с подростками, их родителями и учителями для формирования нового пласта культуры полового просвещения. В данном контексте понятие «антропология действия» с нашей стороны было дополнено понятием «помогающей антропологии».

В рамках «помогающей антропологии» исследователь анализирует усилия тех или иных акторов по решению конкретных проблем, рассматривает собственную активность в качестве одной из форм антропологии действия, а также способствует активизации рефлексии среди акторов, родителей и подростков в сфере полового просвещения, актуализирует язык описания этой сферы.

Опросы подростков свидетельствуют о том, что субъектами полового просвещения они видят взрослых близкого круга – родителей, учителей, работающих в школах медиков. Их участие в объяснении волнующих подростков проблем в сфере сексуальных отношений не исчезает несмотря на обилие материалов на интимные темы в интернете.

В ходе бесед с родителями было выявлено, что некоторые из них считают, что подобные темы должны освещаться исключительно в лоне семьи. Но большая часть взрослых склоняется к необходимости введения уроков полового просвещения в школах, что поможет многим детям, чьи родители не говорят с ними об этом дома.

К субъектам «антропологии действия» можно отнести ряд общественных организаций, занятых в сфере полового просвещения подростков, родителей и педагогов. Примерами являются занятия в Томском областном благотворительном общественном фонде «Сибирь-СПИД-Помощь», семейном центре «Яника», «Красноярском краевом Центре профилактики и борьбы со СПИД» и деятельность украинского секс-педагога Юлии Ярмоленко.

Кроме всего вышеуказанного, в качестве участников «антропологии действия» можно рассматривать и авторов различных книг для детей и подростков, объясняющих физиологические особенности пола, проблемы взаимоотношений между полами, а также очень волнующий детей вопрос о том, откуда они взялись.

Обращает на себя внимание то, что литература по половому просвещению затрагивает, прежде всего, проблемы женского пола. На полках книжных магазинов книги, посвященные половому воспитанию мальчиков – единичны. С нашей точки зрения — это можно объяснить, во-первых, тем, что ранние сексуальные отношения особенно чреваты именно для девочек. Во-вторых, авторами книг по вопросам полового просвещения являются, в основном, женщины. Это укладывается в современный тренд феминизации общественной рефлексии.

Обратимся к проблеме этапов формирования «антропологии действия». Во-первых, взрослые участники процесса на ментальном уровне формируют определенную установку, которая в дальнейшем развивается на вербальном уровне в форме беседы с подростком. В то же самое время у других субъектов этого взаимодействия – подростков формируется установка на получение подобной информации. В данном случае установка означает неосознаваемую готовность субъекта к восприятию будущих событий и действиям в определенном направлении [4]. Эта инициатива с обеих сторон и является условием для возникновения диалога взрослого с подростком – второго этапа «антропологии действия». Третий этап – формирование нового качества жизни субъектов вследствие появления у них новых рефлексий и знаний. Четвертый – получение нового исследовательского результата субъектом исследования о возможностях реализации «помогающей антропологии», о всём том, что может отличать возникшую реальность от предполагаемых ментальных моделей.

Обобщая все вышесказанное, можно с уверенностью сказать, что «антропология действия» в сфере сексуального просвещения востребована и подростками, и многими родителями. В этом контексте концепция «антропологии действия», как «помогающей антропологии», дает возможность не только более глубокого осмысления механизмов полового просвещения, но и создания прикладных проектов в этой сфере. Для подростков – это знания по тем или иным темам половых отношений. Для родителей – навыки общения со своими детьми в рамках данной проблемы. Для исследователя – поиск и апробация дискурса, формирования вербальной культуры, искусство прохождения между Сциллой табуированности и Харибдой вульгарности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Больше 10 тысяч несовершеннолетних россиянок стали матерями в 2019 году.* [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/20200622/1573275030.html> (дата обращения: 15.03.2021)
2. *Кубанова А.А., Кубанов А.А., Мелехина Л.Е.* Динамика изменений интенсивных показателей заболеваемости инфекций, передаваемым половым путем, в оценке эпидемиологического процесса и состояния здоровья населения Российской Федерации за 2006–2016 годы // «Вестник дерматологии и венерологии». 2018. № 94(1). С. 27–37
3. *Назван средний возраст начала половой жизни в России.* [Электронный ресурс] // URL: https://www.m24.ru/news/medicina/27022019/67387?utm_source=CoryBuf (дата обращения: 15.01.2021)
4. *Узнадзе Д.Н.* Психология установки, СПб, 2001 г., «Питер», С. 11–12.
5. *John W. Bennett.* Applied and Action Anthropology Ideological and Conceptual Aspects // Current anthropology Volume 37. Supplement. 1996. P. 36.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С ЛГБТ-СООБЩЕСТВОМ В ЕВРОПЕ

Е.А. Яндакова

Научный руководитель: к.ф.н. Е.Ю. Быкова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Несмотря на то, что Европейское ЛГБТ-сообщество в большинстве случаев не нуждается в защите, социальная работа с ЛГБТ, как деятельность, направленная на оказание помощи геям, лесбиянкам, бисексуалам и трансгендерам существует на территории всей Европы. Социальная работа предоставляется ЛГБТ-беженцам; ЛГБТ, нуждающимся в психологе, юристе, борьбе за свои права.

Согласно Конвенции о статусе беженцев 1951 года, беженцы – лица, что в силу опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находятся вне страны своей гражданской принадлежности и не могут пользоваться защитой этой страны [1]. В 2013 году ЕС включил ЛГБТ-сообщество в список социальных групп, имеющих право претендовать на получение убежища [4]. Поэтому такие страны как Германия, Франция, Испания, Австрия, Швеция предоставляют убежища ЛГБТ-беженцам [8].

Актуальность темы состоит в том, что на сегодняшний день представители ЛГБТ нуждаются в социальной поддержке, так как гомосексуалы до сих пор страдают от ряда обстоятельств.

Во-первых, от насилия со стороны общества. Мотивированное ненавистью насилие и преступления на почве ненависти к ЛГБТ, имеют место во всех государствах-членах Совета Европы [4]. Такие нападения часто происходят в местах встреч ЛГБТ: гей-дискотеках или в зданиях ЛГБТ-организаций. Нередки нападения, приводящие к смерти, или прямые убийства [3]. Также, хотя ко многим ЛГБТ относятся с уважением, и их принимают в семье, некоторым приходится скрывать свою ориентацию или гендерную идентичность. Во Франции 16% ЛГБТ сообщили, что они были избиты членами семьи, трансгендеры в Молдове сообщили о «лечащих» побоях со стороны отцов.

По данным исследования Шотландии, обнаружилось, что 73% опрошенных страдают, по крайней мере, от одного типа трансфобного оскорбительного поведения партнера или бывшего партнера. 47% респондентов испытывали некоторые формы сексуального насилия со стороны партнера или бывшего партнера.

Во-вторых, враждебные высказывания, создающие атмосферу, в которой насилие на почве ненависти в отношении ЛГБТ становится нормой. Хотя статья 10 Европейской Конвенции по правам человека гарантирует свободу выражения мнения, это право не абсолютно. Белая Книга Совета Европы по межкультурному диалогу призывает государства-члены принять меры по борьбе с высказываниями, распространяющими ненависть и дискриминацию [2].

В Европе действуют: «Бригада экстренной помощи при гомофобии «Urgence Homophobic» (Франция), русскоязычная организация «Quarteera» (Германия), «Insight» (Украина), международная ассоциация «ILGA» и множество других.

Процедура получения статуса беженца достаточно сложная. Прибытие в страну осуществляется за свой счет – социальные организации с переездом помочь не могут, но после попадания в чужое государство ЛГБТ-организации готовы предоставить жилье, еду, одежду, полезную информацию. Затем, обратившись в местные ведомства по делам мигрантов, подав заявление о просьбе получения убежища, вы отправитесь в лагерь беженцев, где от двух месяцев до двух лет будете ждать своей очереди на интервью. Этого времени достаточно, чтобы подготовиться к собеседованию, цель которого узнать, действительно ли вам нужно убежище. ЛГБТ-организации могут помочь в составлении кейса, посоветуют адвоката и переводчика. Во время интервью вам придется рассказать обо всех опасностях, что преследовали вас на Родине. На руках следует иметь вещественные доказательства, подтверждающие невозможность государства обеспечить должную защиту: свидетельства врачей, смс с угрозами. Только после этого миграционные службы выдадут вид на жительство, общежитие.

Помимо помощи с беженством ЛГБТ-организации оказывают психологическую помощь, включающую в себя: консультирование для ЛГБТ-персон, семей, однополых пар; психотерапевтические группы для ЛГБТ+ сообществ; открытые лекции и семинары.

Юридическую помощь, куда входит юридическая поддержка, помощь в составлении жалобы, заявления в органы власти, сопровождение в полицейский участок; консультации трансгендеров по юридическим проблемам с изменением пола; консультации пострадавшим от домашнего насилия;

Медицинские включают в себя консультации по смене пола, врачей [7];

Таким образом, социальная работа с ЛГБТ-сообществом в Европе – это ряд возможностей для ЛГБТ, благодаря которым они не чувствуют страха и дискомфорта. Социальные и ЛГБТ-организации помогают обеспечить и достичь равных прав во всех сферах общественной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беженцы* и мигранты // ООН. [Электронный ресурс] // URL: <https://refugees.migrants.un.org/ru/definitions> (дата обращения: 05.03.2021).
2. *Белая книга* Совета Европы по межкультурному диалогу «Жить вместе в равном достоинстве», раздел 5.1, // Совет Европы 2009. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.coe.int/ru/web/moscow/belaa-kniga> (дата обращения: 13.03.2021)
3. *В новых* докладах отмечается рост случаев дискриминации и нападений на лиц ЛГБТИ в Польше и в Европе в целом // Совет Европы 2021. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.coe.int/ru/web/portal/-/new-reports-show-increasing-discrimination-and-attacks-on-lgbti-people-in-poland-and-europe-as-a-whole> (дата обращения: 05.03.2021)
4. *Гомосексуалы*, ходатайствующие о предоставлении убежища, могут составлять определенную социальную группу, которая может преследоваться по признаку сексуальной ориентации // Пресс-релиз Суда Европейского союза. 2013. [Электронный ресурс] // URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2013-11/cp130145en.pdf> (дата обращения: 05.03.2021).
4. *Данные* о преступлениях на почве ненависти за 2018 год - основные сведения // OSCE ODIHR Hate crime reporting. [Электронный ресурс] // URL:

- https://hatecrime.osce.org/sites/default/files/documents/Website/Infographics/2018-key-findin_updated%20Feb%202020_RU.pdf (дата обращения: 13.03.2021).
6. *Европейский Суд по правам человека, Инкал против Турции, жалоба № 22678/93* // Европейский Суд по правам человека, постановление от 8 июня 1998 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/555ef2444.pdf> (дата обращения: 12.03.2021).
7. *Общественная организация* // Инсайт. 2021. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.insight-ukraine.org/uk> (дата обращения: 12.03.2021).
8. *Убежище для ЛГБТ в другой стране: вопросы и ответы* // OUTtraveller. 2013. [Электронный ресурс] // URL: <http://out-traveler.ru/gay-asylum/> (дата обращения: 05.03.2021)

Актуальные проблемы социальных наук

(24–25 апреля 2020 г.)

Материалы XXII Международной конференции молодых ученых

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 27, ком. 105

Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36

Подписано к использованию 26.12.2021.

Объем Мбайт. Электрон. текстовые данные. Заказ 1211.